

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

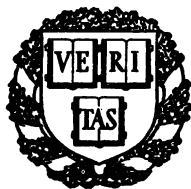
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51.00-623.70

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ.

RUSSKOE GEOG. OB-VO
ETNOGRAPHICHESKII SБОРНИК.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ. III.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1858.

P Slav 623, 70
~~Slav 23, 70~~

1874. Dec. 18.

Subscription Fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
26 апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

	стр.
Слобода Трехъизбянская	1
Бытъ Малорусскаго крестьянина (преимущественно въ Полтавской губерніи).	19
Замѣтки о западной части Гродненской губерніи	47
Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію (Д. Члена А. Киркора)	115

СТАТЬИ

О РУССКИХЪ И ИХЪ СОПЛЕМЕННОСТЯХЪ.

СЛОБОДА ТРЕХЪИЗБЯНСКАЯ.

Слобода Трехъизбянская, казенное селеніе Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, находится на лѣвомъ берегу Сѣвернаго Донца, недалеко отъ границы Екатеринославской губерніи, въ семи верстахъ отъ города Славяносербска и въ семидесяти отъ уѣзднаго города Старобѣльска.

Чтобы судить о наружности, бытѣ и языкѣ жителей Трехъизбянской слободы, нужно предварительно знать нѣкоторыя обстоятельства. Первоначальное заселеніе сей мѣстности послѣдовало «1715 года. По именному указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, часть жителей Бѣлогородской губерніи, города Салтова, села Нижняго, съ четвертной ихъ жалованной, помѣстной земли, перешла на бывшую тогда Украинскую линію и пожалована 20,000 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, никѣмъ незаселенной и невладѣемой, съ лѣсомъ, сѣнными покосами и со всѣми угодьями, и съ привиллегією, какою пользовались отъ Россійскихъ великихъ князей и царей, на прежнемъ жительствѣ дарованною, т. е. безъ потерянія однодворческаго званія.» Такъ значитъ въ найденномъ мною дѣлѣ о неправильномъ завладѣніи земли со-сѣднимъ помѣщикомъ Шидловскимъ, принадлежащей Трехъизбянскому обществу. И донынѣ мѣсто, гдѣ первоначально поселились эти выходцы, носитъ названіе *Салтовскаго*. Неизвѣстно, почему, мѣсто это скоро оставлено, и сторожевой *городокъ* основался при самомъ берегѣ рѣки Донца. *Городокъ* этотъ служилъ защитою отъ разбойничьихъ набѣговъ хищныхъ Татаръ до времени, когда Крымскія степи, по правой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, заселены были регулярными русскими

войсками. Тамъ была и церковь. Предположительно около 1760 года, тревожимые набѣгами Татаръ, а болѣе, кажется, разливомъ рѣки Донца, затоплявшаго во время половодья большую часть жилья, жители городка принуждены были удалиться отъ безпокойнаго Донца на разстояніе версты и болѣе, ближе къ горѣ, на то мѣсто, гдѣ издавна былъ хуторъ, состоявшій изъ трехъ избъ, отъ которыхъ, говорятъ, и слобода получила названіе *Трехъизбянска*. Въ 1787 году, по Высочайшему повелѣнію, Трехъизбянское общество обращено въ казачье званіе, и эти новые казаки участвовали не только въ разныхъ сраженіяхъ, но и въ достопамятныхъ штурмахъ Очакова и Измаила. Въ 1795 году жители Трехъизбянска возвращены въ прежнее дворянское званіе; а тѣмъ, которые хотѣли остаться на правахъ казаковъ, предложено было переселиться на рѣку Кубань, что большая часть жителей и исполнила. Эти обстоятельства, т.-е. жизнь, исполненная опасностей при сосѣдствѣ хищныхъ Татаръ, а потѣмъ казачество, имѣли сильное вліяніе на образованіе наружности, языка, быта и на тѣхъ различіе, какое находится между старожилыми и поселившимися вновь (около 1795—1802) переселенцами, перешедшими изъ разныхъ мѣстъ Курской и Воронежской губерній (Обоянскаго, Валуйскаго и Нижне-Дѣвицкаго уѣздовъ). *Старожилы* здѣшніе — народъ статный, полный, красивый, опрятный, расторопный, вѣжливый; позднѣйшіе *переселенцы*, и преимущественно Воронежцы, — высоки ростомъ, тощи вѣлы, неопрятны и слишкомъ простоваты.

Я З Ы К ъ.

Старожилы говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ московскому, между-тѣмъ какъ нарѣчіе переселенцевъ имѣетъ значительное отъ него уклоненіе, такъ-что старожилы, сами Русскіе, называютъ переселенцевъ Русаками. И дѣйствительно эти послѣдніе русятъ до-крайности и многія слова произносятъ въ носъ. *Кажѣ*, *шѣ* вм. что, въ-самомъ-дѣлѣ, *яго*, *яму* вм. его, ему, *іонѣ* вм. онъ — любимые ихъ звуки. *Іонѣ кажса* : *хади ка двару* — онъ сказалъ : пойдемъ домой. *Кажѣ кожса*, *шо ѡнѣ гаворѣ*? Что рассказываетъ, о чемъ говоритъ онъ?

Общее старожиламъ и переселенцамъ : *а* вмѣсто *о*. *Хутарѣ*, *дабро*, *Багародица* вм. хуторъ, добро, Богородица. — Иногда : *а* вмѣсто *е*. Напр. *чаго*, *чаловѣкъ* вм. чего, человѣкъ. *Сабѣ*, *табѣ* вм. себѣ, тебѣ.

Особенности въ словообразованіи : напр. *видѣ*, *гаворѣ*, *ходя*, *пѣдѣ*, *идѣ* вм. видѣть, говорить, ходить, ѣздить, идеть; *стучить*, *сидѣть*, *стойть* вм. стучить, сидѣть, стойть; *пѣ* вм. пѣть; *папѣ* вм. поѣдетъ.

Слова мѣстныя, или малоизвѣстныя : *Аспѣдѣ* — праздникъ Рождества Богородицы.

Сапытка, сапыть — кошель лозовый для складки угля.

Щарба, щарбица — уха, ушица.

Каюкъ — челнокъ, лодка.

Гамазя — магазинъ.

Качаты — пѣтухи.

Ажна — между-тѣмъ, какъ или на самомъ дѣлѣ оказалось.

Атселя, отселича — отсюда.

Бирчивый, перебирчивый — разборчивый, переборчивый.

Калагушка — долбленая, некрашеная миска.

Махотка — горшочикъ, которымъ пьютъ воду.

Кашолка — мѣра, изъ лозы сплетенная.

Калатовка — чѣмъ сколачиваютъ масло; въ переносномъ смыслѣ калатовкой называется мужнина сестра.

Пикюльки — такъ называется молодой камышъ, которымъ весною лакомятся жители.

Тюра — кушанье, употребляемое въ рабочую пору. Оно составляется такимъ образомъ: наливъ воды въ калагушку, бросаютъ туда кусочки ржаного хлѣба и соль.

Перестановка буквъ: *причта* вм. притча; *секлетарь* вм. секретарь.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

1) *Избы* вообще деревянныя и преимущественно дубовыя. Прежде строились съ закатами. У старожиловъ избы опрятныя, окнами на улицу, большею частію съ высокими рублеными крыльцами; а у переселенцевъ выходить на улицу глухая стѣна, и только въ послѣднее время перевелись у нихъ курныя избы, такъ-что теперь во всемъ селеніи остается одна курная изба. Внутреннее расположеніе избъ почти у всѣхъ одинаково: при входѣ въ дверь, въ правомъ, противоположномъ двери углу, стоятъ образа, а налѣво, подлѣ самой двери, помѣщается печка; отъ печки идетъ полъ до лавокъ, лавки же находятся вокругъ стола и подъ стѣною противу печи. Подлѣ двери съ правой сторонѣ бываетъ шкапикъ, или налѣчка, для посуды, а внизу подъ шкапикомъ устраивается въ родѣ гроба конѣкъ, куда ставятъ молоко и другіе съѣстные припасы; конѣкъ этотъ, впрочемъ, иногда дѣлается и въ сѣнцахъ. Противъ полу вверху бываютъ полати; но они теперь уже очень рѣдки у трехъизбянскихъ мужиковъ.

2) *Платье*, въ настоящее время, почти у всѣхъ жителей Трехъизбянской слободы одинаковое; старики переселенцы отличаются нѣсколько своею одеждою, а вся молодежь одѣвается одинаково, хотя платье у старожиловъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, вообще наряднѣе. Женскій полъ у старожиловъ издавна ходитъ въ сарафанахъ, а у переселенцевъ — въ юбкахъ а иногда, особенно дѣвки, и въ однихъ рубахахъ; только въ недавнее время, съ измѣненіемъ избъ, онѣ

начали измѣнять и свой костюмъ. Курная изба, какъ извѣстно, не имѣетъ трубы для схода дыму; дымъ валитъ изъ печи въ хату, изъ хаты въ двери, всегда растворенныя во время топки: отъ этого въ курной избѣ верхняя половина всегда бываетъ покрыта сажей, и бабы, особенно во время стряпни, надѣваютъ поношенныя юбки и обвертываютъ голову тряпицами отъ осыпающейся съ потолка сажи. Курныя избы теперь совершенно перевелись и у переселенцевъ; но неопрятность, бывшая слѣдствіемъ устройства избъ, все еще остается, и до сихъ поръ можно отличить старожила отъ переселенца. *Обувь* у переселенцевъ — лапти; но и они выходятъ изъ употребленія, отъ недостатка коры: по рѣкѣ Донцу растетъ почти одинъ дубъ, тогда-какъ для лаптей нужна кора липы или другого мягкаго дерева. Старожилы лаптей не носили и прежде. Въ будни употребляютъ *чирики* (черевики), а по праздникамъ сапоги. Обыкновенная одежда мужиковъ: рубахи, штаны холщевые, бѣлые, поясъ, онучи и чирики на ногахъ, а на головѣ — шапка. Сверху надѣваютъ зипунъ, зимою же короткий полусубокъ. По праздникамъ носятъ то же платье, только понаряднѣе: рубаха бываетъ съ ластовками, съ вышитымъ подоломъ и окаймленной пазухой, шаровары набойчатые или синіе, на ногахъ сапоги, зипунъ поярчатый, почти всегда синій, шапка съ сѣрымъ околышемъ. Старожилы иногда ходятъ подпоясанные, иногда же въ-распашку, а переселенцы непременно подпоясанные, и притомъ всегда ниже живота, и имѣютъ оттопыренную пазуху.

Женскій нарядъ нѣсколько разнообразнѣе; обыкновенный: рубаха, сарафанъ, на ногахъ черевики, на головѣ у женщинъ кокошникъ, а у дѣвушекъ платокъ. Праздничный: рубаха, отъ пояса коленкоровая или ситцевая, съ такими же или кулачными вышитыми рукавами; сарафанъ (передняя часть) шерстяной спереди, а сверху до низу, по всему подолу и по краямъ, обшитый узкимъ ситцемъ; на головѣ у дѣвушекъ шитая повязка или шелковый платокъ; въ косѣ вплетены ленты, а на концѣ косы махоръ; на шеѣ монисты и крестъ. У женщинъ на головѣ кокошникъ, а подъ нимъ кичка, которая надѣвается прежде всего, и подвязанный сзади *подзатылень*; сверху кокошника женщины покрываются еще платкомъ, а иногда кисеей; волосы подбираютъ подъ кичку и вмѣсто косы выпускаютъ въ два раза сшитую ленту; на ногахъ носятъ бахилки, поверхъ чулокъ. Въ холодное время надѣваютъ халатъ, синій, нанковый, а зимою крытую синимъ сукномъ или нанкой шубу. Кокошники бываютъ штофные, но болѣе бархатные. Украшенія для расхожаго — мишурныя, а для праздничнаго — серебряныя и золотыя, такъ-что полный головной уборъ стоитъ рублей до 9 серебромъ. Зато онъ проченъ и переходитъ отъ матери къ дочерямъ и т. д.

3) *Пища*. Въ пищѣ жители Трехъизбянской слободы не прихотливы: молока ѣдятъ мало, мясо употребляютъ почти-что только въ дни розговѣнья. Обыкновенныя у нихъ кушанья, когда живутъ дома: *борщъ* или *щи* и *каша*. Въ рабочую же пору, на полѣ, они ѣдятъ одну *тюрю* и, весьма рѣдко, жидкую кашу. Старожилы ржаного хлѣба почти не употребляютъ; переселенцы же чаще ржаной, а иногда и пшеничный, но онъ у нихъ хуже ржаного. Квасъ любятъ; кромѣ питья, онъ составляетъ у нихъ неперемѣнное условіе почти каждаго кушанья. Такъ, вареный *картофель*, очищенный, а иногда и нечищенный, крошатъ, всыпаютъ въ миску съ квасомъ и посоливши ѣдятъ. При *блинахъ* наливаютъ въ миску квасъ, кладутъ туда же тертый или толченый хрѣнъ, а если есть медъ, то подмѣшиваютъ и его, и обмакиваютъ въ этотъ соусъ блины. Съ квасомъ ѣдятъ и арбузы, обчистивъ и искрошивъ ихъ на мелкіе куски.

Обѣды во время свадѣбъ и при поминовеніи усопшихъ бываютъ весьма обильны въ Трехъизбянской слободѣ. Непремѣнные блюда такого обѣда въ скромные дни: 1. *Пирогъ* съ начинкой, или съ мясомъ, или съ сыромъ; разрѣзывается и поливается масломъ. 2. *Холодное* (по-мѣстному *халадецъ*). Сваренныя свиныя, бараньи или коровьи ноги раздробляютъ и раскладываютъ въ миски; туда же наливаютъ и вариво отъ нихъ и ставятъ въ холодное мѣсто, чтобы застыло. При подачѣ *холодца* настоль, во время свадьбы, кравчій солитъ, разрѣзываетъ его ножомъ на куски и наливаетъ на холодецъ квасу съ хрѣномъ. 3. *Борщъ* съ мясомъ. 4. *Лапша*. 5. *Курица* вареная. 6 и 7. *Жаркое* — баранина, а потомъ — свинина. 8. *Лапшевникъ*. 9. *Каша* пшенная, съ масломъ и сметаной, и потомъ 10, если это лѣтомъ или осенью, *арбузъ* или какой-нибудь *узваръ*. Обѣдъ постный: *Пирогъ* постный, который разрѣзывается и поливается постнымъ масломъ; *холодное* рыбье или же соленая головка капусты съ олеей; *соленые огурцы*; *борщъ*, *горохъ* или квасоль; *пампушки* съ олеей; *гороховый кисель*, каша пшенная и *узваръ* или арбузъ.

Замѣчательно, что здѣсь пекутъ не круглыя булки, а такъ-называемыя *пирогы*, или *слѣпцы*, или *стѣльки*. При свадьбахъ употребляются особаго вида *калачи*. Калачи эти даютъ вмѣсто подарковъ сватамъ при сватаньѣ, сговорахъ и свадьбѣ, а также приносятъ и къ священнику при оповѣщеніи.

4) *Занятія мѣстныхъ*. Здѣшній народъ трудолюбивъ до крайности. Удить рыбу или курить, отъ нечего дѣлать, трубку считается здѣсь за порокъ; да мужику и подумать объ этомъ почти некогда. Весна и лѣто, осень и зима, будни и праздникъ, день и ночь, ведро и ненастье у него проходятъ въ непрерывной дѣятельности; на всякое время и случай есть

свои занятія. Здѣшніе мужики живутъ семьями, верѣдко большими, иногда душъ до сорока; несмотря на то, у нихъ не освобождаются отъ работы и малыя дѣти. Всѣмъ и всегда есть своего рода дѣло и занятія.

Лишь только открывается *весна*, домохозяину предстоитъ : сѣять, скородить, пахать, готовить сѣмена для посѣва, палить уголь и отправлять для распродажи изготовленное съ зимы. Это распредѣляется такимъ образомъ : паханину за сѣвають и скородятъ одни мужики ; въ малосемейныхъ домахъ иногда въ этой работѣ помогаютъ и женщины. По окончаніи скородьбы одна часть семьи принимается пахать подъ яровой хлѣбъ, другая занимается углепаленіемъ, а одинъ или двое изъ семьи, на лошадахъ, отправляются въ дорогу съ угольями, или *плужками*, заготовленными зимою ; пока другіе пахутъ, палятъ уголья, готовятъ сѣмена для посѣва, они возвращаются изъ дороги. Если въ семействѣ живъ старикъ, то, пока дѣти управляютъ съ своей работой, онъ тоже не остается празднымъ ; въ любимомъ его сарайчикѣ, или на току, только и слышно : стукъ, стукъ... Это онъ дѣлаетъ плуги, или починиваетъ колеса, или молотитъ сѣмена, и т. п. Женскій полъ въ это время также въ работѣ : снуютъ, ткнутъ пряжу, бѣлятъ; убираютъ огороды : садятъ, сѣютъ и проч. Время сѣянія кончилось, *косовица* еще не настала. Въ это время семья пашетъ для проса, гречихи, бакшей, огороды для конопли ; огораживается ; а по изготовленіи угольевъ и уже на волахъ опять отправляются въ дорогу, или же по ярмаркамъ съ плужками и т. п. Старшіе изъ семьи въ это время ѣздятъ для осмотра и закупки травы у сосѣднихъ помѣщиковъ за рѣку. Донецъ, въ Екатеринославскую губернію (по скудости своей земли), или занимаются поправкою телегъ, повозокъ и проч. У женщинъ есть своя работа : онѣ поливаютъ огороды, стригутъ овецъ, прядутъ шерсть и проч ; по праздникамъ гурьбами отправляются за скородою, щавелемъ, чеснокомъ, пикульками и проч.

Настаетъ *косовица*. Вслѣдъ за мужчинами-косарями отправляются, чрезъ два-три дня, и бабы за Донецъ, на помѣщичьи степи, и, пока первые косятъ, послѣднія громадять, копняютъ. Покончивъ работу тамъ, возвращаются для уборки луга юмой. Между-тѣмъ какъ мужчины возятъ сѣно, бабы полютъ огороды, бакши. Тутъ настаетъ и жатва — труды немовѣрные, время самое жаркое для работниковъ. Семейства переселяются на поле. Пища ихъ во все рабочее время состоитъ почти исключительно изъ одной *тюри*; только въ праздники и воскресные дни приходятъ домой полакомиться борщемъ и кашей, и то пока работа на своемъ *боку*, а если за Донцемъ верстъ за 30 и далѣе отъ селенія, то живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно окончатъ работу. Да и въ праздники народъ не остается дома и не сидитъ празднo : мужчины

ходить на базаръ для распродажи арбузовъ и т. п. и для покупки нужнаго для домашнихъ потребностей, или ловятъ раковъ, рыбу, пасутъ рабочій скотъ и проч., а женщины въ лѣсу рвутъ ежевику, теренъ, малину, лѣсные яблоки, дерутъ хмель, собираютъ желуди и т. п. Мужики, покосивши ячмень и овесъ и убравши рожь, жатву пшеницы и проса предоставляютъ уже женщинамъ, а сами принимаются за новую работу: возятъ нажатое, пашутъ для озимаго хлѣба, палатъ уголь, и т. п.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ и по уборкѣ бакшей, каждый день тянутся изъ слободы обозы на лошадяхъ и волахъ въ дорогу въ города Черкасскъ, Азовъ, Таганрогъ, Ростовъ и другіе, съ углями, плугами, полозьями, тагунами и т. п. Женщины, убравъ коноплю, мочатъ ее, трутъ, также волочатъ волну и исправляютъ другія подобныя работы, а мужики, возвратясь изъ дороги, сѣютъ рожь, пашутъ, закупаютъ землю у помѣщиковъ для будущихъ посѣвовъ, и т. п.

Зимой отправляются для закупки лѣса у помѣщиковъ, рубятъ и доставляютъ домой лѣсъ и дрова. Послѣ праздника Рождества Христова, или когда установится зимняя дорога, отправляются съ угольемъ въ приморскіе города и оттуда привозятъ рыбу: тарань, сулу (судаки). Въ дорогѣ бываютъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ недѣль. Когда же дорога разстроивается, то занимаются дома заготовленіемъ товара для весенней продажи. Женщины во все это время прядутъ, ткутъ и проч. Такимъ-образомъ, занятія болѣе общія и любимыя въ Трехъизбянской слободѣ: хлѣбопашество и лѣсные промыслы, преимущественно плугодѣланіе и углепаленіе. Если положить, что каждый хозяинъ двора сходитъ въ дорогу два раза въ годъ на двухъ подводахъ, т.-е. доставитъ угля четыре сапета, то, полагая на каждый сапетъ 8 четвертей, выйдетъ, что каждый хозяинъ отвезетъ въ годъ 32 четверти угля, а все общество Трехъизбянское, состоящее изъ 400 дворовъ, около 12,800 четвертей. Выпалка угля производится почти круглый годъ; но преимущественно ею занимаются при открытіи весны, когда сырость земли не позволяетъ еще ни скородить, ни пахать, и осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. За слободой, весной и осенью, образуются угольные биржи, и дымъ отъ нихъ покрываетъ всю слободу. При выпалкѣ употребляется одно орудіе — лопата.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

У Русскихъ большая тяжесть возложена на женщинъ. Правда, что приданого за дѣвками не берутъ, напротивъ рѣдкій не приплатится еще при сватаніи невестѣ на нарядки, на справку кокошника, отъ 3 до 10 рублей серебромъ. Кромѣ того *сговоры*, хотя бываютъ въ домѣ невесты, играютъ на

счетъ жениха, такъ-что не только водка, хлѣбъ и вообще вся провизія привозится женихомъ, но и прислугу при сговорахъ составляютъ только родные жениха. Свадьба также играется на счетъ жениха. Со стороны отца невесты требуется расходъ только на обѣдъ, когда послѣ вѣнца молодой съ поѣздомъ пріѣдетъ за молодою княгинею; но это непродолжительно, а потому и неубыточно, тогда-какъ отцу жениха свадьба обходится отъ 15 до 50 рублей серебромъ, смотря по состоянію. Зато женившись мужъ не заботится уже во что одѣваться самому, женѣ и семейству. Зипунъ, поясъ, онучи для черевикъ, рубахи и штаны (портки) для мужа и сыновей, а также сарафаны, рубахи и прочее платье для дочерей приготовляетъ жена. Добрый мужъ, если захочетъ, хлопочетъ объ обуви для семьи, а если нѣтъ, такъ и обувь и все, что нужно для платья, должна промыслить жена. И это соблюдается чрезвычайно строго. Когда недостаетъ у ней домашней шерсти для сукна и сарафанины, а также прядива для полотна, то и это рѣдко покупается мужемъ, а больше зарабатываетъ сама жена по-людямъ. И горе женѣ, которая не умѣетъ или плохо умѣетъ ткать, пряхъ, шить, или лѣнива, или же по хворости не успѣваетъ одѣвать свою семью.

По снятіи съ овецъ шерсти, а также по уборкѣ конопля, производится раздѣлъ пайбъ: полный пай идетъ на мужа съ женой; если у свекрови есть сынъ, то она отдѣляетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая для сына, смотря по тому, пахарь ли онъ, или только погоничъ; если невестка имѣетъ сына, который уже въ работѣ, то также получаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая; на дѣвокъ, сколько бы ихъ ни было, не получаютъ ничего. Если свекоръ вдовъ, то пай свой отдаетъ дочери, которая его одѣваетъ. Вдова получаетъ пай, если есть у ней сыновья работники; если же, у нея нѣтъ такихъ дѣтей, то лишается пая или же беретъ на свою долю работника, служащаго по найму, приготовляетъ ему все, что доставила бы мужу, т.-е. зипунъ, поясъ, онучи, рубаху и проч. Дѣвки должны зарабатывать на одежду для себя сами; въ богатыхъ семействахъ, когда за работою остаются до глубокой осени и не успѣваютъ ничего заработать для себя на-сторонѣ, отецъ или дѣдъ даетъ бабамъ и дѣвкамъ на синьку для сарафановъ, иногда даритъ имъ по платку, и это считается великою милостію.

Бабы пекутъ и варятъ, если семейство большое, по очереди; когда же въ семьѣ душъ около сорока, то одна назначается для печенья, а другая для варенья, и очередная пользуется или расположеніемъ, или ненавистью работниковъ, смотря по своему искусству въ стряпнѣ. Впрочемъ вообще и пироги и вариво здѣсь не вкусны: это происходитъ, между прочимъ, и оттого, что бабамъ нѣтъ времени съ должнымъ вниманіемъ ухаживать за стряпней. Отъ этого же, что бабы

безпрестанно заняты, въ рабочую пору трехъизбянскіе мужики и ѣдятъ одну тюрю. Едва баба управится съ своею жатвою, какъ спѣшитъ заработать что-нибудь на-сторонѣ для своихъ расходовъ и чтобы избѣжать упрековъ отъ мужа или старшаго въ семействѣ, что она «не рабочая, не успѣла-де заработать и на платокъ». Случается, что иная баба дотогу устанетъ, что не въ-состояніи заняться варивомъ, хотя бы и была провизія; она спѣшитъ поѣсть тюри и хоть немного отдохнуть. Нерѣдко въ лунную ночь женщины почти вовсе не спятъ, а все занимаются работою. И нельзя не удивляться ихъ трудолюбію, особенно когда, кромѣ работы, должны еще ухаживать и кормить грудью своихъ дѣтей. Мать, покормивъ дитя, кладетъ его подъ стойку въ холодокъ или въ походную люльку. Оно покричитъ, покричитъ, да и уснетъ крѣпко; но дѣти, которые на ногахъ, постоянно бродятъ за мамою съ плачемъ.

Садовъ въ нашемъ селеніи вовсе нѣтъ, а лѣсныхъ плодовъ, особенно въ годы урожайные, довольно. Заготовленіе ихъ лежитъ также на обязанности женщинъ. Въ праздничные дни, вмѣсто-того, чтобы послѣ тяжелыхъ трудовъ отдохнуть, женщина должна спѣшить въ лѣсъ, за терномъ, лѣсными яблочками, ежевикой, малиной и т. п., чтобы зимой полакомить иногда семейство узваромъ или, въ-случаѣ гостей, имѣть чѣмъ попотчевать ихъ. Иногда разгульный мужъ смѣло ведетъ цѣлую компанію къ себѣ въ домъ, и счастлива жена, у которой есть чѣмъ принять гостей; въ-противномъ-случаѣ гости, не употчивавные, разносятъ далеко молву о безславіи жены, которая не припасла ничего, чѣмъ бы ихъ попотчевать. Русскіе мужички любятъ у сосѣдей Малороссовъ покушать хорошей *стравы*, и удивляются, отчего ихъ жены не умѣютъ готовить также вкусно.

Мѣстная свадьба.

За нѣсколько дней до свадьбы бываютъ *сговори*, или *своды*. Вотъ какъ это бываетъ: одинъ изъ родственниковъ невесты созываетъ ея родню; между-тѣмъ, какъ родня невесты сходится, вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ своею роднею и привозитъ всю провизію, нужную при сговорахъ, входитъ въ домъ, кладетъ на столъ *калачъ* и ставитъ штофъ водки. Помолившись Богу и поздоровавшись, дружка требуетъ отъ отца невесты, чтобы показали товаръ; тогда выводятъ невесту и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Въ это время затепливаютъ свѣчи, и всѣ встаютъ. Помолившись Богу, дружка спрашиваетъ о взаимномъ согласіи у жениха и невесты и, получивъ утвердительный отвѣтъ, беретъ водку, ставитъ на поднось, наливаетъ и подноситъ рюмку *сведеннымъ*, жениху и невестѣ. Женихъ, прилебявая, подаетъ невестѣ. Въ это время подруги ея начинаютъ пѣть:

Бирчатый, пирибирчатый (*) младъ Михайлушка,
Перебирая красныхъ дѣвакъ у кругу:
Салавей калину щекаталя,
А Михайлушка Марьюшку цалавалъ.
И та и ся хараша, а моя Марьюшка
Лучше всѣхъ, пригажѣ всѣхъ,
И касою, и красою.

Чего невѣста не допила, выпиваетъ женихъ; потомъ онъ беретъ невѣстинъ подарокъ, который обыкновенно бываетъ хустка, или платокъ, утираетъ невѣсту, и они цѣлуются. Когда женихъ положить отдарокъ, который отъ 10 коп. доходить до 2 руб. сер., смотря по состоянію жениха, тогда невѣста подноситъ подарки нареченному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч., всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три коленкору на рукава для рубахи. Свекровь же отдариваетъ аршиномъ штофной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Отдарки плутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бьвають отъ 2 коп. асс. до 10 коп. сер. Обдаривъ всѣхъ, невѣстину родню усаживаютъ за столъ; а женихова въ это время становится для прислуги у порога, и обязана накормить и напоить новыхъ своихъ родственниковъ. Во время вечера и послѣ того до самой полуночи молодежь веселится и поетъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Отъ терему до терему дарожка.
Праважала Марьюшка батюшку;
Апаадала пазнымъ-пазно ка двару.
Заначевала падъ сасною у бару.
Наѣхалъ Михайлушка на каню
И хѣча сѣчь, рубить сасѣнку.
Азвалася Марьюшка у бару:
«Руби, руби сасѣнку,
Для тебе эта сасѣнка сдженная
Для тебе зилѣная рушпная.

Къ свѣту провожаютъ дѣвки жениха и поютъ ему:

Вярнись, вярнись, Михайлушка,
Вярнись, Степановичъ!
Пазабылъ рукавички
У тѣщи на палички.

На другой день утромъ отецъ жениха съ родными идетъ *опожмелиться* и приносить съ собой штофъ водки и кадачъ. Выпивъ и закусивъ, назначаютъ день свадьбы, и тѣмъ оканчиваются сговоры.

(*) См. языкъ, стр. 2.

Свадьба начинается съ вечера того дня, въ который женихъ и невѣста должны вѣнчаться. Обратимъ вниманіе сначала на то, что дѣлается въ это время у жениха. Въ продолженіе дня женихъ созываетъ своихъ родныхъ, съ обычнымъ привѣтомъ: «батюшка и матушка прося на хлѣбъ, на соль и на каравай». Вечеромъ собирается родня. Въ это время *свашка* (преимущественно сестра жениха или братова жена) хлопочетъ съ дружкой около караваля. Изготовивъ три хлѣба, снимаютъ мѣдный образокъ и прикладываютъ къ каждому такъ, что знакъ этотъ остается и тогда, когда каравай испечется. При этомъ дружка встаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ подруженьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай сажать». «Богъ багаславить», отвѣчаетъ компанія три раза. Тогда наливаютъ два стакана водки, прикрѣпляютъ къ нимъ по свѣчѣ и ставятъ по обѣ стороны печи. Свашка садитъ хлѣбъ на лопату, дружка вмѣстѣ съ ней берется заручку лопаты и такимъ-образомъ садятъ. Въ это время поютъ:

Нашъ каравай въ печь пашолъ,
Нашъ каравай въ печушку.

Когда посадятъ каравай, дружка съ свашкой цѣлуются, выпиваютъ стаканъ водки, а другой подносятъ всѣмъ присутствующимъ, и всѣ понемногу прикушиваютъ. Когда каравай выпечется, хоръ поетъ:

Заюшка на лавачки хѣля,
Стривый въ печь зазирая,
Уже, уже каравай паспѣлъ,
Уже, уже яравой паспѣлъ.

Нашъ каравай вонъ просится,
Нашъ яравой заслѣнку бье:
Вынь, вынь мине, свашунька,
Вынь, вынь, маладая,
Съ огня, съ поломя,
Съ кирпичатой печи.

Послѣ этого дружка возглашаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ подруженьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай вынимать». «Богъ багаславить», отвѣчаютъ всѣ три раза. Вынувъ каравай, ставятъ его на столъ. Свашка подаетъ сито и вмѣстѣ съ дружкой укладываетъ каравай: сначала въ сито кладутъ сѣна, потомъ разстилаютъ хустку, затѣмъ уже кладутъ каравай и накрываютъ его сверху платкомъ. Приготовленный такимъ образомъ каравай относятъ гурьбой въ анбаръ или другое мѣсто, гдѣ будетъ спальня для молодыхъ, припѣвая:

Нашъ каравай на мѣсто пашолъ,
Нашъ яравой на мѣстечко!»

Положивъ тамъ каравай , возвращаются въ избу, гдѣ уже приготовленъ столъ. Вечеряють. Попойка идетъ щедро. Затѣмъ расходятся. У невѣсты въ это время подруги поютъ пѣсни, почти тѣ же, что и на сговорахъ. Потомъ невѣста усаживается подругъ вечерять и потчуетъ ихъ водкою. Послѣ вечера молодые парни являются съ сопѣлками, гармоніями и проводятъ вечеръ весело. За-полночь уже компанія расходится.

На другой день невѣста встаетъ утромъ рано. Теперь судьба ея должна рѣшиться. Выйдя на дворъ, она громко голосить, припѣвая :

Вставайте, мои подружки!
Уже заря занимается.
Разлучники саветаются,
Хочутъ мнѣ разлучить
Съ роднымъ батюшкой,
Съ родной мамушкой.

Сходятся подружки. Если отецъ и мать живы, начинаютъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу; если же невѣста сирота, то ведутъ ее на кладбище — оплакивать родителей.

Возвратясь, одѣваютъ къ вѣнцу. Когда у жениха все готово, является къ невѣстѣ дружка, зоветъ отца и мать. За-тепливаютъ свѣчи. Помолясь Богу, отецъ и мать становятся съ образомъ, а дочь, заливаясь слезами, падаетъ въ ноги; ее поднимаютъ, подводятъ къ отцу и матери для благословенья. Дружки поютъ :

Жаль мнѣ тебе, мой батюшка!
Жаль мнѣ тебе, мая мамушка!
Остаются у тебе и рута, и мята,
И пахучи васильки!
Стой, мая береза, безъ верха,
Живи ты, мой батюшка, безъ меня.

Получивъ благословеніе и поцѣлуясь съ родителями, невѣста идетъ съ подругами въ церковь, при чемъ поютъ :

Шолкова ниточка
Къ стѣнки льнетъ,
А Марьюшка батюшки
Челомъ бьетъ :
Прости, батюшка, багаслави
На Божій судъ пайтить.

Подобное тому дѣлается и у жениха. Рано утромъ собираются у жениха родственники его и свадебный *цехъ*, т.-е. дружки, свашки и подружье, который держитъ вѣнецъ у жениха. Свашка хлопочетъ около стола, который готовится такимъ образомъ : разстилаютъ скатерть, кладутъ по краямъ стола *пироги* и ложки, а по срединѣ ставятъ жареный окорокъ свинины. Все это накрываютъ сверху другою скатер-

тью, на которую кладутъ калачъ и штофъ водки. Сваха беретъ калачъ, кладетъ его въ миску и туда же укладываетъ *коточекъ* масла, гребень, двѣ ложечки, связанные ленточкою, и все это сверху посыпаетъ хмелемъ. Водку распиваютъ бояре. Когда женихъ готовъ, его благословляютъ, какъ и невѣсту; сваха беретъ миску съ описаннымъ снарядомъ, и ведутъ жениха въ церковь.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются домой, каждый къ своимъ родителямъ. У молодой въ это время столъ накрытъ такимъ же точно порядкомъ, какъ и у молодого; только нѣтъ свиного окорока.

Приведа отъ вѣнца молодого домой, поѣзжане усаживаются за столъ и поютъ :

Пагнулися сѣни,
Какъ бояре сѣли;
Не такъ то пагнутся,
Какъ мѣду напьются,
Вина наберутся.

Подается закуска. Послѣ двухъ блюдъ подаютъ окорокъ. Завида его, поѣзжане встаютъ, запрягаютъ коней и подъѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками, погремушками, съ развѣвающимися на дугахъ лентами или платками; садятъ молодого, и вся компанія ѣдетъ къ молодой :

Во время поѣзда бояре поютъ :

Не спите, не дремлите, бояре!
Берите коньи шлычки въ ручки,
Бейте челомъ Михайлину батюшкѣ,
Чтобъ пустилъ Михайлушку съ нами,
Съ честными, похвальными боярами.

Темная, сирѣя ночушка,
Зажурилась Михайлова матушка,
Што долго, што нескоро
Михайлушки вѣту;
А его красны дѣвки ухватили,
Въ высокъ теремъ павели,
За дубовый столъ посадили
И Марьею подарили.

Прежде, чѣмъ они пріѣдутъ, перейдемъ къ молодой и посмотримъ, что дѣлается у нея во дворѣ.

Лишь только молодая переступила порогъ церковный, ее окружаютъ подружки и уводятъ съ собой. Отойдя отъ церкви, дружки поютъ :

Съ дугу, дугу зелѣнаго,
Всѣ дѣвушки веселы илутъ,

Золотыми вѣнчиками мѣняются,
Одна Марьюшка не мѣняется.

Прійдя домой, молодая сквозь слезы подтягиваетъ вѣ-
стѣ съ подружками :

Потеряла свой
Зѳлотъ вѣнокъ,
И русую косушку,
И свою волюшку.

Молодая усаживаетъ подругъ за столъ. Подается легкая
закуска, въ-продолженіе которой молодая голосить, обви-
маеть, цѣлуетъ подругъ, приговаривая : «какѣ мнѣ въ чужіе
люди пайтить, какѣ свекру и свекровѣ дагадить, свою во-
люшку пагубить», и проч.

Вечерѣтъ. Вотъ слышатся уже гулъ, гамъ людей и то-
потъ борзыхъ коней. Это приближается поѣздъ молодого.
Подружки вскакиваютъ ; молодая заливается слезами. Раз-
дается громкій стукъ у воротъ. Дружки поютъ :

Надвинули тучи тѣмныя,
Наѣхали незваные гости :
Паламили сѣни новыя,
Выпужнули салавѣя съ саду.
Всплакалась Марьюшка,
Взгаревалась Ивановна :
Свѣтъ ты мой салавей въ саду !
Кинула ключики, на палѣ въ кутъ :
«Я тебѣ, батюшка, не ключница, не варещница,
Ключница лютому свѣкру да свекровѣи.»

Съ послѣдними словами усиливаются удары въ ворота. На
дворѣ поднимается суматоха. Поѣзжане рвутся во дворъ ; но
родственники молодой засунули крѣпко засовы и не пускаютъ
ихъ. Видя усилія свои напрасными, поѣзжане вступаютъ въ
переговоры и платятъ требуемую дань (коп. 10 сер. и штофъ
водки) : тогда ворота растворяются, и поѣздъ съ шумомъ и га-
момъ въѣзжаетъ на дворъ и останавливается у крыльца. Мо-
лодой, сопровождаемый поѣзжанами, идетъ въ хату ; въ это
время подружки поютъ прощальную пѣснь :

Всѣ, всѣ ѹтушки
Съ озера лѣтъ,
Всѣ, всѣ дѣвушки
Съ терема идутъ,
Одна Марьюшка оставѣется,
Михайлушки даставѣется.

Съ послѣдними словами онѣ обнимаются и прощаются съ
молодой, но, встрѣтя молодого, зашелкиваютъ дверь и тре-
буютъ съ него выкупа. Послѣ непродолжительныхъ перегово-
ровъ, берутъ скупъ, около 50 коп. мѣди, и непременно бу-

тылку водки ; распиваютъ ее , дѣлятъ между собою деньги , выпускаютъ молодого , а сами съ шумомъ выбѣгаютъ вонъ изъ избы. Сцена перебивается.

Дѣвушкѣ уже нѣтъ ; молодая окружается бабами. Свашка ставитъ на столъ блюдо съ калачемъ , масломъ , гребнемъ , ложечками и хмелемъ.

«Свать и сваха , дружокъ съ подруженьемъ и вся чесная кампанія ! багаславите молодую княгиню павить и другимъ разомъ и третьимъ !» «Богъ багаславить» , отвѣчаютъ всѣ три раза. Послѣ сего свашка садитъ молодыхъ за приготовленный уже столъ , подлѣ образа , и зажигаетъ свѣчи. Всѣ встаютъ и молятся Богу ; помолясь , свашка садится подлѣ неvěсты , снимаетъ повязку и начинаетъ расчесывать ей косу. Въ это время поютъ :

Не трубушки трубить
Рано на зарѣ ,
Марьюшка плача
Па русай касѣ .
Пріѣхала свашуныя
Немилостива ,
Взяла мою косушку
Рвать и метать
И надвое заплетать ,
И золото съ косушки вымѣтывая
И надвое косушку заплѣтывая .

Въ-продолженіе пѣнія сваха расчесываетъ молодую , примазываетъ ей голову масломъ , надѣваетъ кокошникъ и накрываетъ кисеей , потомъ схватываетъ миску и обсыпаетъ всю компанію хмелемъ , а связанныя ложечки кладетъ передъ молодыми. Молодые , весь день неvěшіе , и теперь сидятъ , какъ вкопанные , въ-продолженіе всего обѣда. По окончаніи обѣда , поѣзжане бросаются на коней , и вотъ зазвенѣли колокольчики , загремѣли бубенчики ; поѣздъ передъ крыльцомъ. Свашка встаетъ изъ-за стола , ставитъ молодыхъ вѣстѣ ; они молятся Богу и прощаются съ батюшкой и матушкой. Въ это время поютъ :

Ѣхала Марья со двора ,
Дошла берегу съ верха :
Стой моя берега безъ верха ,
Живи , батюшка , безъ меня .
Али mine батюшка не любя ,
Середь ночушки са двара шлеть ?

Молодого садятъ вѣстѣ съ княгиней , и весь поѣздъ трогается. Въ это время каждый изъ поѣзжанъ старается похватать своими лошадыми ; повтому гонять , что есть силы , и всячески стараются обогнать другъ друга. Во время поѣзда мужики и бабы , нерѣдко уже пьяные , кричатъ , что кому при-

детъ въ голову. Такимъ-образомъ проѣзжаютъ по нѣсколькимъ улицамъ взадъ и впередъ, и во все время кричатъ безъ пощады; наконецъ, по командѣ дружки, поѣздъ направляется ко двору молодого. Крикъ утихаетъ. Въ растворенныя ворота завидя освѣщеніе и среди двора родителей молодого передъ накрытымъ скатертью столомъ, съ образомъ, хлѣбомъ и солью, поѣздъ останавливается. Дружка и свашка ссаживаютъ молодыхъ, ведутъ къ отцу и матери. Въ это время поютъ :

Сустрѣнь, сустрѣнь, батюшка :
Сынъ соколъ ѣдя,
Саколушку визеть,
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ кукобницу,
Гостямъ привѣтницу,
Михайлушки савѣтницу.

Молодые, подойдя къ родителямъ, кладутъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ, отца и кланяются ему въ ноги. Тоже новторяется передъ матерью и передъ старшими братьями, сестрами, дядями и проч. Поѣздъ угощается щедро виномъ.

«Свать и сваха, дружка съ подружьемъ и вся чесная компанія, багаславите молодыхъ въ домъ ввестъ», раздается голосъ дружки. «Богъ багаславитъ», отвѣчаютъ всѣ. Молодые, руководимые дружкой, а за ними и вся компанія, входятъ въ избу. Столъ накрытъ. Дружка ставитъ молодыхъ передъ столомъ. Гости усаживаются вокругъ стола. Дружка подаетъ молодымъ поднось съ рюмками, наливаетъ, и молодые подносятъ по чинамъ. Лишь только рюмка снята, подружье принимаетъ поднось; молодые кланяются тому, кто пьетъ, и лежатъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока рюмка не будетъ выпита. Такъ потчуютъ всѣхъ гостей. Затѣмъ начинаются пригадки. Многіе, попробовавъ водки, говорятъ : «горько!» Услышавъ это, молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги, давая знать, что они подсластили, и просятъ выпить; но тотъ, отвѣдавъ немного водки, опять говоритъ : «*шпаруна* впала», и т. п. Эта церемонія иногда съ однимъ гостемъ продолжается четверть часа, между-тѣмъ какъ молодые, еще не-ѣвшіе въ тотъ день ничего, должны потчивать и кланяться всѣмъ своимъ гостямъ.

Отпотчивавъ всѣхъ, дружка съ свашкой берутъ по рюмкѣ водки, выпиваютъ, цѣлуются и благодарятъ компанію. «Багаславите маладыхъ на хватуру свестъ», раздается въ избѣ голосъ дружки.

Молодыхъ ведутъ въ анбаръ, или *пуньку* (такъ называется загородка на току для складки половы), и тутъ только предлагаютъ имъ покушать. Покормя, укладываютъ. Въ

это время гости ужинають, пьютъ безъ пощады, поютъ пѣсни, шумать, иногда напиваются до-упада. На другой день поднимають молодыхъ. Это дѣлается такимъ образомъ:

Рано поутру, дружка съ свашкой отправляются къ молодымъ, одѣвають ихъ. Въ это время собираются родственники и поютъ пѣсни.

Приводятъ молодыхъ; и молодая остается здѣсь, а молодой отправляется съ дружкой и подружьемъ звать тестя и тещу. Тестъ потчуетъ гостей и снаряжаетъ подводы съ приданымъ; потомъ идутъ, и въ-слѣдъ за ними тянется подвода съ сундукомъ-приданнымъ. Въ это время поютъ:

Откудова свѣтелъ мѣсяцъ взойдя,
Откудова мой батюшка пріѣдя,
И съ шубками, съ нарядками
Съ долгими рукавами.

Компанія, когда завидитъ обозъ, тестя и тещу, поетъ:

Пайди-ка, батюшка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!
Пайди-ка, матушка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!

Попотчивавъ тестя и тещу, вся компанія отправляется въ спальню молодыхъ; берутъ каравай, съ плясками и пѣснями, кладутъ его на голову дружкѣ, несутъ и поютъ:

Дружко каравай кроя,
Залатой ножикъ моя (моетъ),
Серебряну тарелачку.
Табе было не дружковать,
Табе было пановать
У городѣ паномъ!

Дружка разрѣзываетъ каравай на части. Эти частицы кладутся на поднось по одной; подружіе, или дядька, наливаетъ водку, а сваха (теща) кладетъ подарокъ. При этомъ дружка возглашаетъ имя и отчество того, кому принадлежитъ подарокъ; напр., «Сидоръ Пахомычъ! если ты на бесѣдѣ, покажи своё блѣлое лицо, черныя брови; сыръ, каравай принимай, нашихъ маладыхъ надѣлай: не рублемъ, полтиной, залатою гривной. Нашимъ молодымъ много надобно: на мыльца, биялыца, чтобы были румяныя лица.» Тотъ, къ кому отнесится воззваніе, беретъ рюмку и кусочекъ каравай и пьетъ; при этомъ молодые падаютъ ему въ ноги, а онъ беретъ подарокъ и тутъ же кладетъ одарокъ, если человекъ денежный. Если же кто даритъ овцу и т. п., то объявляетъ объ этомъ громогласно, а подружье громко повторяетъ: «Си

дору Пахомычъ овцу; пиши овцу.» Братъ невѣсты или тотъ, кому поручается замѣчать подарки, давно уже стоитъ съ рогачемъ, или жергдой, и при словахъ: «пиши овцу», черкаетъ орудіемъ пещку или потолокъ въ избѣ, такъ-что *шпаруны* летятъ внизъ. Общій смѣхъ и крикъ: «шпаруна упала, шпаруна упала». При этомъ молодые встаютъ, цѣлуются и благодарятъ за подарокъ. Тоже или подобное дѣлается и съ прочими подарками, и каждый подарокъ непременно сопровождается возгласомъ дружки: «если ты на бесѣдѣ»... и проч.

Свекру и свекрови молодая (или теща) кладетъ рубахи, прочимъ платки. При этомъ поютъ:

Сказали: наша Марьюшка
Ни ткаха, ни пряха;
Ажна наша Марьюшка
И ткаха и пряха!
Рано вставала,
Тонко прjala,
И бѣло бѣлила,
Весь ролъ придарила.

Послѣ подарковъ и обѣда, дружка всю *бесѣду* (компанію) зоветъ къ себѣ. Его дарятъ шараварами, хусткой, плафомъ, деньгами, рублей до 5 асс., и штофомъ водки. Хустка подъ караваемъ и платокъ, которымъ накрытъ былъ каравай, также принадлежатъ ему. Потомъ *бесѣда* идетъ по роднымъ, и это продолжается день, два, смотря по тому, сколько родныхъ. Но *окорокъ* еще цѣлъ; онъ, такъ же, какъ и при печеньи каравая, былъ зрителемъ свадьбы и все-таки уцѣлѣлъ. Какое же назначеніе этого окорока? Прятать концы: когда обойдутъ родственниковъ, тогда всѣ гурьбой идутъ концы прятать къ молодому. Этотъ окорокъ иначе называется *разгонщикомъ*, потому-что *бесѣда*, съѣвъ его и попохмелившись, расхлбится по домамъ.

БЫТЬ МАЛОРУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

Въ-слѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій, югъ и юго-западъ Европейской Россіи рѣзко отличаются отъ остальныхъ частей нашей обширной имперіи. Вся прекрасная полоса, орошаемая Десной, Сеймомъ, Донцомъ, Сулою, Пселомъ, Ворсклою, Бугомъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, со множествомъ небольшихъ рѣчекъ, изобилуетъ превосходными лугами (степями) и превосходнымъ черноземомъ, который сильно облегчаетъ и вознаграждаетъ съ лихвою трудъ земледѣльца. На этомъ плодородномъ пространствѣ, подъ благодатнымъ небомъ, водятся съ успѣхомъ овцы, начиная отъ простой породы до самыхъ дорогихъ, тонкорунныхъ мериносовъ; водятся табуны прекрасныхъ лошадей; размножаются стада рогатаго скота, составляющаго первое условіе довольства края, и произрастаютъ всевозможные сорта хлѣбовъ, почти всегда приносящихъ обильную жатву. Кромѣ хлѣбовъ жители сѣютъ также масляничныя растенія: коноплю, ленъ, подсолнечники и т. п., а мало-мальски зажиточные хозяева заставляютъ поля арбузами, дынями, тыквами, огурцами и кукурузой (пшійка). Во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ разводится табакъ, не только мѣстный, именуемый *махоркой* (аммерсфордскій), но и турецкій и американскій. Послѣдніе сорта

скоро однакожь перерождаются и теряютъ свои хорошія качества.

Малороссія безлѣсна сравнительно ; но берега почти всѣхъ рѣкъ покрыты лѣсами , и есть лѣсистыя мѣстности , значительныя относительно. Зато растительность необыкновенно богата , и подъ открытымъ небомъ произрастаютъ яблоки , рѣдкіе сорта грушъ , сливъ , вишни , абрикосы , грецкіе орѣхи , черешни , и во многихъ мѣстахъ по Днѣстру , Бугу и Днѣпру дозрѣваетъ виноградъ , хотя качества весьма посредственнаго и не въ большомъ количествѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ туковыя деревья (*шовковыця*) , доставлявшія прежде два раза въ лѣто плоды для лакомства , начинаютъ принимать на себя роль болѣе значительную , при показавшемся стремленіи къ шелководству не только у просвѣщенныхъ помѣщиковъ , но и у простолюдиновъ.

Небольшіе размѣры статьи не позволяютъ подробно исчислить всѣ удобства страны , представляемыя почвою ; но нельзя не упомянуть объ одномъ весьма важномъ мѣстномъ произведеніи : это — выдѣлка селитры , преимущественно по контракту для пороховыхъ заводовъ и въ небольшомъ количествѣ для частнаго потребленія. Въ Черниговской губерніи есть фарфоровая глина , произведенія изъ которой можно видѣть и здѣсь въ Петербургѣ (въ Пассажѣ) ; а Кіевская Межигорская фаянсовая фабрика извѣстна болѣе или менѣе каждому. Не такъ давно , Кіевской губерніи , Радомысльскаго уѣзда въ имѣніи помѣщика В. И. Сивицкаго открыты огромнѣйшія копи превосходнаго лабрадора , которымъ подобныхъ по величинѣ до сихъ поръ не встрѣчается на всемъ земномъ шарѣ. Въ рѣкахъ водится рыба , начиная отъ осетра и стерляди до самой мелкой плотички ; въ лѣсахъ — разные звѣри : и медвѣди , и дикіе кабаны , и дикія козы , и волки , и лисицы , и зайцы. Дичи изобиліе , а флора необыкновенно роскошно убиваетъ душистыми коврами разнообразныхъ цвѣтовъ луга , поля и рощи.

Изъ этого краткаго , слегка набросаннаго очерка уже видно , сколько естественныхъ богатствъ разсыпано въ Южномъ краѣ , какой тамъ благодатный климатъ и какими удобствами должна изобиловать жизнь человѣка на этой мѣстности.

Какъ южная природа отличается отъ сѣверной, такъ и племя малорусское отличается отъ великорусскаго: типомъ, языкомъ, характеромъ, одеждою, нравами и обычаями. Малороссъ имѣетъ болѣе или менѣе азіатскій обликъ, темные волосы, загорѣлую кожу, и онъ худощавъ по преимуществу. Языкъ его тотъ же славянскій, но отлившійся въ особую форму, въ-слѣдствіе климатическихъ и нѣкоторыхъ другихъ условій, и удержавшій многія древнія рѣченія.

Характеръ Малоросса добрый, спокойный, слегка насмѣшливый и не скоро забывающій оскорбленіе. Лѣнь проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и движеніяхъ, но не та, которую придаютъ ему досужіе наблюдатели нравовъ народныхъ, изучающіе край изъ почтового экипажа, не та, о которой такъ краснорѣчиво пописываютъ нѣкоторые беллетристы, а лѣнь — достояніе южнаго климата. Лѣнь эта вытекаетъ собственно изъ всѣхъ его работъ и занятій. Вспомните, что Малороссъ обрабатываетъ свои поля, перевозитъ тяжести, отправляетъ ремесло извозчика все на волахъ, походка которыхъ тяжела и необыкновенно медленна, вспомните, что онъ работаетъ подъ ужаснымъ зноемъ почти съ апрѣля до половины сентября, и лѣнь эта, подвергающая его насмѣшкамъ и порицаніямъ, приметъ въ глазахъ вашихъ не столь ужасающія формы и не столь громадныя размѣры. Лѣнь эта вошла въ пословицу, подъ именемъ малорусской, и тѣ, которые любятъ *dolce far niente* итальянскаго тунеядца, тѣ ставятъ климатическое условіе въ укоръ доброму и трудолюбивому Малороссу. Не спору, что, можетъ-быть, классъ болѣе образованный въ Малороссіи и подверженъ пресловутой лѣни; но зачѣмъ же, не зная дѣла, порицать добраго простолюдина? Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, назначенъ былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ князь Куракинъ, вельможа, снискавшій въ краю всеобщую любовь и уваженіе, онъ сначала тоже, по обычаю всѣхъ, нападалъ на малорусскую лѣнь, о которой слыхалъ столько остроумныхъ и неостроумныхъ анекдотовъ. Однажды завелъ онъ объ этомъ рѣчь съ однимъ изъ просвѣщенныхъ предводителей дворянства и совѣтовался, какъ-бы искоренить это зло. Предводитель спросилъ, гдѣ же князь видѣлъ слѣдствіе этой лѣни, случалось ли ему замѣтить по всему краю хоть одну полосу

необработанной земли? Вельможа задумался и убѣдился, что порокъ этотъ должно-быть не такъ значительнъ, какъ говорятъ о немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, почва въ Малороссіи необыкновенно плодородна, изрѣдка развѣ кое-гдѣ требующая удобренія, климатъ благодатный; слѣдовательно, земледѣльцу не предстоитъ тѣхъ трудовъ, какіе несетъ его сѣверный со-братъ на своей трудной и не всегда благодарной почвѣ. А когда приходитъ время косыбы, жатвы, уборки хлѣба съ полей, то не мѣшало бы вопіющимъ противъ лѣни про-ѣхать хоть по большимъ дорогамъ Малороссіи. Эти наблюдатели увидѣли бы дѣятельность и движеніе не только днемъ, но цѣлую ночь, въ-продолженіе которой возы, наложенные снопами, медленно двигаются по всѣмъ направленіямъ, — медленно, потому-что, какъ замѣчено выше, волъ идетъ своимъ медленнымъ, однообразнымъ шагомъ. Если же, разметавшись на этомъ возу, крѣпко спать Малороссѣ, утѣренный, что волы доведутъ его къ порогу хаты, то начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути.

Представляя все это на судъ просвѣщеннаго читателя, и я съ своей стороны скажу, что хотя лѣнь эта и не такъ ужасна, какъ о ней отзываются, однако при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ она дѣйствительно могла бы быть меньше. Дастъ Богъ, современемъ, при развитіи грамотности, чему сильно споспѣшествуютъ Министерство Государственныхъ Имуществъ и многіе разумные помѣщики, народъ займется съ успѣхомъ какими-нибудь новыми работами, промыслами или ремеслами, которые избавятъ его отъ излишняго свободнаго времени. Что же касается до земледѣлія, то его можно и должно улучшить, потому-что Малороссѣ пахать едва не допотопнымъ плугомъ, иногда четырьмя парами быковъ. Впрочемъ, образчики плуговъ временъ Ноя случалось мнѣ видѣть въ глубинѣ Грузіи, гдѣ запрягаютъ по двѣнадцати паръ, включая въ это число пары четыре буйволовъ. Между-прочимъ надо сказать и то, что на югѣ понадается грунтъ земли необыкновенно твердый, въ-особенности на лугахъ, которыхъ иначе и нельзя всахать, какъ плугомъ, который бралъ бы очень глубоко. Улучшеніе земледѣлія сбережетъ крестьянину время на другую какую-нибудь работу, потому-что хлѣба и безъ того родится столько, что его дѣлать некуда. Изобиліе

при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія поддерживаетъ почти постоянно самыя низкія цѣны, не смотря на большое количество винокурень, потребляющихъ рожь большими массами; а голода опасаться не возможно, съ тѣхъ поръ, какъ Министерство Государственныхъ Имуществъ учредило общественную запашку, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ строго наблюдаетъ о наполненіи общественныхъ магазиновъ.

Исключительная черта малорусскаго характера — юморъ проявляющійся иногда и въ грубыхъ формахъ, но постоянно преобладающій во всѣхъ рѣчахъ Малоросса. Малороссъ не только подшучиваетъ надъ другими, но и надъ самимъ собою, не смотря иногда на чрезвычайно грустное свое положеніе. Притомъ же, доводя языкъ свой до необыкновенной степени лаконизма, онъ иногда шутитъ необыкновенно остроумно.

Быть малорусскаго крестьянина совершенно патріархальный, исключая одно обстоятельство, оставшееся, какъ наслѣдіе древнихъ Славянъ, у Великоросса и утратившееся въ Малороссіи. Я говорю объ исключеніи изъ народнаго быта обычая править родоначальнику всею семьею. Здѣсь очевидно вліяніе безпрестанныхъ войнъ края, въ-продолженіе которыхъ семейства раздѣлялись и дробились при частыхъ переселеніяхъ. Впрочемъ встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ подъ начальствомъ дѣда и работаютъ сообща, хотя подобные примѣры очень рѣдки и совершенно не въ правахъ народа.

Крестьяне малорусскіе живутъ въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ. Последніе разбросаны въ степныхъ мѣстахъ, и количество избъ, ихъ составляющихъ, отъ одной доходитъ до двадцати и болѣе. Старинныя селенія и деревни лежатъ обыкновенно по берегамъ рѣкъ, окружены небольшими лѣсами и возвышенностями, раскопавшимися въ разныхъ направленіяхъ и служащими продолженіемъ нагорныхъ береговъ. Селенія эти обыкновенно раскинуты на живописныхъ мѣстностяхъ, окружены рядомъ крылатыхъ мельницъ, которыя преимущественно строятся на горахъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ свободнѣе ворочать ихъ крылья. Избы (хаты) Малороссовъ разбросаны въ безпорядкѣ, рѣдко образуя улицы, но по большей части окружая обширные выгоны, на которыхъ пасутся домашнія птицы и молодые домашнія

животныя. Во многихъ мѣстахъ выгоны эти называются *солонцами*, потому-что состоятъ изъ глинистой солончатой почвы. Вообще всѣ эти долины, идущія между горами, поросшія лѣсомъ и занятыя подъ селеніями и деревнями, безъ-сомнѣнія, въ до-историческія времена служили ложемъ рѣкъ, занимавшихъ иногда все это пространство. Доказательствомъ подобнаго предположенія служатъ, во-первыхъ, близость воды отъ уровня земли, во-вторыхъ, остатки болотъ, въ которыхъ окаменѣлости рѣчныхъ раковинъ попадаютъ въ коряхъ, очевидно служившихъ берегами.

Видъ малорусскаго селенія чрезвычайно пріятенъ для взора: чистыя, выбѣленныя хаты почти всегда окружены садиками, и легкій плетень и сквозныя сколоченныя изъ жердей ворота даютъ возможность видѣть всю дѣятельность и движеніе сельскихъ жителей. У оконъ, въ-особенности, если въ семействѣ есть дѣвушка, красуются простыя цвѣты: гвоздики, барвенки, данидаверъ, красоя, корольевъ цвѣтъ, зора, штокъ-роза и роза обыкновенная (тролянда). Огородъ украшенъ высокими подсолнечниками и разноцвѣтнымъ макомъ; тамъ-и-сямъ цвѣтутъ пышными бѣлыми букетами кусты бузины, калины, и возлѣ нѣкихъ хатъ растутъ душистые кусты сирени (бузокъ).

Дворъ Малоросса не имѣетъ однообразной, постоянной архитектуры; устроивается онъ безъ задуманнаго плана: то бываетъ окруженъ хозяйственными постройками, то постройки эти вытянуты въ одну линію съ хатой, то разбросаны между группами деревьевъ, которыя вообще въ большомъ почетѣ у Малоросса. Никогда, имѣя даже необходимость построить какой-нибудь сарай на извѣстномъ мѣстѣ, на которомъ растетъ дерево, Малороссъ не срубитъ дерева, но, жертвуя наружнымъ видомъ сарая, окружить постройкою старинный дубъ или берестъ и пропустить дерево сквозь крышу. Хозяйственныя постройки состоятъ изъ *камёри* (кладовой), *вазиви* (сарая для телегъ), *кошари* (сарая для овецъ), *загода* (открытаго сарая для скота и лошадей), разнообразныхъ *хлѣвовъ* (для свиней, домашнихъ птицъ), *сажѣ* (особаго помѣщенія для откармливанія свиней), и нѣсколькихъ *повѣтокъ* (навѣсовъ), а иногда и продолговатыхъ хлѣвовъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ и крытое гумно, съ высокой кони-

ческой крышей, которое называется *клуя*. Обыкновенно хлѣбъ ставится на *току* и молотится подъ открытымъ небомъ. Площадка, предназначенная для этого, утрамбовывается особаго рода орудіемъ, называемымъ *толокъ*, и дѣлается чрезвычайно тверда. Вотъ и все незатѣйливое устройство. Если хозяинъ ремесленникъ, то онъ ставитъ, гдѣ ему удобнѣе, особую повѣтку для своего спеціальнаго занятія.

Жилище Малоросса, его хата, отличается, если не всегда снаружи, то всегда внутри, необыкновенною чистотою. И снаружи у большей части крестьянъ избы чисто выбѣлены и даже у оконъ раскрашены разноцвѣтною глиною; но внутри постоянно соблюдается самая строгая чистота, какая только возможна при большомъ семействѣ, и не смотря на то, что зимою въ избѣ помѣщаются многія изъ домашнихъ животныхъ: молодые телята, ягнята и насѣдки. Архитектура хатъ очень проста; хаты раздѣляются на два рода: на *рубленныя* (срубленныя изъ дерева) и на *мазанки*. Первые строятся въ мѣстахъ лѣсистыхъ; при безлѣсѣ же только людьми зажиточными, а послѣднія тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и вообще на степныхъ пространствахъ. Мы возьмемъ для примѣра мазанку хозяина средняго состоянія. Надо замѣтить, что всѣ вообще постройки Малоросса дѣлаются сосѣдями и знакомыми, безъ всякаго предварительнаго условія, даромъ, по-сосѣдски. Каждый женатый человѣкъ обязанъ умѣть плотничать и не смѣетъ отказаться, если сосѣдъ приглашаетъ его на работу. Хозяинъ обязанъ только хорошо кормить *маистра* (плотника) и въ извѣстное время угощать виномъ. Избравъ мѣсто для новой хаты и сдѣлавъ *закладины*, т.-е. освятивъ мѣсто, врываютъ по угламъ высокіе столбы (*сохи*). Послѣ этого плотники начинаютъ строить крышу, предварительно на землѣ, гдѣ-нибудь по-близости. Размѣривъ, какъ слѣдуетъ, кладутъ они нѣсколько вѣнцовъ дерева, связываютъ ихъ балками (*сволокъ*), утверждаютъ стропилы (*кроквы*), которыя обшиваютъ тоненькими жердями (*латы*) въ видѣ сѣти. Въ это время плотники, менѣе искусные, вбиваютъ между поставленныхъ столбовъ дубовыя колья, оставляя мѣсто для дверей и оконъ, и оплетаютъ ихъ хворостомъ. Женщины кладутъ на плетень толстые слои глины, и стѣны готовы. Въ иныхъ мѣстахъ плетень дѣлаютъ въ два ряда и узкое пространство на-

бываютъ глиной, смѣшанной съ соломой. Тогда плотники разбираютъ срубъ и крышу и утверждаютъ уже все это на столбахъ накрѣпко. Двери дѣлаются тѣми же мастерами; но окна покупаются на ярмаркахъ готовыми. Крыша бываетъ соломенная или, въ-особенности по-близости большихъ рѣкъ, тростниковая.

Подобное жилище состоитъ обыкновенно изъ избы (*хаты*), сѣней и *жижи* (кладовой). Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, которая называется *дымарь*, до верху крыши; а оконечность ея на кровлѣ называется *верхъ* (собственно труба) и бываетъ покрыта иногда деревянной кровелькой, или и просто остается непокрытою. Въ степныхъ совершенно ровныхъ мѣстахъ, во время сильныхъ мятелей, трубы эти служатъ единственнымъ отверстіемъ для выхода, потому-что снѣгъ заваливаетъ избы въ уровень съ крышами. Изъ сѣней бываетъ одинъ или два выхода. Иногда одна дверь открывается прямо въ *загороду* (открытый сарай для скота), а иногда на гумно, смотря по обстоятельствамъ, потому-что, какъ сказано выше, у Малоросса нѣтъ системы въ расположеніи хозяйственныхъ построекъ.

Внутренность хаты обставлена тоже довольно оригинально. При входѣ, одинъ уголъ занятъ печью, сколоченною изъ глины иногда весьма искусно и красиво. Израсцовая печь уже роскошь и встрѣчается у зажиточнаго хозяина, у котораго есть свѣтлица: такая печь называется *груба*, и въ ней уже не готовится пища. По другую сторону двери прибиты полки (*полѣщи*) для разныхъ домашнихъ сосудовъ, а иногда стоитъ *судникъ* — родъ шкафа безъ дверецъ, но съ полками, для того же самаго употребленія. Вдоль стѣны, противоположной печкѣ, вверху тянется еще одна большая полка, на которой поставлены и положены разные хозяйственные принадлежности. Въ переднемъ углу (*покуть*) стоитъ божница (*кіотъ*) съ иконами, украшенная цвѣтами, преимущественно васильками и гвоздикой. Иногда уголъ этотъ обить кускомъ обоевъ. Передъ иконами, на шнурочкахъ, повѣшены различныя писанки и голуби, сдѣланные изъ разноцвѣтной бумаги — произведеніе дѣвушекъ. Въ переднемъ же углу подъ образами стоитъ столъ по большей части сундукъ (*скриня*) на подмосткахъ, покрытый чистою скатертью, на которой

лежить хлѣбъ и соль — признакъ гостепріимства. Вдоль стѣнъ тянутся скамьи (*лавы*), а на пространствахъ между печкой и стѣною устроены нары (*пиль*), на которыхъ спятъ обыкновенно хозяинъ съ хозяйкой. Прочіе члены семейства размѣщаются гдѣ кому удобнѣе: кто на лавкахъ, кто на печкѣ; а въ лѣтнее время, по обычаю, все народонаселеніе, за исключеніемъ стариковъ, спитъ на открытомъ воздухѣ. Возлѣ наръ виситъ обыкновенно колыбель, на такомъ разстояніи, чтобы мать ночью могла качать ее ногою, если ребенокъ заплачетъ съ просонья. Подъ нарами, а иногда подъ скамьями и даже подъ печью, заплетается помѣщеніе (*куча*) для домашнихъ птицъ, необходимое въ-особенности весною, когда насѣдокъ сажаютъ на яицы. На стѣнѣ на колышкахъ висятъ: шапки, длинные кнуты (*батаги*), которыми погоняютъ воловъ, и если есть взрослые дочери, то гдѣ-нибудь въ стѣнѣ вмазанъ кусочекъ разбитаго зеркала. Это хата обыкновеннаго земледѣльца, простаго *хлѣбороба*; но если кто изъ семьи занимается какимъ-нибудь ремесломъ, то въ хатѣ стоятъ и необходимы для этого принадлежности: орудія бочара, верстакъ ткача или ткачихи, *дѣмели* (треногій стулъ) саношника и т. п. Въ сѣняхъ тоже не пусто: здѣсь непременно стоятъ ступа, въ которой толкутъ пшено, *тѣрница*, на которой готовятъ ленъ и пеньку въ дурную погоду, бочки, бочечки; а вверху на поперечной балкѣ стропилъ виситъ сало, безъ котораго трудно обойтись Малороссу. На чердакѣ (*горыще*) сложены тоже разныя домашнія принадлежности. Въ *хижѣ* хранится мука, крупа, садъ, иногда зерновой хлѣбъ и разная домашняя рухлядь. У иныхъ въ сѣняхъ или *хижѣ* устроивается небольшой погребъ, но чаще вырываютъ его вблизи избы. Въ мѣстахъ гористыхъ роютъ погреба въ горѣ; и такой погребъ уже называется *лѣж*, который имѣетъ иногда очень длинныя рукава.

Хорошая хозяйка и изъ сѣней устроитъ весьма приличное помѣщеніе лѣтомъ для обѣда, потому-что въ хатѣ обыкновенно душно. Нижняя часть трубы у нея обложена глиной и смазана чисто; по угламъ сдѣланы тоже глиняныя столбики, на которыхъ стоитъ ведро съ свѣжею волою или посуда; полъ болѣе или менѣе чистый и превосходно смазанный.

Зажиточный Малороссъ имѣетъ вѣтрную мельницу, до-

ставляющую ему порядочный доход, а именно десятую часть зерна, называемую *размиръ*. Иные же, кто не въ-состояніи имѣть мельницы, а не хочетъ отдавать за помолъ десятой части, устраиваютъ у себя въ сѣняхъ *жорна*, т.-е. ручную мельницу, на которой мелютъ уже руками. За право смолоть хлѣбъ въ чужихъ *жорнахъ* тоже платится *десятина*. У очень богатыхъ крестьянъ, въ-особенности жиющихъ хуторами, бываютъ и водяныя мельницы. Жители деревень, расположенныхъ по берегамъ значительныхъ рѣчекъ, преимущественно занимаются рыбною ловлей, воздѣлывая поля собственно для своего обихода; каждый предпочитаетъ разбѣзжать въ челнокъ и ловить рыбу и раковъ, сбывая уловъ въ близлежащихъ городахъ или мѣстечкахъ. Есть села, славящіяся своими рыбаками, и туда изъ далекихъ мѣстъ съѣзжаются покупатели.

Между Малороссами есть и пчеловоды, и въ иной *пасѣкѣ* (пчельникѣ) можно насчитать по нѣскольку сотъ ульевъ. *Пасѣчниками* обыкновенно бываютъ старики, которые, близко ознакомясь съ природой, обладаютъ иногда нѣкоторыми тайнами, до сихъ поръ неразгаданными наукой; такъ, иные знаютъ цѣлебную силу растений, съываютъ имъ однимъ извѣстнымъ способомъ змѣй, заговариваютъ зубную боль и т. п. Народъ всегда почти приписываетъ старикамъ-пасѣчникамъ знакомство съ сверхъестественными силами. Въ лѣтнее время, когда цвѣтетъ гречиха, пчельники перевозятся въ поле, что называется *вывозить пасѣку въ гречки*. Медъ и воскъ покупаютъ обыкновенно пріѣзжіе торговцы (преимущественно рыльскіе).

У Малоросса все свое, непокупное, исключая соли и косъ (*). Разумѣется, я говорю о предметахъ первой потребности; но предметы роскоши, конечно условной, пріобрѣтаются на ярмонкахъ, которыхъ въ краѣ изобиліе.

Теперь, когда мы нѣкоторымъ-образомъ, хоть поверхностно, ознакомились съ принадлежностями быта малорусскаго крестьянина, прослѣдимъ вкратцѣ жизнь Малоросса отъ колыбели до могилы, взглянемъ на этого крестьянина во

(*) Косы тоже развозятся по Малороссіи рыльскими купцами, которые получаютъ ихъ изъ Австріи.

всѣхъ возрастахъ, при всѣхъ условіяхъ его праздничной и будничной жизни, при всѣхъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ его скромнаго патріархальнаго быта.

Рожденіе младенца не всегда происходитъ въ хатѣ: нерѣдко ребенокъ впервые увидить свѣтъ Божій въ чистомъ полѣ, на нивѣ колосистой пшеницы, гдѣ-нибудь подъ копнами; ж, спеленанный наскоро, укладывается подъ импровизированнымъ навѣсомъ. Мать его, крѣпкая, неистощенная натура, иногда часа черезъ три снова принимается за работу. Родильницы (*породилл*) производятъ на свѣтъ дѣтей безъ особыхъ мученій, и слабость ихъ много если продолжается дня два, три. Обыкновенно акушерками служатъ старухи, не имѣющія никакихъ специальныхъ познаній, а дѣйствующія по преданіямъ и по навыку.

Съ первыхъ же дней жизни ребенокъ поступаетъ или къ какой-нибудь родственницѣ-старухѣ, или чаще къ маленькимъ дѣвочкамъ въ семействѣ, и по цѣлымъ днямъ виситъ въ своей колыбели, качаемый подъ припѣвъ безчисленнаго множества пѣсенокъ, которыя тутъ же импровизируются маленькими няньками, какъ справедливо замѣчаетъ М. Максимовичъ (Украинскія Народныя Пѣсни). Ничего не можетъ быть проще этого напѣва; но пѣсенки иногда бываютъ необыкновенно интересны. По бѣльшей части въ нихъ главную роль играетъ котъ, какъ первая и часто единственная игрушка ребенка. Едва только дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ старое лукошко, въ которомъ и сидитъ, часто забытое совершенно, предоставленное самому себѣ, играя съ котенкомъ или какимъ-нибудь доскутикомъ. Во время полевыхъ работъ, матери однако же носить дѣтей съ собою, какъ-бы ни было поле далеко. Выучась ползать, ребенку предстоитъ уже болѣе разнообразіе; но едва начинаетъ онъ ходить, какъ дѣлается полнымъ властелиномъ своего времени и цѣлые дни, не смотря на пору года и погоду, проводить на дворѣ, играя съ сосѣдними ребятишками. Тутъ уже онъ воленъ бродить, поднимать рубашенку, по лужамъ, пересыпаться пескомъ, рыть ямки, строить домики, гоняться за домашними птицами, а зимою скользить по льду, спускаться въ саночкахъ и играть въ снѣжки.

Счастливыиъ возрастъ младенчества проходитъ однакожь

очень скоро, а отрочеству предстоятъ уже свои занятія. Достигнувъ семи лѣтъ, мальчикъ надѣваетъ штаны и называется *погоничъ*, т.-е. погонщикъ воловъ во время паханья, но кромѣ этого онъ пасетъ телятъ, овецъ, свиней и исправляетъ нѣкоторые самыя легкія обязанности по хозяйству. Дѣвочка повязывается *запѣски* (см. ниже) и называется *пряха*, потому что съ этихъ поръ начинаетъ знакомиться съ мочкой и веретеномъ. Съ семи лѣтъ дѣвочка начинаетъ нянчить дѣтей, пасетъ тоже телятъ, овецъ, гусей и помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Но вообще до 12 лѣтъ дѣти пользуются еще бѣльшей или мѣньшей свободой. Послѣ мальчики несутъ работы наравнѣ съ взрослыми, разумѣется, работы легкія; дѣвочки прядутъ, шьютъ, стираютъ, бѣлятъ полотна и во время полевыхъ работъ сгребаютъ сѣно и жнутъ.

Дождавшись 18 лѣтъ, парубокъ (парень) подумываетъ уже о женитьбѣ. Онъ выбираетъ себѣ подругу жизни часто еще съ отроческаго возраста, когда ребятишки пасутъ вмѣстѣ скотъ съ дѣвочками или играютъ въ свои незатѣйливыя игры. Привязанность эта увеличивается съ лѣтами на *улицѣ*, на *вечерницахъ*, *досѣткахъ* и *грицѣ*. Улица значитъ собраніе молодыхъ людей вечеромъ гдѣ-нибудь на площади, весной, лѣтомъ и въ началѣ осени. На улицѣ поютъ пѣсни, балагурятъ, а иногда и танцуютъ до полуночи. Какъ только опустился вечеръ и добрые люди поужинали, старики, дѣти и женатые люди ложатся спать, а юность спѣшитъ на улицу. Лѣтнею ночью пѣсни не умолкаютъ по селенію и звонко переливаются въ разныхъ мѣстахъ подъ навѣсомъ свѣтлаго украинскаго неба. Каждый парень открыто ухаживаетъ за предметомъ своей нѣжности, и, нагулявшись досыта, спѣвъ множество пѣсенъ, потанцовавъ, пары нечувствительно расходятся, окутанныя таинственнымъ покрываломъ ночи, и почти всегда остаются вмѣстѣ до утра. Но да не подумаютъ читатели, что молодость въ это время предается разврату. Я нарочно упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, потому-что мнѣ хочется показать въ настоящемъ свѣтѣ чистые патріархальныя нравы малорусскаго народа. Свидѣтельство объ этомъ можно найти еще у Бошана, который хотя и служилъ польскому королю, слѣдовательно смотритъ на Украинцевъ глазами Поляковъ, однако же отдаетъ полную справедливость поведенію Мало-

россиянокъ. Но кто жилъ долго въ краю и знаетъ основательно бытъ народный, тотъ можетъ сказать, что, хотя грустные примѣры разврата и встрѣчаются иногда въ Малороссіи, однако это чрезвычайно рѣдко и почти всегда бываетъ слѣдствіемъ другихъ условій, но не свободнаго обращенія молодежи. Парень, избравшій дѣвушку, смотритъ на нее какъ на будущую супругу и уважаетъ честь ее до-того, что не осмѣливается даже обнаружить передъ подругой увлеченія пылкого возраста. Нерѣдко бывали примѣры, что дѣвушка отказывалась гулять вмѣстѣ съ любимымъ парнемъ, позволявшимъ себѣ требовать болѣе того, что допускаетъ народная благопристойность. Наконецъ эта свобода съ дѣтства, патриархальная простота, отсутствіе пороковъ вообще умѣряютъ какъ-то требованія пола, и молодежь довольствуется невинными ласками (жениханьемъ). Одно уже это названіе ясно опредѣляетъ характеръ ласки. Разумѣется, любящіеся по большей части женятся; но бываютъ случаи, что родители противятся браку и принуждаютъ сына жениться на избранной ими, дочь выдаютъ за того, кто имъ кажется приличной для нея партіей. И въ самомъ простомъ быту, въ глуши какого-нибудь хутора, есть свои условія, приличія, свои глубокія драмы, однимъ словомъ, все, что встрѣчается и въ мірѣ образованномъ, только подъ другими формами. И здѣсь въ супружествѣ играетъ важную (но не главную) роль богатство, хотя зачастую случается, что бѣднякъ, простой *найметъ*, служившій у хозяина, женится на его единственной дочери и получаетъ все ея состояніе, и, наоборотъ, самая бѣднѣйшая дѣвушка, трудолюбивая или скромная красавица, выходитъ за перваго богача въ деревнѣ.

Осеннія и зимнія встрѣчи у молодежи происходятъ на *вечерницахъ*, *досѣткахъ* и *грицѣ*. Опредѣливъ для своего малорусскаго словаря значеніе этихъ словъ, я полагаю приличнымъ сдѣлать здѣсь выписки.

Досѣтки — это посидѣлки, собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. *Досѣтки* можно раздѣлить на двѣ части: на *вечерницы* и собственно *досѣтки*. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, разумѣется, припасе-

мой дома секретно. Надобно замѣтить, что матери и отцы возстають (наружно) противъ этихъ собраній, и если бы родители увидѣли дочь свою, отправляющуюся на *досвѣтки*, они бы пожалуй и погоняли ее для примѣра; но родители стараются смотрѣть на это сквозь пальцы, потому-что сами провели лучшіе свои годы на этихъ сходкахъ юности. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизіи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это *вечерницы*), тамъ ночуютъ, встають чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это *досвѣтки*). На вечерницы всегда, а на досвѣтки довольно рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя зазноба; у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Не только не лишнимъ, но необходимымъ будетъ замѣтить здѣсь, что вечернія и ночныя эти собранія основаны на самой чистой, строгой нравственности. Ни одинъ парень, ни одна дѣвушка не позволяютъ себѣ ни малѣйшей нескромности, оскорбляющей добрые нравы. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать работать дѣвушкамъ, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, *гребнями* и чѣмъ придется. Наконецъ восстанавливается порядокъ: кто-нибудь рассказываетъ сказки, поютъ пѣсни; а если случится, что лихачъ какой принесетъ балалайку или скрипку и хватитъ *гдрлицу*, *метѣлицу*, конечно работа иной разъ летитъ на лавку, а рѣзвыя пары и попляшутъ немного. До сихъ поръ, смѣло можно сказать, въ Малороссіи была примѣрная чистота нравовъ. Вкусный завтракъ подкрѣпляетъ силы, работа идетъ своимъ порядкомъ, и не умолкаютъ пѣсни беззаботной молодежи.

Какъ вечерницы и досвѣтки учрежденія постоянныя, въ родѣ нашихъ собраній, такъ грище собраніе импровизированное, очень похожее на пикникъ. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ уже собственно веселиться, потому-что дѣлается это во время праздниковъ.

Осенью, тотчасъ же послѣ уборки хлѣба, начинаются сватовства. Парень, задумавшій жениться, спрашиваетъ у родителей благословенія и избираетъ двухъ *старостъ*, обыкновенно почетнѣйшихъ крестьянъ, обладающихъ также даромъ слова и знакомыхъ съ своей трудной обязанностью. По-

молясь Богу, старосты, въ сопровожденіи жениха, отправляются къ назначенному дому важной, мѣрной походкой, опираясь на *цалки* (палки) и не позабывъ взять съ собою хлѣба и соли.

Въ семействахъ, гдѣ есть невѣсты, все давно уже готово, и дѣвушка почти всегда знаетъ, въ какой день придуть ея сватать. При словахъ: «старосты идутъ», въ хатѣ подымается суматоха: невѣста спѣшитъ поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ, а родители садятся подъ образами. Старосты должны постучаться въ дверь; ихъ спрашиваютъ: что за люди и за чѣмъ пришли? тѣ отвѣчаютъ заученными извѣстными фразами и наконецъ входятъ въ избу. Официальные переговоры продолжаются довольно долго, въ-продолженіе которыхъ женихъ стоитъ, потупя глаза, а невѣста, отворотивъ лицомъ къ печкѣ, должна, по обычаю, отламывать кусочки глины (*лечь колуна*), какъ-бы выражая тѣмъ свое крайнее замѣшательство. Если родители согласны, то принимаютъ отъ старостъ хлѣбъ и соль; если же не согласны, то благодарятъ за честь и откарываютъ. Обыкновенно въ случаѣ согласія спрашиваютъ желаніе дочери, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, приказываютъ перевязать дорогихъ гостей. Невѣста спѣшитъ вынуть приготовленные заранее полотенцы (*рушники*) и перевязываетъ ими старостъ черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ выше локтя. Обрядъ этотъ называется *давать рушники, или знаки*, и отказаться послѣ этого считается уже поступкомъ безчестнымъ. Въ случаѣ отказа, еще водится въ иныхъ мѣстахъ подносить жениху *гарбузъ* (тыкву).

Испекши довольно *пишекъ* (*), съ извѣстными обрядами, за нѣсколько дней до свадьбы, невѣста (*молода, заручена*), одѣвшись въ лучшее платье, убравъ голову цвѣтами и подпоясавшись вышитымъ полотенцемъ, идетъ приглашать знакомыхъ на свадьбу, а дѣвушекъ *кликать у дружки*. Войдя въ хату, она должна три раза поклониться, проговорить фразу: «*Просили батько й мати и я прошу на хлибъ на соль и на веселля*» и положить на столъ пишку. Начинаясь она съ ближайшихъ сосѣдокъ, и такимъ образомъ скоро составляется цѣлая

(*) Пшеничный плоскій небольшой хлѣбъ, съ разными украшеніями.

вереница молодыхъ дѣвушекъ, которая идетъ съ пѣснями отъ хаты до хаты, и число ихъ возрастаетъ безпрестанно. Молодая выбираетъ изъ среды дѣвушекъ *старшу дружку*, т.-е. ту, которая должна держать вѣнецъ надъ нею.

Женихъ съ своей стороны собираетъ бояръ — молодыхъ парней, избравъ изъ нихъ *старшаго боярина* (шафера).

Незадолго до свадьбы (*весилля*), въ домѣ невесты собираются женщины мѣсить *коравай* (особеннаго рода хлѣбъ) и мѣсить его съ извѣстными пѣснями. Въ это же время идутъ разныя приготовленія къ приему гостей. Въ субботу собирается *дѣвичь-вѣдчирь* (дѣвичникъ), а въ воскресенье обыкновенно чета вѣнчается послѣ обѣда. Возвратясь изъ церкви, новобрачные (*князь и княгиня*) входятъ въ домъ съ церемоніей и съ музыкой; потомъ начинается обѣдъ, за которымъ новобрачные сидятъ на почетномъ мѣстѣ, а передъ ними въ кувшинѣ, наполненномъ ромью, горятъ ихъ вѣнчальные свѣчи, связанные вмѣстѣ красною лентою. Народъ замѣчаетъ, что чья свѣча сгоритъ болѣе, тотъ долженъ умереть скорѣе. Объемъ статьи не позволяетъ здѣсь привести пѣсенъ, которыя сопровождаютъ каждое почти дѣйствіе не только новобрачныхъ, но и всѣхъ чиновъ свадебной церемоніи: *дружка*, *сважки*, *свѣтила*. Свѣтила (она же и старшая дружка) держитъ *вилыце*, или *вилыце*: клинокъ сабли, украшенный цвѣтами и калиновыми лентами. Очень часто теперь *вилыце* дѣлаютъ изъ какой-нибудь вѣтки. Молодыхъ торжественно уводятъ въ *комору*, и чрезъ нѣсколько времени, смотря по тому, окажется ли новобрачная цѣломудренною, или нѣтъ, происходитъ ужасный шумъ: веселыя пѣсни и пляски, или буйство, при которомъ разбиваютъ посуду, утварь и все, что попадетъ подъ руку. Въ первомъ случаѣ пляшутъ съ обыкновенными пѣснями *приданки* и прыгаютъ по лавкамъ. Въ случаѣ нецѣломудрія надѣваютъ матери на шею хомутъ. Парни и дѣвушки уходятъ вслѣдъ затѣмъ, какъ уведутъ новобрачныхъ....

На другой день, если новобрачная цѣломудренна; что почти всегда и случается, то надъ домомъ ея выставляется шестъ, на который вѣшаютъ красную *замаску*; дружно и старосты перевязываются красными поясами черезъ плечо, и, умывъ торжественно молодую у ближайшаго колодца, весь

свадебный поѣздъ съ музыкой отправляется къ роднымъ и знакомымъ на *добры день*, т.-е. съ визитами. Родные и знакомые дарятъ новобрачныхъ каждый по своему состоянію: домашними животными, холстомъ и проч.

Молодую увозятъ въ домъ мужа съ церемоніей: на воротахъ раскидываютъ иногда огонь, черезъ который должны перешагнуть новобрачные. За телѣгой, на которой сидитъ она съ мужемъ, и гдѣ заключается ея приданое, слѣдуютъ иногда конные бояре, и всегда ѣдетъ нѣсколько повозокъ съ поѣзжающими. Потомъ идутъ пиры у родныхъ и знакомыхъ (*праздн* и *беседа*). Черезъ недѣлю новобрачные одни уже дѣлаютъ визиты и разносятъ калачи. Ничего не можетъ быть интереснѣе встрѣтить гдѣ-нибудь въ полѣ подобную чету. Изъ веселыхъ, говорливыхъ молодыхъ людей, недавно проводившихъ ночи напролетъ въ изъясностяхъ и шутильвыхъ разговорахъ, они дѣлаются серьезнѣе, принявъ на себя новыя обязанности. Парень, который недѣлю тому назадъ ходилъ чуть не въ припрыжку, выступаетъ важно и медленно по дорогѣ, съ своею *малыю* (трубка) въ зубахъ; а новобрачная — недавно еще рѣзвая дѣвушка — тоже подражаетъ мужу. Только на молодыхъ лицахъ нѣтъ переменъ: та же улыбка, тѣ же веселые взгляды, и чета разговариваетъ, вѣроятно, о будущемъ житіи: бытьѣ....

Парень уже не существуетъ; на сцену появляется *чоловикъ*, т.-е. мужъ, женатый, и принимаетъ на себя серьезныя обязанности. Почти всегда женатый сынъ отдѣляется отъ отца и живетъ своимъ домомъ. Онъ уже теперь *плугатьиць*. Эта одна изъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ работъ крестьянина. Отъ зари до зари долженъ онъ итти за плугомъ, влечьимъ волами, и смотрѣть, чтобы борозды ложились ровно, чтобы желѣзо брало въ-мѣру, и на каждомъ заворотѣ подымать этотъ тяжелый плугъ, выворачивать его вверхъ желѣзомъ и на обратномъ пути снова направлять по бороздѣ. Въ-сладостіе системы паханья, Малороссы и мѣру земли раздѣляютъ на свои плуговыя роздыхи. Нормальная мѣра *день*, т.-е. пространство, которое можно вспахать въ-продолженіе дня. День раздѣляется на три *упруга*, т.-е. упряжки: упругъ утренній, послѣобѣденный и вечерній. Четыре упруга составляютъ десятину.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и просохнетъ земля, Малороссъ начинаетъ пахать и оканчиваетъ эту работу уже послѣ перваго мороза. Твердыя нивы и подъ извѣстные сорта хлѣбовъ онъ пашетъ тяжелымъ своимъ плугомъ; мягкія же и смотря по надобности онъ разрыхляетъ деревяннымъ раломъ. По вспаханной или разрыхленной нивѣ, передъ сѣйбой онъ проходитъ еще бороною и потомъ посѣивъ боронуетъ снова. Въ маѣ оканчиваются послѣдніе посѣвы поздней гречихи; на какой-нибудь мѣсяцъ Малороссъ разстается съ плугомъ. Но въ это время предстоятъ ему другія работы. Къ двадцатому іюня въ степяхъ посѣиваютъ травы — время *косовицы*. Здѣсь опять я предложу читателямъ выписку изъ моего словаря.

«Полевая эта работа отбывается въ Малороссіи съ какою-то торжественностью. Богѣе зажиточные *хозяева* еще зимнее запасаются косарями, давая послѣднимъ деньги, водку или хлѣбъ съ условіемъ откосить извѣстное число дней. Около Иванова дня или послѣ рабочіе собираются къ своему хозяину, который уже и отправилъ въ степь всю необходимую провизію: водку, хлѣбъ, рыбу, разное вариво, и позаботился выстроить шалаши. Рано утромъ или на ночь выходятъ *косари* изъ деревни съ громкими пѣснями и, положивъ косы на плечи, отправляются въ степь иногда верстъ за десять. Въ этой толпѣ легко узнать молодыхъ парней, которые въ первый разъ отправляются на *косовицу* съ *косами*. «Я косарь» — эта мысль тѣшитъ молодаго парня, потому что косить начинаютъ тѣ изъ молодыхъ людей, которые приближаются къ совершеннолѣтію. Новички земли подъ собой не слышатъ, и хотя знаютъ, что косьба не бездѣлица, однако тѣмъ съ не мѣньшимъ удовольствіемъ воображаютъ себя совершеннолѣтними. Вотъ косари приходятъ къ шалашу, а тамъ давно уже вырыта *палѣнка* (земляная печь), и заботливыя хозяйки поставили возлѣ шалаша нѣсколько *агаѣновъ* (деревянныхъ копытъ), наполненныхъ какимъ-нибудь кушаньемъ, возлѣ которыхъ лежитъ хлѣбъ, наръзанный ломтями, и приборы готовые. Каждый добрый человекъ долженъ носить ложку съ собою, по пословицѣ: *кто носить, той не просить*.

«Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта, чтобы до зноя пройти нѣсколько *ручекъ* (пространство, выкошенное однимъ

человѣкомъ въ длину — до конца всего мѣста, назначеннаго хозяиномъ, а въ ширину — пока захватитъ коса), и позатракавъ, выпивъ предварительно добрую косарскую порцію, отправляются на работу. Впереди идетъ *опаманъ*, избираемый косарями, котораго обязанность — вести ровно товарищей и подгонять лѣтлевъ и отстающихъ. Въ атаманъ избираютъ обыкновенно человѣка, извѣстнаго по косью, и онъ ведетъ себя серьезно, сообразно съ возложенною на него обязанностью. Работаютъ *косари*, *тиуты* травку-муравку, а около десяти часовъ утра единодушно поглядываютъ на то мѣсто, гдѣ далеко въ степи едва видѣется таборъ. «Шабашъ!» восклицаетъ вдругъ атаманъ, и работа останавливается, а не одинъ зоркій глазъ усмотритъ близъ шалаша *тыху*, т.-е. воткнутыя въ землю вилы, на которыхъ надѣта чья-нибудь шапка: это сигналъ, что пора обѣдать. Кухаркамъ небольшого стоитъ труда отыскать шапку, которыхъ десятки валяются возлѣ шалаша. *Косари* не косятъ въ своихъ обыкновенныхъ бараньихъ шапкахъ, а у кого нѣтъ круглой шляпы (соломенной или войлочной), тотъ завязываетъ голову платкомъ, листомъ, а иной и безъ всякой покрывки отправляется на работу. Съ извѣстными *косари* подходятъ къ шалашу, гдѣ кушанье уже разлито въ *саганы*. Хозяинъ подаетъ рабочихъ водкой, и они тут же минуту садятся за изобильный, вкусный обѣдъ. А обѣдъ непременно долженъ быть вкусенъ, потому-что по законамъ косошницы, если кушанье приготовлено дурно, косари имѣютъ полное и неотъемлемое право подвергнуть кухарку наказанію лопатками, которыми они острятъ косу. Каждый *косарь* можетъ ударить одинъ разъ кухарку лопаткой, какъ ему угодно. За обѣдомъ идутъ рассказы о семъ, о томъ; воспоминанія о прошлогодней косошницѣ перемѣшиваются съ замѣчаніями о настоящей; то подтруниваютъ опытные косари надъ молодежью, то рассказываютъ случай, что такой-то чуть не *выносилъ* перепелку, а тотъ непременно выкосилъ бы зайца, если бы шелъ осторожнѣе, и т. д. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ и снова за работу часовъ до 4-хъ, тамъ полдень, потомъ работа, а съ заходомъ солнца утихаетъ. Необыкновенно живописны группы *косарей* вечеромъ, когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они возлѣ шалаша, загорѣлые, въ однихъ рубашкахъ. Почти у каждого въ зубахъ коротенькая трубка, шапка надѣта на

бренить; а въ кружкѣ молодежь отхватываетъ *зайдула* или другую плясовую. Бренчить балалайка, *голосить сопилка*, какой-нибудь хватина клевлетъ въ эпонкую косу лопаткою или ударяетъ въ мѣдный котелъ; пляска продолжается до поздней ночи, хотя завтра съ разсвѣтомъ снова на работу. А тогда присоединяется еще *гребцы*, тогда таберъ становится гораздо живописнѣе, потому-что прибавляется нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, молодичъ и парнишекъ, которымъ не выпало еще на долю чести работать косою. И все это подъ открытымъ небомъ, въ атмосферѣ, налитанной запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и только-что скошеннаго сѣна. Кокетливыя дѣвушки имѣютъ множество способовъ украшаться цвѣтами, потому-что украинская флора богата, а за цвѣтами ходить не далеко. Когда сѣно сгребено и пролежитъ нѣсколько времени въ длинныхъ рядахъ, тогда его складываютъ въ кошмы, которые потомъ сметываютъ въ стоги, или сипрады.»

Вслѣдъ за уборкой сѣна настаетъ жатва (жныва). Это самое трудное и требующее необыкновенной дѣятельности время для крестьянина. Прежде всего посѣиваетъ рожь, потомъ собираютъ вдругъ всѣ хлѣба, и жатва продолжается иногда весь сентябрь мѣсяцъ. Снопъ складываютъ сначала въ *плиты* (по 5 сноповъ), потомъ въ *полуконы* (по 30 сноповъ), которые уже и ввозятся на гумно. У многихъ крестьянъ празднуютъ *обжинки* (время окончанія жатвы), сопровождаемыя извѣстными пѣснями, которыхъ множество. Обыкновенно избирается изъ среды жницъ самая красивая дѣвушка, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и подноситъ такой же вѣнокъ, украшенный цвѣтами, хозяину или помѣщику. Но въ августѣ сѣютъ уже озимыя рожь и пшеницу и принимаются пахать. Женскія работы удваиваются; кромѣ жатвы, должно еще убирать бабтанъ (бакша), пеньку, ленъ и огороды. Осенью женщины рубятъ капусту, квасятъ свеклу, мочатъ коновою и ленъ и приготавливаютъ прядиво. Съ первыми заморозками работы продолжаютъ въ избахъ.

И такимъ образомъ проходитъ дѣятельная жизнь трудолюбиваго Малоросса, котораго обыкновенно называютъ *дѣшнымъ*. Далеко до свѣта осенью и зимою просыпается семейство, зажигаетъ *каганецъ* (жирникъ), и умывшись, помолась Богу и позавтракавъ кускомъ хлѣба, каждый сѣмьитъ къ

своими обыкновенными занятиями: мужчины идут к сноту, овцам подложить корму, и возвратясь занимаются или починкой одежды; упряжи, сбруи, или другими дѣломъ; женщины идутъ за водой, затапливаютъ печь и садятся за пряжу, включая взрослыхъ дѣвушекъ, которыя работаютъ на *доселькахъ*. Дѣвушки уходятъ однакожъ изъ дому подъ предлогомъ работы у какой-нибудь подруги. Съ разсвѣтомъ мужчины отправляются на молотьбу и входятъ въ хату необѣдать часовъ около 9; потомъ, послѣ краткаго отдыха, снова работаютъ съ переможками до сумерекъ. Иногда, если необходимо, молотять и при лунномъ свѣтѣ.

Въ праздникъ Малороссъ непременно отправляется къ обѣднѣ, если въ деревнѣ нѣтъ церкви, то идетъ въ ближайшее селеніе, и цѣлый день не работаетъ, проводя время у родныхъ, знакомыхъ или пригласивъ гостей къ себѣ.

Домашняя, семейная жизнь Малоросса проходитъ спокойно, въ тишинѣ и занятіяхъ. Супруги живутъ между собою миролюбиво, въ-особенности, если, по народному обычаю, женатый сынъ живетъ собственнымъ домомъ. Если же нѣсколько женатыхъ сыновей живутъ при отцѣ, то, въ-особенности между женщинами, затѣваются ссоры, имѣющія вліяніе и на жизнь супруговъ.

Обзаведясь дѣтьми, Малороссъ продолжаетъ свою мирную жизнь, воздѣлывая поле, занимаясь какиъ-нибудь ремесломъ: иной выстраиваетъ мельницу, другой заводитъ маслобойню; тотъ дѣлаетъ колесы, тотъ дѣлаетъ горшки, тотъ выдѣлываетъ кожи. Въ каждой деревнѣ есть свой портной (*красецъ*), сапожникъ (*швецъ*), кузнецъ (*коваль*); послѣднимъ ремесломъ преимущественно занимаются Цыгане. Конечно, произведенія этихъ ремесленниковъ грубы, но удовлетворяютъ вполне мѣстныхъ потребителей.

Упрекаютъ Малоросса въ пристрастіи къ водкѣ; но мнѣ кажется, что упрекъ этотъ, хотя отчасти и справедливый, но долженъ бы однакожъ всей тяжестью падать на крестьянина. Въ краю выкуривалось огромное количество вина, дешевой и его была непомѣрная, а кромѣ-того въ каждой деревнѣ сидѣлъ въ шинѣ одинъ или два Еврея, занимающіе чарочной продажей. Въ послѣднія десять лѣтъ, когда правительство строго запретило Евреямъ жить въ деревняхъ и корчмахъ по

дорогамъ, разнища въ потребленіи горячихъ напитковъ сдѣлалась уже ощутительною. Кто не знаетъ Евреевъ, кто не видѣлъ собственными глазами ихъ плутней, тотъ не повѣритъ, до какой степени племя это доводило обманъ и мошенничество. Они нарочно напивали народъ, чтобы у пьянаго крестьянина легче выманить курицу, мѣшокъ муки или что-нибудь изъ хозяйства. Еврей готовъ попотчивать даромъ стаканомъ водки, если имѣетъ въ виду какую-нибудь торговую сдѣлку. Наконецъ водка сдѣлалась необходимою потребностью крестьянина, при всѣхъ его торжествахъ и праздникахъ. Штофъ водки не такъ еще давно стоилъ 15 копеекъ мѣлью, а на три дома приходился одинъ шинокъ: можно ли было простолюдину остерегаться отъ соблазна? Притомъ же, привыкнувъ издавна къ водкѣ, народъ пьетъ ее безъ особеннаго вреда; въ праздникъ вы увидите многихъ подъ хмѣлькомъ, но очень рѣдко пьяныхъ. Пьяница въ Малороссіи, какъ и всадъ, заслуживаетъ всеобщее презрѣніе.

Что же касается воровства, то и до сихъ поръ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются случаи кражи, какъ-бы въ воспоминаніе того, что въ древнія времена порокъ этотъ слишкомъ строго наказывался въ Малороссіи: вора живаго закапывали въ землю вмѣстѣ съ украденной вещью. Во всемъ языкѣ не существуетъ слова *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злѣдій*. Въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть Малоросса: родители строго наказываютъ малыхъ ребятъ за покушеніе на чужую собственность, и порокъ этотъ вносится въ патриархальныя села болѣе людьми посторонними или тѣми изъ туземцевъ, которые жила въ большихъ городахъ. Псалѣдніе приносятъ и прививаютъ въ деревняхъ и другіе пороки — сдѣдствіе городской жизни вообще. Но пороки какъ-то скоро и непрочно прививаются между крестьянами малорусскими: вообще презрѣніе клеймятъ того, кто отступаетъ отъ правилъ добродѣтели, и нерѣдко самый испорченный человекъ, возвратившійся въ деревню пьяницей и негодлемъ, мало-по-малу, приходитъ въ нормальное состояніе; не находя ни товарищей, ни подражателей.

Богатство естественныхъ произведеній даетъ Малороссу возможность быть прихотливымъ въ пищѣ, а потому онъ питается пищею болѣе вкусною и изобильною, чѣмъ его сѣ-

верный собратъ. У каждаго, самаго бѣднѣйшаго, изъ крестьянъ готовится обѣдъ и ужинъ ежедневно. Борщъ, уха, галушки, лапша, вареники, каша различныхъ сортовъ, балабушки, голубцы, перепичка и книшъ разнообразяютъ попеременно столъ малорусскаго крестьянина. Если нѣтъ мяса, т.-е. баранины, свинины, или битой птицы, то у каждаго непременно есть сало; молоко, сметана, творогъ, масло. Говядину найдете развѣ въ городахъ: сельскіе жители никогда не бьютъ скотины, развѣ уже въ крайней необходимости. У зажиточныхъ готовится и завтракъ. Прибавьте къ этому изобиліе разнообразныхъ плодовъ и зелени, и увидите, сколько предметовъ для самой вкусной пищи. Малороссъ пьетъ чистую воду, изрѣдка грушевый или яблочный квасъ, а хлѣбный (сыровецъ), употребляемый для *борща*, служить питьемъ весьма нечасто.

Одежда у крестьянъ довольно непримотлива. Мужчины носятъ штаны суконные и холщовые, тулупы и верхнія одежды (*свиты*), имѣющія различныя подраздѣленія: *кирея*, *кобенякъ*, просто *свита*, *каптанокъ* и *юпка* (коротенькое полукафтанье особаго покроя). Свиты (кирея, кобенякъ) дѣлаются съ капишонами (*видлѣга*, *кобка*) для защиты головы и шеи отъ дождя и мятеля. Шапки вообще высокія бараньи; въ иныхъ мѣстностяхъ мѣтомъ носятъ круглыя шляпы (брыль) войлочныя или соломенныя. Женщины, вмѣсто исподницъ, поверхъ рубахи повязываютъ куски шерстяной ткани; имеваемой *запасками*. *Позадница* надѣвается сзади, потомъ слѣдуетъ *попередница*, въ родѣ фартука, которыя и стягиваются краснымъ шерстянымъ поясомъ, окрашеннымъ или *кармазиномъ* (кошенилью), или *червецемъ*. Это яички одного насаждаемаго, находямыя въ іюнѣ и началѣ іюля подъ извѣстной травой — предметъ, приносящій порядочный доходъ проворной Малороссіянкѣ. Запаски дѣлаются и изъ другихъ матерій, стаметовыя и шелковыя. Другой, болѣе праздничный родъ этой одежды называется *плахта* и бываетъ изъ матеріи, собственно для этого приготавливаемой и также называемой, или изъ шелковыхъ матерій, и даже изъ парчи. Это уже верхъ щегольства и великолѣпія. На талію дѣвушки надѣваютъ горсетъ, или кирсетъ, родъ легкаго пальто безъ рукавовъ, которыхъ не дѣлаютъ потому, что не хотятъ скрыть рукавовъ сорочки, иногда необыкновенно красиво вышитыхъ. Жен-

щины преимущественнѣ носятъ юлки — родъ того же горсета съ рукавами. Подолъ рубашекъ тоже очень красиво вышивается бѣлыми нитками или красною бумагою (*заполочъ*). Эта оборка называется *лѣховка*. Для холода у женщинъ есть тулупы, отличающіеся отъ мужскихъ откиднымъ полукруглымъ воротникомъ, и свиты особаго покроя. Сверхъ чепца (*очипокъ*) женщины носятъ прозрачныя, тонкія покрывала съ длинными концами, называемыя *намитка*. Дѣвушки разнообразно заплетаютъ волосы въ мелкія косички (*дрибушки*), оставляя большую косу назади, которая, бывъ убрана множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ (*коснѣкъ*), опускается почти всегда ниже пояса. Голову повязываютъ тоже лентами, подкладывая искусно одну полъ другую такъ, чтобы одна не мѣшала видѣть край другой. На шею надѣваютъ множество монистъ.

Мужская обувь состоитъ обыкновенно изъ сапоговъ, *черевиковъ* (башмаковъ) и у бѣднѣйшихъ изъ *постоловъ*. Это родъ сандалій изъ кожи, которыя поверхъ онучъ завязываются ремнями или просто шнурками. Женщины тоже носятъ сапоги (щеголихи сафьянные) и черевички. Но онѣ до-того привыкли ходить босыми ногами, что обыкновенно можно встрѣтить Малороссіянку; идущую полевъ, даже куда-нибудь въ гости или въ церковь, съ сапогами въ рукахъ. Онѣ надѣваютъ ихъ изъ приличія, уже подходя къ мѣсту.

Мужчины сами себѣ плетутъ рукавицы на зиму, а женщины никогда не употребляютъ перчатокъ.

Выѣзды Малоросса изъ деревни бываютъ или на ярмонки и торги въ разные города и мѣстечки, или, что очень рѣдко, въ гости къ роднымъ. Въ это время крестьяне надѣваютъ лучшія свои одежды, точно такъ же, какъ въ праздники, на свадьбы, или на похороны.

Малороссъ необыкновенно набоженъ и свято чтитъ все относящееся къ религіи. Привязанность свою къ вѣрѣ онъ доказалъ, во-первыхъ, тѣмъ, что не было еще до-сихъ-поръ ни одного старообрядца или раскольника изъ Малороссовъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, принимая мученія отъ Поляковъ во время Уніи, бился за вѣру и остался православнымъ. Посты соблюдаются со всею строгостью; даже дѣтямъ, переставшимъ кормиться грудью, не даютъ ничего скоромнаго по середамъ и пятницамъ.

Сочельникъ (*свято-вечирь*) въ Малороссіи празднуется особеннымъ торжественнымъ образомъ: всѣ члены семейства и кто-нибудь изъ протороннихъ убогихъ сосѣдей, помолвившись Богу, садятся за столъ. *Кутья* (*) и *узварь* (**) въ горшкахъ, обернутыхъ душистымъ сѣномъ, стоятъ въ переднемъ углу подлѣ образами (*покуть*). Кутьѣ однакожь отдается преимущественно, потому-что существуетъ даже пословица: *кутью на покуть, а узварь на базарь*. Передъ ужиномъ еще, когда кутья готова и ее вынуть изъ печи, тогда кто-нибудь изъ семейства беретъ горшокъ и говоритъ: «*Собѣ! кутья на покуть, а узварь на базарь.*» При этомъ дерутъ слегка маленькихъ мальчиковъ за *чуприны*, чтобы куры были хохлаты. Когда же подадутъ кутью на столъ и всѣ возьмутъ по первой ложкѣ, хозяинъ открываетъ окна и приглашаетъ морозъ: «*Морозе, морозе, иди кутю исты, та не поморозь нашою гречки.*»

Канунъ Нового года (*щедрый вечирь*) празднуется также. За ужиномъ подаютъ кутью и узварь; но кушанья эти не играютъ уже никакой особенной роли.

Когда же поѣдятъ послѣднюю кутью 5-го января, тогда старшій изъ семейства выходитъ изъ каты прогнать кутью, что иногда дѣлается выстрѣлами, но по большей части стучать чѣмъ-нибудь объ уголъ избы, приговаривая: «*Зима одъ насъ, а лѣто до насъ*». Какъ всякій темный простолюдинъ, Малороссъ имѣетъ свои повѣрья и предрасудки, которыхъ онъ не оставляетъ по привычкѣ къ преданіямъ. Такъ, сохранился обычай *колядки* (пѣнія обрядныхъ пѣсенъ подлѣ окнами), вечеромъ же наканунѣ Нового года—*щедровки* (пѣнія пѣсенъ подлѣ окнами), наканунѣ Иванова дня — обрядъ купала. Послѣднее однако же собственно забава молодежи, не имѣющая другаго значенія, кромѣ случая пріятно провести время. Всѣ эти обряды описаны уже во многихъ мѣстахъ, а потому я о нихъ и не распространяюсь.

Народъ вѣритъ также въ существованіе вѣдьмъ, вовкулакъ, унырей, русалокъ и тому подобныхъ остатковъ древ-

(*) Каша изъ пшеничной или ячной крупы, приготовленной крупяне обыкновеннаго, а также изъ рису.

(**) Компотъ изъ сухихъ грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ, а иногда съ прибавкой маку и липовыхъ ягодъ.

нихъ преданій, которыя глухо сохранились до нашихъ временъ и съ каждымъ годомъ дѣлаются неяснѣе въ народномъ воображеніи. Всѣ исчадія славянской міѳологіи блуждаютъ еще по ночамъ, въ силу народнаго повѣрья, хотя ихъ никто и не видитъ никогда собственными глазами.

Малорусскія пѣсни отличаются какъ стройностью содержания, по большей части драматическаго, такъ и чрезвычайно пріятными голосами. Простыя эти мелодіи необыкновенно поэтичны, оригинальны, но почти всѣ проникнуты глубокою грустью, исключая пѣсенъ плясовыхъ, которыхъ однако же очень немного. Малороссы народъ необыкновенно пѣвучій: вездѣ по деревнямъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ вы услышите ихъ заунывыя напѣвы; но все это пѣсни, болѣе или менѣе, новѣйшей эпохи. Прежнія, старинныя казацкія пѣсни почти перевелись, потому-что онѣ знакомы были преимущественно только особому классу рапсодовъ—слѣпцовъ—*бандуристовъ*, или *кобзарей*. У этихъ слѣпцовъ существовали особыя школы, гдѣ извѣстный бандуристъ передавалъ слѣпымъ ученикамъ своимъ искусство пѣнія. Теперешнее поколѣніе бандуристовъ знаетъ очень мало старинныхъ пѣсенъ, и то часто отрывками, съ новыми вставками, съ безчисленными ошибками. Напѣвъ этихъ пѣсенъ, извѣстныхъ у насъ въ литературѣ подъ именемъ *думъ*, монотоненъ, печаленъ, но приличенъ героическому ихъ содержанию.

Пляска Малороссовъ не отличается разнообразіемъ: у мужчинъ казачокъ и присядки въ разныхъ видахъ; у женщинъ мѣрное притаптыванье ногами. Общія же танцы: горлица, метелица, для которыхъ есть особыя напѣвы.

Возъ Малоросса тяжелъ и неуклюжъ, но крѣпокъ и подымаетъ около ста пудовъ, если запряженъ парой добрыхъ *чумацкихъ* воловъ. *Чумаки*, если хотите, особенная каста, и хотя каждый имѣетъ право *чумаковать*; сколько его душъ угодно, однако есть цѣлыя деревни, населенныя исключительно одними *чумаками*. Это—сословіе извозчиковъ и вмѣстѣ торговцевъ солью и рыбою. *Чумаки* заводится отличными волами, покупаетъ необыкновенно прочную телѣгу (*чумацкій визъ*), и съ открытіемъ весны, когда въ степяхъ есть уже подножный кормъ, отправляется въ Крымъ за солью или на Донъ за рыбою. *Чумаки* всегда запасается деньгами изъ дому

на покупку товара; но если ему случится съ мѣста клажа, онъ охотно, за недорогую цѣну, берется ее доставить, потому что все равно долженъ везть пустую телѣгу. Порядочный хозяинъ имѣетъ до десяти и больше возовъ. Чумаки никогда не ѣздятъ въ одиночку, но сговариваются вмѣстѣ и составляютъ *вдѣлку*, избравъ изъ среды себя атамана, который облачается, на время пути, безусловною властью. Въ прежнія времена у чумаковъ было оружіе; но теперь не предстоитъ въ этомъ надобности. На атаманскомъ возу ѣдетъ пѣтухъ — живые часы, который аккуратно кричитъ въ извѣстные часы. Это необходимо чумаку ночью въ степяхъ, когда небо покрыто облаками и неизвѣстно время по созвѣздіямъ. Чумаки довольствуются воловь подножнымъ кормомъ, а сами варятъ себѣ обѣдать и ужинать, имѣя для этого всѣ припасы съ собою. Малороссъ, гдѣ бы то ни было, не можетъ обойтись безъ горячей пищи, въ дорогѣ ли, во время ли полевыхъ работъ; даже пастухи въ полѣ раскладываютъ огонь и варятъ себѣ *кулишъ* (жидкую кашу), *галушки* или какую-нибудь другую похлебку. Накупивъ соли или рыбы на мѣстѣ по низкой цѣнѣ, чумаки спѣшатъ назадъ, распродаютъ товаръ по ярмаркамъ и снова отправляются, какъ они говорятъ, въ дорогу. Кто нѣсколько лѣтъ занимался этимъ прибыльнымъ промысломъ, тотъ оставляетъ его лишь развѣ уже по особенной причинѣ. Подобная кочевая жизнь, по бѣльшей части въ безлюдныхъ степяхъ, имѣетъ вліяніе и на характеръ человѣка: оттого и чумацкія пѣсни, удерживая общую всѣмъ малорусскимъ пѣснямъ черту — заунывность, заключаютъ въ себѣ какое-то удалство, степной разгулъ и неуловимый оттѣнокъ ироніи надъ судьбою. Всѣ вообще чумаки народъ достаточный, хотя и не занимаются земледѣліемъ, предоставляя это членамъ семейства, остающимся дома.

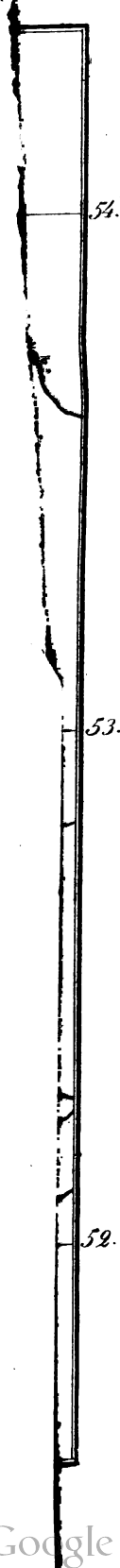
Малороссы вообще рѣдко подвергаются болѣзнямъ, исключая дѣтскаго возраста и болѣзней поваральныхъ. Въ каждомъ селеніи существуютъ простонародныя лекарки, которыя пользуют преимущественно травами и кореньями, сопровождая леченіе какими-нибудь таинственными дѣйствіями.

Малороссы часто доживаютъ до глубокой старости и продолжаютъ трудиться по-мѣрѣ силъ и возможности, стараясь не быть въ тягость своимъ семействамъ. Покойниковъ опла-

киваютъ особннымъ речитативомъ, импровизируемымъ иногда тутъ же на мѣстѣ. Надъ могилами парней, на крестѣ прибываютъ маленькій флагъ изъ платка (*хустка*) — очень часто подарка любимой дѣвушки.

Вотъ краткій очеркъ быта малорусскаго крестьянина. Со временемъ, когда благотѣльные мѣры правительства, принимаемыя къ просвѣщенію низшаго класса, достигнутъ своей цѣли, Малороссъ, конечно, оставитъ свои нѣкоторыя грубыя привычки, займется промышленностью; но дай Богъ, чтобы онъ не измѣнялъ своей доброй, строгой нравственности и продолжалъ вести такую же тихую семейную жизнь, какую ведутъ доселѣ.

ЗАМѢТКИ О ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Замѣтки о западной части губерніи Гродненской состоятъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ разсматриваются историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ началу XIV столѣтія; въ другомъ предлагаются замѣтки о современномъ бытѣ въ—отношеніи къ языку. Такъ—какъ древнѣйшими обитателями означенной страны были до конца XIII столѣтія *Ятвяги*, то на нихъ и обращено главное вниманіе въ первомъ отдѣленіи замѣтокъ. А именно:

1) Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій оказывается, что не вся западная часть нынѣшней Гродненской губерніи принадлежала *Ятвягамъ*: южная ея половина находилась во власти князей юго-западной Руси. Этимъ князьямъ, а не *Ятвягамъ*, принадлежали въ XII и XIII столѣтія, въ періодъ самостоятельнаго, независимаго бытія *Ятвяговъ*, нынѣшніе города: Брестъ, Кобринъ, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, т.-е. все пространство по р. Бугу до р. Нарева. Мнѣнія Стрыйковского, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей относительно пространства, которое занимали *Ятвяги*, были, кажется, ошибочны.

2) На основаніи историческихъ источниковъ опредѣлено, сколько это было возможно, пространство, которое нѣкогда занималъ этотъ народъ. Пространство это заключалось между средними частями *Нѣмана* и *Наревомъ*, между верховьями

р. Лянки, впадающей въ Бобръ, на западъ, и верховьями рр. Нарева, Свислочи и Ясіолды на востокъ.

3) Наконецъ обращено вниманіе на племенное происхождение этого народа. На извѣстныхъ основаніяхъ дѣлается заключеніе, что основной элементъ, изъ котораго развилась въ-послѣдствіи народность ятвяжская, былъ элементъ не славянекій, а чуждый ему. Какое-то не-славянское племя, одно изъ племенъ сарматскихъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, по мнѣнію Шафарика, успѣло пробраться въ Подлясье. Запертое здѣсь въ-послѣдствіи отъсюду народами славянскими, оно не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло потомъ не утратить своей самостоятельности: это племя погибло въ кровавой борьбѣ съ сосѣдями, а народность его была поглощена народностью побѣдителей. Этимъ, кажется, устраняются противорѣчія новѣйшихъ изслѣдователей объ этомъ предметѣ: гг. Шафарика, Шульца, Ярошевича и другихъ, которыхъ мнѣнія имѣютъ только одностороннюю справедливость.

Во второмъ отдѣленіи замѣтокъ быть современный разсмотрѣнъ только со стороны языка. При этомъ, согласно требованію программы Русскаго Географическаго Общества, обращено главное вниманіе на мѣстные свойства языка народнаго и приведены собранные на мѣстѣ образцы его въ двоякой формѣ: а) *прозаической* — три отрывка изъ народныхъ преданій, и б) *стихотворной* — собраніе народныхъ пѣсенъ числомъ 28. Къ образцамъ присоединено нѣсколько замѣчаній филологическихъ и историческихъ, относящихся къ разсматриваемой мѣстности. Для болѣе ясной приложена карта описываемой страны.

Времена, предшествовавшія XIV столѣтію.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію нынѣшняго быта обитателей западной части Гродненской губерніи, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на времена минувшія: настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго, для сужденія

о первомъ надлежитъ вспомнить послѣднее, одно другимъ дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе. ⁽¹⁾

Означенная страна извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Подлясья*. Древнѣйшими обитателями ея были *Ятвяги*. Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе судьбы этого народа, о которомъ встрѣчаются отрывочныя извѣстія въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ съ 983 по 1282 годъ. Обратимъ вниманіе только на слѣдующіе два вопроса, находящіеся въ тѣсной связи съ исторіею здѣшняго края, а именно:

1) Гдѣ жили и какое пространство занимали Ятвяги?

2) Къ какому племени принадлежалъ этотъ народъ?

Относительно перваго вопроса у польскихъ лѣтописцевъ и историковъ находимъ слѣдующія извѣстія. Историкъ первой половины XVI столѣтія *Бѣльскій* (Мартинъ и сынъ его Іоакимъ) говоритъ, что Ятвяги занимали все Подлясье, что Дрогичинъ былъ главнымъ ихъ городомъ, что Ятвягамъ принадлежалъ даже Новогрудекъ (въ Минской губерніи.) ⁽²⁾ По словамъ другаго историка второй половины XVI столѣтія, *М. Стрыйковскаго*, Ятвяги простирались отъ Волыни до земли Прусовъ; столицей ихъ былъ городъ и замокъ Дрогичинъ; Новогрудекъ съ окрестными селеніями принадлежалъ къ владѣніямъ Ятвяговъ. ⁽³⁾ Подобныя извѣстія находимъ и у нѣкоторыхъ, предшествовавшихъ Стрыйковскому, писателей, напримѣръ, *Длугоша*, и у болѣе части историковъ позднѣйшихъ. Слѣдовательно, по мнѣнію упомянутыхъ историковъ и ихъ послѣдователей, Ятвяги жили во всемъ Подлясьи, или, какъ понимали Подлясье въ то время, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ двумя прежними уѣздами Бѣльскимъ и Дрогичинскимъ, съ существующими и въ наше время городами *Бѣльскомъ*, *Бранскомъ*, *Суражомъ*, *Тыкоциномъ*, *Кнышиномъ*, *Наревомъ*, *Васильковымъ*, *Августовымъ*, въ тогдашнемъ Бѣльскомъ, и съ *Дрогичинскимъ*, *Мельникомъ*, *Лосице*, *Морды*, въ Дрогичинскомъ уѣздѣ. ⁽⁴⁾

Чтобы видѣть, до какой степени справедливо подобное мнѣ-

⁽¹⁾ Карамзинъ.

⁽²⁾ Кн. I, изд. 1764 года, стр. 88.

⁽³⁾ Кн. V, изд. 1766 года, стр. 180.

⁽⁴⁾ См. карту и Гвагвина изд. 1768 года, стр. 207 и 208.

ніе, обратимся къ другимъ источникамъ и по нимъ прослѣдимъ судьбу этого края въ періодъ самостоятельнаго существованія Ятвяговъ. У Нестора подъ 983 годомъ читаемъ: «Иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ» ⁽⁵⁾; подъ 1018 годомъ: «Ярославъ же (кн. Новгород.), совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *приде Волюню и стаща оба полъ рѣкы Буга.*» ⁽⁶⁾ Далѣе подъ 1038 годомъ: «Ярославъ иде на Ятвягы»; подъ 1040 годомъ: «Ярославъ иде на Литву»; подъ 1041 годомъ: «Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ»; подъ 1047 годомъ: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди ѣ, и князя ихъ уби Моислава, и покори ѣ Казиміру.» ⁽⁷⁾ О преемникѣ Ярослава подъ 1057 годомъ сказано: «Побѣди Изъяславъ Голяди.» ⁽⁸⁾

Эти походы русскихъ князей показываютъ, что въ XI и концѣ X вѣка западная часть нынѣшней Гродненской губерніи находилась во власти святаго Владиміра и его преемниковъ, что владѣнія ихъ примыкали къ землѣ *Голядь, Мазовшанъ и Литовцевъ*. На западѣ владѣнія русскихъ князей простирались въ это время до Западнаго Буга: не только Несторъ, но Кадлубекъ и Галлъ называютъ эту рѣку «*fluvius utriusque regna limitans.*» Труднѣе обозначить тогдашнія границы русскихъ владѣній со стороны Голядь: мы можемъ сказать только, что въ гораздо позднѣйшее время, именно въ XIV столѣтіи, границею земли Голядской, или Голендзинской, со стороны Подлясья были рѣки *Мста* и *Бобръ*. ⁽⁹⁾ Слѣдовательно, Подлясье, земля Ятвяговъ, ограничивалось со стороны Голядь этими рѣками. Но какъ далеко простиралась страна ихъ на востокъ и югъ, означить съ точностью невозможно, за неимѣніемъ объ этомъ предметѣ никакихъ историческихъ данныхъ, и если мнѣнія упомянутыхъ выше историковъ отнести къ этимъ временамъ, то они будутъ одною догадкою, не имѣющею никакого историческаго доказательства.

⁽⁵⁾ Полн. Собран. Русс. Лѣт. Т. I, стр. 35.

⁽⁶⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁽⁷⁾ Тамъ же, стр. 66 и 67.

⁽⁸⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁽⁹⁾ Pisma D. Szulca 1854, стр. 133 и 134, и слова акта 1358 года, *ibid.*, стр. 181, 182.

Можно даже полагать, что и во времена, предшествовавшія X вѣку, Ятвяги не могли простирались слишкомъ далеко на югъ внизъ по р. Бугу, потому-что земли, лежащія между р. Бугомъ и Наревомъ, также по р. Припети, издавна заселены были славянскими племенами. Это заключеніе дѣлаемъ мы на основаніи слѣдующихъ извѣстій:

По словамъ Геродота, *Невры* обитали въ его время (около 444 года до Р. Х.) при р. Бугъ по рр. *Нурцу* и *Нареву*, въ землѣ, которая въ позднѣйшее время и даже теперь называется въ польской исторіи *Нурскою* землею. ⁽¹⁰⁾ Что эти Невры обитали въ означенныхъ мѣстахъ, гдѣ и по настоящее время слышится это имя въ названіяхъ упомянутыхъ рѣкъ и нѣкоторыхъ мѣстечекъ, и что они принадлежали къ племени виндскому, т.-е. славянскому, доказано Шафарикомъ. ⁽¹¹⁾ Эти славянскіе народы обитали здѣсь подъ тѣмъ же названіемъ Невровъ и послѣ Геродота, во времена Р. Х., какъ видно изъ извѣстій о нихъ у *Помпонія Мелы* ⁽¹²⁾, *Плинія* ⁽¹³⁾, а въ-особеюности *Тацита* (род. 60 г. по Р. Х.). У послѣдняго ⁽¹⁴⁾ извѣстны они подъ именемъ *Naharwali*, или, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, *Nuhanarwali*, также *Nanaharwali*, *Nadhanarwali* ⁽¹⁵⁾, въ которыхъ явственно слышится трудное для выговора Римлянина и мало знакомое ему славянское названіе *Narwlanie*, *Nadnarwlanie*, т.-е. обитатели по р. Нарвѣ. Этихъ Наревлянъ, потомковъ Городотовыхъ Невровъ, Тацитъ причисляетъ къ многочисленному племени *Лигіевъ* (*Ligii*), и г. Мацѣевскій назначаетъ для ихъ жилищъ все пространство отъ верховьевъ р. Нарва на западъ по ея теченію до р. Вислы и далѣе. Несмотря на всѣ перевороты, которымъ подвергались въ слѣдующихъ послѣ Тацита столѣтіяхъ страны, лежащія между Чернымъ и Балтійскимъ морями, Тацитовыхъ Наревлянъ встрѣчаемъ, между прочими славянскими племенами, у географа Баварскаго въ IX столѣтіи по Р. Х. (между 866—890). Они называются у него *Neriuani*, т.-е. Наревляне,

⁽¹⁰⁾ Геродотъ кн. IV, гл. 51.

⁽¹¹⁾ Slow. Staroz. w Praze 1837. § 10, стр. 164—168.

⁽¹²⁾ II, с. 1. § 7.

⁽¹³⁾ Н. N. IV, с. 12. § 88.

⁽¹⁴⁾ Tac. Germ. cap. 43.

⁽¹⁵⁾ Pierwotne dzieje Pols. i Litwy Maciejowskiego Warsz. 1846 г. str. 356.

и, по мнѣнію Шафарика, жили на той же р. Наревѣ, гдѣ и предки ихъ, Геродотовы *Neuroi*. ⁽¹⁶⁾ Упомянутый землеописатель говоритъ: *Neriuani habent civitates LXXVIII* ⁽¹⁷⁾; значитъ, они здѣсь обитали съ давнихъ поръ, если уже въ IX столѣтіи имѣли 78 городовъ, или селеній (*civitates*).

Изъ сказаннаго нами видно, что юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи по рр. Нарвѣ и Нурцу уже въ древнѣйшія времена (съ 450 года до Р. Х. по X столѣтіе послѣ Р. Х.) заселена была славянскими племенами, которыя во времена Геродотовы извѣстны были подъ именемъ *Neuroi*, въ Тацитовы — *Naharvali*, *Nanaharvali*, а въ IX столѣтіи у землеописателя Баварскаго — *Nerivani*. А всѣ эти названія суть только незначительныя видоизмѣненія имени *Наревьяне*.

Какъ далеко простиралось господство этихъ Славянъ на востокъ, неизвѣстно. Изъ словъ Нестора видно, что по р. Припети обитало другое славянское племя *Дреговичи*. ⁽¹⁸⁾ Объ этомъ племени, подъ именемъ *Дроугоувитои*, упоминаетъ и Константинъ Багрянородный подъ 949 годомъ, какъ о племени, подвластномъ кievскимъ князьямъ. ⁽¹⁹⁾ Кажется, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что это славянское племя обитало здѣсь, по Припети, не только въ X и IX столѣтіяхъ по Р. Х., но и во времена гораздо древнѣйшія. А потому скорѣе всего Дреговичи примыкали къ Наревьянамъ, между-тѣмъ, какъ далѣе къ югу отъ тѣхъ и другихъ обитали другія славянскія племена: *Бужане*, или *Волыняне*, а далѣе *Древляне*.

Такимъ-образомъ, по-мѣрѣ того, какъ будемъ удаляться отъ XI вѣка въ длинный рядъ вѣковъ предшествовавшихъ, слабый лучъ историческій постепенно блѣднѣетъ, наконецъ совершенно погасаетъ. Но и эти немногія извѣстія говорятъ, кажется, довольно убѣдительно въ пользу того, что, задолго до XI столѣтія, страны, лежащія по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Бѣловѣжской пущи, заселены были славянскими племенами; къ в. и ю.-в. отъ нея по р. Припети обитали *Дреговичи*, къ з., по рр. Нарвѣ и Нурчику, *Наревьяне*. При

⁽¹⁶⁾ Slow. Star., стр. 539 и 938.

⁽¹⁷⁾ Ibid., стр. 981.

⁽¹⁸⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 3, 8.

⁽¹⁹⁾ Stritter, Mem. popul. II, стр. 985.

взглядъ на взаимное положеніе пространствъ, занимаемыхъ тѣми и другими, невольно рождается вопросъ: не приходили ли они между собою въ соприкосновеніе? Можетъ-быть, они составляли одну непрерывную цѣпь славянскихъ племенъ, разбѣянныхъ по восточной Европѣ, и, такимъ-образомъ, съ незапамятныхъ временъ запирали Ятвяговъ съ юга въ не-обозримыхъ равнинахъ подлясскихъ, огражденныхъ густыми лѣсами, топкими болотами и большими рѣками.

Происхожденіе въ этой странѣ городовъ должно отнести только ко времени господства надъ нею первыхъ русскихъ князей. Безъ-сомнѣнія, они строили здѣсь укрѣпленія и замки, въ которые поставляли намѣстниковъ, какъ для защиты страны отъ непріятелей, такъ и для собиранія съ жителей дани. Такъ заключаемъ изъ слѣдующихъ мѣстъ Нестора. Подъ 880 годомъ сказано: *Олегъ нача города ставити и устави дани* Словѣномъ, Кривичемъ и Мери.....» «Приде (Олегъ) къ Смоленску съ Кривичи; и пріѣ градъ и посади мужъ свой. И взя Любець и посади мужъ свой». ⁽²⁰⁾ Подъ 1032 годомъ: «Ярославъ поча ставити города по Рѣси» ⁽²¹⁾ и др. Должно полагать, что и въ рассматриваемой нами странѣ, не менѣе другихъ подвергавшейся нападеніямъ со стороны непріятелей, воздвигнуты были подобнаго рода укрѣпленія, а изъ нихъ въ-послѣдствіи времени и возникли города. Впрочемъ, въ XI вѣкѣ лѣтописи наши упоминаютъ только объ одномъ такомъ пунктѣ въ этой странѣ, именно о *Брестѣ*, можетъ-быть, потому, что мѣстоположеніе его было чрезвычайно важно въ подобномъ отношеніи. Уже Кадлубекъ дѣлаетъ замѣчаніе: *Brestensis urbs tam viris quam arte et loci situ munitissima*. Основаніе Бреста относятъ къ 1018 году ⁽²²⁾; но положительныя извѣстія объ этой странѣ начинаются у Нестора только съ 1097 года. Во время раздоровъ русскихъ князей при в. к. кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ этимъ годомъ говорится: «Святополку обѣщавшюся прогнати Давыда *поиде къ Берестю* къ Ляхомъ; се слышавъ Давидъ, иде въ Ляхы къ

⁽²⁰⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 10.

⁽²¹⁾ Ibid., стр. 63.

⁽²²⁾ *Obraz Litwy przez Jaroszewicza Wilno 1844. Т. I, стр. 36.* Но подъ 1019 и 1022 годами у Нестора и подъ 1017 годомъ въ Новгородской

Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помогати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: *пюди съ нами Берестью..... и ту умиримъ тя съ Святополкомъ*; и послушавъ ихъ Давыдъ, *иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу*, и проч. ⁽²³⁾ Далѣе упоминается о немъ подъ 1101 годомъ: *заратися Ярославъ Ярополчиць Берестьи и иде на нь Святополкъ и заста ѿ въ градъ, и емъ ѿ, и окова, и приведе ѿ Киеву*. ⁽²⁴⁾ Ярославъ успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ Кіева; но не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, схваченный недалеко отъ Бреста, на р. Нуръ. Подъ 1102 годомъ читаемъ: «представъ Ярославъ Святополчиць Ярослава Ярополчича, и *ятъ ѿ на Нуръ* и приведе ѿ къ отцю Святополку, и оковаша ѿ». ⁽²⁵⁾

Эти мѣста показываютъ, что Брестъ съ окрестными странами на правой сторонѣ р. Буга, въ XI и началъ XII вѣка, находился во власти князей юго-западной Руси. Онъ принадлежалъ имъ въ XII и XIII столѣтіяхъ до начала XIV, или до распространенія надъ этою страню господства князей литовско-русскихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи. Подъ 1142 годомъ Ипат. Лѣт. говоритъ о расприхъ между в. к. кіевскимъ Всеволодомъ и князьями удѣльными и о союзѣ, который заключили между собою послѣдніе противъ перваго съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. «И позва Всеволодъ братью (Святослава, Владиміра, Изяслава, Игоря) къ собѣ.... И ѣха Святославъ къ Игореву и рече: «что ти дасть братъ старшій»? и рече Игорьъ: *«дасть ны по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Кльчскъ*, а отчинъ своеѣ не дасть Вятичъ». ⁽²⁶⁾ Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: «братья моя! возьмите у мене съ любовію, что вы даю, Городечь, Рогачевъ, *Берестій, Дорогичинъ, Кличскъ* и болѣе не воуетесь

Лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. III, стр. 1) упоминается не объ этомъ Брестѣ. Первоначальную осѣдлость племенъ славянскихъ на мѣстѣ нынѣшняго Бреста относятъ къ X и IX столѣтіямъ (г. Шпилевскій въ «Путешествіи по Полясью» и проч. «Совр.» 1833 г. № VI.

⁽²³⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 114.

⁽²⁴⁾ Ibid., стр. 117.

⁽²⁵⁾ Ibid.

⁽²⁶⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 18.

съ Мстиславици». ⁽²⁷⁾ Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ, послѣ чего «радъ бывъ разлученію ихъ..... да Берестій, Дорогичинъ и Вѣщижъ, Ормину (вѣроятно, Владиміру или Изяславу), а братома да Игореву Городечъ, Гюргевъ и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ и тако разидошася». ⁽²⁸⁾ Въ началѣ XIII вѣка Брестъ принадлежитъ Данилу Романовичу, который въ 1213 году: «возвратившуся къ домови и ѣха съ братомъ и пріа Берестій и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпѣ, Комовъ и всю украину. Лестько же великъ гнѣвъ имѣя на Данила; веснѣ же бывши, и ѣхаша Ляховѣ воевать, и воеваша по Бугу». ⁽²⁹⁾ Въ 1227 году Брестъ находится во власти Василька: «братъ же (Данилъ Романовичъ) да Василькови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бя прежде далъ». Въ этомъ же году Данилъ и Василько отражаютъ Ятвяговъ, напавшихъ на Брестскую область подъ предводительствомъ своихъ князей: Монодунича Шутрова, Стегута Зебровича и Небра. ⁽³⁰⁾ Въ 1229 году Данилъ, отправившись съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, въ области Берестовской, для защищенія ея отъ нападеній Ятвяговъ, оставляетъ въ Брестѣ князя пинского Владиміра. «Сама же (Данилъ и Василько) илоста на войну, остависта же въ Берестіи Володимера Пиньского; и Угровчаны и Берестьяны, стережи землѣ отъ Ятьвязь.» ⁽³¹⁾ Пользуясь ихъ отсутствіемъ, на Брестскую область напали Литовцы, но были истреблены до одного. «И придоша (Литва) ко Берестью..... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестьяне вси, избиша ѣ всѣ.» ⁽³²⁾ Далѣе упоминаетъ Лѣтопись о Брестѣ подъ 1235 и 1240 годами ⁽³³⁾, какъ о городѣ, находящемся во власти князей русскихъ, а еще яснѣе Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ во второй половинѣ XIII столѣтія, какъ увидимъ ниже.

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій видимъ, что земли, лежація на лѣвомъ берегу р. Западнаго Буга, гдѣ глав-

⁽²⁷⁾ Ibid., стр. 19.

⁽²⁸⁾ Ibid. стр. 89.

⁽²⁹⁾ Ibid. стр. 160.

⁽³⁰⁾ Ibid. стр. 167.

⁽³¹⁾ Полн. Собр. Русс. лѣт., т. II, стр. 168.

⁽³²⁾ Ibid.

⁽³³⁾ Ibid. стр. 178 и 178.

вымъ пунктомъ былъ городъ Брестъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіяхъ князьямъ русскимъ. Не безъ основанія можно думать, что онѣ принадлежали имъ и прежде этого времени, т.-е. въ XI и концѣ X столѣтія. Кромѣ приведенныхъ выше словъ Нестора подъ 983, 1018, 1038, 1040, 1041, 1047 и др. годами, такъ думать можно еще и потому, что Западный Бугъ съ древнѣйшихъ временъ считается у лѣтописцевъ пограничною рѣкою, что самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «Brzescie Ruthenicale», что Берестыяне, по словамъ Нарушевича ⁽³⁴⁾, съ давнихъ поръ были послѣдователями православной вѣры и всегда отличались преданностію русскимъ князьямъ. Эти обстоятельства заставляютъ, вопреки мнѣнію Нарушевича, думать, что самое основаніе этому городу положено было населеніемъ русскимъ во времена святаго Владиміра или Ярослава I, тѣмъ болѣе, что уже въ эти времена въ ближайшихъ странахъ на югѣ и востокѣ господствовала національность русская, происшедшая отъ сліянія въ одно цѣлое разнообразныхъ оттѣнковъ славянскаго быта, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской вѣры и единой державной власти Норманновъ. Если же королямъ польскимъ и удавалось иногда въ эти три столѣтія присвоить себѣ власть надъ этою страной, при благопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, то господство ихъ здѣсь было непродолжительно. Берестыяне тяготились этою зависимостію, не упускали случая присоединиться къ единокровной Руси, какъ объ этомъ, на примѣръ, заботится во времена Казиміра такъ-называемый Богуфаломъ, princeps Brestensis.

О городѣ *Кобринь* знаемъ изъ грамоты 1493 года, что онъ съ близлежащими мѣстами не только въ концѣ XV столѣтія принадлежалъ русскому князю Ивану Семеновичу, но и гораздо прежде составлялъ владѣніе дѣда жены его князя Андрея Владиміровича. ⁽³⁵⁾ Изъ грамоты же короля польскаго Казиміра 1484 года видно, что Андрей Владиміровичъ получилъ кобринскія помѣстья отъ великаго князя литовскаго Витовта, слѣдовательно, между 1392 и 1430 годомъ. ⁽³⁶⁾ Князь

⁽³⁴⁾ Narusz. Hist. Nar. Pols. T. IV. Xisega I, przyp. 58.

⁽³⁵⁾ Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I. № 3.

⁽³⁶⁾ Ibid. № 85.

Андрей, равно-какъ и упоминаемый въ той же грамотѣ родной его братъ *Иванъ* были, по всей вѣроятности, дѣти того *Владимира*, который, по извѣстію Стрыйковского, палъ въ битвѣ съ Гедиминоу въ 1321 году, защищая наслѣдственный свой городъ *Владиміръ-Волыньскій*.⁽³⁷⁾ Въ такомъ случаѣ, какъ потомки *Даніила Романовича*, внуки сына его *Льва Даніиловича*, они были ближайшими наслѣдниками владѣній бездѣтно скончавшагося *Владимира Васильковича*, который въ концѣ XIII столѣтія записалъ Кобринъ съ ближайшими помѣстьями супругѣ своей, княгинѣ *Ольгѣ Романовнѣ*, какъ это видно, изъ его духовнаго завѣщанія, сохраненнаго *Ипатьевскимъ Лѣтописцемъ* подъ 1287 годомъ. Въ немъ умирающій князь назначаетъ по себѣ преемникомъ брата своего *Мстислава*, которому отдаетъ: «землю свою всю и столный свой городъ *Володимеръ*»; другою же грамотою: «далъ есмь княгинѣ своей (*Ольгѣ Романовнѣ*) по своему животѣ, городъ свой *Кобринъ*, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Азъ же далъ есмь ей село свое *Городльъ* (по другимъ спискамъ, *Городло*, *Городно* — очевидно, нынѣшнее мѣстечко *Городьцъ*, находящееся въ 22 верстахъ отъ *Кобрина*) и съ мытомъ.... А *Садовое* и *Сомино* далъ есмь княгинѣ своей, и монастырь свой *Апостолы*, иже создахъ ѿ силою своею. А село *Березовичъ*..... далъ есмь ко Апостоломъ же» и, проч.⁽³⁸⁾ Самое построение этого города, которое относятъ къ XII и даже XI вѣку, приписываютъ русскимъ князьямъ изъ дома князей *волинскихъ*.⁽³⁹⁾ Взявъ все это въ соображеніе, нельзя не согласиться, что городъ *Кобринъ* съ окрестными странами не только въ XIII столѣтіи, но и раньше со времени его основанія находился во власти князей юго-западной Руси изъ дома *Романа Мстиславича* и сына его *Даніила*, потомки которыхъ владѣютъ имъ даже въ концѣ XV столѣтія.

Подымаясь отъ *Кобрина* и *Бреста* на сѣверъ, вверхъ по теченію р. *Буга*, т.-е. по западной части нынѣшней губерніи

⁽³⁷⁾ См. особое примѣчаніе въ концѣ статьи.

⁽³⁸⁾ *Полн. Собр. Русс. Лѣт.*, т. II, стр. 215.

⁽³⁹⁾ *Г. Шпилевскій «Путеш. по Полѣсью»* и проч. «Совр.» за 1853 годъ. № VII. Отд. II, стр. 7.

Гродненской, встрѣчаемъ на этомъ пространствѣ древніе города: *Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Каменецъ*. О времени ихъ основанія (кромѣ послѣдняго), хотя и не сохранилось точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ, но должно полагать, что они появились вскорѣ послѣ Бреста, около времени Ярослава I, и, безъ-сомнѣнія, изъ укрѣпленій, о которыхъ упоминалось выше. О первыхъ двухъ имѣемъ поводъ такъ думать и по существовавшимъ въ нихъ замкамъ, о которыхъ часто упоминаютъ историки, и остатки которыхъ видны еще и въ настоящее время ⁽⁴⁰⁾. Изъ этихъ городовъ раньше другихъ упоминается о *Дорогичинѣ*, и мы о немъ распространимъ здѣсь болѣе, чѣмъ о другихъ городахъ, такъ-какъ онъ обыкновенно считается столицею Ятвяговъ.

Уже выше изъ словъ Ипат. Лѣтоп. мы видѣли, что въ 1142 году Дорогичинъ вмѣстѣ съ Брестомъ былъ отданъ Давидовичамъ в. к. Всеволодомъ. Это древнѣйшее извѣстіе о Дорогичинѣ; что лѣтопись въ этомъ мѣстѣ говоритъ именно о Дорогичинѣ Гродненской губерніи, лежащемъ на Зап. Бугѣ, выше м. Мельника, можно заключить изъ того, что здѣсь говорится о городѣ, ближайшемъ къ Бресту, и что уже въ 1101 и 1102 годахъ страна по р. Нурцу входила въ составъ владѣній русскихъ князей, какъ видѣли мы выше, а въ 1145 году принадлежала имъ даже Визна, городокъ, лежавшій при впаденіи въ Наревъ Бобра; во время похода въ Польшу русскихъ князей въ 1145 году (Игоря, Святослава, Владиміра) князя польскіе отдали ее Игорю: «а Игоревѣ съ братьею даста Визну и тако возвратишася во свояси» ⁽⁴¹⁾. Такимъ-образомъ, вся страна отъ Бреста до Визны, или до впаденія Бобра въ Наревъ, принадлежала въ эти времена «Игоревѣ съ братіею»; слѣдовательно, область Дорогичинская, лежавшая на этомъ пространствѣ, необходимо должна была входить въ составъ ихъ владѣній. И, по всей вѣроятности, подъ 1142 г. въ Ипат. Лѣт. говорится о Дорогичинѣ Гродненской губерніи.

Слѣдующее мѣсто древнѣйшаго историка Кадлубека еще луч-

⁽⁴⁰⁾ Остатки замковъ, находившіеся въ этихъ двухъ городахъ, заслуживаютъ мѣстнаго изслѣдованія и подробнаго описанія. Подобное описаніе имѣло бы немалую важность для исторіи здѣшняго края.

⁽⁴¹⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 21.

ше подтверждаетъ слѣдующее нами заключеніе, показывая, что и въ концѣ XII столѣтія въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь. Въ описаніи войны, которую велъ съ Ятвягами, или, какъ называютъ ихъ Кадлубекъ, Полѣсянами, король польскій Казиміръ (царств. отъ 1177—1194 г.), лѣтописецъ говоритъ, что онъ прежде всего устремился на дрогичинскаго князя, желая наказать его за помощь Ятвягамъ въ разграбленіи его земли. «*Notum (т.-е. Pollexianorum) quia latrunculos quidam Ruthenorum Drohicensis Princeps fovere consueverat, primus indignationis excipit aculeos: Urbi siquidem quae sui caput est Principatus (quam Drogiezyn vocant) inclusus obsidionum perurgetur angustiis; non tam deditionis legibus accodere, quam perpetuae servitutis conditioni subesse*» (42). Изъ этого видно, что во второй половинѣ XII вѣка въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь, *quidam Princeps Ruthenorum*, что Дрогичинъ былъ главнымъ городомъ въ его владѣніяхъ, мѣстомъ его пребыванія, *sui caput est Principatus*, и что дрогичинскій князь покоренъ былъ Казиміромъ только въ концѣ XII столѣтія *perpetuae servitutis conditioni subesse*; слѣдовательно, до конца XII столѣтія Дрогичинъ вовсе не принадлежалъ Ятвягамъ.

Но князья русскіе не забывали своихъ правъ на городъ, издавна имъ принадлежавшій и теперь утраченный. Это особенно видно изъ слѣдующаго мѣста Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1240 годомъ. По удаленіи Батые въ Венгрію, Даниилъ Романовичъ возвращается въ этомъ году въ Брестъ изъ Мазовпа отъ князя Болеслава, у котораго нашелъ убѣжище во время опустошеній его владѣній Татарами. «И приде ко граду Дорогычину и воскоѣ выити въ градъ, и вѣстьно бысть ему, яко «не виденіи во градъ.» Огорченный такимъ поступкомъ, Даниилъ говоритъ: «се было града нашъ и отецъ нашихъ....» и отъиде мыслячи, яко Богъ послѣже отымстє створи держателю града того и власть ѣ въ руцѣ Данилу; и обшривъ ѣ созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: «се градъ мой, преже бо пріяхъ ѣ коньемъ» (43). Отсюда Даниилъ отправился въ Брестъ, потомъ въ Холмъ.

(42) Кадлубекъ въ отдѣлѣ своего сочиненія — *de principatu Lesconis Albi*.

(43) П. С. Р. Л., т. II, стр. 179.

Кому же принадлежалъ въ это время Дрогичинъ и кто былъ этотъ «держатель града», не впустившій Давида въ этотъ городъ ?

Извѣстно, что мазовскій князь Конрадъ, тревожимый безпрестанными нападеніями и грабежами древнихъ Пруссовъ-язычниковъ, призвалъ рыцарей тевтонскихъ и отдалъ имъ во владѣніе землю Хелминскую между рѣками Вислою, Дрѣвѣнцею и Оссою, также всѣ тѣ земли, которыя они еще завоюютъ отъ Пруссовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы рыцари, кромѣ обращенія этихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, защищали отъ ихъ нападеній Мазовше. Конрадъ получилъ на это соизволеніе императора нѣмецкаго Фридриха II особою грамотою 1226 года, также папы, и 1230 года подписанъ былъ окончательный трактатъ между Конрадомъ и рыцарями. Германъ Балькъ назначенъ былъ провинціальнымъ магистромъ этихъ рыцарей въ зависимости отъ гротъ-мейстера тевтонскаго ордена. Подъ управленіемъ воинственнаго и храбраго Германа Балькъ рыцари эти, называвшіеся отъ древняго зѣмка на р. Дрѣвѣнцѣ *Добрѣжсиня*, бывшаго главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія, *Братьями Добрѣжсиньскими*, быстро дѣлаютъ завоеванія въ земляхъ язычниковъ-Пруссовъ и въ какіе-нибудь 10 лѣтъ распространяютъ свое господство надъ большею половиною земель Пруссовъ въ Натангіи, Бартніи, Варминіи, части Голендзіи ⁽⁴⁴⁾ и приближаются къ предѣламъ владѣній русскихъ князей. Къ этому времени относится договоръ, заключенный между Конрадомъ Мазовецкимъ и Германомъ Балькомъ 1237 года, найденный въ Берлинскомъ Архивѣ и приводимый у Фойгта. Въ немъ говорится : «*Conferimus et donamus Herm. et fratribus sui ordinis militum Christi domus quondam Dobrzynensis, castrum Drohiczyn, et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum, salvo jure ecclesiae Masovien-sis et nobilium, si quod in praedictis fluminibus hactenus habuerunt, ut Christo, sub ordinis sui debito militantes, ab jactantia paganorum defendant populum Christianum*» ⁽⁴⁵⁾.

⁽⁴⁴⁾ Dzieje Krzyżaków przez L. Rogalskiego Warsz. 1846 г. Т. I, стр. 243—262, также карта при соч. Pisma D. Szulca Warsz. 1854 г.

⁽⁴⁵⁾ Voigt II, стр. 277, 278.

Изъ этого документа видно, что границы русскихъ владѣній въ первой половинѣ XIII столѣтія отодвинуты были на востокъ отъ Дрогичина до р. Нурца, что Дрогичинъ съ землями между Бугомъ и Нурцомъ принадлежали подъ конецъ первой половины XIII столѣтія рыцарямъ, которыми были отданы Конрадомъ Мазовецкимъ въ замѣнъ за землю Добржинскую. Если договоръ этотъ состоялся 1237 года, то очень естественно, что «держатель града», не пустившій Данила Романовича 1240 года въ этотъ городъ, были рыцари нѣмецкаго ордена.

Неизвѣстно съ точностью, какъ долго эти земли находились подъ властью рыцарей. Послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста Ипат. Лѣт. «и обновивъ ѿ созда церковь прекрасну святоѣ Богородицы», и пр., показываютъ, что уже 1240 года Дрогичинъ былъ во власти Данила, если онъ въ этомъ году обновилъ еѣ и выстроилъ въ немъ церковь во имя Пр. Богородицы; но слова эти, стоящія послѣ слова «отъиде», находятся въ противорѣчій со смысломъ предъидущаго и возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе относительно хронологіи. Если вѣрить хронологіи Ипат. Лѣтописи ⁽⁴⁶⁾, то Данилъ Романовичъ старался изгнать отсюда рыцарей даже прежде 1240 года, какъ показываетъ слѣдующее мѣсто подъ 1235 годомъ. «Веснѣ же бывши, поидоста на Ятвязь и придоша Берестью; рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоша ити на Ятвязь. Данилови рекшу: «не лѣпо есть держати наше отчины крижевникомъ, Тепличемъ (Темпличемъ), рекомымъ Соломоничемъ», и поидоста на нѣ въ силѣ тяжцѣ; приаща градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша и возвратися Володимерь» ⁽⁴⁷⁾. Хотя здѣсь Лѣтопись и не говоритъ, какимъ именно городомъ овладѣлъ Данилъ, а Карамзинъ упоминаетъ только, что Данилъ ратоборствовалъ съ Нѣмецкимъ Орде-

(⁴⁶) Хронологія Ипат. Лѣт. во многихъ мѣстахъ сбивчива, запутана и не всегда согласна съ хронологіею другихъ лѣтописей. А потому повѣствуемое въ ней подъ 1235 годомъ о рыцаряхъ и предводителейъ ихъ, Брунѣ, не будетъ ли относиться къ 1240 или къ одному изъ ближайшихъ къ нему годовъ? Въ такомъ случаѣ прояснилось бы сомнительное мѣсто въ ней относительно того, когда Данилъ отнялъ Дрогичинъ отъ рыцарей.

(⁴⁷) П. С. Р. Л., т. II, стр. 178.

номъ, «занавѣшивъ какіи-то изъ нашихъ древнихъ владѣній»⁽⁴⁰⁾; но, основываясь на предъидущемъ, можно думать, что здѣсь дѣло идетъ о Дрогичинѣ. «Старѣйшина же Брунъ», упоминаемый въ этомъ мѣстѣ Лѣтописи, есть начальникъ тѣхъ 14 рыцарей, которые были посвящены въ это званіе епископомъ прусскимъ еще прежде 1226 года, и которыми Конрадъ Мазовецкій далъ во владѣніе, кромѣ зѣмка Добрыни въ землѣ Хелминской, еще и Сѣдлецъ въ Куявахъ⁽⁴¹⁾. Потому очевидно, что въ это время земли по Бугу принадлежали рыцарямъ.

Какъ бы то ни было, но что вскорѣ послѣ 1240 года эти земли были уже во власти Данила, видно изъ описаній войнъ, вѣдѣнныхъ Даниломъ въ половинѣ XIII столѣтія съ Ятвягами. Чтобы наказать Ятвяговъ за безпрестанные наѣды и грабежи, князья юго-западной Руси предпринимаютъ походы въ ихъ землю въ 1250 и 1251 годахъ. Въ 1250 году отправились Василько и Конрадъ Мазовецкій, но дошли только до р. Нурца и должны были возвратиться съ дороги; «падишу сѣвгу и северену не могоша ити и воротитася на Нуръ»⁽⁴²⁾. Слѣдовательно, вся страна Дрогичинская до р. Нурца уже въ 1250 году принадлежала князьямъ русскимъ. Яснѣе это видно изъ описанія похода 1251 года, въ которомъ многочисленная рать Данила, Василька, Семовита Мазовскаго и Болеслава отправляетъ противъ Ятвяговъ. Войска выступаютъ изъ Дрогичина. «И сляхася во Дрогичинѣ и поидоша (въ землю Ятвяжскую) и приидоша болоти (бѣвъ-сониѣниі, болота Наревскія, которыя и теперь таяутся по теченію этой рѣки) и наидоша на страну ихъ»⁽⁴³⁾. Ужасное опустошеніе было произведено во всей странѣ Ятвяжской до р. «Омгъ», называемой иначе «Лѣкъ». «Оттуда же князь Данилъ *приде ко Визьнѣ и приде рѣку Наревъ.... и придоша со славою на землю свою....*»⁽⁴⁴⁾. Слѣдовательно, переправясь чрезъ Наревъ, при Визнѣ, Данилъ былъ уже въ своихъ владѣніяхъ, «на землѣ своей»; иначе,

⁽⁴⁰⁾ Кар. Пст. Гое. Рос., изд. Эйх., т. III, стр. 164.

⁽⁴¹⁾ Dz. Kęzyc. p. Rogals. t. I. str. 243.

⁽⁴²⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 175.

⁽⁴³⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 185.

⁽⁴⁴⁾ Ibid. стр. 187.

р. Наревъ въ это время отдѣляла его владѣнія отъ Ятвяговъ.

Около этого же времени Лѣтопись начинаетъ упоминать и о другихъ городахъ на означенной мѣстности между Бугомъ и Наревомъ: *Мельникъ*, *Каменьцъ* и *Бѣльскъ*. О первомъ хотя упоминается въ Лѣтописи только подъ 1247 годомъ; но по древности онъ едва ли уступаетъ Дрогичину, судя по остаткамъ старины, замѣтнымъ въ немъ и въ настоящее время, а также и по самому его географическому положенію между двумя древними пунктами — Дрогичиномъ и Брестомъ. Подъ 1247 годомъ упоминаетъ о немъ Лѣтопись Ипат. по-случаю опустошительныхъ набѣговъ Литвы, простиравшихся до этого города ⁽⁵³⁾. Далѣе та же лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1260 годомъ, когда татарскій предводитель, Бурундай, отправляясь на войну въ Литву, звалъ и Данила отправиться вмѣстѣ съ нимъ. «И ѣха Василко за брата и проводи его братъ до Берестя и посла съ нимъ люди своя; и помолвися Богу святому Спасу Избавнику, яже есть икона, лже есть въ городѣ *Мельницѣ* во церкви святой Богородицы и нынѣ стоитъ въ величѣ чести, обща ему Данило Король украситъ ѣ» ⁽⁵⁴⁾. Въ 1262 году Литва снова произвела опустошенія въ окрестностяхъ Мельника, гдѣ «взяша полона много»; но Василько съ сыномъ Владиміромъ нанесли имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ спастись ⁽⁵⁵⁾. Подъ 1281 г. упоминается о Мельникѣ по-случаю передвиженія чрезъ него войскъ, которыя шли на помощь кн. мазовскому Конраду, воевавшему съ братомъ своимъ Болеславомъ. Мельникъ служилъ сборнымъ пунктомъ, откуда выступилъ съ соединенными полками Василько въ Мазовше ⁽⁵⁶⁾. Въ 1282 г. Мельникъ принадлежит Юрію Львовичу. «*Быша (Юрій) въ Мельницѣ* и присла къ нему отецъ его Левъ, река ему тако: «сыну мой Юрьи! не ходи самъ съ Литвою (на Болеслава, мазовскаго князя).... Юрьи же не поиде по отнѣ словѣ, но посла рать свою...» ⁽⁵⁷⁾ Тому же

⁽⁵³⁾ Ibid. стр. 182.

⁽⁵⁴⁾ Ibid., стр. 197.

⁽⁵⁵⁾ Ibid., стр. 200.

⁽⁵⁶⁾ Ibid., стр. 209.

⁽⁵⁷⁾ Ibid., стр. 211.

Юрію принадлежит Мельникъ и въ 1288 году вмѣстѣ съ Дрогичиномъ, какъ увидимъ ниже.

Земли къ востоку отъ Дрогичина и Мельника и къ сѣверу отъ Бреста лежали въ запустѣніи 80 лѣтъ послѣ Романа. «Сія же страна баше пустѣла 80 лѣтъ по Романѣ.» Только Владиміръ Васильковичъ (1272 — 1289 г.) выстроилъ здѣсь на р. Лѣстнѣ (Леснѣ) городъ *Каменецъ*, подробности построения котораго сообщаетъ Лѣтопись подъ 1276 годомъ⁽⁵⁸⁾. Выстроенный имъ каменный «столпъ», высотой въ 17 сажень, стоитъ въ теченіе почти шести вѣковъ и въ настоящее время въ его первоначальной формѣ и размѣрахъ, равно-какъ и церковь Благовѣщенія. «Създа же въ немъ столпъ камень, высотой 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ на нь; и церковь постави Благовѣщенія святѣя Богородицы и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя сребрены», и пр.⁽⁵⁹⁾

Раньше чѣмъ о Каменцѣ упоминаетъ лѣтопись о *Бѣльскѣ* въ странахъ, простиравшихся на сѣверъ отъ Дрогичина и Каменца до р. Наревъ, которыя не только въ 1250 году, но и гораздо раньше принадлежали Даниилу Романовичу и его предшественникамъ. Первое о немъ извѣстіе находимъ подъ 1253 годомъ; но лѣтописецъ упоминаетъ здѣсь о немъ уже какъ объ общеизвѣстномъ, а не какъ о новомъ, недавно выстроенномъ городѣ⁽⁶⁰⁾. Потомъ упоминается о немъ въ княженіе Владиміра Васильковича, слѣдовательно, между 1272 — 1289 годомъ. Лѣтописецъ, повѣствуя о благочестивой ревности сего князя къ строенію церквей и снабженію ихъ золотыми иконами, серебряными сосудами, крестами, также книгами и пр. въ Брестѣ, Каменцѣ и другихъ церквахъ, говоритъ: «также и у *Бѣлску* поустрои церковь иконами и книгами»⁽⁶¹⁾. Но къ которой изъ бѣльскихъ церквей относится это замѣча-

⁽⁵⁸⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 206 и 222.

⁽⁵⁹⁾ Впрочемъ, нынѣшняя каменецкая церковь Благовѣщенія деревянная, а потому, можетъ-быть, одно только названіе ея сохраняется по настоящее время отъ 1276 года.

⁽⁶⁰⁾ Ibidem.

⁽⁶¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 222.

ніе лѣтописца, мѣстный изслѣдователь рѣшить этого не можетъ ⁽⁶²⁾.

Въ-теченіе всей второй половины XIII столѣтія до временъ распространенія надъ западною Русью господства Литвы и Польши, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами Дрогичиномъ, Мельникомъ, Каменцомъ, Бѣльскомъ и др. находились постоянно во власти Даниіла Романовича (который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже короновался 1255 года въ этомъ Дрогичинѣ), а по смерти его—во власти его преемниковъ. При Василькѣ, братѣ и преемникѣ Даниіла, Дрогичинская область принадлежала *Шварну Даниіловичу* до 1267 года, а по смерти сего послѣдняго перешла къ *Льву Даниіловичу*, владѣтелю Галича и Холма, и оставалась въ его власти чрезъ все время княженія *Владиміра Васильковича* (1269—1289 г.). Послѣдній, не имѣя дѣтей, назначилъ въ духовномъ завѣщаніи своимъ наслѣдникомъ *Мстислава Даниіловича*, мимо старшаго его брата *Льва Даниіловича* и сына *Юрія*, которыхъ набожный и добродушный Владиміръ не любилъ за ихъ лукавые происки. Оскорбленный Левъ Даниіловичъ хотѣлъ выпросить у него по-крайней-мѣрѣ *Брестъ*; но и это ему не удалось. Не удалась также и хитрость сына его *Юрія*, властвовавшего въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владиміру на своего отца, говоря: «Господине, строю мой!... отецъ мой... отнимаетъ у мене города, что ми быть далѣ, Бѣлзъ, и Червень, и Холмъ, а велитъ ми бити въ *Дорогичинъ* и въ *Мѣлицъ*; а бью челомъ Богу и тобѣ, строюви своему, дай ми, господине, *Берестій*, то бы ми сполу было» ⁽⁶³⁾. Владиміръ не смягчился просьбою своего племянника и не далъ ему Бреста. Тогда Юрій прибѣгнувъ къ другимъ мѣрамъ. Еще при жизни Владиміра онъ склонилъ на свою сторону Берестыянъ, которые, по словамъ лѣтописца, «учинили коромолу..... ѣхавше къ Юрьеву князю цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: «како не достанетъ стрія твоего (Владиміра) ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь» ⁽⁶⁴⁾.

⁽⁶²⁾ Г. Ярошевичъ, въ ст. о прав. церк. въ Бѣльскѣ — см. «Гродн. Губ. вѣд.».

⁽⁶³⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 218.

⁽⁶⁴⁾ Ibid, стр. 223.

И дѣйствительно, какъ-только не стало Владимира Васильковича, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ; но еще въ томъ же 1280 году былъ изгнанъ изъ этихъ городовъ Мстиславомъ и бѣжалъ съ своими приверженцами въ Дрогичинъ. Мстиславъ повсюду былъ встрѣчаемъ съ живѣйшею радостью и овладѣлъ *Брестомъ*, *Каменцомъ* и *Бѣльскомъ*. «Поѣха Юрьи вонъ изъ города съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ дома стрѣя своего, и не остася камень на камени въ *Берестѣ*, и въ *Каменци*, и въ *Бѣльски*.... ради ему (Мстиславу) быша вси людье; утвердивъ людій, засаду посади въ *Бѣльски* и въ *Каменци*....» Верестяны же обложили онъ тяжелою данью за ихъ коромолу⁽⁶⁵⁾. Миръ и спокойствіе царствовали въ этихъ странахъ подъ управленіемъ Мстислава, потому-что князь «миръ держа съ околными сторонами, съ *Ляхы* и съ *Нѣмцъ*, съ *Литвою*, одержа землю свою величествомъ оныи по Тотары, а сѣмо по Ляхы и по Литву.» Ятвяги также не тревожили уже этихъ земель своими набѣгами, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ они были совершенно истреблены. Изъ сдѣланнаго доселѣ обзорѣнія историческихъ извѣстій оказывается :

1) Что нынѣшніе города Брестъ, Кобринъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ въ XIII, XII, отчасти XI столѣтіяхъ находились во власти князей юго-западной Руси, и, слѣдовательно, все пространство, на которомъ они находились, т.-е. земли между Западнымъ Бугомъ и р. Наревомъ, принадлежали этимъ князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ. Мы видѣли также, что и во времена, предшествовавшія XI столѣтію, это пространство заселено было славянскими племенами, а не Ятвягами.

2) Что касается столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то изъ разсмотрѣнія историческихъ о немъ извѣстій оказывается, что этотъ городъ находился во власти князей русскихъ, иногда переходилъ къ Польшѣ и съ самаго появленія его до времени распространенія надъ западною Русью господства Литовцевъ рѣшительно нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить подобное въ немъ господство Ятвяговъ. Нельзя этого сказать и о Дрогичинѣ Кобринѣ

(65) И. С. Р. Л., т. IV, стр. 224 и 225.

скаго уѣзда, который если бы и существовалъ въ эти времена (чего, впрочемъ, и предполагать невозможно), то постоянно находился во власти князей кобрынскихъ или пинскихъ; а еще менѣе можно это думать о Дрогичинѣ вольнскомъ, принимаемомъ Нарушевичемъ⁽⁶⁶⁾ за столицу этого народа. Такимъ образомъ, господствующее еще и въ настоящее время мнѣніе, по которому Дрогичинъ былъ столицею Ятвяговъ, оказывается ложнымъ.

3) Уже въ XIII столѣтіи находимъ на означенномъ пространствѣ, какъ-то: въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Бѣльскѣ и др., православныя церкви, которыя, быть-можетъ, существовали въ этихъ мѣстахъ и гораздо раньше. Это показываетъ, что уже во времена, предшествовавшія ихъ появленію, было немалое число послѣдователей православной вѣры на этомъ пространствѣ; иначе, кѣмъ и для кого онѣ строились бы? Появленіе же въ XV и XVI ст. православныхъ церквей и монастырей въ дальнѣйшихъ пунктахъ на сѣверѣ, какъ-то: въ Гродкѣ, Заблудовѣ, Супраслѣ, Нарвѣ и др.⁽⁶⁷⁾, при всѣхъ

⁽⁶⁶⁾ Hist. Nar. Pols. Warsz. 1803 г. Т. IV, str. 61.

⁽⁶⁷⁾ 1. Въ Бѣльскѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ было уже 5 православныхъ церквей (см. статью г. Ярошевича въ «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Объ одной изъ нихъ — Пречистенской, или Замковой, въ которой положено тѣло княгини Вассы Михайловны, упоминаеть грамота короля польскаго Александра, данная 1504 года (ibid.).

2. Нынѣшній православный Супрасльскій монастырь (въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока) основанъ былъ первоначально, въ 1498 г., Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ мѣстечкѣ *Гродкѣ*, оттуда 1500 г. перенесенъ былъ въ м. Супрасль, гдѣ и теперь находится. Это отчасти подтверждаетъ и слѣдующая надпись на портретѣ основателя (во весь ростъ), стоящемъ въ церкви Супрасльскаго монастыря: «Alexander Chodkiewicz Wojewoda Nowogrodzki i Marszałek W. X. L. ufundował Supraśl na Choroszcy r. 1506, a zamiana stała Choroszcy na Chorostow r. 1533 d. 30 X bra.» Въ другой надписи на портретѣ митрополита Іосифа Солтыка сказано: «Jozef Soltyk Marszałek Nadworny W. X. L. Posłem obrany od Synodu Ruskiego a od Alexandra spróbowany do Syxia IV Papieża. z wyznaniem stolicy S. Apostolskiej posłuszeństwa in religione S. B. M. Josephikus wrzod Arcy-Biskupem Smoleńskim a potem w r. 1497 został Metropolitą całej Rusi. Dobrazasługach w sobie od Króla Alexandra nadane Klasztorowi Supraślskiemu aplikował. Umarł roku 1515.»

3. Православная церковь въ *Заблудовѣ* основана 1597 года Григоріемъ Ходкевичемъ, сыномъ упомянутого Александра, основавшаго монастырь Супрасль. Въ фундашевой записи основатель говоритъ: «все подданные

неблагопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, показываетъ ту постепенность, съ которою свѣтъ христіанской вѣры распространялся изъ Кіева по западнымъ частямъ губерніи Гродненской съ юга на сѣверъ, между массами народонаселенія. Все это ведетъ къ тому заключенію, что страны эти давнымъ-давно освободились (если когда-нибудь и были въ ихъ власти) отъ такихъ полукочевыхъ дикарей, каковыми были Ятвяги, коснѣвшіе въ язычествѣ во всѣ времена своего существованія.

Послѣ такого положительнаго свидѣтельства исторіи можно ли согласиться съ вышеприведенными мнѣніями Стрыйковского, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей, утверждающихъ, что Ятвягамъ принадлежала вся страна отъ земли древнихъ Прусовъ до Волыни, что столицею ихъ былъ городъ Дрогичинъ? По-крайней-мѣрѣ, относительно тѣхъ временъ, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія извѣстія, т.-е. съ X по XIII столѣтіе, ошибочность подобныхъ мнѣній обнаруживается какъ нельзя яснѣе.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего вопроса : обозначенію пространства, занимаемаго Ятвягами.

Уже изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что Ятвяговъ не должно искать въ странахъ, лежащихъ къ югу отъ р. Наревъ, ибо съ юга почти до этой рѣки простирались владѣнія князей юго-западной Руси въ XIII столѣтіи и раньше. Ихъ должно

наши того имени нашего Заблудовского... . повинни будут на год давати десятины зволок зуполное жыта полкопы лчменю полкопы итакто есмо насес час подлуг волок тепер оседалых окром того што еще напрод осести могут и шацовали ижъ вчинит тое десятины с подданица жыта копъ двесте а лчменю копъ двесте нагод..... (Собр. грам. и акт. Минской губер., № 138) Одна половина этой десятины давалась «Свещеннику и диакону Рускому», а другая «плебану до костела Римского.» Слѣдовательно, въ XVI столѣтіи въ окрестностяхъ мѣстечка было уже 400 волокъ (т.-е. не менѣе 6,000 десятинъ) земли, обработанной и заселенной послѣдователями «закоу Грецкого и Римского», и первыхъ было въ это время не менѣе половины.

Все это показываетъ, что около Супрасля, Гродка, Заблудова, Наревы, Бѣльска было большое число исповѣдовавшихъ православную вѣру въ XV столѣтіи, т.-е. чрезъ два столѣтія послѣ того, какъ лѣтописи начинаютъ упоминать о православныхъ церквахъ, возникшихъ въ странахъ между р. Наревомъ и Бугомъ, въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ и др.

искать на правомъ берегу этой рѣки. Въ 1279 году, когда голодъ распространился въ Руси, Польшѣ, Литвѣ и въ *странѣ Ятвяжской*, Владиміръ Васильковичъ, по просьбѣ Ятвяговъ, посылаетъ въ ихъ страну хлѣбъ для продажи. «Володимеръ изъ Берестѣя посла къ нимъ жито, въ лодяхъ, по Бугу..... Идущимъ же имъ по Бугу, и тако *возидоша на Наревъ и поидоша по Нарови и придоша подъ городъ подъ Полтовескъ*»⁽⁸⁸⁾. Но подъ этимъ городомъ, принадлежавшимъ въ то время мазовскому князю Конраду, везшіе хлѣбъ были перебиты ночью неизвѣстно кѣмъ, хлѣбъ расхищенъ и не доставленъ по назначенію въ землю Ятвяжскую. Изъ этого мѣста Лѣтописи видно, что въ Ятвяжскую страну ходили по р. Наревѣ, слѣдовательно земля *Ятвяжская примыкала къ Нареву съ правой стороны*. А такъ-какъ съ лѣвой стороны примыкали къ этой рѣкѣ владѣнія русскихъ князей — область Бѣльская и Визна, то, безъ-сомнѣнія, только эта рѣка и тянуціяся по ея теченію большія болота отдѣляли однихъ отъ другихъ. Слѣдовательно, *р. Наревъ отдѣляла Ятвяговъ отъ владѣній князей юго-западной Руси*.

На сѣверо-западѣ страна Ятвяжская въ древнѣйшія времена, въ XI столѣтіи, примыкала къ землѣ *Голядской, или Голендзинской*. Это видно изъ Несторовой Лѣтописи, въ которой говорится, что Ярославъ I въ 1038 году покорилъ Ятвяговъ, а сынъ его Изяславъ одержалъ побѣду 1057 года надъ сосѣдями ихъ «Голядью». Съ этимъ же народомъ граничили Ятвяги и въ XIII столѣтіи. Земля же Голендзкая простиралась въ XIII и XIV столѣтіяхъ до верховьевъ рѣки Мсты (теперь Нетта), до верховьевъ рѣки Лѣнки; а отъ Мазовша отдѣляла ее р. Винцента, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ и актовъ⁽⁸⁹⁾. А потому на сѣверо-западѣ земля Ятвяжская примыкала къ землѣ Голендзинской при верховьяхъ Нетты и Лѣнки, а отъ Мазовша отдѣлялась р. Винцентою. Это подтверждаетъ отчасти и слѣдующее мѣсто Ипатьевской Лѣтописи. Въ описаніи похода Даниіла Романовича на Ятвяговъ 1251 г. сказано, что войска выступили изъ Дрогичина, перешли р. Наревъ и опустошили землю Ятвяжскую до р. Лѣнки. «И.

⁽⁸⁸⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 208.

⁽⁸⁹⁾ См. Pisma D. Szulca 1854 г., стр. 133 — 135.

гнаша Русь и Дяхове по нихъ (Ятвязехъ), и мнози князи Ятвязьскіи избѣени быша; и гнаша ѣ до *рѣкы Олга*, и преста брань..... Идущимъ же имъ и пѣнящимъ и жагущимъ землю ихъ, *пришедшимъ же имъ рѣку Олгъ.....* ⁽⁷⁰⁾ Разумѣется, что эта «рѣка Олгъ, Олгъ», называемая въ другомъ мѣстѣ «Лѣкъ», есть вышѣшняя Лѣка (Łeka, Łesha), впадающая въ Бобръ выше Гоніондза. На другой день по переходѣ чрезъ эту рѣку напали на Ятвяговъ сосѣди ихъ Пруссы и Борты. Это были рыцари, покоришіе уже въ это время большую часть земли Голендзкой, какъ видно изъ описанія ихъ вооруженія. «*Щитъ же ихъ яко зоря бѣ, шелома же ихъ яко солицю восходящую, копіемъ ихъ дръжащимъ въ рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обаволъ идущимъ, и держащимъ въ рукахъ розжанци своѣ.....*» ⁽⁷¹⁾. Итакъ, къ *сѣвера-западу отъ р. Наревъ, выше Вицны, страна Ятвязьская простиралась за р. Бобръ до истоковъ р. Лѣнки, Нетты и Винценны*, которыя отдѣляли ихъ съ одной стороны отъ Мазовша, съ другой отъ земли Голендзкой (Голядской) и отъ Пруссовъ, Бортовъ и рыцарей ⁽⁷²⁾.

⁽⁷⁰⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 186.

⁽⁷¹⁾ Ibid.

⁽⁷²⁾ Еще и въ настоящее время въ этихъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бобра, замѣтны нѣкоторые слѣды пребыванія Ятвяговъ. Къ нимъ принадлежатъ: 1) Два селенія на лѣвомъ берегу р. Бобра (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ мѣст. Суховоли), изъ которыхъ одно называется *Ятвезъ стара*, другая—*Ятвезъ нова*. Это названіе сохранилось, безъ сомнѣнія, отъ Ятвяговъ. Стрыйковский, вѣроятно, указываетъ на эти селенія, говоря объ остаткахъ Ятвяговъ около Райграда (изд. варш., 1766 г., на стр. 181). Что селенія эти могли существовать въ его время, доказательствомъ тому можетъ служить одинъ деревянный домъ, находящійся и въ настоящее время недалеко отъ этихъ селеній, въ которомъ на одномъ бревнѣ вырѣзанъ 1619 годъ, означающій время его построенія. О другихъ селеніяхъ упоминаемъ ниже. 2) Недалеко отъ этихъ селеній, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, находится нѣчто въ родѣ кладбищъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей даже называютъ ихъ *Ятвязьскими кладбищами* (mogilki Jadzwingowskie) и говорятъ, что на камняхъ, находящихся во множествѣ на этихъ кладбищахъ, видѣли вырѣзанныя земледѣльческія орудія, какъ-то: серпы, косы, топоры и пр. Пишущему это случилось видѣть только одно подобнаго рода кладбище, находящееся въ полуверстѣ отъ Ятвези. Оно находится среди вспаханныхъ полей, занимаетъ пространство около 150 шаговъ длины и около половины того

На востокъ отъ истоковъ Ланки и Нетты предѣлы страны Ятвяжской *простирались подѣ Гродно и примыкали къ Нѣману и Лиць*. Это видно изъ Дузбурга ⁽⁷³⁾ и Длугоса ⁽⁷⁴⁾, которые, впрочемъ, ошибочно считаютъ обитателей между Нѣманомъ и Наревомъ Литовцами, а не Ятвягами. Стрыйковскій также говоритъ, что Ятвяги поражены были въ 1282 году Лешкомъ Чернымъ «между *Наревомъ и Нѣманомъ*» ⁽⁷⁵⁾; а Хвальчевскій (писавшій въ 1549 г.), что они жили на границахъ Литвы, при Мазовши, иначе между Мазовшемъ и Литвою ⁽⁷⁶⁾. Кромержъ также назначаетъ имъ съ этой стороны границу Литву, говоря, что «Ятвяги занимали пространство между Польшею, Русью, землею Пруссомъ, жили при границахъ литовскихъ» ⁽⁷⁷⁾. Впрочемъ, и за Нѣманомъ, въ Лидскомъ уѣздѣ (Виленск. губер.), между мѣстечкомъ Каменкой и Щучнымъ, есть еще и теперь два селенія, называющіяся *Ятвеськ*; а недалеко отъ этихъ селеній, на берегахъ рр. Котры и Пѣлазы, живутъ *Юдвезсаи*, потомки Ятвяговъ, между которыми и по настоящее время сохранились нѣкоторые свойства ихъ предковъ ⁽⁷⁸⁾; но это, безъ-сомнѣнія, переселенцы съ лѣваго берега Нѣмана, а границы Ятвяговъ едва ли могли прости- раться за Нѣманъ до этихъ мѣстъ.

ширины. На немъ находится до 100 большихъ, необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, — всѣ въ столичномъ положеніи. Ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено упоминаемыхъ изображеній. Жители не берутъ ихъ съ мѣста, ибо часто случалось, что поселянъ, бравшихъ эти камни для какого-либо употребленія, тревожили страшныя сновидѣнія; они побаивались отъ нихъ, коль-скоро возвращали взятые камни на прежнее мѣсто. Оттого съ давнихъ временъ камни остаются нетронутыми. Къ какому времени отнести появленіе этихъ кладбищъ? Не имѣютъ ли они какой-нибудь связи съ походомъ Даміана Романовича, который 1231 г. былъ за Ланкою, а гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, между Райгородомъ и Ятвезью, происходили кровавыя битвы?

⁽⁷³⁾ Изд. Гартк., стр. 331.

⁽⁷⁴⁾ Т. I. X, стр. 43.

⁽⁷⁵⁾ Варш. изд., стр. 182.

⁽⁷⁶⁾ Изд. варш., 1829, на стр. 49: «*Jaczwyngowye sza to ludzkie okraty na granyszach lithewskych podla mazowsza myeska... myeday lythwa szut jezzyket mowacz.*»

⁽⁷⁷⁾ Изд. варш., 1767, стр. 91, кн. IV.

⁽⁷⁸⁾ См. Ист. Нарбута, также Шафар. «Слав. Држав.», пер. Бодянк., т. II, стр. 291.

Труднѣе отыскать *восточные предѣлы* страны Ятвяжской по направленію къ югу отъ Нѣмана. Съ этой стороны она граничила съ Русью и Литвою. Въ лѣтописи подъ 1256 годомъ говорится, что во время похода Данила Романовича на Ятвяговъ къ нему присоединился съ своею дружиною «Романъ съ Новгородцами (Новогрудекъ), и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со *Изяславомъ со Вислочьскимъ*» ⁽⁷⁹⁾. Можетъ-быть, Изяславъ имѣлъ свои владѣнія на р. Свислочь, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Свислочь; потому онъ по ошибкѣ переписчиковъ и названъ «со Вислочьскимъ», также «съ вислочьскимъ», вмѣсто «*Свислочьскимъ*». О Слонимѣ и Волковискѣ также упоминается въ Лѣтописи подъ 1252 и 1256 гг., какъ о ближайшихъ пунктахъ къ странѣ, занимаемой Ятвягами и имъ не принадлежавшихъ. Слѣдовательно, ни Слонимъ, ни Волковискъ, можетъ-быть, даже земли, находящіяся у верховьевъ р. Свислочи, не были въ XIII столѣтіи во власти Ятвяговъ. Но что селища ятвяжскія распространялись даже подъ мѣстечко Свислочь, доказываетъ нынѣшняя деревня *Ятвескъ* (Jatweski), находящаяся въ 7 верстахъ отъ этого мѣстечка и которая есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ поселеній ятвяжскихъ, сохранившій отъ древнихъ временъ одно только названіе. Вѣроятно-же всего, что къ сѣверу отъ этого селенія полоса лѣсовъ между рр. Свислочью и Россюю была границею, сѣбною, ограждавшею Ятвяговъ съ восточной стороны отъ Руси и Литвы; а къ югу, по направленію къ мѣстечку Каменцу и къ Пружанамъ, подобною же границею служила нынѣшняя Бѣловешская пуца ⁽⁸⁰⁾. Въ такомъ случаѣ поселенія ят-

⁽⁷⁹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 192.

⁽⁸⁰⁾ Какъ велики были нѣкогда въ этомъ мѣстѣ лѣса, видно изъ одного мѣста договорной грамоты великихъ князей литовскихъ Кейстута и Ягеллы съ рыцарями въ 1379 г., гдѣ сказано: «Обитателямъ земли Гродненской для рыбной ловли, для охоты, также на строеніе жилищъ и другія потребности назначается пространство лѣсовъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, начиная за милою отъ Пржеломки до того мѣста, гдѣ сходятся границы земли Гродненской съ границами округа Волковыскаго. Къ югу и ю.-з. отъ Нѣмана, по направленію къ землѣ Прусской, Ефлѣской и Волковыской позволается пользоваться этими лѣсами на разстояніи 6 миль; съ другой стороны Нѣмана на такое же пространство.» (См. *Kodex Litwy Raczynskiego*; также *Voigt's t. X.*) Слѣдовательно, пуца въ этомъ мѣстѣ имѣла въ ширину не менѣе 12 миль; нынѣшняя Бѣловешская пуца была ихъ продолженіемъ.

вяжскія выступали у верховьевъ р. Наревы къ югу отъ этой рѣки (на пространство d e f., см. карту) по направленію къ Каменцу и Пружанамъ до того мѣста, гдѣ начинались владѣнія русскихъ князей. — Непроходимые лѣса Бѣловежской пушчи служили, безъ-сомнѣнія, для воинственныхъ хищниковъ главнымъ притономъ, откуда они предпринимали отважные набѣги на сосѣдственныя страны земледѣльческихъ Славянъ, съ цѣлю грабежа. Такимъ-образомъ, на югѣ они часто напали и грабили область Брестскую, вторгались нерѣдко даже на Волинь; на востокъ проникали, можетъ-быть, до самаго Новогрудка. Это дало Стрыйковскому и другимъ поводъ думать, что Новогрудекъ съ окрестными селеніями находился въ ихъ власти, и назначать подъ жилища этого племени столь обширныя пространства.

Итакъ, *Ятвяги* занимали въ XIII столѣтіи пространство между двумя большими рѣками: на сѣверъ — *Нѣманомъ*, на югъ — *Наревомъ*; на сѣверо-западъ страна ихъ простиралась до верховьевъ рр. *Ланки* и *Нетты*, на востокъ — до верховьевъ р. *Наревы* и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки. Такимъ-образомъ, мѣстность a b c d e f g (см. карту) будетъ означать пространство, занимаемое Ятвягами, съ приблизительнымъ означеніемъ границъ ихъ страны. На этомъ пространствѣ должно искать упоминаемыхъ въ лѣтописи подъ 1256 г. и другихъ слѣдующихъ селищъ ятвяжскихъ: «вси Болдикища, Привища, Тайсевиче, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, села Корковичи, Жебровичи»⁽⁸¹⁾. Въ недавнее время слѣданы попытки къ отысканію нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній ятвяжскихъ, самыхъ древнихъ въ здѣшнемъ краѣ, и г. Шульцъ⁽⁸²⁾ находитъ: Раймоче въ нынѣшнемъ селеніи *Рамоты*, недалеко отъ р. Бобра; Жебровичи — въ нынѣшн. *Жебрахъ*, *Жебркахъ*, тамъ же; Буряля — въ *Добржыяловъ*, выше Визны; Корковичи — въ *Коробице*, недалеко отъ Домбровы⁽⁸³⁾.

Эта непрерывавшаяся въ то время полоса лѣсовъ отъ Нѣмана до Каменца была границею страны Ятвяжской на востокъ.

⁽⁸¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 192 и 193.

⁽⁸²⁾ *Pisma*..... стр. 145.

⁽⁸³⁾ *Коревичи* — селеніе въ 14 верстахъ отъ Свислочи мѣст. — и *Куриловичи* за Волковыскомъ еще ближе подходятъ подъ лѣтописное названіе *Корковичи*; но на одномъ сходствѣ названій, которое можетъ быть и

На означенное нами пространство должно, впрочемъ, смотрѣть только какъ на главное гнѣздо Ятвяговъ, и мы означаемъ здѣсь границы ихъ страны только приблизительно: въ строгомъ же смыслѣ этого слова ихъ не должно искать. Да ихъ и не могло быть въ такомъ смыслѣ у народа полудикаго, полукочеваго, занимавшагося не земледѣліемъ, а грабежами, разбоями, безпрестанными набѣгами на сосѣдственныя страны. Такому народу сама природа поставляетъ границы въ высокихъ горахъ, большихъ рѣкахъ, непроходимыхъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ. Означенное здѣсь пространство показываетъ вмѣстѣ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ было замкнуто это полукочевое племя въ послѣднія времена своего существованія племенами славянскими, племенами земледѣльческими, которыя, бывъ выведены изъ терпѣнія безпрестанными грабежами и хищничествомъ дикарей, какъ бы съ общаго согласія, рѣшили истребить ихъ совершенно. И они достигли своей цѣли. Исподоволь ослабленные ими Ятвяги погибли отъ истительнаго оружія озлобленныхъ сосѣдей. Лешекъ Черный 1282 года нанесъ имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился съ поля кровавой битвы. Съ этого времени самое имя Ятвяговъ исчезаетъ изъ лѣтописей, изглаживается изъ памяти народной, и только весьма немногіе остатки вещественныхъ памятниковъ напоминаютъ въ настоящее время о Ятвягахъ и кровавыхъ битвахъ съ ними.

Что же это былъ за народъ, который находился въ постоянной враждѣ съ сосѣдами своими — Русью, Польшею, Литвою, Пруссамъ, не могъ ужиться въ мирѣ ни съ однимъ изъ нихъ и погибъ наконецъ какъ бы очистительною жертвою въ отчаянной борьбѣ съ ними?

Объ этомъ предметѣ какъ у историковъ древнѣйшихъ, такъ и у новѣйшаго времени изслѣдователей встрѣчаемъ мнѣнія разнообразныя, однѣ съ другими несогласныя. Мы уже видѣли, что Ятвяги жили между Пруссамъ и Литвою, между Польшею и Русью: этого достаточно было для писателей, чтобы выводить ихъ происхожденіе отъ одного изъ этихъ на-

случайнымъ, не подтвержденномъ другими историческими доказательствами, утверждать этого не можемъ.

родовъ, именно отъ того, съ которыми, какъ имъ кажется, они имѣютъ наиболѣе сходства.

Такимъ-образомъ, *Другошъ* считаетъ Ятвяговъ за одно племя съ *Литовцами* и *Пруссамы*, потому-что между языкомъ и нравами Ятвяговъ и этихъ народовъ замѣчается много сходства ⁽⁸⁶⁾. Того же мнѣнія держатся *Кромель*, *Стрыйковский*, *Бѣльскій*. Послѣдніе два увѣряютъ, что Ятвяги были одного происхожденія и языка съ *Литвою*, *древними Пруссамы*, *Половцами*; что они, подобно Литвѣ, произошли изъ смѣшенія *Готовъ* съ остатками *Кимровъ* ⁽⁸⁶⁾. Кадлубекъ говоритъ о Ятвягахъ: «Sunt autem Pollexiani (т.-е. Ятвяги), *Getharum seu Prussorum* genus, и, какъ бы въ подтвержденіе своей догадки, дѣлаетъ далѣе слѣдующее замѣчаніе объ одномъ вѣрованіи Ятвяговъ: «est enim omnium Getharum communis dementia, exutas corporibus animas, nascituris infundi corporibus quasdam etiam in brutorum assumptione corporum brutescere ⁽⁸⁷⁾».

Другое мнѣніе, совершенно противоположное упомянутымъ, находимъ у *Сарницкаго* и *Нарушевича*. Первый, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ географовъ, выводитъ Ятвяговъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Второй дѣлаетъ замѣчаніе, что если и было сходство языка ятвяжскаго съ языкомъ Литовцевъ и древнихъ Пруссовъ, то это еще не доказываетъ одного съ ними происхожденія, ибо это сходство могло произойти отъ сосѣдства и сношеній съ ними. Онъ доказываетъ далѣе, что этотъ народъ былъ совершенно отличенъ какъ отъ Литвы и древнихъ Пруссовъ, такъ и отъ Славянъ и, вмѣстѣ съ *Сарницкимъ*, выводитъ ихъ отъ племенъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Нынѣшнихъ Цыганъ считаетъ онъ потомками древнихъ Ятвяговъ; а изъ отвѣта ихъ на вопросъ: кто ты? *Я Цыганъ*, объясняется,

⁽⁸⁶⁾ Т. I, p. 394. Pens Jactvingorum natione, lingua, ritu, religione et moribus magnam habebat cum *Litvanis*, *Pruthenis* et *Samogitis* conformitatem, cultui idolorum et ipsa dedita. Въ другомъ мѣстѣ: Jactvingorum natio.... cum *Pruthenica* et *Lithvanica* lingua habens magna ex parte similitudinem et intelligentiam.

⁽⁸⁶⁾ Кром. кн. IV, стр. 8; Стрыйск., стр. 180; Бѣльск., стр. 88.

⁽⁸⁷⁾ Кадлуб. въ отд. своей хроникѣ: «de principatu Lesconis Albi».

по мнѣнію его, и самое названіе ихъ : *Яцыги, Языги* (Jazygac), т.-е. *Ятвяги* ⁽⁸⁸⁾. Но это совершенно ложно.

Отсюда видимъ, какъ сбивчивы и несогласны мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ. По мнѣнію однихъ, Ятвяги были Литовцами, Готами, древними Пруссамъ; по мнѣнію другихъ, они не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими, а племенемъ особымъ, одинаково чуждымъ всѣмъ тремъ. Не будемъ входить въ подробный разборъ справедливости каждаго изъ этихъ мнѣній; рассмотримъ здѣсь только результатъ, полученный позднѣйшими изслѣдователями изъ разбора этихъ разнообразныхъ свидѣтельствъ, на которомъ основаны мнѣнія, въ настоящее время господствующія объ этомъ предметѣ.

Изслѣдованія ученыхъ новѣйшаго времени привели ихъ не къ одинаковымъ результатамъ. Г. *Ярошевичъ* считаетъ Ятвяговъ народомъ одноплеменнымъ съ Литвою, основываясь преимущественно на свидѣтельствѣ *Длугоша* ⁽⁸⁹⁾. Но другой изслѣдователь, г. *Шульцъ*, доказавъ ошибочность *Длугошева* мнѣнія (между-прочимъ, на основаніи рукописнаго экземпляра *Хроники Богуфала*, найденнаго въ Крелевецкомъ архивѣ, въ которомъ фраза *Кадлубка Getharum seu Prussorum genus*, перемѣняется въ *Lechitarum seu Prussorum genus*), опровергаетъ тѣмъ и мнѣніе г. *Ярошевича* и приходитъ къ тому заключенію, «что эти Ятвяги не были Литвою, ни Русью, ни Молдаванами; что они называются *Польсянами* у *Кадлубка*, *Лехитами* у *Богуфала*; что только господство надъ ними то Литвы, то Руси, которые иногда покоряли этотъ народъ своей власти, сдѣлало ихъ племенемъ чуждымъ, отличнымъ отъ *Лехитовъ*, и дало поводъ считать ихъ то Литвою, то Русью. «Ходъ событій, лучшее уразумѣніе лѣтописей, папскія буллы, точнѣйшее означеніе границъ доказываютъ несомнѣннымъ образомъ ихъ происхожденіе польское.» А потому Ятвяги, по словамъ изслѣдователя, не должны быть привидѣніями въ исторіи здѣшняго края, не должны никого пугать суровыми чертами своего лица, ибо это *Польсяне*, *Лехиты*, подъ маскою литовскою ⁽⁹⁰⁾. Такимъ-образомъ, выходитъ по этому

⁽⁸⁸⁾ Hist. Nar. Pol. T. IV, примѣч. 118 къ кн. I.

⁽⁸⁹⁾ *Obraz Litwy*. Wilno. 1844. T. I, str. 12, § 5.

⁽⁹⁰⁾ *Pisma D. Szulca* Warsz. 1853. стр. 23, также 140—151.

мнѣнію, что никакихъ Ятвяговъ не было; а, между-тѣмъ, исторія этого народа представляетъ слишкомъ ясныя и убѣдительныя доводы противнаго.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемъ другое, совершенно ему противоположное и тѣмъ болѣе замѣчательное, что принадлежитъ ученому, отличающемуся всестороннимъ изслѣдованіемъ и глубокимъ знаніемъ нашихъ древностей. Говоримъ объ авторѣ «Славянскихъ Древностей». Въ отдѣлѣ этого сочиненія о народахъ сарматскаго племени Шафарикъ⁽⁹¹⁾ говоритъ, что это азіатское племя, переселенное скинскими царями (около 633—605 г. до Р. Х.) изъ Мидіи въ страну, лежащую между Волгою, Дономъ и Меотійскимъ заливомъ, стало распространяться отсюда на западъ за Донъ, въ III вѣкѣ до Р. Х. подвинулось къ самому Днѣпру, а въ I вѣкѣ (между 60—55 г. до Р. Х.) является уже на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. до конца IV Сарматы господствуютъ во всемъ Черноморскомъ и Придунайскомъ краѣ до р. Тиссы въ видѣ отдѣльныхъ племенъ: *Яксаматовъ*, обитавшихъ при устьяхъ Дона съ восточной стороны; *Роксоланъ* — между Дономъ и Днѣпромъ (истреблены Готами и Гунами); *Аланъ* и *Языговъ*. Одна вѣтвь этихъ послѣднихъ, скитавшихся въ 7—17 г. по Р. Х. по нынѣшней Бессарабіи и Валлахіи, проникла отсюда, около половины I столѣтія, за Карпатскія горы, въ Венгрію на берега Тиссы; другая успѣла пробраться въ Подлясье и дѣлается извѣстною въ исторіи только въ концѣ X столѣтія подъ именемъ *Ятвяговъ*, или *Ятвези*, *Яцьвези*. Прибытіе ихъ въ эти покрытыя травой и лѣсомъ пустыни скрывается, по мнѣнію изслѣдователя, въ глубокой древности. Основываясь на свидѣтельствѣ Юрнанда, Мелы и Плинія, глубокомысленный изслѣдователь, вопреки Нарбуту и Нарушевичу, относящихъ прибытіе ихъ въ эту страну къ IV столѣтію съ береговъ Тиссы, думаетъ, что «сарматскіе Языги проникли сюда уже въ I вѣкѣ по Р. Х. со стороны Днѣпра и черноморскихъ краевъ, раскинули здѣсь свои станы среди Славянъ и питались либо данью и платой, валагаемой ими на незначитель-

(91) Slowanské Starožitnosti, w Praze. 1837, str. 274—295, § 16; перев. Бодявск. II, стр. 266—312.

ные окружные народы, либо грабежемъ, опустошеніемъ и раззореніемъ сосѣднихъ земель.» Возможность этого подтверждается, между-прочимъ, еще и тѣмъ, что около того же времени и братья ихъ *Алале* пробрались далеко на сѣверъ чрезъ мирные славянскіе и чудскіе народы и для своихъ жилищъ заняли мѣсто около истоковъ Волги, Днѣпра и Западной Двины.

Такимъ-образомъ, кромѣ мнѣнія, по которому Ятвяги считаются племенемъ *литовскимъ*, господствуютъ въ настоящее время еще слѣдующія два мнѣнія, одно другому противоположныя: одно — по которому Ятвяги считаются *Мазовшанами*, слѣдовательно, племенемъ чисто *славянскимъ*; другое — по которому они были *Сарматами*, слѣдовательно, племенемъ совершенно отличномъ отъ славянскаго. Принявъ безусловно первое мнѣніе, нужно совершенно отказаться отъ втораго, совершенно уничтожить Ятвяговъ и вѣрить, что ихъ вовсе не было, между-тѣмъ, какъ второе имѣетъ сильное доказательство въ сохранныхъ лѣтописцами чертахъ народнаго быта и во всей исторіи этого народа. Кому же вѣрить? которое мнѣніе справедливо?

Подобная противоположность мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ показываетъ, что истина должна заключаться въ чемъ-то среднемъ между этими крайностями, и вмѣстѣ обнаруживаетъ односторонность приведенныхъ мнѣній. Не отказывая ни тому, ни другому мнѣнію въ односторонней справедливости, нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, что въ отдаленныя времена, какъ онъ полагаетъ, въ I вѣкѣ по Р. Х., племя не-славянское, чуждое ему, успѣло пробраться сквозь племена славянскія въ пустынное или малонаселенное Подлисе, гдѣ нашло много удобствъ для правильной кочевой жизни въ равнинахъ и тучныхъ пастбищахъ этой страны, огражденной большими лѣсами, рѣками и болотами. Такое племя дало начало племени Ятвяговъ, не-славянское происхожденіе которыхъ ясно обнаруживаютъ не только безпрестанная борьба съ окружающими и чуждыми ему племенами, но и черты народнаго быта, сохраненнаго лѣтописцами въ языкѣ, отличномъ отъ славянскаго ⁽⁹²⁾, въ полукочевой жизни на по-

(92) Всѣ историки единогласно утверждаютъ, что языкъ ятвяжскій

вознахъ («колымагахъ»), воинственномъ духѣ, образѣ веденія войны и пр. Если лѣтописцы начинаютъ упоминать о нихъ только съ конца X вѣка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы они появились только теперь. Напротивъ, Ятвяги могли здѣсь существовать задолго до этого времени, и сохранившіеся въ лѣтописяхъ извѣстія съ конца X до конца XIII вѣка относятся только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія. Предшествовавшія же X столѣтію времена представляютъ широкую, пустынную степь, въ которой взоръ историка теряется въ туманной дали. Въ-послѣдствіи это племя заперто было отовсюду другими племенами, мало-по-малу разселявшимися, такъ-что не имѣло куда выхода. Оттого по необходимости должна была завязаться упорная борьба, борьба на жизнь и смерть, которая и оканчивается въ концѣ XIII столѣтія совершенною гибелью Ятвяговъ.

Окруженное отовсюду племенами другаго происхожденія, болѣею частью славянскими, находясь въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ ними, это чуждое по своему началу племя не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло долго сохранять свою національность въ чистотѣ безпримѣсной. Въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій сгладились рѣзкія формы національности не-славянской, и лишь двѣ-три отличительныя черты ея изъ послѣднихъ временъ существованія Ятвяговъ успѣли захватить и внести въ свои сочиненія лѣтописцы. Во второй же половинѣ XIII столѣтія, т.-е. въ послѣдніе полъ-вѣка изъ жизни, остатки эти были уже такъ незначительны, слабы и едва замѣтны, что г. Шульцъ, по разсмотрѣніи источниковъ, относящихся болѣею частью только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія, имѣетъ справедливую причину считать ихъ *Лехитами* («Поляками»), ибо

былъ совершенно отличенъ отъ славянскаго. Кромеръ (IV кн.) говоритъ. «*Peruntur adhuc tenues eorum reliquiae superesse in Lithvania et Russia diversa prorsus a Slavis et Lithvanis lingua utentes.* Мы уже выше привели нѣсколько названій селеній ятвяжскихъ, отличныхъ отъ славянскихъ. Изъ предводителей упоминаются въ лѣтописи подъ 1227 г.: «Моньдуничъ Шутръ, Стегуть Зебровичъ», подъ 1231 г. — «Ящелтъ, Небастъ, Стекинтъ, Коматъ», подъ 1236 г. — «Юндилъ». Изъ племенъ ятвяжскихъ извѣстны: «Заници, Крисменицъ, Покъницъ», упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1236 годомъ.

уже въ это время элементъ славянскій (Мазовшане) преобладалъ въ странѣ Ятвяжской. Можно доказать, что въ такомъ же точно смыслѣ Ятвяги могутъ быть племенемъ *литовскимъ*. Напротивъ-того, авторъ «Славянскихъ Древностей», обращавшій болѣе вниманія на это племя во времена гораздо древнѣйшія, видитъ въ нихъ *Сарматовъ*. Думаемъ, что отъ такого воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ различныхъ сторонъ, отъ устремленія усиленнаго вниманія на два крайніе пункта произошла подобная противоположность во мнѣніяхъ и изслѣдователи получили неодинаковые результаты.

Самое названіе этого народа остается до сихъ поръ нерѣшенною загадкою: ибо мнѣніе объ этомъ предметѣ Нарушевича, производящаго это названіе отъ «*ia Sygan*», Сарницкаго, выводящаго его отъ греческаго *ζυγον* (яро), равно-какъ г. О. Булгарина ⁽⁹³⁾ и отчасти Нарбута ⁽⁹⁴⁾, объясняющихъ это названіе словомъ *языки*, которымъ называлъ себя будто бы этотъ народъ въ отличіе отъ *безъязычныхъ*, т.-е. *Пѣмцевъ*, также словомъ *язычники* (*Czestobohi*) т.-е. идолопоклонники, и другія мнѣнія давно потеряли свой вѣсъ и въ настоящее время не имѣютъ смысла. Различныя формы этого названія у сосѣдственныхъ съ Ятвягами племенъ славянскихъ: у Русскихъ, Поляковъ, также у Литовцевъ (въ русскихъ лѣтописяхъ они называются: *Ятвѣги*, *Ятвѣзь*, *Ятвезъ*; въ польскихъ: *Jatweż*, *Jatwież*, также *Jatwing*, *Jazwing*, *Jadźwing*, *Jaczwing*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; у Литовцевъ *Jatwezy*, *Jodweża*), показываютъ, что всѣ они происходятъ изъ одного источника. Намъ кажется довольно правдоподобнымъ выводъ этого названія отъ *язвецъ*, *язвикъ*, общеупотребительнаго слова во всѣхъ нарѣчіяхъ языка славянскаго, особливо въ древнія времена — въ XII столѣтіи и раньше. ⁽⁹⁵⁾ Въ кожи этихъ звѣрей одѣвались нѣкогда дикіе обитатели лѣсовъ подляскихъ; наружность эта рѣзко бросалась въ глаза ихъ сосѣдей: это и дало поводъ къ названію народа. Что кожи этихъ животныхъ были здѣсь въ

⁽⁹³⁾ «Россія» и проч., т. II, стр. 289.

⁽⁹⁴⁾ *Dzieje Star. Ngr. Litews. Wilno 1837. o jadźw. § 173.*

⁽⁹⁵⁾ См. словарь Линде, изд. Варш. 1808 года. Т. I. Часть II, стр. 871: «*Jatwiec* вса. т. Bh. *gezwee*; Slo. *gazwee*; Sr. 2. *jahs*; Sr. 1. *Swinacz*;

немаломъ употребленіи въ древнія времена, это доказываетъ не только употребленіе ихъ на нѣкоторые предметы въ настоящее время жителями этой страны ⁽⁹⁶⁾, но и свидѣтельство Ипатьевской Лѣтописи. Въ этой послѣдней подъ 1241 годомъ говорится: «Андрей же..... удоси владыку и слуга его разъграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицъ ихъ волычье и борсуковые раздраны быша; словутыного пѣвца Митусу..... не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: «буесть дому твоего сокрушиться, бобръ и волкъ и лавецъ снѣдаться». Изъ другаго мѣста той же Лѣтописи подъ 1279 годомъ видно, что вообще мѣха животныхъ составляли важную статью въ народной промышленности и торговлѣ; Ятвяги говорили Владимиру Васильковичу: «пошли господине къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы». ⁽⁹⁷⁾ Слова Лѣтописи подъ 1235 годомъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на Борьсуковъдѣль»..... ⁽⁹⁸⁾ также намекаютъ на этихъ животныхъ, несмотря на поврежденіе послѣдняго слова переписчиками. Что слово *лавецъ*, *лавезъ*, *яцъвезъ*, *яцъвъзъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *ятвъзъ*, *ятвезъ*, *ятвъзъ*, *ятвъзи* и наоборотъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это произошло вслѣдствіе того правила, по которому буква польскаго языка *ц* (*c*) перемѣняется въ русскомъ языкѣ въ букву *т*. Такимъ-образомъ, *Brzeście*, *Brześć*, *Połock*, *Maciej*, *dać*, *znać*, *cień*, *cierpieć* и мн. др. перемѣнились въ языкѣ русскомъ въ *Берестье*, *Брестье*, *Брестъ*, *Полотскъ*, *Полотескъ*, *Матвей*, *дать*, *знать*, *тѣнь*, *терпѣть* и проч. По этому же самому и *Яцъвъзъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *Ятвъзъ*, *Ятвъзъ* и др. Что же касается до названій: *Jaćwing*, *Jadźwing*,

Crn. *jasbez*; Vd. *jasbez*, *jasbiz*; Cro. *jazvēc*; Dl. *jazavac*; Hg. *borz*; Sla. *jazavac*; Rg. *jazavaz*; Bs. *jazvac*, *jazovac*; Ross. *лавецъ*, *лавикъ*, *borzuk*, podobny co do kształtu do niedźwiédzia małego.

⁽⁹⁶⁾ Особенно часто теперь встрѣчаются у лѣсныхъ жителей здѣшняго края охотничьи сумки («стрѣлечіи торбы»), также шапки и нѣкоторые другіе предметы, которые дѣлаютъ изъ барсуковыхъ кожъ.

⁽⁹⁷⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 207. 208.

⁽⁹⁸⁾ Ibid. стр. 175.

Jadźwingowie и *Ятвягъ*, которыя при первомъ взглядѣ могутъ показаться кому-нибудь совершенно отличными другъ отъ друга, то всякое различіе между ними исчезнетъ, если припомнимъ себѣ, что въ древнихъ рукописяхъ славянскихъ, наиримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, писанномъ въ 1056 году, буква *я* стоитъ вездѣ тамъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ *ią, ie*, а въ другихъ языкахъ ей соответствуетъ *и, м*. А потому какъ слова *имя, теля, племя, пять, мя, тя, любя, сѣдя* и др. перемѣнились въ *imię, ciele, plemię, pięć, mię, się, lubią, siedzą*, такъ и слово *Ятвягъ* перемѣнилось въ *Jatwiąg, Jatwięg, Jąćwięg*, т.-е. *Jatwiong, Jatwieng, Jąćwieng*, или, по замѣненіи *ć* букв. *dź, Jadźwieng, Jadźwing*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; слѣдовательно, *Ятвяги* и *Jadźwingowie* суть однѣ и тѣ же слова.

По замѣчанію Нарбута, Литовцы называли Ятвяговъ *Jatwezy*, т.-е. *Jodweżaj*. Последнее слово означаетъ въ языкѣ литовскомъ «черные раки» и употреблялось у Литовцевъ для означенія не однихъ только Ятвяговъ, но и русскихъ поселенъ, обитавшихъ недалеко отъ города Гродно при р. Пѣласѣ. Названіе это дано имъ, по мнѣнію Нарбута, оттого, что они любили носить одежду чернаго цвѣта. ⁽⁹⁹⁾ Можетъ-быть, въ названіяхъ *Jąćwież, Jatweż, Jatwezy* и *Jodweżaj* заключается только случайное сходство, и последнее слово едва ли можетъ похвалиться такою общеизвѣстностью въ земляхъ славянскихъ и такою глубокою древностью, какъ три первыхъ; во-всякомъ-случаѣ, оно подтверждаетъ народнымъ обыкновеніемъ называть своихъ сосѣдей и по наружности, по ихъ наряду, особливо во времена патріархальной простоты нравовъ и низкой степени народной образованности, чему можно было бы представить множество примѣровъ. ⁽¹⁰⁰⁾ Если никого не удивляетъ, что *Лонгобарды* получили это названіе отъ своего оружія *hallabard*, или отъ длинныхъ бородъ *longa barba*; Франки —

⁽⁹⁹⁾ Dziele Staroż. Nar. Litews. Wilno 1837 г. Отд. о Jadźwingach. § 173.

⁽¹⁰⁰⁾ Указываемъ здѣсь на замѣчательное въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто одной рукописи болгарской, относящейся къ началу XIII столѣтія. (См. Slow. Star. Szafar., стр. 996 и 997), въ которой говорится: «фрлгъ (Francus) есть лвъ. аламанъ (аллеманъ) орелъ. саракинъ въпръ. тоурчинъ змѣя арменинъ коушеръ. индіанинъ голябъ. сиріанинъ,

отъ *franc* (вольный), или отъ *fresh, vrek, vrag* (наглый, дерзкій, врагъ), или же отъ *fratée* (копье); *Саксы* — отъ *sachs, zahs* (короткій мечъ); *Севвы* — отъ *swee, see* (море); *Вандалы* — отъ *wand* (вода); если самые сосѣди Ятвяговъ, Геродотовы Невры превращались въ волковъ ⁽¹⁰¹⁾, а по словамъ одной рукописи XIII столѣтія «Русинъ есть выдра, Литвинъ — туръ, Болгаринъ — быкъ, Сербинъ — волкъ», и проч., то послѣ всего этого насъ нисколько не должно удивлять, если и Славяне своихъ безпокойныхъ сосѣдей-грабителей, вырывавшихся изъ своихъ лѣсовъ и нападавшихъ на ихъ мирныя селенія, также называли, по той характеристической наружности, которая рѣзко бросалась имъ въ глаза, *лзвцами, лцвцами, лтвезами, лтвезью, лзвиками*, и съ этимъ именемъ соединили понятіе *хищникъ, грабитель, разбойникъ*. Это подтверждаетъ нѣсколько и слѣдующая народная пословица подлясская: «выгляда якъ Ядвинга», что означаетъ: выглядываетъ изъ-за угла, какъ разбойникъ (*Źotr, latro*), а еще больше то обстоятельство, что когда съ XIII столѣтія не стало грабителей или, по крайней-мѣрѣ, эти *лзвцы, лзвики* были уже до такой степени ослаблены, что не могли больше *лзвить* славянскихъ племенъ, не могли больше наносить ихъ селеніямъ такихъ глубокихъ и тяжкихъ *лзвъ*, какъ прежде, то и самое имя ихъ было совершенно забыто и дотого изгладилось изъ памяти народной, что мы его даже не знали бѣ, если бы оно не было сохранено русскими и польскими лѣтописцами древнѣйшими, ибо позднѣйшіе также молчатъ о немъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинемъ времена минувшія и все сказанное доселѣ сведемъ къ одному результату, то увидимъ, что во времена, предшествовавшія XIV столѣтію, двѣ

или нагомядръ, рыба. иверинъ овень. татаринъ загаря (*ζαυδριον, canis venaticus* etc.). команинъ пардось. *роусинъ видра. литванъ тоуръ. болгаринъ быкъ. влахъ котка. сербинъ олъкъ. вяринъ рисъ. хизинъ* (мало извѣстное славянское племя въ Македоніи) *въверица. асинъ* (Осетинъ) *елень. сасинъ пастоухъ. вѣмъ сврака. чехъ норень. сервинъ лзвецъ. арбанасинъ бобръ. егуптенинъ козель. хоунавъ заяць. сакоулатинъ канѣ. чернесь биволь. персѣинъ жеравъ или вранъ. харватинъ аспидъ или сова. цаконъ лжъ. гркъ лисица. Въ словахъ фрягъ и проч. и вяринъ не я, а юсь.*

⁽¹⁰¹⁾ Геродотъ, кн. IV.

національности, отличныя одна отъ другой, два враждебныя другъ другу элемента приходили между собою въ соприкосновение въ западной части нынѣшней губерніи Гродненской: національность, занесенная племенемъ чуждымъ славянскому, — племенемъ, извѣстнымъ у славянскихъ народовъ подъ именемъ *Ятвяговъ*; другая народность — *русская*, проникшая сюда и распространившаяся съ юга и юго-востока. Другіе элементы, отличныя отъ этихъ двухъ, проникали сюда особливо въ слѣдующихъ столѣтіяхъ съ запада и сѣвера, именно: *польскій, литовскій, германскій*, а въ послѣдствіи *Евреи* наводнили собою города и мѣстечки здѣшняго края. Это показываетъ, сколь разнообразныя элементы приходили между собою въ столкновение на означенной мѣстности. Все пространство отъ Бреста до Гродно, широкую полосу земель, заключающуюся между двумя большими рѣками — средними частями *Нѣмана* на сѣверѣ и средними частями *Западнаго Буга* на югѣ, можно назвать воротами европейскими, въ которыхъ съ древнѣйшихъ временъ сталкиваются цивилизаціи восточно-европейская и западно-европейская. Поперемѣнный приливъ и отливъ то одной, то другой, борьба съ древнѣйшихъ временъ разнородныхъ стихій не могли не сообщить народонаселенію этой страны особеннаго характера. Этотъ характеръ обнаруживается въ величайшемъ разнообразіи, господствующемъ въ настоящее время во всѣхъ классахъ и сословіяхъ народонаселенія, во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, разнообразіи языка, религіи, нравовъ, обычаевъ, и проч. и проч. Такимъ-образомъ, отсутствіе единства и величайшее разнообразіе, какое, быть-можетъ, не встрѣчается ни въ одной странѣ обширнаго отечества нашего, составляютъ въ настоящее время отличительную черту этого края, жизнь котораго сложилась изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Подобнаго разнообразія, выработаннаго ходомъ историческихъ событій, не долженъ упускать изъ виду изслѣдователь современнаго быта означенной страны, ибо оно объясняетъ очень многое.

Быть современный.

А. Я з ы к ъ.

Разсмотрѣвъ историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію, переходимъ къ разсмотрѣнію быта современнаго и прежде всего приступаемъ къ разсмотрѣнію народной рѣчи. Для этого приводимъ здѣсь образцы языка, живущаго въ настоящее время въ устахъ многочисленнаго класса народа, издавна здѣсь осѣдлаго, — языка низшаго сословія, простонароднаго. Образцы эти приводятся здѣсь въ двоякой формѣ: *прозаической* и *стихотворной*. Они списаны со словъ простолудиновъ, при чемъ главнѣйшее вниманіе обращено было на то, чтобы сохранить какъ можно вѣрнѣе звуки дѣйствительной рѣчи: никакихъ измѣненій (кромѣ разстановки знаковъ препинанія) не дѣлано. Для перваго отдѣла, кромѣ образца языка разговорнаго, удалось записать два преданія, сохраняющіяся въ народной памяти и относящіяся къ извѣстной мѣстности; для втораго удалось списать на мѣстѣ нѣсколько пѣсенъ. Послѣднія приводимъ здѣсь безъ разбора, хотя бы содержаніе ихъ было и неважно. Нельзя, однако, не пожалѣть, что не можемъ представить здѣсь самаго напѣва, чрезъ что теряется самая характеристическая черта ихъ. Изъ него яснѣе были бъ видны характеръ и душевныя свойства самаго народа: тихая сердечная грусть, сердечный ропотъ (пѣсни 2, 4, 7 и друг.), печаль (пѣсня 15), влеченіе сердца, надежды и проч.

а) *Образцы рѣчи прозаической, разговорной и повѣствовательной.*

1.

А! што-жъ, со́коле, за-морóзъ! зда́цэ (¹) н́ѣтой зимы щэ й-ра́зу н́ѣбыло тако́го, якъ н́инька! (²)

(¹) Кажется. Польск. *zdaię się*.

(²) Сегодня. — Слова *іоно* и нѣкоторые другія въ рукописи написаны неодинаково; такъ они и напечатаны. *Ред.*

Морозъ то щѣ й-нѣ-вѣлыми ⁽³⁾ вѣлики, оно вјѣцѣръ, кобъ ⁽⁴⁾ iohò наворнуло, якъ онѣмъ смалитъ.

Прауду й-кажешъ, Яську. Морозъ нѣхай собуъ бѣдзѣ хоць и найбуольшы, алѣ коли нима вјѣтру, а якъ щѣ соунычко брыѣтъ, тобды усѣнько ⁽⁵⁾ бѣйка. Пля! то-жѣ нѣ-даромъ показують, ⁽⁶⁾ што дзѣсь ⁽⁷⁾ йшоу разъ собѣ одзѣонъ чоловѣкъ и судосіу ⁽⁸⁾ на дорѣзи соунычко, морозъ и вјѣцѣръ. Ото-жѣ-то споткаушисъ ⁽⁹⁾ зъыми, сказау вуонъ имъ «похвалюны» ⁽¹⁰⁾ — Кому вуонъ оддау похвалюны? — Соунычко собѣ кажѣ што мнѣ, кобъ я iohò нѣ пѣклò; а морозъ собѣ кажѣ, што мнѣ, а нѣ тобѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ-такъ бойцѣ, якъ мѣнѣ. О-то-жѣ-бо лжѣцѣ! нѣпрауда! кажѣ наресьци ⁽¹¹⁾ вјѣцѣръ; той чоловѣкъ оддау похвалюны нѣ-вамъ, а мнѣ. Почали мижи собою ажъ спѣрацисѣ, ⁽¹²⁾ сварѣцисѣ ⁽¹³⁾ й онòшто, ⁽¹⁴⁾ соколе, за чубы нѣ побралисѣ.... (Ну, ну, лжѣ далѣй, бо-уже

⁽³⁾ Очень, весьма. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 9: «дѣтескѣ велики.»

⁽⁴⁾ Чтобъ.

⁽⁵⁾ Все. Употребляется также усѣнюльнѣко, усѣнютко и пр.

⁽⁶⁾ Рассказываютъ, точнѣе: повѣствуютъ.

⁽⁷⁾ Польск. gdzieś, гдѣ-то.

⁽⁸⁾ Встрѣтилъ, повстрѣчался (см. Ипат. Лѣт. подъ 1241 г.: «удоси владыку» и проч.).

⁽⁹⁾ Тоже. Польск. spotkawszy się.

⁽¹⁰⁾ При встрѣчѣ съ знакомымъ или незнакомымъ лицомъ, также при входѣ въ чужой домъ и пр. крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе, въ видѣ привѣтствія, почтенія, говорить: «Нѣхъ бѣдзѣ похвалюны Іезусъ Христусъ;» другой долженъ отвѣтить: «на вѣки, вѣковъ Амѣнь.» Замѣчательно, что этотъ обычай сохраняется и у Славянъ западныхъ. По словамъ одного путешественника, въ Иллиринъ, въ 3 миляхъ отъ Лайбаха, наши единоплеменники также при встрѣчѣ привѣтствуютъ словами: «Chwalon bud'Jezu Křist;» другой отвѣчаетъ: «Amen na wieczne szasy.»

Примѣчаніе. Всѣ буквы въ приводимыхъ образцахъ читаются безъ всякой перемѣны; такъ, напр., буква о нигдѣ не читается, какъ а; h читается какъ лат. h; g какъ лит. g; j какъ лит. j; курсивныя буквы y и j замѣняютъ ŷ и j съ краткимъ знакомъ; этотъ краткій знакъ имѣетъ то же значеніе, какъ въ русск. надѣ и (й) - быу. соунычко и пр.; черта надъ словами означаетъ удареніе.

⁽¹¹⁾ Наконецъ. Польск. nareszcie.

⁽¹²⁾ Отъ споръ, преніе.

⁽¹³⁾ Бранятся.

⁽¹⁴⁾ Чуть-чуть, чуть-не....

мѣситъ (15) нѣ одзіонъ килишокъ махнуу). Ну, колижъ такъ, то спытаймось (16) јоно, кому вуюнъ оддау похвалјоны мнѣ, чи вамъ. Доноуили тоно чоловјѣка, спытали; ажъ вуюнъ сказау — вјѣтревѣ. — «А што, бачъ, (17) нѣ казау (18) я што мнѣ.» — Постуой же ты! я цѣбѣ, ракару спѣку! — кажэ слонцэ; покјѣмишь ты мѣнѣ. — Ажъ-но вјѣцѣрь кажэ: «нѣ-буось, нѣ спѣчэ; я буду вјѣду и охолоджащи буду јоно.» — Такъ я-жъ цѣбѣ, лїцлю, заморожу — кажэ морозъ. — Нѣ лѣкайсь, (19) нѣббѣжэ, тодѣи я нѣ буду вјѣащи и вуюнъ тобјѣ ничѣо нѣзрѣбитъ, безъ вјѣтру нѣзаморѣзитъ. — Ото-жъ-то, дзѣцюки, такъ и цѣпѣрь: хоць морѣзъ й-нѣ-такъ-то вѣлїки — онѣ вјѣцѣрь ажъ до косыцѣй проймѣѣ.

Алѣ-жъ бо тѣngo (20) лжэ, такъ лѣако якъ зъ писаноно бѣрэ!

Што прауда, то прауда. А ну-жъ-бо, Олѣксо, цѣ што-лѣнь (21) полжї; бо якъ хто лѣако умјѣѣ полѣащи то-й послѣхащи добрэ.

Э, коли бо, дзѣцюки, нїмѣ й-часу лѣащи, пришла рыба до ѣащи, лѣодзи нѣсѣтъ, вѣзѣтъ, а я побѣхѣ хучѣй (22) хоць торбочку набѣрѣ.

лѣтымъ насъ ужэ нѣ пудманѣшь, (23) бы-той Лицѣвїнъ своѣо Пана!

А якъ же вуюнъ јоно пудмануу?

лїа! то-жъ показѣють, што дзѣсь одзіонъ Панъ споткауши якѣносъ Лицѣвина, што добрэ лѣау, бы лѣто ты кажэ јому: «а ну, Михѣлку, Ондрѣй (чи якъ тамъ јоно звали) золжї мнѣ што-лѣнь.» — «А калїба лѣта, Панѣчку, кажэ Лицѣвїнъ, нѣмаю цѣпѣрь часу лѣащи, ба пришла рыба да ѣащи, лѣодзи нѣсуць, вѣязѣць, а я набѣхѣ хучѣй хаць тарбїнку набѣярѣ.» —

(15) Вѣрно, вѣроятно; польск. musi być.

(16) Спросимъ. Польск. spytaamy się.

(17) Бачъ, бачищи — малороссїйское; вилѣтъ.

(18) Говорить.

(19) Польск. nie lekaj się.

(20) tego Польск.

(21) Что-нибудь.

(22) Хѣтко, хучѣй, хуцѣнько, хуцѣтко — скоро, скорѣй и пр.

(23) Обманывать.

Панъ почууши ⁽²⁴⁾ такóѣ дзѣво, казѣу хучей запрабѣци кóни, волю, и натѣхмястѣ вѣрушиу до нѣци, кобѣ забрѣци усѣньку рыбу. Коли-жѣ-но прѣжджѣѣ тулы, ажѣ тамѣ якѣ ничóѣо нѣбылó, такѣ ничóѣо й-нѣмѣ. И уже по часи оглѣдзѣусѣ той Панѣ, што jobò той Лицьвѣнѣ пудманѣу.

— Алѣ-жѣ, пѣуно, ⁽²⁵⁾ потуомѣ дóбрѣ попобѣу за тоѣ тоhò лхунѣ!

— Зѣ-што! коли-жѣ вуонѣ самѣ казѣу jомѣу што-лѣнь-ка золѣнци, такѣ вонѣ и золѣу. Коли-бо цѣпѣрѣ якосѣ и Панубѣ крыха ⁽²⁶⁾ спынѣли.

— А нѣбуосѣ такѣ N. бодѣй крѣху прохворосѣцѣли. Алѣ-жѣ-бо й вартó! ⁽²⁷⁾ Штобѣ-то-й было, кобѣ нѣшому брѣту дау волю! Глѣ! тожѣ якѣ N. продѣу волѣ, то цызлы тѣдзѣнь нѣ-ворочаусѣ зѣ мѣста до дóму, и усѣ пѣу, да-пѣу.... (Сóколику ты муой!!) Якѣ-же уже нѣ-стало за-штó пѣци, то тоhды пришѣу до хѣты и Панѣ казѣу jobò до двора привѣсѣцѣ на справѣу. «Гдзѣ ты, кѣже, лѣйдѣку, препѣдалѣ до hѣтуль?» — «Пиу, кѣжѣ, Панóчку.» — «А пѣнѣндзы зкондѣ взіóлѣ?» — — «Глѣ! тожѣ волѣ, Панóчку, продѣу, той стѣло на якѣсь часѣ....» — «Лѣозѣ на лѣйдѣка!» — «Ой дóбрѣ, Панóчку, дóбрѣ, бо й вартó; алѣ штожѣ, кѣжѣ, Панѣ, робѣци, колѣ ужѣ Буóѣт свѣдѣньки дау такѣю натѣру собѣчую. Якѣ штосѣ лихóѣ навѣяжѣцѣ, то ужѣ ни якѣ нѣ-утрѣывѣшь; ⁽²⁸⁾ пиу-бы й пиу Буóѣт вѣйдаѣ докубóлѣ, кобѣ онó было зѣ-што.»

Ну, Лóдзи, ⁽²⁹⁾ хлóпцы, тутѣ балѣкаци; ⁽³⁰⁾ jедзѣмо до дóму покубóлѣ щѣ вѣдно, кобѣ до дóму хоцѣ на вѣчѣру поспѣци; а то людзи й вуочѣ розбѣрѣуть.

2.

Показѣють старѣе лѣдзи, што на туомѣ мѣсцу, дзѣѣ ⁽³¹⁾ цѣпѣрѣ Заблудуóвѣе, былѣ колѣсь ⁽³²⁾ велѣкѣе лѣсьѣ. То-жѣ

⁽²⁴⁾ Послышавши.

⁽²⁵⁾ Вѣроятно, вѣрно; польск. pewnie, zarownie.

⁽²⁶⁾ Крѣха, крѣшкѣу, крѣшечкѣу — немного, немножко; польск. trochę.

⁽²⁷⁾ Стóитѣ; польск. warto.

⁽²⁸⁾ Не утерпишь, не удержишься; польск. nie wytrwasz.

⁽²⁹⁾ Довольно.

⁽³⁰⁾ Балагурить, болтать и т. п.

⁽³¹⁾ Глѣ.

⁽³²⁾ Когда-то, въ давнѣя времена.

ло́ни ⁽³³⁾ бода́й, чи по-залони Н. вы́копау въ боло́ци Ш. бѣро́зовы пѣнь. На јуомъ щѣ ѡ нѣзоусимъ кора згнила. То зноу Н. то́о-жъ, бода́й, ро́ку вы́цягнуу у туомъ же мѣ́сцу зъ боло́та вѣ́лизны сосно́вы вѣ́рхъ, такъ што лѣ́зва ⁽³⁴⁾ пару́куо́ными привью́о́зъ до до́му. Або зно́у нѣ́далѣ́ко одъ Ш. за вѣ́рсту́ такъ же ми́жи боло́тами лѣ́тось ⁽³⁵⁾ вы́цягнуу Н." зъ воды вѣ́лизно́о ⁽³⁶⁾ дѣ́ба. Муо́цны Бо́же! хто́бъ муо́гъ сподзива́цисѣ, ⁽³⁷⁾ што у бѣ́тыхъ мѣ́сцахъ, дзѣ́ цѣ́пѣ́ръ такі́е боло́та и то́пѣлицы бы́ли ко́лисъ-ци́ка вѣ́льки лѣ́сы.

Гля! то-жъ щѣ ба́цко, ⁽³⁸⁾ чи дзѣ́л старо́о Н." кѣ́миу, ⁽³⁹⁾ якъ у бѣ́томъ мѣ́сцу вы́водзи́лисѣ нѣ́дзвѣ́дзи. По́казау, што дзѣ́сь за бо́рдами, коло мо́нилокъ ⁽⁴⁰⁾ у туомъ мѣ́сцу, дзѣ́ цѣ́пѣ́ръ щѣ сто́итъ шы́сьць, чи сѣ́мъ сосо́нъ (хво́ѣкъ) нѣ́дзвѣ́дзица вы́вѣ́ла дзѣ́цѣ́й.

— Або-жъ зноу у лѣ́си К. щѣ ѡ цѣ́пѣ́ръ ѣ́ одна со́сна, што зовѣ́цѣ́ нѣ́дзвѣ́джо́у. Хо́ць уже ѡ за́цягну́ло обо́ло́нѣ́ю, алѣ́ щѣ та́кі ѡ цѣ́пѣ́ръ зна́ць, што до по́ловины бо́рць бы́ла вы́лу́пѣ́ла ко́лисъ нѣ́дзвѣ́дзо́мъ. Кажу́тъ, што-то ко́лисъ нѣ́дзвѣ́дзѣ́ вы́бло́дау, до́бираю́чисѣ до пшчо́лъ. То му́ситъ-то ко́лисъ бы́ли тутъ нѣ́малы́ѣ лѣ́сы, ко́ли ажъ нѣ́дзвѣ́дзи вы́водзи́лисѣ.

— Ото-жъ то у тыхъ вѣ́ликихъ лѣ́сахъ ѣ́дзю́у разъ со́бѣ́ по по́лво́ваню я́кісь ⁽⁴¹⁾ ма́гнать, чи Ксіо́нжѣ́ и заблудзі́у у лѣ́си. Бла́дзі́у вуо́нъ по лѣ́си блудзі́у и ни я́къ нѣ́ муо́нъ нику́ды вы́ѣ́хаци. На́рэсьци змѣ́нчу́шисѣ зхо́цѣ́лосѣ́ јо́му и јѣ́сьци: такъ вуо́нъ пообѣ́дау на дубовомъ пню́ и у туомъ мѣ́сцу бы́ло побудо́вано цѣ́пѣ́решніо́ѣ мѣ́сто Заблудо́у. То-жъ одъ то́о, ка́жущъ, ѡ́ Заблудо́вьомъ зовѣ́цѣ́, што у бѣ́тумъ мѣ́сцу заблудзі́у той Ксіо́нжѣ́. Дзѣ́сь, бода́й, ⁽⁴²⁾ и у о́писахъ

⁽³³⁾ Въ прошломъ году.

⁽³⁴⁾ Едва, польск. ledwie.

⁽³⁵⁾ Сего-лѣта.

⁽³⁶⁾ Очень великій, величайшій.

⁽³⁷⁾ Надѣяться, польск. spodziewać się.

⁽³⁸⁾ Отецъ.

⁽³⁹⁾ Помнить, памятовать.

⁽⁴⁰⁾ Кладбище, польск. mogiłki.

⁽⁴¹⁾ Какой-то, польск. jakiś.

⁽⁴²⁾ Кажется.

сосна́ми, што маю́ть ⁽⁵²⁾ по лѣ́тъ дзвѣ́сцѣ, або й бубольшѣ. Можэ тамъ дзѣ́ланы ⁽⁵³⁾ узѣмлю́ѣ й ліо́хи ѣ́стка зъ ска́рбамі; кобъ попокопа́у дзіо́нъ зъ кѣ́лька може-бъ и нашбу́-бы чер-вубо́нцу зъ коціо́лѣ.) — Алѣ й-по смѣ́рци злая́-муо́цъ нѣ́да-вала лю́дзямъ споко́ю. Особлі́вѣ́ якъ у-ночѣ́ хто йдзѣ́, чи ѣ́дзѣ́, то у нѣ́туомъ мѣ́сцу прывѣ́зуѣ́ца лихо́ѣ. Быва́ло ка́жды хто йдзѣ́, чи јѣ́дзѣ́ кінѣ́ на тоѣ́ мѣ́сцѣ́ тры́ску, паты́кѣ́, або гу́ольку ⁽⁵⁴⁾ на-забитка́, кобъ лихо́ѣ нѣ́причепля́досѣ́. Шэ́ нѣ́да́уно за на́шей памѣ́ци лежа́ла тутъ бу́рба патыку́бу и хо́ля зъ то́го, што наски́дали, сажо́нъ (и сажно́у) зѣ́-два вы́сокая. Коло́ тридзѣ́сто́го, бо́дай, ро́ку спа́дали оста́тнюю гу́рбу и одъ то́го ча́су у́жэ пѣ́рестали ски́даци. Цѣ́пѣ́ръ у́жэ нѣ́-такъ ча́сто прывѣ́зуѣ́ца тутъ лихо́ѣ; алѣ́ усѣ́-таки́ якъ идзѣ́шь коло́ то́го мѣ́сца у-вѣ́чери а тымъ ба́рдзѣ́й у-ночы́э то я́кось стра́шно роби́ца и бы́ морозъ по цѣ́ли подзи́раѣ́.

б) Образцы рѣчи стихотворной.

Пѣ́сни вѣ́сеннія.

1.

Полѣ́цѣ́ соко́лики́ на снѣ́гу о́зіора —
Жаль-же мнѣ́ со́кола, по́ліоту јо́го.
Нимá со́кола рочо́к и дру́ги —
Жаль-же мнѣ́ со́кола, по́лѣту јо́го.
На тре́ди рочо́к со́колики́ лѣ́цятъ —
Жаль-же мнѣ́ со́кола, по́лѣту јо́го.
Со́колики́ лѣ́цятъ, у́то́нку вѣ́сѣ́ —
Жаль-же мнѣ́ у́то́нки, рабо́то пѣ́речка.
По́ўхазу́ Ясѣ́нька́ я у́ чужы́х лю́ди —
Жаль-же мнѣ́ Ясѣ́нька, по́ўхазу јо́го.
Нимá Ясѣ́нька лѣ́внѣ́к и дру́ги —
Жаль-же мнѣ́ Ясѣ́нька по́ўхазу јо́го.
На тре́ци лѣ́внѣ́к Ясѣ́нько јѣ́дзѣ́ —
Жаль-же мнѣ́ Ясѣ́нька, по́ўхазу јо́го.
Ясѣ́нько јѣ́дзѣ́, Ма́рысю́ вѣ́сѣ́ —
Жаль-же мнѣ́ Ма́рыси, русо́н ку́соньки.

⁽⁵²⁾ Ии́ють.

⁽⁵³⁾ Гдѣ́-нибу́дь.

⁽⁵⁴⁾ Вѣ́гѣ́, польск. gałęź, gałązka.

Искала, искала писового дреуца
 Коло хорода, искала.
 Нїзнашла, нїзнашла писа-дзїреуца
 Коло хорода, нїзнашла.
 Кинула, й махнула трусаво пьюрца ⁽⁶¹⁾
 О сухо дреуцо, й кинула.
 Розбїсь, розсыпсь трусаво пьюрца
 О сухо дреуцо, розсыпсь.
 Коли вїтъ, коли вїтъ писа-дзїреуца
 Гнїздычю вїци, коли вїтъ.
 Ходзїла, блузїла красна Касїнька
 Я-у чужнїх людзях, ходзїла.
 Искала, искала свого Ясїнька
 Я-у чужнїх людзях, искала.
 Нїзнашла, нїзнашла свого Ясїнька
 У чужнїх людзях, нїзнашла.
 Кинула, махнула золоты пїярсыцїнь ⁽⁶²⁾
 Обь писовы стуолъ, кинула.
 Розбїсь, розсыпсь золоты пїярсыцїнь
 О писовы стуолъ, розсыпсь.
 Коли вїтъ, коли вїтъ мохо Ясїнька
 Я-у чужнїх людзях, коли вїтъ.

5.

Бѣжнїть рѣчка оль мѣльнїчка-ой рано!
 Бѣжнїть рѣчка оль мѣльнїчка-й рано.
 А друная оль Дуная-ой рано! (2 р.)
 На туй рѣчцы човонъ ⁽⁶³⁾ плывѣ-ой рано! (2 р.)
 Бїль-моладзїць красны-Стасїнько-ой рано! (2 р.)
 Стружѣ стрѣлки зъ камяновнї-ой рано! (2 р.)
 Што просїцїйши у човонъ кладѣ-ой рано! (2 р.)
 Што кривїйши на Дунай мїцѣ-ой рано! (2 р.)
 Плывыцъ стрѣлки до моѣ дзїўки-ой рано! (2 р.)
 Моя дзїўка..... вна (по имени деревни)-ой рано! (2 р.)
 Моя дзїўка Касюльнїка-ой рано! (2 р.)
 Нїхай празѣ на подаркї-ой рано! (2 р.)
 Нїхай прадзѣ цїнюсїнько-ой рано! (2 р.)
 Нїхай бїлнїтъ бѣлюсїнько-ой рано! (2 р.)

6

— Ой бѣлннї, ты лѣбїдзю!
 Чи бывау ты на мору?

⁽⁶¹⁾ Уменьш. перо.

⁽⁶²⁾ Кольцо.

⁽⁶³⁾ Лодка.

Чи бывау ты на мору,
Чи видзѣу ты лѣбьюдку?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу!
Скоро я на муюсть злѣцѣу,
Лѣбьюдка у ситникъ упала.
Лѣбьюдка у ситникъ упала.
Ситничокъ поломала.
Ситничокъ поломала,
Быструю воду розовнала.
— Молодзѣньки Ясеньку!
Чи бывау ты у Н. (имя дѣревни)?
Чи бывау ты у Н.
Чи видзѣу ты Марысю?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу?
Скоро я на двурѣ въ/ѣхау,
Марыся зъ сѣнѣй выбѣгла.
Марыся зъ сѣнѣй бѣжыць,
Пудъ ёю зѣмля стучыць.
Пудъ ёю зѣмля стучыць,
А на јуой сукны шасѣцать.
А на јуой сукны шасѣцать,
Коло поўса ключи брасцать.
Ой на јуой зѣлёныѣ.
Коло поўса золотыѣ.

пѣсни лѣтній и преимущественно «жнѣуныѣ.»

7.

Ой стоить-стоить вѣрбонька надъ водою,
Зимняя вода крыница пудъ тобою.
Ни тѣѣ пица, ни јѣсьци варица.
Ой оно тоулько козаченькоу чарица.
— Ой очарила, дзѣвонько, очарила,
Сѣѣу вѣчерацѣ-вѣчэронька нѣ мила.
— Бодай ты нѣ знау, якъ коника сѣдлаца,
Якъ я вѣзнаю чимъ цѣбѣ чароваца.
Ой очарила лѣхими чаронькамі
Бѣлымъ личенькомъ, чорнѣнькімі очамі.

8.

Пойду я пойду горею-долиною
Ой чи вѣзнайду крѣтёныкі зъ камяною.
Ой стѣну же я камяноньку ломаци,
Ой стануць мепѣ думонькі (94) ошибаці.

(94) Думы, уменьшит.

Сама вѣзнаю, што на свѣдци робниц,
Чи замужъ выйци, чи Панѣнкою быци.
Замужъ попечи клопотъ голушовку ссушитъ,
Панною бывши лихая молва згубить.
Катъ вѣжъ бѣри съ чужою помолвкою
Лѣпѣй же ⁽⁶⁶⁾ быци красною Панѣнкою.

9.

Пойду я пойду, куды лѣтѣмъ ходила,
Ой чи вѣзнайду, кого вѣрнѣ любила.
Ой хоць нѣ того, то товариша жоно
Запытаюсь злорувѣчка одъ жоно.

10.

Мала пташечка, нѣ вѣликаа,
По бадылиницѣ скачѣ:
Дурна дѣвучина, нѣ розумная,
По кавалѣру плачѣ.
— Якъ мнѣ нѣ плакаць (2 р.)
Сами слюзовѣчки лѣюць:
Ой одъ любобо лѣстовѣмоу ⁽⁶⁶⁾ нѣма,
Одъ вѣлюбобо шлюць.
Ой воли-жъ моѣ, дай половѣ
Чому-жъ вы нѣ ораць?
Ой лѣта-жъ моѣ, дай молодѣ,
Чому-жъ вы марѣй вѣдѣць?
Ой бунку-жъ я (2 р.)
На воли половѣ:
Чи нѣ вѣрнуць (2 р.)
Лѣтѣчка молодѣ!

11.

Бѣла молодѣць (2 р.) сѣбно косить,
Млада удова вѣсьци носитъ
Нѣсла (4 р.) вѣдонѣсла,
Сѣла собѣй и започила.
Сѣла собѣй (2 р.) и започила
Бѣла сына породила,
Породивши (2 р.) и окупала
И окупаши уповила.
И уповивши (2 р.) говорила:
— «О муой сыну вѣлюсьныи,
«Муой Дунаю быструсьныи;
«Ой чи цѣбѣ утопица,

⁽⁶⁶⁾ Лучше, польск. lepiej.

⁽⁶⁶⁾ Уменьш. польск. list, письмо.

Освѣчу нѣбо и зѣмлю (3 р.)
И тоѣ ново суюлко —
Ой у туюмъ новомъ сѣлѣ
Марыся въ Ясіомъ розмоуля.
Пытаю цѣбѣ, Ясѣньку, (3 р.)
Чи мнѣ много конѣй маѣшь?
— Одного й-коня маю (3 р.)
И тоѣ пѣзымаю.
Побѣдѣхъ куонѣ до крыницы (3 р.)
До здрѣвовѣи водзицы.

14.

Сѣлѣу-бы лѣнѣ пудѣ боромѣ : (3 р.)
Алѣ пѣмаю кому,
Нѣѣ-кому лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣлѣу бы матцы своѣуѣ : (3 р.)
Матонька вѣльми стара,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣлѣу бы сѣстры своѣуѣ; (3 р.)
Сѣстра барѣо мала,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣлѣу бы жуонцы своѣуѣ,
Жуонка вѣльми млада,
Ѣѣ пѣяна урода,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.

15.

Ой пойду я мутлавою,
Нѣма дѣѣ воды пици;
Бѣѣдна-жѣ моя полуовонька!
Нѣма дѣѣ прихилици.
Прихилиюся до дубочька —
Дубочокъ нѣ-ойчѣнько;
Бѣѣдна-жѣ etc.
Прихилиюся до бѣруозки —
Бѣруозка вѣ матонька;
Бѣѣдна-жѣ etc.
Прихилиюся до хуѣѣчкы —
Хуѣѣчька нѣ-сѣструонька;
Бѣѣдна-жѣ etc.

16.

Бѣжить коничокъ, сну-лѣвѣличокъ —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.
За тымъ коникомъ Ясѣнько бѣжитъ —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.
Неупроцну јоно, Марыся јоно —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.
Марысю моя, зупыни коня
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.
Ой рада-бъ я.....

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ («ВѢСѢЖѢЛЬНЫЯ»).

Поются на «заручины».

17.

Дозволяистъ лѣвоньки
У Марысиной матоньки:
Ой чи скажѣ, чи позволить,
Вѣсѣлѣ засыпывацѣ?
— Спивайцѣ, лѣвоньки, спивайцѣ,
Й вы, молодѣнны, зачинайцѣ;
Нѣ руокъ, нѣ два мы тоно ждали,
Марысю ходовали.

18.

Зѣлёна рутонька жоуты-цајѣтѣ
Чомъ цѣбѣ, Ясѣньку, доуго вјѣтѣ;
Зѣлёна рутонька, зѣлёна,
Доукола сѣрдѣнька дробѣнька;
Доукола сѣрдѣнька дробѣнька
Нѣ сѣдзи, Касѣньку, смутѣнька.

19.

Чомъ соловѣйки нѣщѣбѣтали,
Якъ салѣи зацѣвѣтали?
Чомъ ты, Касѣньку, нѣзаплакала,
Якъ цѣбѣ заручали?

Поются, когда отъезжают «до шлюбу».

90.

Чомъ, Марысьвнху, такъ сѣдзись,
На доружэвнху нѣ-нѣдзись?
Уже-жъ колюса заточоны,
Конины заложовы.
Кажу й-новникомъ обруокъ лаць,
Нѣхай конники постояць;
Пуокі придзѣ моя матонька
Зѣ-саду-винограду.

91.

Кланяйсь, Марысю, кланяйсь,
Кланяйсь старому й-малому;
Старому й-малому до ручокъ,
Своей матоньцы до ножекъ.

92.

Ой одъ вина доружэвнху, одъ вина,
Зѣжджаѣце Ясѣвнкова родзина.
А Ясѣвнко свой матоньку пытаѣ:
На што-жъ тая родзинковка зѣжджаѣ?
— Ой на тоѣ, моѣ дзѣцятко, на тоѣ,
Ой на твоѣ вѣсѣльчэцко слауноѣ.
А Ясѣвнко свой сѣструонку пытаѣ:
На што-жъ и пр. (какъ вышѣ)
А Ясѣвнко своѣо брѣццѣшка пытаѣ:
На што-жъ и пр.

93.

Черезъ двурѣ новы, мурау зѣлѣны
Золотомъ потрушоны,
Ой туды бѣѣла красна-Марыся
Зѣ своиміи дружэчками.
Наупросяу ѣѣ, матонька ѣѣ
Зѣ своиміи поуночками:
— «Вітамъ, дзѣцятко, вітамъ, роднѣвнко,
Зѣ твоиміи дружэчками.»
Вона молада й-хордэя была,
Привѣту ѣѣ приняла;
За сѣлэзонькамі, за друобнѣвнххххх
Матоньку нѣ-познала.

Поются во всякое время.

24.

Служила Кася во Львови, (2 р.)

А Ясьнюко у Кракови.

Кася до Яся тужила, (2 р.)

Пару вѣночкуу увила.

Пару вѣночкуу увила, (2 р.)

На быстры Дунай пущыла.

— Плыньць, вѣночки, до млина: (2 р.)

Тамъ муой Ясьнюко перебува.

Тамъ же вуонъ васъ поймаѣ, (2 р.)

Мою работу познаѣ.

— То моѣ Каси работа (2 р.)

Пара вѣночкуу, якъ злота.

Плыньць, вѣночки, тамъ навадъ,

До моѣ Каси на обѣдъ.

Кася обѣдзць хотуѣ, (2 р.)

Ясь на конику вѣдруѣ.

Кася обѣдзць выдаѣ, (2 р.)

Ясь на конику омѣваѣ.

Скочила Кася до хаю, (2 р.)

Копаци зѣуолка-розмаю.

Эй, зѣуолко зѣуолко-розмаю; (2 р.)

Копая цѣбъ, цѣваю.

Ѣ у розмаю жоуты цѣѣтъ (2 р.)

У моѣ Ясьнюка духу вѣѣтъ.

Нѣходзи, Касю, у зѣлѣни (2 р.)

То пуойдзѣшь замужъ у ѣсин.

Ходзи, Касѣвѣку, бѣлѣвѣко, (2 р.)

То пуойдзѣшь замужъ хупѣвѣко.

25.

У сусѣда хата бѣла

У сусѣда жуонка мила,

Нуожки бѣлы, нѣѣлички,

Носать жоуты черзвички.

Вона устанѣ ранюсѣвѣко,

Прибѣрзе чупурѣвѣко,

На сѣданѣ пирожки,

Галушки, да-й пампушки.

А кѣ обѣду барщѣ зѣ сѣѣтаной,

Ѣще у мисцы поливануой,

Гарбузъ, буза, зубцы, квата

Зе скварками ячна каша.

А у мѣѣ хата чорна,
Жуонка, бридка, нѣ поуорна,
Усѣ-но спить, да лѣжить,
И нѣ хоче еницъ робиць.
Стажешъ: Ганко! уставъ ранѣнько, —
Прибѣрнешъ чупурицько —
Вона й-слухаць мѣѣ нѣ хоче,
Обѣриць дай буркочэ.
Якъ буркочэ, такъ буркочэ,
Говориць зо мной нѣ хоче,
Обѣриць до куточка,
Да-й смѣйце, суча дочка.
Тамъ бѣжить на вѣчерницы,
Дзѣѣ зайграють на скрыпницы,
Скочно, гарно потанцуй,
Зъ Москалями пожартуѣ.
Было нѣ сватаць у ночи,
Нѣ выглядали тобѣѣ очи,
Было мѣѣ сватаць у дзѣнь,
Розпытываюць людзѣѣй.
А у насъ людзи нѣ-таковы,
Вовы-бѣ тобѣѣ розказали,
Чи хороша, чи приножа,
Чи подубна до людзѣѣй.

26.

Ой стояла на мосьци,
Кланялася старосьци:
— Кланямъ, кланямъ, старосто, Ясѣньку,
Цо тамъ слыхаць у Торуню на рынку?
— Ой тамъ слыхаць новина:
Бѣдзѣѣшь мила дзѣцина.
— О бодай ты, Ясю, каркѣ скрѣнцилѣ,
Якѣ ты моѣ сэрдэнько засмѣнцилѣ.
— Не засмѣнцилѣ я тобѣѣ —
Засмѣнцили ци оцѣѣ, маць,
Цо нѣхцѣѣлѣ цѣ за мѣѣ одаць
А доцѣѣро за мѣѣ одаць,
Якѣ на тобѣѣ шуруоки нѣ стаць.
— Я доточэ стонжэчко,
Такѣ бѣдзэ дзѣвэчко.
— О жэбы ты й-злотѣмъ доточыла,
Южѣ нѣ бѣдзѣѣшь яка пѣрвѣѣй была.

27.

Калина-малина, чэрвоная ягода,
Чэго заплакала дзѣвучынойька млада? (3 р.)

— Заплакала того вѣнца рупниго
Цо страшила ёго для цѣбѣ млодего (2 р.).
Страшилацѣ, страшилацѣ зѣ танѣчку млодцы,
Тысь зналазѣ, Ясѣньку, зѣ вѣчѣбу млодцы. (2 р.)
— Ты муовишь, Касѣньку, цомѣ я равѣкъ укралѣ,
Якѣ ты вода брала у студѣнцѣкѣ упадѣ (2 р.).
Доставай, Касѣньку, право рончѣ до дна:
Якѣ доставѣшь до дна, бѣнавѣшь ёго гонѣ. (2 р.)
— Достала, достала, алѣ нѣ цѣдего,
Чѣтары румянѣчки южѣ выпадѣло зѣ ёго. (2 р.)
Повѣсила ёго у коморѣ за драми,
Цо спуйры матовѣка обѣвѣа сѣлзѣми. (2 р.)
— Уважай, Ясѣньку, на моѣй матки плачѣ,
Або ты мнѣ вѣзь, або ты мнѣ заплацѣ! (2 р.)
— Я цѣ брацѣ нѣ бѣндѣ и дѣлѣцѣ нѣ мыслѣ
Сѣндѣ на конѣка поведѣ до мищѣй. (2 р.)
Посыпалѣ Ясѣнько талѣры на столѣ:
— «Уважай, Касѣньку, чи бѣндѣ за твоѣ?» (2 р.)
— Нѣ бѣндѣ, нѣ бѣндѣ хоцѣбы ёдѣ зѣ тысѣицѣ
Муслишь, Ясѣньку, предѣ олтарѣмѣ присѣицѣ. (2 р.)
— Присѣицѣ, присѣицѣ алѣ я нѣ трѣбѣ,
Тылько тѣй чѣпѣцѣ до нѣщѣ на глѣдѣ. (2 р.)
Згарѣла Касѣнька талѣры у фартушѣкѣ,
Устала, заплакала, унадѣла до подушѣкѣ, (2 р.)
Подушѣчки моѣ, цѣиѣньки, бѣлѣньки,
Чѣму нѣ муовицѣ-дѣиѣ добры, панѣицы. (2 р.)
Тылько вы мовицѣ мнѣ-дѣиѣ добры, пани,
А я мѣнѣа нѣмамѣ обѣвѣалѣ сѣ лзѣми. (2 р.) (*)

Не дѣлая здѣсь дальнѣйшихъ выводовъ изъ приведенныхъ образцовъ, ограничимся на этотъ разъ только немногими замѣчаніями, именно: о нѣкоторыхъ свойствахъ этого языка, о важнѣйшемъ пунктѣ того пространства, на которомъ онъ употребляется, и о границахъ, въ которыхъ заключенъ. По наружной формѣ важнѣйшія отступленія въ немъ отъ общепотребительнаго, грамматическаго языка русскаго заключаются въ слѣдующемъ.

(*) Послѣднія двѣ пѣсни, 26-я и 27-я, не туземнаго происхожденія. Онѣ занесены сюда изъ Польши, судя по ихъ языку и мѣсту дѣйствія первой.

Востокова). Виѣсто читаетъ, знаетъ, употребляется: *читаѣ, знаѣ, бѣѣгаѣ, маѣ, кажѣ, идѣ, јѣздѣ* и проч. Но въ словахъ: *гнѣваѣтѣ, сердѣтѣ, смѣѣтѣ*, употребляется: *гнѣѣваѣтѣ, спрѣдѣ, смѣѣтѣ, клинѣтѣ, божѣтѣ* и проч.

Но не отбрасывается *т* въ глаголахъ 2-го спряженія (на ишь) и всегда употребляется *кричитѣ, ходѣтѣ, глѣдѣтѣ, бачѣтѣ, чорнѣтѣ, скрипѣтѣ, рыпѣтѣ* и проч.

б) Въ прилагательныхъ именахъ—*й*, и всегда употребляется *добры, милы, бѣлы, свѣты, сѣны, гуоры, солодки* и проч.

в) Выбрасывается *т* въ нѣкоторыхъ словахъ въ срединѣ и говорится: *скло, склянѣ, скляны, сроги* и проч.; *г* въ словахъ *едѣ, гдѣ* нибудь и говорится *дзѣѣ, дзѣѣльнѣ*; *с* въ словахъ сколько и говорится *куольѣ, кильѣ* и проч.

5) Прибавляется:

в въ мѣст. онѣ и гов.: *вуонѣ, вонѣ, вонѣ вонѣ* и проч.

з въ мѣст. этотѣ и говор.: *зѣтой, зѣта, зѣто, зѣтыѣ, зѣ-зѣтуѣ, зѣ-зѣтуѣ* (отсѣѣ) и проч.

Не распространяемся на этотѣ разѣ о другихъ особенностяхъ и свойствахъ языка, которыя можно будетѣ лучше и яснѣе видѣѣтъ изѣ сравнительнаго обзора собранныхъ нами образцовъ съ образцами другихъ нарѣчій.

Относительно границъ замѣтимъ, что разсматриваемый нами языкъ примыкаетъ на западѣ къ языку *мазовецѣ*кому. Последній простирается отъ *Дрогичина* до мѣст. *Домбровы* и *Липска* и идетѣ по западной части Гродненской губерніи, мимо *Цѣхановца, Бранска, Суража, Хороши, Кнышина, Суховоли*. На картѣ чертою Е F приблизительно означаемъ его направление и границу. Это означеніе основываемъ мы не только на собственномъ опытѣ, но и на показаніи г. Шульца ⁽¹⁾ и г. Ярошевича. ⁽²⁾

На югѣ разсматриваемый языкъ примыкаетъ къ особенному отѣнку русскаго языка, который у здѣшнихъ жителей называется «*королѣюскимъ*». Онѣ употребляется въ окрестностяхъ мѣст. *Нарева*, простирается подѣ *Бѣльскѣ* и между прочими особенностями отличается отъ разсматриваемаго языка тѣмъ, что въ немъ нѣтъ вставочной *з* послѣ *д*. Такимъ-обра-

⁽¹⁾ Pisma D. Szulca Warsz. 1853 v., str. 26.

⁽²⁾ Obraz Litwy, t. I, str. 206 prsp. 13.

зомъ не говорятъ *пуойдзъ, пепдзъ, будзъ*, но *пуойда, пепда, буда* и проч. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ въ насмѣшку «*дакалами*» и *даькалами*.»

На востокѣ и сѣверо-востокѣ онъ граничитъ съ языкомъ собственно бѣлорусскимъ, который у здѣшнихъ жителей называется «*литовскимъ*». Этими языкомъ говорятъ уже около Свислочи, Крынокъ, Яловки и около мѣст. Гродка, при которомъ встрѣчаются эти два отгѣнка. Смѣшнымъ въ немъ кажется для здѣшняго жителя употребленіе вмѣсто *идутъ, їдутъ, знаютъ* и проч. *идуць, їдуць, знаюць*; также постоянное въ немъ произношеніе *о* за *а*, вмѣсто *пошоу, говориу, хочу, мои, свои, чого* и проч. *пашоу, гавариу, хачу, маи, свани, чаго*; вмѣсто *вонъ, вона, його* употребленіе *уонъ, лнд, яго*. Ясно же можно видѣть различія этихъ двухъ отгѣнковъ русскаго языка изъ сравненія одного изъ приведенныхъ нами образцовъ съ другими образцами, напримѣръ, хотъ пѣснею, приводимую въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 11., библ., стр. 26, или же съ другою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 7., отд. II, стр. 17.

Разумѣется, что невозможно съ математическою точностію означить границы разсматриваемаго нами языка отъ сейчасъ упомянутыхъ, смежныхъ съ нимъ отгѣнковъ, къ которымъ онъ примыкаетъ на востокѣ и западѣ, югѣ и сѣверѣ. Въ самой натурѣ, въ дѣйствительности едва ли существуетъ такой переломъ, такой рѣзкій переходъ одного отгѣнка въ другой, чтобы можно было это обозначить на картѣ съ строгою точностью. По-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на чертѣ ЕФ мы имѣли случай удостовѣриться, что житель такъ же почти свободно объясняется и по-русски, какъ и по-мазовецки. Утвердительно можемъ сказать только то, что на всемъ пространствѣ *тп погс* (*) живетъ въ настоящее время въ устахъ народа (низшаго сословія, издавна здѣсь осѣдлаго) языкъ, какой мы видимъ въ приведенныхъ образцахъ,—языкъ вездѣ одинаковый, безъ всякихъ отгѣнковъ, или же съ отгѣнками ничтожными, вовсе незамѣтными. Слѣдовательно, границы разсматриваемаго языка почти совпадаютъ съ границами при-

(*) См. карту. На этомъ пространствѣ находится болѣе 40 деревень и селеній; названія ихъ приведены выше.

ходовъ Заблудовской Православной церкви и Заблудовскаго Римско-Католическаго костела, съ небольшими только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступами.

Замѣчательнѣйшимъ пунктомъ на означенномъ пространствѣ среди многолюдныхъ селеній есть *мѣстечко Заблудовъ*. Мы привели выше преданіе, хранящееся въ народной памяти, объ основаніи этого мѣстечка. Это преданіе, равно-какъ и то, что всю страну покрывали нѣкогда непроходимые лѣса, подтверждается и лѣтописными извѣстіями, и самымъ взглядомъ на современную культуру этой мѣстности (не говоря уже о доказательствахъ, упоминаемыхъ въ третьемъ и особенно во второмъ образцѣ рѣчи прозаической). Такъ, еще Каллубекъ объ этой странѣ говоритъ: *Pollexiani..... propter vastissimas solitudinum intercapedines, propter concretissimas nemorum densitates, propter bituminata inaccessibilis palustria* ⁽¹⁾; а нынѣшніе лѣса, разбросанные въ 6 или 7 мѣстахъ, на пространствѣ *in ois*, среди обработанныхъ полей, очевидно суть только скудные остатки прежнихъ, нѣкогда составлявшихъ одну сплошную массу. Мало-по-малу, по-мѣрѣ увеличивающагося народонаселенія, они были истреблены и обращены въ пахотныя поля рукою человѣка, находившаго въ землѣ единственный источникъ удовлетворенія своимъ нуждамъ. Самое дѣйствіе преданія, т.-е. самое основаніе мѣстечка, относится къ XV или началу XVI столѣтія. Такъ заключаемъ изъ словъ документа XVI вѣка (1597 года), въ которомъ гетманъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*, записывая фундушъ Заблудовской православной церкви Успенія и Св. Николая, говоритъ о духовенствѣ и служащихъ при церкви и костелѣ: «а они зато послуги своее костелное маот быт пылныи и ктому маот на науцѣ детей держати, надто *што есмо еще засажываючи знову место наше Заблудовское* так есмо постановили п на листе на дате нашей им даной то описали, ижъ маот и повинни будутъ все мещане зъ домов их местских платити.....» ⁽²⁾

⁽¹⁾ Изданіе 1824 года, стр. 86.

⁽²⁾ «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138. стр. 297

Слѣдующее извѣстіе, подтверждая сдѣланное нами заключеніе, имѣетъ еще и другой интересъ. Извѣстно, что при царѣ Іоаннѣ IV, въ Москвѣ, заведена была, въ 1553 году, первая типографія подѣ руководствомъ двухъ мастеровъ: діакона *Ивана Ѳедорова* и Петра Тимофеева *Мстиславцева*, напечатавшихъ въ 1564 году первую книгу *Дьянія* и *Посланія Апостоловъ*. Злые люди и суевѣры, изумленные новостью изобрѣтенія, не дали распространиться благому дѣлу, и Ѳедоровъ съ товарищами, какъ мнимые еретики, должны были удалиться изъ Москвы отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Въ послѣдствіи времени они нашли убѣжище на Волыни, у Константина Острожскаго, который завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ, и здѣсь, въ 1580 году, напечатаны были *Новый Заветъ* и *Псалтырь*, а въ слѣдующемъ 1581 году—*вся Библія*. Прежде этого Иванъ Ѳедоровъ жилъ во Львовѣ и здѣсь напечаталъ, въ 1573 году, *Апостолъ* (*). Гдѣ же Ѳедоровъ и Мстиславцевъ провели прежніе 9 лѣтъ по удаленіи изъ Москвы, т.-е. съ 1564 по 1573 годъ и не напечатали ль въ это время какихъ книгъ, о томъ ни слова не говорятъ ни Карамзинъ, ни Сопиковъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время начинаетъ проясняться. Самъ Иванъ Ѳедоровъ говоритъ о себѣ и товарищахъ въ «Послѣсловіи» книги *Апостолъ*, напечатанной имъ во Львовѣ 1573 года, слѣдующее. «Зависть и ненависть..... насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преїдохомъ..... воспріаша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Августъ кроль Польскій..... Въ то же время со тцаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*..... *пріа насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами телѣсными удошевляше насъ, еще и сіе недовольно ему бѣ еже тако устроити насъ, и весь не малу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ по воли Господа нашего Ісуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріити ему въ глугу старость, и начастъ главъ его болезнію одержмѣ быти, по-*

(*) Опытъ Росс. Библіографіи, В. Сопикова. Ч. I, стр. LX—LXV и др.; «Истор. Государ. Росс.» Карамзина, изд. 1837 года, т. IX, стр. 47, 48 и прим. 87 къ гл. I.

вель намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положить, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препроводжати..... но имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселѣнній разсѣвати..... И сего ради понудихся ити отгуду, и въ путь шествующи ми, мнози скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу и просто рѣши вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божіа челоуѣколюбіа до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова приидохъ.....»

Въ какомъ именно мѣстѣ пребывалъ у Ходкевича Федоровъ съ своими сотрудниками и чѣмъ занимался («намъ же работающимъ.... повелѣ намъ работанія сего престати»), лучшимъ отвѣтомъ тому будетъ слѣдующее заглавіе книги, хранящейся прежде въ Вроцлавѣ, въ Религеровской библіотекѣ (*): «Книга зовомая *учительное* (Евангеліе?) отъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ избрана и отъ многихъ божественныхъ писаній.... выдрукована за счастливого панованія найяснѣйшаго господаря нашего Зыгмонта Августа б. м. короля Польскаго.... а при архіепископѣ б. м. митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руссїи и *выдана есть въ отчизномъ имени пана Виленскаго гетмана* найвыжшаго Вел. Кн. Литовскаго..... пана Григорія Александровича Ходкевича въ мѣсть зовомомъ *Заблудовью* власнымъ накладомъ его милости, а *началася книга сія друковати по воплощенію Слова Божьего року 1568 мѣсяца юля, а свершился 1569 мѣсяца марта 31»,* и проч. (399 листовъ).

Знаемъ еще одну книгу, напечатанную также въ этомъ мѣстечкѣ Заблудовѣ тѣмъ же Ив. Федоровымъ, иждивеніемъ гетмана Ходкевича. Это *Псалтирь* in folio, напечатанная въ слѣдующемъ, 1570 году, хранящаяся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ Москвы изъ древлехранилища Цогадина (**). Современемъ, быть-можетъ, окажутся еще и другія книги той же типогра-

(*) См. *Historja drukarni Krakowskich*, Bandtkie wyd. 1815 г. str. 174; «Архивъ Юрид. Слѣдствій» Калачева, кн. I, въ Матер. для исторіи.

(**) «Современникъ» за 1853 годъ, октябрь, Библиогр., стр. 22.

ѳіи. Но уже и изъ этихъ ясно видно, что первые московскіе типографіки Федоровъ и Мстиславцевъ въ означенныхъ годахъ пребывали у Ходкевича въ Заблудовѣ, напечатали здѣсь двѣ (а можетъ-быть и болѣе) книги, составляющія теперь библиографическую рѣдкость: *Евангеліе учительное* 1569 г. и *Псалтирь* 1570 года. Слѣдовательно, въ исторіи книгопечатанія въ Россіи промежутокъ времени отъ 1565 г. по 1573 г., о которомъ доселѣ умалчивалось, долженъ быть пополненъ этими извѣстіями. Съ другой стороны эти извѣстія показываютъ, что приведенныя выше слова Ходкевичевой грамоты «*што есмо еще засаживаючи знову место наше Заблудовское* поставили....» могутъ быть отнесены ко временамъ, предшествовавшимъ 1568 году, а самое начало народнаго преданія объ основаніи мѣстечка — къ гораздо древнѣйшимъ временамъ.

Не можемъ здѣсь умолчать еще объ одномъ извѣстіи, умилительномъ для всякаго добраго сына православной церкви, извѣстіи, относящемся къ исторіи заблудовской церкви, пребывшей непоколебимою въ православіи среди всѣхъ потрясеній Уніи. Сто-тридцать-четыре года тому назадъ въ Заблудовскомъ монастырѣ почивали нетлѣнные мощи младенца Гавріила. По монастырскимъ запискамъ, Гавріилъ родился 1684 года, въ селѣ Звѣркахъ (въ 3 или 4 верстахъ отъ Заблудова; существуетъ и теперь). Въ 1690 году шестилѣтній отрокъ былъ похищенъ того жъ села жидомъ арендаторомъ въ *Бѣломъ стану* (вѣроятно въ *Бѣломъ стоку*, т. е. въ Бѣлостокѣ), замученъ и выброшенъ въ поле на съѣденіе птицамъ. Родители сыскали тѣло невиннаго страдальца и погребли въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ. Черезъ 30 лѣтъ обрѣтены были нетлѣнные мощи младенца Гавріила и поставлены въ церковный погребъ, гдѣ почивали съ небольшимъ 50 лѣтъ. 1775 года, мая 9, они были перенесены изъ Заблудова въ Слуцкій монастырь архимандритомъ Казачинскимъ; теперь же почиваютъ въ Слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, находящемся близъ уѣзднаго города Слуцка (*).

По немногимъ приведеннымъ здѣсь историческимъ фактамъ о главнѣйшемъ пунктѣ разсматриваемой мѣстности, мы

(*) См. «Словарь Историч. о Святыхъ, прославленныхъ въ Росс. церкви», стр. 71, или же «Энци. Лексиконъ».

имѣемъ возможность подняться къ началу XVI и къ концу XV столѣтія. По нимъ можно сдѣлать заключеніе, что хотя и въ эти времена, такъ же, какъ и теперь, низшій слой народонаселенія означеннаго пространства дѣлился по вѣроисповѣданію на двѣ большія половины: православную и римско-католическую (ибо Григорій Ходкевичъ для означеннаго пространства учреждаетъ въ Заблудовѣ, 1597 г., настоятелей при православной церкви и римско-католическомъ костелѣ съ совершенно одинаковыми для того и другаго правами и преимуществами)(*), однако, обѣ половины, безъ всякаго сомнѣнія; и тогда, т.-е. 300 лѣтъ тому назадъ, употребляли языкъ совершенно такой же, какой живетъ въ устахъ народа обѣихъ половинъ и въ настоящее время. Какъ мало этотъ языкъ измѣнился въ послѣднія 300 лѣтъ, мы могли бы яснѣе это видѣть, если бы имѣли образцы для сравненія тогдашняго языка съ нынѣшнимъ. За неимѣніемъ таковыхъ, предлагаемъ здѣсь для сравненія съ приведенными выше образцами нынѣшняго языка хоть слѣдующее, напримѣръ, мѣсто упомянутой фундашевой записи Ходкевича второй половины XVI вѣка, гдѣ основатель налагаетъ слѣдующія обязанности на духовенство основанной имъ церкви въ Заблудовѣ.

.... «зволѣк испляцов наоселене поцу плебану илиякону однас даныхъ немають, инебудут повинни цыншу або плату никоторого на нас платити и давати; але будут повинни уживаючи того хлеба sprawy церковные яко насвещенников прыслушити быти пилны аза господара Бга Милостивого просити; а людеи дотое Божеи церкви и докостела прыходящих немают на них незбожных вымыслов вымышляти надпроводу, также иодупису немают помногу брати але побожне як подиншых речей духовных маютсе такъ заховати.... тымже обычаем ивыншыхъ речех асправахъ духовныхъ заховатисе мают, аубогихъ людей, которыибы немелъ чего дати, яко отпроводу, отвенчания, одхрещеня дитати иодиншыхъ духовныхъ справ, тогды товсе повиненъ будетъ священникъ безплаты чинити; аотместца якопервей вымыслы чинивано потося торговывано прыпохо-

(*) См. «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138.

ваню эмерлых людзей тѣла , тогда то вже болше немаець быт чынено....» (*)

Сличивъ этотъ языкъ съ нынѣшнимъ (вышеприведенными образцами), замѣтимъ между ними разницу небольшую, и, следовательно, въ 300 лѣтъ, несмотря на всѣ измѣненія и перестройки, которымъ подвергался народъ въ другихъ отношеніяхъ, въ языкѣ его не произошло никакихъ перемѣнъ, или же эти измѣненія совсѣмъ незначительны. Если въ эти 300 лѣтъ онъ не измѣнился, то нѣтъ достаточной причины допускать въ немъ какія-либо измѣненія и для временъ древнѣйшихъ, для двухъ, трехъ столѣтій предшествовавшихъ. Поколѣнія, отживъ свой вѣкъ, нисходятъ въ могилу, ихъ смѣняютъ новыя, а языкъ живетъ неизмѣнно; переходилъ и переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и хранится отдаленнымъ потомствомъ, какъ заветная святыня, хотя совершенно безъ вѣдома и воли завѣщателей и хранителей.

Здѣсь оканчиваемъ наши замѣчанія, коснувшись въ нихъ двухъ противоположныхъ концовъ: быта современнаго, со стороны языка, и временъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію. Въ послѣднемъ случаѣ по историческимъ источникамъ приблизились мы къ концу XIII и началу XIV вѣка; въ первомъ поднялись изъ одного пункта на 300 лѣтъ и приблизились къ началу XVI столѣтія. Взявъ въ соображеніе сказанное въ первомъ и второмъ случаяхъ, будетъ уже замѣтна нѣкоторая связь, общая цѣпь, соединяющая чрезъ длинный рядъ столѣтій минувшихъ два противоположные конца — настоящее и прошедшее. Можетъ-быть, когда-нибудь въ другое время, будемъ имѣть возможность обнаружить болѣе очевиднымъ образомъ, что эта цѣпь не прерывается въ-теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, о которыхъ мы здѣсь еще ничего не говорили, т.-е. въ-теченіе XIV, XV и другихъ столѣтій.

(*) «Собр. акт. и гр. Минск. губ.», № 138, стр. 298.

Списокъ деревень и селеній, находящихся на пространствѣ
м п о г с.

По произношенію польскому.

1. Zabłudow m.
2. Kucharówka
3. Zwierki
4. Protąsy
- 5.
6. Borowiki
7. Rafalowka
8. Dobrzyniowka
9. Folwarki
10. Tylwica
- 11.
- 12.
- 13.
14. Ochremowicze
15. Siéski
16. Hnieniuki
- 17.
18. Kozliki
19. Łaszki
20. Kryńskie
21. Pasynki
22. Solniki
23. Ostrówki
24. Kowalówce
25. Łubniki
26. Skrybiche
- 27.
28. Karakule
29. Bagnówka
30. Grabówka
- 31.
32. Zasiąńki
33. Kamionka
- 34.
35. Łukjany
- 36.
37. Tatarówce
38. Rudnica
- 39.
40. Ziédna
41. Topolanie
42. Heremidów

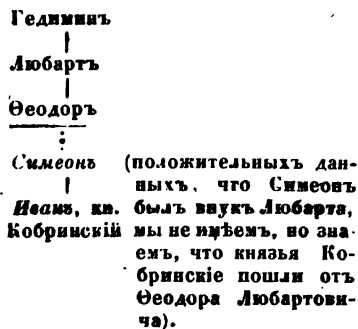
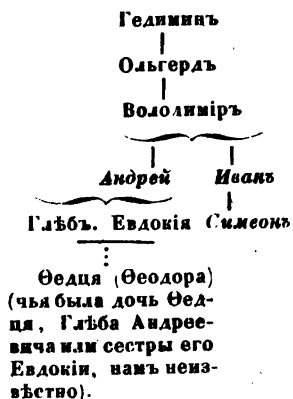
По произношенію престопа�родному.

- Заблудове — мѣсто.
Кухароука, Кухары.
Звѣркі.
Протаскі.
Kurjany.
Боровикі.
Рохалюука.
Добрынюука.
Полварки.
Цильвичи.
Potoka.
Małynka.
Olszanka.
Охрымовичи.
Сѣські.
Гнѣцюкі.
Олѣксичи.
Куозьлики.
Лашкі.
Криніцкіе.
Пасынки.
Сальникі.
Острѣуки.
Ковалюуцы.
Лубники.
Скрѣбичи.
Загрюшане.
Каракули.
Бажюука.
Грабюука.
Sobolewo.
Засѣціенки.
Камѣнка.
Zajeziércy.
Луньянкі.
Bobrów.
Татароуцы.
Рудница.
Zauma.
Зѣднан.
Тополаны.
Гареймѣво, Гаринѣво.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Князья Андрей и Иванъ Владиміровичи, упоминаемые въ судной грамотѣ польскаго короля Казимира, 1484 года, августа 25, были дѣти князя Владиміра Ольгердовича, внука Гедиминова. Въ грамотѣ этой, между прочимъ, сказано: «присудилъ есмо: тые мѣнья, *Айну, а Могильную, а Словенскъ, а Илемъницу, а Полоное* княгини Ивановой Семеновича Кобринскаго, княгини Феодѣ, *внуцѣ князя Андрея Владиміровича*, вѣчно съ всемъ тымъ, што къ тымъ мѣньямъ задана слушаетъ, потому какъ держалъ небожычкѣ князь Андрей Владиміровичъ». Что этотъ небожычкѣ князь Андрей Владиміровичъ былъ внуку Ольгерда, видно изъ духовной его грамоты 1446 года, іюня 16, въ которой читаемъ: «се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, прїѣздилъ есмь въ Кіевъ, съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя... и поклонихомся отца своего гробу князя Владиміра Ольгердовича... и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу... мѣнья прѣшое, *Айну, Словенскъ, Могиное, Каменецъ, Логожскъ, Илемъницу и Полоное*, т.-е. то самое мѣнье, о которомъ былъ споръ въ 1484 году между княземъ Семеномъ Ивановичемъ, внукомъ князя Владиміра Ольгердовича, и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ, который былъ женатъ на внукѣ князя Андрея Владиміровича. А что князь Иванъ Владиміровичъ, упоминаемый въ судной грамотѣ 1484 года, былъ тоже сынъ Владиміра Ольгердовича, то это очевидно изъ содержанія той же грамоты; онъ называется въ ней братомъ князя Андрея Владиміровича Ольгердовича, а этотъ послѣдній *дядькомъ* (дядею) князя Семена Ивановича Владиміровича. Въ родословіи князей Бѣльскихъ князь Иванъ Владиміровичъ показанъ бездѣтнымъ (см. Барх. Кн. 1. 47), между-тѣмъ, какъ изъ грамоты 1484 г. оказывается у него сынъ Семень. Изъ духовной грамоты князя Андрея Владиміровича мы узнаемъ еще, что у него въ 1446 году были дѣти сынъ Глѣбъ и дочь дѣвица Евдокія, а изъ судной грамоты 1484 г. видимъ, что княгиня Феодора (Федца), жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго, была внука князя Андрея Владиміровича Ольгердова и наследовала всѣ его мѣнья, кромѣ Каменца и Логожска. Но кто же такой былъ князь Иванъ Семеновичъ, которому въ концѣ XV вѣка принадлежалъ городъ Кобринъ и который поэтому назывался Кобринскимъ? Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій происходилъ, кажется, какъ и жена его, отъ великаго князя литовскаго Гедимина, она отъ князя Ольгерда Гедиминовича, а онъ отъ князя Любарта Гедиминовича. По-крайней-мѣрѣ, въ «Бархатной Книгѣ» сказано, «7 сына Гедиманова Любарта Волывскій князь взялъ къ дочери на свое

мѣсто на княжество. У Любарта сынъ Ѳеодоръ, и отъ того пошли Санкушковскіе князи да Карбинскіе (читай Кобринскіе) князи. Изъ составленныхъ нами и предлагаемыхъ здѣсь родословныхъ таблицъ ясное можно видѣть наше мнѣніе.

Редакторъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВИЛЕНСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

ВВЕДЕНИЕ.

Желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, согласно программѣ, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, считаю необходимымъ предварительно сказать вѣсколько словъ о географическомъ и статистическомъ положеніи губерніи.

Она лежитъ подъ среднею географическою широтою : $54^{\circ} 36'$; крайнія широты суть : на сѣверѣ $55^{\circ} 50'$, на югѣ $53^{\circ} 23'$; крайнія долготы, или меридіаны отъ Парижа : на западѣ $21^{\circ} 34'$, на востокѣ $26^{\circ} 4'$. Сѣверные уѣзды ея : Виленскій, Свенцянскій и Дисненскій, граничатъ съ Ковенскою, Курляндскою и къ сѣверо-востоку съ Витебскою губерніями; отъ послѣдней отдѣляются они рѣкою Двиною. Западные уѣзды, Троцскій и Лидскій, граничатъ съ царствомъ Польскимъ (край Запущанскій), отъ котораго отдѣляются рѣкою Нѣманомъ, и къ юго-западу — Гродненскою губерніею. Южные, Лидскій, Ошмянскій и Вилейскій, — съ Гродненскою и Минскою губерніями. Восточные, Вилейскій и Дисненскій, — съ Минскою и Витебскою.

По исчисленіямъ Виленской астрономической Обсерваторіи, протяженіе всей поверхности губерніи составляетъ 73,159 квадр. верстъ, или 768,0 квадр. геогр. миль.

По прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ границы Свенцянскаго уѣзда съ Ковенскою губерніею, выше селенія Синишки, до границы Ошмянскаго уѣзда ниже селенія Севяльская

слобода, заключается 220 верстъ. Съ востока же на западъ отъ границы Вилейскаго уѣзда съ Минскою губерніею, вблизи мѣстечка Крайска до рѣки Нѣмана, на границѣ Трокскаго уѣзда отъ царства Польскаго, близъ мѣстечка Бирштаны, 224 версты.

Виленская губернія представляетъ песчаную равнину; въ ней нѣтъ ни одной цѣпи горъ. Живописные берега орошающихъ ее рѣкъ, и преимущественно Виліи и Нѣмана, увѣнчаны холмами, какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ углубленія рѣкъ, но не представляютъ постоянной гряды горъ.

Въ городѣ Вильно уровень рѣки Виліи надъ моремъ составляетъ $55\frac{1}{2}$ саж., или 386 футовъ.

Самая возвышенная гора надъ морскимъ горизонтомъ, близъ деревни Цюпишки, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, составляетъ 147 саж.

Въ геологическомъ отношеніи въ Виленской губерніи явственны признаки поздняго наноснаго происхожденія почвы. Она вообще песчаная и глинистая, но перемѣшанная съ нѣкоторыми иосторонними веществами органическими и неорганическими, и въ-особенности черноземомъ, почти вездѣ способна къ воздѣлыванію, при тщательномъ удобреніи. Ленъ и пенька произрастаютъ съ успѣхомъ. Лѣсъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ богатствъ губерніи. Вообще подъ лѣсомъ полагается 1,331,717 десятинъ. Наводненія рѣкъ имѣютъ большое вліяніе на урожай, заносъ землю иломъ и способствуя къ ея удобренію.

Главныя рѣки : 1) *Нѣманъ*, имѣющій 15 пристаней для причала судамъ и плотамъ. Въ Нѣманъ впадаютъ, съ правой стороны : Виліа, Страва, Вержня, Меречанка, Ротничанка, Котра, Турія, Свѣнница, Деражная, Линичанка, Лебюда, Нѣманокъ, Зарѣчанка, или Ельненка, Дзитва, Наревъ, Гавія, Березина, Быстрая, Усса, Черная и Сула ; съ лѣвой стороны : Щара, Мовчатъ, Прудовая и Черновка. Всѣхъ вообще рѣкъ, протекающихъ по Виленской губерніи и впадающихъ преимущественно въ Нѣманъ и Вилію и другія, считается 116.

Виленская губернія богата озерами : ихъ считаютъ до 330. Самыя большія, въ *Свенцянскомъ* уѣздѣ : *Нарочъ* имѣетъ 11,500 сажень длины, 7,500 ширины, 15 глубины; *Эйсакъ* имѣютъ 10,000 саж. длины, 1,500 ширины, $14\frac{1}{2}$ глубины,

Свирь 7,000 длины, 1,500 шир., 3 глуб.; въ *Дисненскомъ*: *Перелбродъ* 4,000 длины, 3,000 шир., 18 глуб., *Улма* 4,000 длины, 1,500 шир., 14 глуб.; въ *Трокскомъ*: *Трокское*, или *Гальва*, 3,000 длины, 1,000 шир. 20 глуб., *Окмана* 2,500 длины, 1,500 шир., 12 глуб., *Давги* 7,000 длины, 1,000 шир., 15 глубины; въ *Виленскомъ*: *Дуинки* 10,000 длины, 500 шир., 20 глубины.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, по манифесту 14 декабря 1795 года, четырнадцатая часть Литовскаго княжества, или воеводства Виленское, Трокское и княжество Самогитія, т.-е. Жмудь, присоединены къ Россіи, и изъ нихъ образованы двѣ губерніи: Виленская и Слонимская. 12 декабря 1796 года эти двѣ губерніи соединены въ одну, подъ названіемъ Литовской губерніи. 9 сентября 1801 года эта губернія раздѣлена на двѣ: на Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую. Въ первой были уѣзды: Виленскій, Трокскій, Завилейскій (Свенцянский), Ошмянскій, Вилкомирскій, Ковенскій, Брацлавскій (Ново-Александровскій), Упитскій (Поневежскій), Шавельскій, Тельшевскій и Россіенскій, и заключала, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ городовъ, 191 мѣстечко. 24 декабря 1839 года Трокскій уѣздъ былъ упраздненъ, и губернія составлена изъ 10 уѣздовъ. 18 іюля 1840 года повелѣно именовать литовскія губерніи отдѣльно: Виленскою и Гродненскою. Наконецъ 1 іюля 1843 года (на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 декабря 1842 года) изъ семи уѣздовъ Виленской губерніи образована Ковенская губернія, въ составъ которой вошли слѣдующіе уѣзды: Вилкомирскій, Поневежскій, Ново-Александровскій, Шавельскій, Тельшевскій, Россіенскій и часть Ковенскаго, съ назначеніемъ города Ковно губернскимъ городомъ. Южная же половина, т.-е. уѣзды Виленскій, Ошмянскій и Свенцянский, оставлены въ составъ сей губерніи; въ замѣнъ же отошедшихъ уѣздовъ отдѣлены отъ Минской губерніи Вилейскій и Дисненскій и отъ Гродненской губерніи Лидскій уѣзды и восстановленъ Трокскій уѣздъ, къ которому приписано все пространство бывшаго Ковенскаго уѣзда до черты мѣстечка Румтишекъ.

Виленскій, Трокскій и Свенцянский уѣзды, а также часть Ошмянскаго и Лидскаго, составляютъ древнее достояніе Литвы и принадлежали постоянно до 1795 года къ великому княже-

ству Литовскому. Въ 1413 году образовано было Виленское воеводство, въ составъ котораго входили нынѣшніе уѣзды Виленскій, Свенцянскій и Ошмянскій; Трокскій же составлялъ особое воеводство, образованное въ томъ же 1413 году. Вилейскій уѣздъ и юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда принадлежали къ Минскому княжеству — отчизнѣ Славянъ-Кривичей, съ 1300 года постоянно находившихся подъ властію князей литовско-русскихъ; впоследствии уѣзды эти вошли въ составъ Виленскаго воеводства. Дисненскій уѣздъ былъ древнимъ достояніемъ Полоцкаго княжества, подчиненнаго владычеству Литовской Руси въ первой половинѣ XIII столѣтія, изъ котораго въ 1500 году образовано было особое воеводство. Наконецъ Лидскій уѣздъ, состоящій изъ бывшаго Дейновскаго княжества(*), частію Литовцевъ и Славянъ, занимающихъ южную часть уѣзда, во время Ольгерда составлялъ особое удѣльное княжество, причисленное потомъ къ Виленскому воеводу. Вилейскій и Дисненскій, послѣ втораго раздѣла Польши, съ 3 мая 1795 по 1 іюля 1843 принадлежали къ Минской губерніи. Лидскій уѣздъ съ 1795 года принадлежалъ къ Слонимской губерніи, потомъ съ 1801 къ Гродненской, а наконецъ съ 1 іюля 1843 года къ Виленской.

Населеніе губерніи по 9-й переписи къ 1855 году составляло

въ городахъ.	39,170 муж.	39,212 жен.
— уѣздахъ	364,365 —	372,315 —
<hr/>		
а всего	403,535 муж.	411,527 жен.
		(815,062)

Въ томъ числѣ:

неподатныхъ	44,342 муж.	31,956 жен.
податныхъ	359,193 —	379,571 —

Противъ 8 народной переписи въ-теченіе 16 лѣтъ (съ 1834—1850) населеніе губерніи въ мужескомъ полѣ уменьшилось на 996 душъ, а въ женскомъ увеличилось на 27,544 души.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, населеніе губер-

(*) Дейновское княжество граничило съ Гродненскимъ княжествомъ, по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковыскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ.

ни по вѣроисповѣданіямъ представляетъ слѣдующіе выводы, въ общемъ итогѣ несогласные съ вышеприведенными свѣдѣніями, взятыми изъ дѣлъ Казенной Палаты :

православнаго.	92,181 м.	91,276 ж.	=	183,457
римско-католическаго. 313,551 —		321,138 —	=	634,689
евангелическаго.	458 —	456 —	=	914
старообрядческаго . . .	6,630 —	6,147 —	=	12,777
магометанъ	1,299 —	1,031 —	=	2,330
караимовъ.	257 —	259 —	=	516
евреевъ	30,151 —	40,506 —	=	70,657
	440,174 м.	456,744 ж.	=	896,918

Исповѣдующіе православную вѣру, съ весьма небольшими исключеніями, и всѣ старообрядцы принадлежатъ къ славянскому племени; большая часть р.-католиковъ — къ литовскому племени.

Магометанскую вѣру исповѣдуютъ Татары, которые, равно какъ Караимы, поселены здѣсь вел. кн. литовскимъ Витовтомъ. Первые взяты имъ въ плѣнъ въ 1395 году и привезены въ Литву цѣлыми улусами. Послѣдніе, вѣроятно, тогда же или во время втораго похода его въ 1398 году, какъ гласитъ преданіе караимскихъ синагогъ, переселены изъ Крыма въ числѣ 383 семействъ.

Евреи пришли сюда первоначально изъ Кіева въ XII столѣтіи.

Есть еще небольшое число Цыганъ, пришедшихъ въ эту страну около 1417 года. Сколько ихъ именно, неизвѣстно, потому-что они вошли въ составъ разныхъ сословій.

Такимъ-образомъ, видимъ, что Виленскую губернію населяютъ два главныя племена: славянское и литовское, различныя между собою происхожденіемъ, языкомъ, большею частью вѣроисповѣданіемъ и, несмотря на вѣковое сближеніе, еще во многомъ отличающіяся преданіями, нравами и обычаями. Поэтому, желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, мы должны отвѣчать на всѣ вопросы программы вдвойнѣ, особо о Славянахъ и особо о Литовцахъ, прежде же всего считаемъ необходимымъ представить раздѣленіе губерніи на эти два племена.

Для опредѣленія, хотя приблизительнаго, границъ этихъ двухъ поколѣній и сдѣланія, такимъ-образомъ, вывода о числѣ

населенія особа каждого поколѣнія , представляются два средства : изслѣдовать названіе древнѣйшихъ мѣстъ , рѣкъ , озеръ и т. д. и изъ нарѣчій , къ которымъ принадлежать эти названія , опредѣлить границы. Этотъ способъ самый вѣрный , но здѣсь представляетъ особаго рода затрудненія ; ибо сосѣдственныя поколѣнія , при непрерывныхъ столкновеніяхъ и живучи въ близкомъ сосѣдствѣ , а нерѣдко въ одной и той же деревнѣ , перенимали названія , отчего одна и та же мѣстность часто бываетъ наполнена литовскими и славянскими названіями , такъ что весьма трудно провести между ними границу. Другое средство — изслѣдовать преданія народныя , согласить ихъ съ древними хрониками , изучить мѣстность въ-отношеніи правовъ и обычаевъ , обращая вниманіе на нарѣчія , и , такимъ-образомъ , извлечь изъ всего этого общій выводъ.

По этимъ даннымъ представляю хотя приблизительное разграниченіе Виленской губерніи по поколѣніямъ , составленное мною послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій и усерднаго изученія мѣстностей , при пособіи и по указаніямъ во многихъ случаяхъ маститаго историка и глубокаго изслѣдователя литовско-русской старины Федора Ефимовича Нарбутта.

Взявъ въ основаніе пунктъ при впаденіи рѣки *Ротничанки* въ *Нѣманъ* (на сѣверо-южномъ рубежѣ Трокскаго уѣзда) , провести линію вверхъ по теченію *Ротничанки* до деревни *Лютъ* , далѣе , по прямому направленію на востокъ , до деревни *Кермуши* ; потомъ по границѣ Гродненской губерніи до озера *Дунъ* и деревни *Романовъ* , или *Ромуве* ; отсюда по прямой линіи до впаденія рѣки *Пелюсы* въ озеро того же названія , при деревнѣ *Дубичи* , потомъ вверхъ по рѣкѣ *Пелюсъ* до устья ея при имѣніи *Пелюса* , далѣе границею , отдѣляющею приходъ *Заблоцкій* отъ *Радунскаго* , и вверхъ по рѣкѣ *Дзигель* до впаденія ея въ рѣку *Оссовку* , далѣе по теченію этой рѣки до деревни *Подворонцовъ* , а потомъ на востокъ до деревни *Дайновка* , лежащей на правомъ берегу рѣки *Жижмы* , оттуда вверхъ правымъ берегомъ *Жижмы* до м. *Стокъ* ; съ этого пункта до устья рѣки *Ошмянки* при имѣніи *Граужаишки* и по теченію этой рѣки внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія ея въ *Вилію* ; отсюда лѣвымъ берегомъ послѣдней до м. *Михайлишекъ* , потомъ до сѣвернаго берега озера *Свирь* , затѣмъ на сѣверо-востокъ вверхъ по теченію рѣки *Струны* и *Отры* , а потомъ по

прямой линіи до м. *Постава*; отсюда по границѣ Дисненскаго уѣзда до границы губерніи Ковенской, далѣе по этой границѣ до Нѣмана и наконецъ по теченію Нѣмана обратно до рѣки Ротничанки. Вся верхняя часть надъ этой полосой, или сѣверо-западная часть губерніи, заселена литовскимъ поколѣніемъ, нижняя часть, или юго-восточная половина губерніи — славянскимъ племенемъ. Такимъ-образомъ, оказывается, что литовское племя занимаетъ цѣлые уѣзды Виленскій и Троцскій, сѣверныя части Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ и сѣверо-западную часть Свенцянскаго уѣзда. Остальное пространство губерніи, т.-е. Вилейскій и Дисненскій уѣзды, остальное пространство Свенцянскаго уѣзда населены Славянами-Бѣлоруссами, юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда и все пространство за правымъ берегомъ Дзятвы — Славянами-Кривичами. Въ Лидскомъ же уѣздѣ отъ озера Дупъ по границѣ Гродненской губерніи и приходы Лидскій, Новогрудскій и Заблудскій населяетъ племя Черноруссовъ. Юго-восточная часть уѣзда, и именно приходы: Осовскій, Жирмунскій, Мытлянский, Лидскій и Бѣлорусскій, составляла до XIV столѣтія особое княжество, извѣстное подъ именемъ Дейновскаго.

По этому распредѣленію, можно вывести приблизительное заключеніе, что въ Виленской губерніи

Славянскаго племени 177,091 м. 176,200 ж. = 353,290

Литовскаго 195,738 — 192,959 — = 388,697 (*).

І. Наружность.

Въ-отношеніи наружныхъ примѣтъ и физическихъ свойствъ жители Виленской губерніи рѣзко отличаются отъ жителей великороссійскихъ губерній Россіи; но внутри различіе славянскаго племени съ литовскимъ, въ наше время, не всегда и не вездѣ замѣтно. Наружность жителя Виленской губерніи славянскаго племени совершенно сходна съ наружностью Бѣлоруссовъ, обитающихъ въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ; болѣе отличительныя черты лица встрѣчаются въ цѣломъ Троцкомъ уѣздѣ, въ смежной съ нимъ ча-

(*) Вообще Литовскаго племени считаютъ до 2,000,000 человекъ, въ томъ числѣ Литовцевъ и Самогитянъ, или Жмудиновъ, болѣе 1,300,000, Латышей 400,000, Куровъ 300,000.

сти Лидскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленскаго, Свенцянскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, тамъ, гдѣ обитаютъ исключительно Литовцы и гдѣ господствующее — литовское нарѣчіе.

Литовцы, съ рѣдкими исключеніями, имѣютъ волосы бѣлокурые, въ юности совершенно бѣлые, доходящіе почти до цвѣта жемчуга, въ среднемъ возрастѣ и въ старости немного потемнѣе, но никогда не превращающіеся въ рыжій цвѣтъ. Глаза выпуклые, полные; голубые. Носъ болѣею частью античный, въ прямой линіи съ челомъ. Вообще лице и тѣло цвѣта совершенно бѣлаго. Женщины литовскія, тамъ, гдѣ обитаютъ одни Литовцы, очень красивы. Правильныя черты, бѣлый цвѣтъ лица, голубые глаза, бѣлокурые волосы и гибкій станъ отличаютъ ихъ отъ прочихъ туземцевъ. Такія красавицы славятся въ-особенности въ Троцкомъ, Ковенскомъ и Вилкомирскомъ уѣздахъ, въ другихъ мѣстахъ ничѣмъ или очень рѣдко разнятся отъ Бѣлоруссиновъ. Бѣлоруссы, или, правильнѣе, Русины, Виленской губерніи отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и Великороссіянъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выступающимъ носомъ и худощавостію.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы вообще роста средняго, отъ 2 арш. 3 вершковъ до 2 арш. 7 вершковъ; но часто случается видѣть въ 8, 9, 10, иногда и болѣе вершковъ. Ростъ Литовцевъ примѣтно уменьшается въ послѣднее время, ибо извѣстно, что прежде, во время привольной жизни среди лѣсовъ, войны и буйной отваги, между Литовцами попадались великаны. Мои собственные археологическіе поиски неоднократно убѣждали меня въ этомъ. У меня есть голень, вырытая въ Свенцянскомъ уѣздѣ въ курганѣ. Если всѣ члены были пропорціональны, то владѣлецъ ея имѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, 16—18 вершковъ; но найденный при томъ черепъ чрезвычайно малъ и не соразмѣренъ съ этимъ ростомъ. Онъ сплюснутъ надъ глазами, такъ-что чела почти нѣтъ. Впрочемъ, еще и теперь случается встрѣтить челоуѣка ростомъ до 14 вершковъ, особенно на берегахъ Нѣмана и Вилин^(*). Карлы между Ли-

(*) Во время послѣднихъ пяти рекрутскихъ наборовъ въ Виленской губерніи, произведенныхъ въ 1849—1850, 1852 и двукратно въ 1854 году, принято всего рекрутъ (кромя Евреевъ) 12,841. Въ томъ числѣ было ростомъ

товцами большая рѣдкость. Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы бороду и усы брѣютъ; нѣкоторые, однако, носятъ усы. Волосы носятъ длинные, съ раздѣломъ не пополамъ, но ближе къ правому виску. Литовцы же болѣею частію подстригаютъ въ кружокъ, съ вырѣзкою на челѣ, безъ всякаго раздѣла.

Крестьяне здѣшніе не отличаются особенною ловкостію и проворствомъ, болѣе безпечны и лѣнивы и хотя почти всѣ худошавы, но способны къ перенесенію физическихъ трудовъ самыхъ тяжкихъ, всякаго рода лишеній и недостатковъ. Кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней: оспы, одры, горлянки, здѣсь свирѣпствуютъ гнилыя горячки, кровавые поносы, лихорадки и колтунъ. Замѣчательно, что послѣдній рѣдко нападаетъ на Литовцевъ, и тамъ, гдѣ это племя живетъ отдѣльно, безъ смѣшенія и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бѣлоруссовъ, колтунъ почти неизвѣстенъ (*). Колтунъ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ почитается мѣстною эпидемическою болѣзнію (*plica polonica*). Онъ поражаетъ всѣ сословія, не разбирая ни пола, ни состоянія, ни возраста, но только однихъ коренныхъ жителей. Лица, подверженныя какому-либо истощенію тѣла или душевнымъ потрясеніямъ, подвергаются внезапному появленію колтуна, постепенно усиливающемуся и нерѣдко дѣлающемуся наследственнымъ. Болѣзнь эта свирѣпствуетъ въ-особенности въ мѣстахъ низменныхъ, хотя нерѣдко, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при одномъ и томъ же источникѣ, жители одной части деревни болѣе подвергаются ей, нежели жители другой части той же деревни.

въ 10 вершковъ	11.
— 9 —	79.
— 8 —	481.
— 7 —	1,424.
— 6 —	2,902.
— 5 —	5,194.
— 4 —	2,319.
— 3 —	461.

(*) Во время вышеприведенныхъ пяти наборовъ, изъ числа представленныхъ рекрутъ обрковано 9,713 человекъ, въ томъ числѣ по слабости сложенія 1,008, за грыжею 434, по обнаруженію колтунной болѣзни 171, прочіе — за неуказнымъ ростомъ, которыхъ, сравнительно, небольшое число, неуказныхъ лѣтъ и за разными случайными тѣлесными недостатками.

Холера свирѣствовала здѣсь съ 5 апрѣля по декабрь 1831 года, съ 12 іюля по 1 декабря 1848 г. и лѣтомъ въ 1853 году, но дѣйствовала весьма слабо. Въ 1848 году въ цѣлой губерніи больныхъ было 14,376 человѣкъ; изъ того числа умерло 2,822. Самая бѣлая смертность въ-сравненіи съ народонаселеніемъ была въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. Въ Вильно больныхъ было 2,055 чел.; изъ нихъ умерло 490. По увѣренію лекарей, холера слабѣе дѣйствовала въ приходахъ литовскихъ, нежели бѣлорусскихъ.

II. Языкъ.

Простой народъ въ Виленской губерніи говоритъ двумя языками: по-литовски или по-бѣлорусски. Литовскій языкъ въ общемъ употребленіи въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, отчасти въ Виленскомъ, почти въ половинѣ Лидскаго, и отчасти въ Свенцяномъ и Ошмянскомъ, въ остальныхъ мѣстахъ Бѣлорусской. Приведенное нами разграниченіе губерніи по племенамъ яснѣе показываетъ, гдѣ какой языкъ въ употребленіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, ибо среди деревень, заселенныхъ Литовцами, есть мѣста, гдѣ говорятъ и по-бѣлорусски, и, наоборотъ, среди племени славянскаго есть поселенія Литовцевъ. Въ этомъ отношеніи болѣе однообразія въ Трокскомъ уѣздѣ, гдѣ почти исключительно говорятъ по-литовски, и бѣлая часть крестьянъ другаго языка вовсе не знаютъ, а также въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, гдѣ господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе; но и въ Вилейскомъ уѣздѣ есть деревни, жители которыхъ говорятъ по-литовски. Мѣщане, однодворцы и граждане говорятъ по-польски. Въ селеніяхъ, близкихъ къ городамъ, многіе крестьяне тоже знаютъ этотъ языкъ, по-крайней-мѣрѣ примѣшиваютъ много польскихъ словъ къ своему природному языку.

Почти всѣ говорящіе по-литовски исповѣдуютъ вѣру римско-католическую, и, наоборотъ, употребляющіе бѣлорусское нарѣчіе — бывшіе униаты, нынѣ православные, съ небольшими исключеніями.

Бѣлорусское нарѣчіе, употребляемое жителями Виленской губерніи славянскаго племени, составляетъ нѣчто среднее между великороссійскимъ, украинскимъ и польскимъ. Оно нѣсколько разнится и отъ нарѣчія, которымъ говорятъ крестьяне

могилевской и бѣлорусской части Витебской губерніи, ибо тамъ болѣе русскихъ словъ, тогда какъ-здѣсь болѣе польскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, именно то самое, которое употребляли древніе Кривичи. На немъ писаны были литовскіе законы, грамоты и всѣ публичныя акты до временъ Стефана Баторія, который, не зная ни по-русски, ни по-польски, сталъ вводить въ употребленіе латинскій языкъ, сдѣлавшійся потомъ, при ревностномъ поборничествѣ іезуитовъ, дипломатическимъ. На бѣлорусскомъ нарѣчіи извѣстны слѣдующія, болѣе важныя книги: Статутъ Казимира Ягеллона 1492 г., Статутъ Литовскій, составленный въ 1505 г., исправлявшійся въ 1522, 1529, 1564 и 1588 гг. (печатаемъ былъ въ 1856, 1858 и 1821 г.), Трибуналъ великаго князя литовскаго 1581., Лѣтописецъ Литовскій и Русскій (изд. Даниловичемъ въ 1827 г.), Хроника Быховца (изд. Нарбуттомъ въ 1846 г.), Библія, изд. Скорины въ 1517 (въ Прагѣ, а потомъ, въ 1585 году, въ Вильно), Псалмы, Апостольскія дѣянія, его же, изд. 1525 г., Посланія апост., 1528 г., и много другихъ.

Въ бѣлорусскомъ, или кривичанскомъ, нарѣчіи замѣтно сходство съ польскимъ, въ-отношеніи глаголовъ, въ измѣненіяхъ буквъ б на дз, т на цъ. Замѣчательно, однако, что въ глаголахъ для указанія различія лицъ не употребляются измѣненія окончаній самыхъ глаголовъ, но прибавляются мѣстоимѣнія личныя. Напр., Украинецъ, по образцу польскаго языка, скажетъ: *ходилъ, ходила, ходило*; здѣсь же говорятъ, согласно съ правилами великороссійской грамматики: *я хадзіу, ты хадзила, іано (оно) хадзило*. Буква *д* болѣею частію замѣняется звукомъ *дз*; вмѣсто же *д* почти всегда употребляютъ *у*, соединяя ее съ предъидущею гласною. Такъ, напр., *дау* (далъ); *любіу* (любилъ); *пхау* (ѣхалъ) и т. д. То же самое употребляется въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ: напримѣръ, *жауниерь*, съ польскаго *żołnierz* (солдатъ); *кауниерь* — *cołnierz* (воротникъ); *аутарь* — алтарь; *каутунь* — колтунъ; въ окончаніяхъ же нѣкоторыхъ словъ женскаго и средняго рода бук. *л*. не исключается: напримѣръ, *я была, ано было*.

Буква *у* въ соединеніи съ словами, а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ и отдѣльно употребляется вмѣсто предлоговъ: напри-
мѣръ, *у дворъ, у селъ*.

Къ словамъ, начинающимся буквою *o* и нѣкоторыми другими
гласными, почти всегда прибавляется буква *e*: напримѣръ,
окино (окно), *око* (*око*), *восень* (осень); *вулица* (улица).

Вмѣсто буквы *ф* употребляютъ *x* или *n*: напр., *хвальва-
рокъ* (фольварокъ), *пранцузъ* (французъ), *ахвицеръ* (офи-
церъ), *хвигура* (фигура), *хвига* (съ польскаго *figa*, — кукишъ).
Точно также слова, происходящія съ польскаго и начинающіяся
латинскою буквою *g*, замѣняются русскою *г*: напр., *гане-
чекъ* вмѣсто *ganczek* (крылечко). Подобнымъ образомъ въ
словахъ, перешедшихъ съ польскаго, буква *p* замѣняется
буквою *л* или *n*: напр., *левизоръ* вмѣсто *ревизоръ*; *нл-
крутъ* вмѣсто *рекрутъ*; *алендаръ* вмѣсто *арендаръ* (т.-е. арен-
даторъ, *arendaż*).

О очень часто измѣняется въ *a*: *агонъ*, *асмина*; если въ
началѣ слова стоитъ буква *e*, то она переходитъ въ *a*: *ако-
номъ* (экономъ); *ь* и *e* почти всегда переходятъ въ *и*: *нима*
(*niema* нѣтъ), *элиаецъ* (слетаетъ); *у чисыцнкомъ* (въ чи-
стенкомъ). Точно также русское окончаніе на *ій* замѣняется
одною буквою *и*: *цихи* (тихій), *цяжки* (тяжкій).

Предлогъ *съ* предъ словами, начинающимися буквами *б* *л*
м *п* *о* *у* *з*, замѣняются бук., *з*: *збогомъ* вмѣсто съ Богомъ;
злюдзьми — съ людьми (*z ludźmi*); *змяты* — смятый (*zmięty*);
зняты снятый; *зозера* — съ озера; *зуха* — съ уха; *ззалюки* —
съ заловки; *збиты* — сбитый; *зсаломи* — изъ соломы.

Измѣненія частей рѣчи такія же, какъ и въ русскомъ языкѣ.
Прилагательныя имена и нарѣчія имѣютъ три степени сравне-
ненія, съ сокращеніями на концѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ
русскихъ выраженій. Въ превосходной степени прибавляется
най (съ польскою *naj*): *найкраснѣйши* — прекраснѣйшій; *най-
лепши* — всего лучше; *наибольшъ* — всего болѣе.

Въ именительномъ и винительномъ падежахъ имена при-
лагательныя жители береговъ *Нѣмана* оканчиваются на *e*:
бѣлье, *дробные* (мелкіе); жители же береговъ *Двины* — на *я*:
бѣлья, *дробныя*.

Окончаніе уменьшительныхъ именъ существительныхъ
жители восточныхъ уѣздовъ губерній произносятъ, какъ Рус-

скіе: *сидочикъ, влючикъ*, а въ западныхъ уѣздахъ: *сидочекъ, влючекъ*.

Въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и именъ прилагательныхъ тоже бываетъ разница: одни говорятъ: *да маѣ миленкаѣ*, а другіе — *да маей миленкой*.

Мѣстоимѣніе себѣ, соединяясь съ глаголами, измѣняется прибавленіемъ къ глаголу послѣ гласной *ся, съ, си*, а послѣ согласной *ца и це*: *любиче, любичися*.

Въ именахъ существительныхъ находится двойственное число: *дѣѣ руце, дѣѣ шкодѣ* (два вреда, убытка).

Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *чи* или *ць*: *прасчи, прасць*; женицисѣ, женицца. Въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени говорится *скачечъ и скаче, плачечъ и плаче*. То же самое при окончаніяхъ на *ѣць*: *злетаецъ, злетаетъ*. На берегахъ же Двины, гдѣ ѣ произносится какъ *и*, не отбрасывая, однако, *ц*: *злетаиць, скачиць*.

Въ восточныхъ уѣздахъ въ повелительномъ наклоненіи такая же форма, какъ и въ русскомъ словѣ *итти*: *пошоу робиць* (работать), *пошли тушиць*.

Причастія настоящаго времени оканчиваются на *чи* и *я*, прошедшаго на *уши* (вши), а прилагательныя на *вій, ая, се*: *паси, робѣчи, аручи, жнучи, ходзя; рабѣуши, арауши, жадзіуши; арующій, працюющая, бѣдовающее*. Давно-прошедшее употребляется по образцу польскаго сказа *у бы* (*powiedział-by*), *зробиу бы* (*zrobiłby*).

И здѣсь, какъ въ великороссійскомъ нарѣчій, перемѣна ударенія измѣняетъ значеніе слова: *кѣня* — хищная птица; *кѣня* — коня, лошади. *Сыръ* — сырой; *сыры* — сыры. *Гадѣина* — часть, *гадѣина* — змѣя.

Имена существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на *га*, въ третьемъ падежѣ оканчиваются на *зѣ*: *спрѣмѣга — спрѣмѣзѣ, присѣга — присѣзѣ, адѣга — адѣзѣ*. (*)

(*) Замѣчательно, что такой же оборотъ рѣчи употреблялся еще во времена знаменитаго пѣвца древней славянины. Въ *Словѣ о полку Игорѣ*, при описаніи кроваваго боя князя Всеслава съ Изяславомъ въ 1067 году надъ рѣкою Нѣмижою, говорится: на Нѣмижѣ сномы стелѣтъ юлосами... (См. пер. Гербеля, стр. 98). Кстати будетъ указать здѣсь на ошибку

Послѣ продолжительныхъ и разнорѣчивыхъ толкованій о происхожденіи Литовцевъ, нынѣ, кажется, никто уже изъ людей просвѣщенныхъ не сомнѣвается, что племя литовское *самостоятельное* и языкъ литовскій *самобытный*.

Множество славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и германскихъ словъ, вкоренившихся въ литовскій языкъ, ввело нѣкоторыхъ изыскателей въ заблужденіе насчетъ самобытности литовскаго языка; но кому хорошо знакомы судьбы литовскаго народа, тотъ не будетъ удивляться этому введенію чужеплеменныхъ словъ. Что языкъ литовскій есть коренной; самобытный, какъ греческій или славянскій, въ томъ убѣждаютъ литовскія названія важнѣйшихъ занятій человѣка, ближайшихъ въ употребленіи предметовъ и даже отвлеченныхъ понятій. Слова эти не заимствованы ни изъ какого извѣстнаго языка и доказываютъ самостоятельность языка литовскаго.

Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ словъ въ доказательство нами сказаннаго, но отсылаемъ читателя къ словарю литовскихъ коренныхъ словъ, помѣщенному въ сочиненіи замѣчательнаго изслѣдователя литовскихъ древностей *Богуща: О началѣ народа и языка литовскаго* (1808). Въ этомъ словарѣ помѣщены слова, относящіеся къ военному ремеслу, названія разныхъ предметовъ въ домашнемъ употребленіи, къ мореходству, яствамъ, предметамъ отвлеченнымъ и названія нѣкоторыхъ наукъ, искусствъ и предметовъ, къ нимъ принадлежа-

Карамзина, который думалъ, что *Нѣмиза* значитъ *Нѣманъ* (см. II т., стр. 43, изд. Эйнерлинга). Этому повѣрили переводчики прославленной поэмы Гербель (стр. 102) и Ефлевскій (на польскомъ языкѣ). Но Нѣментъ, или Нѣманъ, никогда нигдѣ не назывался даже въ престонародьи Нѣмигою. Нѣмига отъ мѣста описываемаго боя находится въ 84 верстахъ. Нѣмига же текла въ самомъ г. Минскѣ (губернскомъ), въ такъ-называемомъ старомъ городѣ, отчего названа Нѣмигою и эта часть города. Рѣка эта нынѣ совсѣмъ высохла; но весною она принимаетъ размѣры большой рѣки, наводняетъ улицы, такъ-что жители сообщаются другъ съ другомъ на лодкахъ. Она вытекала изъ горъ, окружала бывшія укрѣпленія Минскаго замка и впадала въ р. Свислочь. Извѣстный польскій писатель Ва. Сырокомля (М. Кондратовичъ), въ прекрасно написанной хроникѣ г. Минска (см. №№ 127—129 и др. «Газеты Варшавской» 1854 года), весьма логически доказываетъ, что боянъ, воспѣвавшій Всеслава, господствовавшего въ Минскѣ, жилъ, хотя нѣкоторое время, въ царствованіе Ярославъ и Святославъ, въ *Минскѣ*.

щихъ. Языкъ литовскій довольно богатъ, звученъ, способенъ къ метрическимъ стихамъ. Смѣшеніе его съ языками славянскимъ и другими, какъ полагають знатоки, не только не придало ему красоты, но ослабило его силу. Земли, осужденныя на частыя столкновенія съ чужеземцами, болѣе исказили языкъ, и оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Самогитіи, языкъ литовскій раздѣлился даже на нѣсколько нарѣчій, сродныхъ съ собою, но отличныхъ удареніями и особенностію выраженій. Литовскіе барды, *Burtinikas*, воспѣвали подвиги своихъ вождей, отраженіе кровавыхъ набѣговъ враговъ; изъ рода въ родъ передавали дѣла своихъ предковъ. Жрецы воспѣвали славу своихъ боговъ; странствующие нищие, гадатели, даже дѣвушки слагали новыя пѣсни или изучали старыя и пѣли при всѣхъ житейскихъ случайностяхъ. Труды и игры, религіозныя обряды и воинскіе набѣги сопровождались пѣніемъ. Эти пѣсни, вѣрный отпечатокъ нравовъ и характера древнихъ Литовцевъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли до нашихъ временъ въ первобытной чистотѣ. Берега многочисленныхъ озеръ Трокскаго уѣзда, дубовыя рощи, высокіе курганы и нынѣ оглашаются звуками древнихъ литовскихъ пѣсней, въ которыхъ нерѣдко встрѣтишь воспоминанія о литовскихъ, еще языческихъ, обыкновеніяхъ, обрядахъ, встрѣтишь даже имена идоловъ, которымъ почти шесть вѣковъ уже народъ пересталъ поклоняться.

Гораздо бѣднѣе письменность на литовскомъ языкѣ. Древнимъ Литовцамъ извѣстны были письмена руническія. Нарбуттъ раздѣляетъ ихъ на три рода: руны, заимствованныя отъ Варяговъ, біармскія и собственно литовскія. Первые два рода рунъ употреблялись на монетахъ и печатахъ, послѣдніе— жрецами на капищахъ, хоругвахъ и разныхъ священныхъ сосудахъ. Политическія событія, измѣнившія образъ мыслей и направленіе литовскихъ властителей, не дозволили литовскимъ письменамъ ни удержаться въ употребленіи, ниже усовершенствоваться. Названія письменности (*Rasztaš, gaszau*), буквъ или знаковъ (*Raszytine*), знаковъ препинанія (*Zimele-Tarpbrusznelis*), пѣсни (*Dainos*), преданія, повѣсти (*Lekime*), загадокъ (*Mysles Klausimas*), разсказа (*pasakojimas*), дѣяній (*Nasidawimas*) и т. п. ясно убѣждаютъ, что языкъ литовскій былъ письменнымъ и до XIV столѣтія не только находился въ общемъ употребле-

ниъ, но даже могъ быть довольно обработаннымъ. Но на этомъ онъ и остановился. Литва со временъ Ольгерда, Гедимина, Ягайлы и Витовта, составляя незначительную часть въ числѣ русскихъ княжествъ, одному князю подвластныхъ, естественнымъ образомъ не могла развить свой языкъ. Литовскій языкъ употреблялся только въ проповѣдяхъ, въ домашнемъ быту народа и даже двора; но дипломатическимъ, официальнымъ и судебнымъ сталъ языкъ русскій, или, лучше, кривичанскій. Дѣла разбирались и судились долго еще по-литовски, но записывались въ книги или акты по-русински. Точно также и въ единоплеменной Пруссіи еще въ 1309 году в. магистръ крестоносцевъ Сигфридъ фонъ-Феухтвагенъ особымъ повелѣніемъ воспретилъ употребленіе природнаго языка. Вотъ почему мы не имѣемъ, кромѣ руническихъ надписей на нѣкоторыхъ идолахъ и монетахъ, никакого письменнаго памятника литовскаго языка.

Лѣтописецъ Альбертъ (Alberti Chronicon, p. 527) утверждаетъ, что Вильгельмъ, епископъ моденскій, находясь въ Пруссіи и изучивъ языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната около 1223 года. Но только и знаемъ мы объ этой грамматикѣ. Иезуиты были ревностными поборниками литовскаго языка. Ихъ стараніемъ и трудами переведены въ XVI столѣтіи на литовскій языкъ священное писаніе, псалмы и разныя духовныя пѣсни. Въ 1561 изданъ въ Кѣнигсбергѣ катехизисъ на нѣмецкомъ и прусско-литовскомъ языкахъ.

Въ послѣднее время, особенно въ Пруссіи, стали издавать много книгъ на литовскомъ языкѣ, но преимущественно духовнаго содержанія. Въ Пруссіи Бреткунасъ, Хилинскій, Кванатъ, Доналейтисъ, Ругикъ, Мельске и др. много писали по-литовски. Изъ нихъ Доналейтисъ пользуется даже славою поэта (умеръ около 1780 года). Онъ, между-прочимъ, написалъ поему *Четыре Времени Года*, въ которой прекрасно изобразилъ домашній бытъ народа. Поэму эту перевелъ на нѣмецкій языкъ д-ръ Л. І. фонъ-Реза и напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ Кѣнигсбергѣ въ 1818 году. Этотъ же Реза собралъ и издалъ литовскія народныя пѣсни. Самогитскій епископъ князь Юсифъ Арнульфъ Гедройцъ перевелъ на литовскій языкъ *Новый Завѣтъ*. Вотъ его заглавіе по-литовски: *Naujas istatimas Sezaus Christaus Wieszpates musu, Lietuwiszka lezuwui iszgul-*

ditas, pas Jozapa Arnulpa-Kunigajkszti Giedrajti Wiskupa Ziemajciu, zenklinika S. Stanisława : Jszspanstas pas Cunugus Missionarius, Wilniuje 1816. Евангеліе это посвящено имени Императора Александра І. Ксендзъ Станевичъ писалъ остроумныя литовскія басни. Кромѣ-того, въ послѣднее время издается много разныхъ сочиненій.

Извѣстнѣйшіе словари литовскаго языка: Ширвида, Милка, Гаака. Императрица Екатерина II въ сравнительномъ словарѣ включила много литовскихъ словъ.

Извѣстнѣйшая литовская грамматика издана была въ Вильно іезуитами, еще въ 1713 году подъ заглавіемъ : *Universitas linguarum Lithvanicas, in principali Ducatus ejusdm dialecto*. Изъ новѣйшихъ грамматикъ извѣстны: Клейна, Шульзена, *Haack'a, Ruhig'a, Mielck'a* и Коссаковского.

Собраніе литовскихъ пѣсень, переведенныхъ на русскій языкъ П. В. Кукольниковъ, помѣщено въ изданной Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ книгѣ, подъ заглавіемъ «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (Вильно, 1854 г.). Здѣсь мы приведемъ нѣсколько пѣсень, а также пословицъ и поговорокъ въ подлинникѣ, съ переводомъ :

НА ЛИТОВСКО-ПРУССКОМЪ НАРѢЧІИ .

O wakor wakarati,
Prapule manu owate.
Aj! kas gelbės jėszkoti,
Manu wienturtę owatę.

Вчера въ вечеру, вчера,
Пропала моя овца.
Ахъ, кто жъ мнѣ поможетъ искать
Мою единственную овечку.

Jszejau pas Ausrinne.
Ausrinne atsilepe:
Až angsti ryt sautelej
Turru prakart ugneti.

Пошла я къ зарѣ.
Заря отвѣчала:
Я должна утромъ солнцу
Огонь разжигать.

Jszejau pas Wakarinne.
Wakarinne atsilepe:
Az Wakareis Sautetej
Turru klot patateli.

Пошла я къ вечерней звѣздѣ.
Звѣзда вечерняя сказала:
Я должна въ вечеру солнцу
Ложе постигать.

Jszejau pas Meneseli,
Meneselis atsilepe:
Až Kardu perdalutaa;
Nuludis mano wejdelis!

Пошла я къ лунѣ.
Луна отвѣчала:
Я расчтена мечемъ.
Печаленъ мой обликъ.

Jszejau pas Sautele
Sautuže atsilepe:
Dewynes dienas jezkosu:
O deszimta nej nusilejsu.

Kur paliku deewa sirgi?
Deewa dehli jahdija.
Kur aisjahje Deewa dehli?
Saules mejtos raudsitees.
Patti Saule atbildeja:
Mazi manni behrnini,
Mazas mannas dahwanas.

Пошла я къ солнцу.
Солнце отвѣчало:
Девять дней будешь искать,
А десятого (я) не буду закаты-
ваться.

Куда дѣвались божіи кони?
Божіи сыны на нихъ поѣхали.
Куда поѣхали божіи сыны?
Искать дочерей солнца.
Солнце само сказало:
Дѣти мои маленькія,
Маленькое ихъ и приданое!

ПО-ЛИТОВСКИ:

Skrindau Kaunis iz tola
Kur wassara umžynoja,
Man pasake Naszaugole
Jog tinaj mejlis karaujoja:
Unt szirwu arklu rejtwažoja,
Su didu izdu nuopšiesiu.

Ej sugriže Dewutesiu!
Paimk jus unt sanos sparnos,
Atneszk man jus swejku tiktej,

Ne noru až brungiu diktej,
Gañ man sakos apimirnos.

Prapałtas žmogus,
Kur pasidiesiu?
Kas mana aszaras,
Czion nuramins?
Oj ejsu, asz ejsu,
Ji gila gireli
Ju gita gireli,
Pas tejsu useli
Ten Diewas tejsingas,
Man iszkłausis.
Mana wargus,
Mana bedas
Nuramins....

Летѣлъ Каунисъ (') издалека,
Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто.
Этотъ карличокъ мнѣ сказалъ.
Что тамъ воеетъ мой любовникъ,
Пріѣдетъ на сивомъ конѣ,
Съ большой добычей дорогихъ
сокровищъ.

О, возвратись, маленькій божокъ!
Возьми его на крылья свои
Да принеси мнѣ его только здо-
роваго.

Не хочу я дорогихъ камней —
Довольно мнѣ его объятій!

Пропавшій человекъ,
Куда я дѣнусь?
Кто мои слезы
Здѣсь осушить?
Охъ, пойду я, пойду
Въ глубокую пущу,
Въ глубокую пущу,
Къ справедливой ясени.
Тамъ богъ справедливый
Меня выслушаетъ,
Мои страданія,
Моя горести
Облегчить....

(') Каунисъ — литовскій Амуръ, сынъ Мильды, литовской Венеры.
Жилъ въ Ковно.

Вотъ еще языческая пѣсня, которую до сихъ поръ поютъ въ окрестностяхъ Вильно, въ день св. Петра :

Dydisie musu,	Дыдисъ нашъ.
Dewejte musu,	Божокъ нашъ.
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czutela, rutela,	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ! (*)
Dowenok raktus,	Подари намъ ключи,
Nupint wajnikus.	Сплести вѣночнѣ....
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czutela rutela	Чутела, рутела...
Wajnikus!	Вѣночнѣ!
Sujung manis,	Соедини насъ,
Priglausk mumis.	Приголубь насъ...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czutela rutela,	Чутела, рутела...
Mumis!	Нашъ!
Dudisie musu,	Дыдисъ нашъ,
Dewajte musu,	Божокъ нашъ.
Czuta. ruta,	Чута, рута,
Czutela rutela	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ!
Sutark, priglausk,	Помири, приголубь.
Raktelems rausk,	Ключами свяжи...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czutela, rutela,	Чутела рутела...
Nausk!	Свяжи!

ПОСЛОВИЦЫ (PRIEŽODIS).

Gienis margs, žmogaus gyvenims dar margiesnis.
Пестръ дятель, а жизнь человѣческая еще пестрѣе.
Su Dievu negali bartis.
Богъ не смотритъ на состояніе человѣка.

(*) Чута, рута, чутела, рутела не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Это нѣчто *въ-родъ* ля, ля ля! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ цѣлыя пѣсни хоромъ изъ однихъ этихъ восклицаній. Кромѣ этихъ припѣвовъ, часто употребляютъ еще восклицанія, тоже не имѣющія значенія, но взятые съ польскаго : гопъ, гопъ, го, го!

Кунтай, балабай!
Джувгеса, Гофернеса!
Минджура!
Гога!

О Дудусъ нѣтъ вѣрныхъ свидѣній. Нѣтъ ли тутъ связи съ славянскимъ припѣвомъ: дидъ, ладо, дидъ!

Dangus aukstaj, ant žiames kiet.
Небо высоко, а на землѣ жестко..
Gietline ne weizd Dantū.
Смерть дня не дожидается.
Dievs wislab izlaiko.
Кому Богъ сулить, тому и даетъ (сдержитъ). (*)

III. Домашній бытъ.

Грустно описывать домашній бытъ здѣшнихъ крестьянъ! Бѣдные труженики, кровавымъ потомъ снискивающіе дневное пропитаніе, съ удивительною энергіею и мужествомъ переносящіе свое жалкое положеніе, съ непонятнымъ самоотверженіемъ жертвующіе всѣми своими силами съ самаго младенческаго возраста, съ дѣтскою любовью привязанные къ своей родной землѣ, не пользуются часто не токмо всѣми необходимыми для безбѣдной жизни, но нерѣдко бываютъ удручены самыми тяжкими нуждами и далеко не достигаютъ той степени домашняго благоденствія, какимъ пользуются крестьяне внутреннихъ губерній.

Постараемся передать сколь можно болѣе вѣрную картину домашняго быта крестьянъ здѣшней губерніи. Въ этомъ отношеніи разницы между Литовцами и Бѣлоруссами самыя незначительныя.

1) Деревни здѣшнихъ крестьянъ состоятъ изъ 10, 20, иногда 50 и 70 дворовъ. Крестьянскій дворъ, со всѣми принадлежностями, называется по-бѣлорусски *хата*. Хатою же называютъ и жилой домъ. На прилагаемомъ чертежѣ представлена такая хата снаружи (подъ № 18). Она строится обыкновенно изъ еловаго или сосноваго дерева, нѣкоторыя — на каменныхъ фундаментахъ, что, впрочемъ, очень рѣдко. Хата раздѣляется обширными сѣнями на двѣ избы. Изъ нихъ въ жилой (№ 1) большая печь для печенія хлѣба (№ 2), большой столъ (№ 3), на которомъ обѣдаютъ и ужинаютъ, пользующійся особеннымъ уваженіемъ, такъ-что на немъ никому не позволятъ лечь, а рѣдко и сѣсть. Кругомъ стола и избы простыя скамьи. Кромѣ-того, особая широкая скамья, наса-про тивъ стола, на которой ставятъ воду и другіе хозяйствен-

(*) Собраніе пословицъ въ переводѣ Кукольника въ «Чертахъ изъ ист. и жизни лит. нар.»

ные сосуды. Часть избы обыкновенно отъ печки отдѣляется особою перегородкою, за которою сдѣлано изъ простыхъ досокъ возвышеніе—*палацы*, на которыхъ спятъ (№ 4). Въ нѣкоторыхъ избахъ такой перегородки вовсе не бываетъ. Въ углу избы Распятіе или какой-нибудь образокъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, весьма немногихъ, бываютъ еще особыя небольшія комнатки, называемыя *святлицы*, убранныя образами. Здѣсь стоятъ кровать для гостей или самого хозяина, шкафъ, небольшой столикъ и нѣсколько скамеекъ. Передъ печью сдѣланъ особый каминъ, куда загребаютъ жаръ. Печи дѣлаютъ изъ глины, выкладывая только внутри кирпичемъ. Полъ изъ глины. Жилой домъ снаружи не отесанъ, внутри не штукатуренъ. Крыша вездѣ соломенная, называемая *стрѣха*. Она довольно прочна и можетъ простоять до 25 и болѣе лѣтъ. Трубъ почти нигдѣ нѣтъ. Отъ этого хаты называются *курными*, т.-е. наполненными дымомъ, который выпускаютъ черезъ окно и двери, а также въ душники, устроенные за печкой, отчего дѣти и даже взрослые нерѣдко въ зимнее время, и особенно въ большіе морозы, подвергаются простудамъ и страшнымъ недугамъ; но крестьяне этому не вѣрятъ. Они говорятъ: *наши бацьки такъ жили!* и неохотно соглашаются на введеніе трубъ. Этотъ предразсудокъ имѣетъ самое вредное вліяніе на здоровье. При тѣснотѣ, духотѣ, при сквозной тягѣ воздуха, когда воздухъ внизу холоденъ, аверху удушливъ, невозможно, чтобы и самая крѣпкая натура не подвергалась недугамъ и поврежденію организма. Поэтому-то статистическія таблицы смертности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, представляютъ ужасающіе результаты. Въ послѣднее время нѣкоторые помѣщики, въ-особенности гр. Райкольдъ Тызенгаузъ, князь Пузыно, г-жа Бучинская, урожденная графиня Гинтеръ, Пясецкій и другіе, обратили особенное вниманіе на удобства жизни своихъ крестьянъ, построили цѣлыя деревни и въ нихъ печи вездѣ съ трубами. Избу освѣщаютъ лучиною изъ сосноваго дерева, хорошо высушенною. Лучину затыкаютъ въ особо устроенное отверстіе въ печкѣ или въ особый изъ дерева сдѣланный для этого постаментъ. Отопляютъ дровами или хворостомъ.

Сѣни (№ 5) бываютъ обыкновенно большія, въ которыхъ зимою содержатъ телятъ, поросятъ и проч.

Насупротивъ жилой избы, черезъ сѣни, находится особая изба, называемая *клець* (№№ 6 и 7), съ каменною печкою, нагрѣваемою въ большіе морозы. Она служитъ для склада разныхъ съѣстныхъ припасовъ, варива и другихъ предметовъ, на зиму заготавливаемыхъ. Надобно прибавить, что въ жилой избѣ соблюдается чистота, сколько таковая возможна при тѣснотѣ и сообществѣ съ домашнимъ скотомъ, нерѣдко зимою содержимымъ въ самой избѣ; но скамьи и столъ всегда вымыты.

Передъ жилимъ домомъ небольшой дворикъ (№ 8), очень часто садикъ съ цвѣтами и цѣлебными травами (№ 11), у многихъ колодезь (№ 12) на дворѣ.

Прочія хозяйственныя строенія каждого крестьянскаго двора, или хаты слѣдующія: анбаръ, по здѣшнему *свирнь*, или *клець* (№№ 9 и 19), почти всегда на каменномъ фундаментѣ, съ деревяннымъ поломъ, безъ потолка. Здѣсь складываютъ хлѣбъ въ зернѣ и прочіе болѣе стоимости предметы. Овинъ, по-здѣшнему, *гумно*, бываетъ двойкій: въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, съ *осѣцью*, т.-е. съ печкой, посредствомъ которой высушиваютъ прежде снопы, а потомъ молотятъ; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ овины безъ осѣтей, и такіе овины называютъ *стадолами*. Мѣсто передъ овиномъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ и складываютъ сѣно, называютъ *гумниско*. Сарай, гдѣ складываютъ сѣно, иногда хлѣбъ, называютъ *пуня*, или *адрина*; а куда загоняютъ скотъ — *хльвъ*, или *хльу*. Навѣсъ, гдѣ стоятъ сани и тѣлеги и гдѣ рубятъ дрова, называютъ *повѣтка*. Лошадей ставятъ вмѣстѣ съ скотомъ или въ *пунь*. Всѣ эти строенія сдѣланы изъ мелкаго дерева; иногда стѣны плетутъ изъ лозы и хвороста. Крыши на всѣхъ строеніяхъ соломенные.

Деревни построены обыкновенно въ одну линію; дома строятся по обѣимъ сторонамъ улицы (№ 16), а ежели небольшія деревушки, то съ одной стороны.

2) Одежда здѣшнихъ крестьянъ непримотлива и однообразна. Литовцы и Славяне одѣваются почти одинаково. Дѣти обоего пола до 5 и 6 лѣтъ ходятъ босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ изъ толстаго домашняго холста. Дѣвушки и замужнія женщины носятъ рубахи (кашули) изъ домашняго холста, такія же юбки (сподницы), передникъ, или фартукъ, ситцевый, обыкновенно цвѣтной и узорчатый, корсетъ изъ синяго сукна

или какой-либо недорогой цвѣтной ткани, большею частію красной или зеленой, безъ рукавовъ, съ прорѣзомъ на срединѣ или на боку груди связанный ленточкою, обыкновенно красной, подъ шею. На шеѣ бисеръ, или *карали*, изъ стекла, въ нѣсколько нитокъ. На головѣ цвѣтной или бѣлый платокъ, а зимою у замужнихъ теплый капторъ. У дѣвушекъ изъ-подъ платка спадаютъ двѣ сплетенныя косы, съ ленточками на концахъ, лѣтомъ украшены полевыми цвѣтами; въ большіе праздники, на свадьбахъ или крестинахъ дѣвушки являются иногда и безъ платка, въ однихъ волосахъ, испещренныхъ цвѣтами. Во время лѣтнихъ работъ, въ нѣкоторыхъ литовскихъ приходахъ, женщины носятъ черныя юбки изъ крашеного холста и такія же длинныя и широкія покрывала, прикрѣпленныя къ головѣ. Во многихъ мѣстахъ лѣтомъ и осенью въ праздничные дни сверхъ этого костюма надѣваютъ свитку, или *катанку*, изъ синяго сукна, домашняго или тонкаго, покунаго, смотря по состоянію, въ будни же изъ обыкновеннаго сѣраго домашняго сукна, а зимою — овчиные домашніе полушубки (*кожухи*), рѣдко тулупы; на ногахъ, въ праздники и на пиршествахъ, кожаные башмаки и чулки, въ обыкновенное время лапти (лапцы); а лѣтомъ ходятъ большею частію босикомъ. Праздничная одежда вообще ничѣмъ не отличается отъ будничной, съ тою только разницею, что бѣлье тоньше и чище, а все остальное новое. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ приходахъ женщины изъ экономіи носятъ рубахи изъ двухъ сортовъ холста: подъ юбкою толстаго, а подъ корсетомъ тонкаго.

Мужчины носятъ рубаху изъ толстаго домашняго холста, съ откладнымъ воротникомъ, съ длиннымъ прорѣзомъ на груди, связаннымъ подъ шею, портки изъ такого же холста или изъ сѣраго домашняго сукна; рубахи опущены сверхъ портковъ и обыкновенно подпоясаны ремнемъ, за которымъ ножъ, трубка. Сверхъ рубахи, лѣтомъ, въ литовскихъ приходахъ, носятъ короткія свитки изъ бѣлаго холста, называемыя *триницы*, спереди не застегнутыя; осенью и зимою свитки *спрмяги-опратки* изъ обыкновеннаго сѣраго сукна, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами по бокамъ, иногда застегнутыя на пуговицы въ поясѣ и всегда подпоясанныя ремнемъ; зимою — полушубокъ (*кожухъ*) до колѣнъ или ниже. На

головѣ шапка съ длинными ушами, подбитая овчинами, покрытая краснымъ темнаго цвѣта сукномъ; лѣтомъ—обыкновенныя суконныя фуражки съ козырьками, рѣдко шляпы домашнего издѣлія. На ногахъ по праздникамъ сапоги, въ будни лапти изъ липовой коры или изъ лозы, прикрѣпленные лыкомъ. Онучи изъ холста, зимою у болѣе зажиточныхъ изъ толстаго сукна. Въ деревняхъ, поближе къ городамъ, крестьяне носятъ длинные камзолы изъ сиваго сукна, съ металлическими пуговицами и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, часто платокъ яркаго цвѣта на шеѣ и всегда почти шапка въ родѣ фуражки съ козырькомъ. Лѣтомъ во многихъ мѣстахъ крестьяне носятъ соломенные шляпы, которыя отлично плетутъ сами. Платье дѣлается дома изъ собственныхъ издѣлій, за исключеніемъ ситца, иногда сиваго сукна на корсеты, головныхъ платковъ и тому подобныхъ украшеній. Кушаки обыкновенно носятъ красные, но только въ славянскихъ приходахъ; Литовцы же подпоясываются ремнемъ. Постель составляется изъ мѣшка, набитаго сѣномъ, рѣдко пуховика, подушки, набитой перьями, и холстянаго одѣяла.

3) Пища болѣе или менѣе одинакова у Литовцевъ и Славянъ. Весна для крестьянъ самое трудное время. Большая часть живетъ тогда насчетъ помѣщика, получая отъ него вспоможеніе хлѣбомъ или занимая насчетъ будущихъ урожаевъ у Евреевъ. Весною ѣдятъ картофель, главнѣйшій предметъ ихъ ѣды, крапиву, щавель; нѣкоторые, только зажиточны и немногіе, молоко, солонину. Главная ѣда — черный хлѣбъ, непріятный на видъ. Онъ печется изъ муки берловой, т.-е. смолотой изъ невѣянной ржи. Иногда вмѣсто хлѣба употребляютъ вареный сухой картофель. Въ болѣе тяжкое голодное время самые бѣдные къ невѣянной ржи прибавляютъ ровное, а иногда двойное количество разной мякины или муки изъ высушенныхъ въ печи листьевъ папоротника, копытника, вереска, разныхъ лѣсныхъ и торфяныхъ мховъ, березовой коры, кореньевъ: пырейника, водянаго шильника, водяной змѣйки, или бобовника, бѣлыхъ и желтыхъ кувшинчиковъ, или водяныхъ лилій. Выпеченный съ такою примѣсью хлѣбъ черенъ, мокроватъ, крошится и не вкусенъ. Гдѣ есть винокуренные заводы, крестьяне въ голодное время выпрашиваютъ у заводчика барды, какъ лакомства. Она

солать ее, подогрѣваютъ въ печи и ѣдятъ вмѣсто кислой похлѣбки.

Есть еще весеннее кушанье, подъ названіемъ *лапней*. Оно состоитъ изъ крапивы, снिति, борща, лебеды, щавеля и осота. Все это парятъ въ ведрахъ и ушатахъ калеными каменьями, для уничтоженія сырости, вымываютъ холодною водою, мелко крошатъ или рубятъ ножами и варятъ съ водою, посоливъ и, по-возможности, съ примѣсью муки или молока. *Лѣтомъ* хлѣбный квасъ, холодецъ (*холодникъ*), приправленный пареной зеленью, разведенной холоднымъ легкимъ квасомъ, посоленной и забѣленной молокомъ, *зацирка*, изъ ячныхъ крупъ, каша разныхъ сортовъ, рѣдко приправленная саломъ, у немногихъ молоко, грибы и ягоды составляютъ важный предметъ роскоши. *Осень представляетъ болѣе изобиліа*. Крестьянинъ ѣстъ ржаной черный хлѣбъ, но не съ такимъ значительнымъ количествомъ плевель, похлѣбки — прѣсную съ овощами, или приваркомъ, т.-е. мукою разныхъ яровыхъ хлѣбцовъ, и кислую, съ квашеной капустой, бураками или грибами. Похлѣбки приправляются молокомъ, или *окрасою*, изъ копченой баранины, свинины, разнаго сала. Кромѣ-того, крестьянинъ ѣстъ хлѣбный квасъ, ботвинью, картофель и т. п., а *зимою* — кислую капусту, *бураки*, картофель, кашу, или размазную гречневую или ячную, прѣсныя грешневые лепешки, называемыя *бабки*. Чистый вѣяный *бѣлый* хлѣбъ употребляется только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, для дѣтей или по праздникамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ занимаются рыболовствомъ, рыба свѣжая, сушеная и вяленая составляетъ родъ лакомства для крестьянъ, ибо какъ рыбу, такъ яйца и почти весь приплодъ отъ домашней скотины и птицъ употребляется немногими, и то развѣ по случаю праздниковъ или въ особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно продается для приобрѣтенія соли, желѣза и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ или же относится въ корчмы для промѣна на водку. Крестьяне очень любятъ кашу изъ *зеленцовой крупы*, для чего часто жнутъ рожь въ прозелень. Соли употребляютъ мало. На барщинѣ и въ дорогѣ ѣдятъ болѣею частію одинъ сухой хлѣбъ, печеный или вареный картофель, горохъ и бобы пареные. Питьемъ служатъ

вода и квасъ. Пиво не въ большомъ употребленіи, медъ еще менѣе; главный любимый напитокъ — водка (*гарьлка*).

Въ обыкновенное время каждый зажиточный хозяинъ выпиваетъ въ сутки кручекъ вина; но по праздникамъ или при семейныхъ пиршествахъ пьютъ много. Въ такихъ случаяхъ и ѣда болѣе изысканная: на столѣ являются ячница, *верещака*, приготовляемая изъ свинины, съ кислымъ соусомъ, гусь, курица, баранина. Говядина рѣдко появляется на столѣ крестьянина, развѣ у болѣе зажиточныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ. Къ предметамъ роскоши въ литовскихъ приходахъ принадлежитъ *крупникъ*, т.-е. водка, сваренная съ медомъ и приправою разныхъ кореньевъ. Кушанье стряпаетъ всегда сама хозяйка. Вообще Литовцы имѣютъ болѣе пристрастія къ гастрономію, нежели Бѣлоруссы. Крестьяне, и молодые и старые, ѣдятъ чрезвычайно медленно и жуютъ долго, что происходитъ отъ грубости пищи и, естественнымъ образомъ, нѣсколько смягчаетъ ее. Взрослый мужчина съѣдаетъ въ день хлѣба 3 фунта, похлебки 2 кваты прѣсной и 2 кваты кислой, женщина хлѣба 2 фунта, похлебки нѣсколько менѣе. Для пятилѣтняго ребенка полагается полтора фунта хлѣба.

Крестьяне встаютъ съ восходомъ солнца, *обѣдаютъ* часовъ въ пять или шесть утра, въ 12 часу *полдничаютъ*, часу въ восьмомъ по-полудни *вечеряютъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ четыре раза, именно, кромѣ описанныхъ часовъ, еще часу въ третьемъ по-полудни, что называется *подвечеркомъ*; но это принадлежитъ уже къ излишеству и рѣдко гдѣ слѣдуютъ этому обычаю.

Вотъ названія по-литовски платья, утвари и другихъ предметовъ, въ домашнемъ употребленіи находящихся:

Сапоги	чеботай	czebotaj.
Платокъ	скара	skara.
Шапка	кяпуре	kiapure.
Чепецъ	панамьтисъ . . .	panamietis.
Фартукъ (передникъ) . .	пипіоустуве . . .	priejoastowe.
Кафтанъ	сѣгута	siegute.
Шляпа	брилюсь	brilus
Рубашка	маршккинъ	marszkinie.
Тулупъ	кайлинъ	kajlinie.

Лантъ	вижуо	vizuo.
Платье, одежда	дунгатасть	dungatas.
Перчатки	пиршитыль	pirsztynie.
Юбка	апатины	apatynie.
Штаны	коъ	koje.
Башмакъ	курпе	kurpe.
Горшокъ	пуодасъ	puodas.
Одѣяло	апдунга	apdunga.
Колыбель (люлька)	любшисъ	łobszis.
Скамья	сколасъ	skołas.
Ложка	шаукитасъ	szauksztas.
Ножъ	пѣйлисъ	piejlis.
Сковорода	батилласъ	batillas.
Печка	паціусъ	pacius.
Миса	блюдасъ	bludas.
Столъ	скомья	skomja.
Тарелка	торелка	torielka.
Стулъ	сестелисъ	sestelis.
Постель	паталасъ	patalas.
Подушка	пригальвисъ	priegalwis.

Не нужно, кажется, объяснять, какія изъ этихъ словъ коренныя литовскія, и какія заимствованныя. Для предметовъ, которые не были въ употребленіи у древнихъ Литовцевъ, нѣтъ и названій самобытныхъ.

4. а) *Рожденіе и крещеніе*: еще въ лонѣ матери крестьянскій малютокъ приготавливается къ бремени будущей своей труженической, безрадостной жизни. Беременная женщина почти до послѣдней минуты родовъ исполняетъ всѣ тягостныя обязанности хозяйки дома. Она вынимаетъ тяжелые горшки изъ печи, мѣситъ хлѣбъ, работаетъ въ полѣ подъ знойнымъ небомъ, укладываетъ сѣно и снопы на возы. Наступаютъ роды — нѣтъ опытной повитухи (*), приглашаютъ *знахарку* и,

(*) Благодѣтельная мѣра правительства въ дозволениі изучать повивальное искусство у патентованныхъ повитухъ, подъ надзоромъ медиковъ, и потомъ держать экзаменъ на природномъ языкѣ скоро должна привести самые благодѣтельные плоды. Президентъ Императорскаго Виленскаго Общества, докторъ медицины Ю. И. Мошинскій, написалъ на польскомъ языкѣ образцовое руководство для обученія повитухъ, приименное практически къ понятіямъ и способностямъ уже и теперь во множествѣ обучающихся частнымъ образомъ повивальному искусству.

при ея содѣйствіи, совершаются роды, часто насильственно, безъ всякой медицинской помощи. Иногда знахарка зажигаетъ освещенную восковую свѣчу и держитъ ее передъ носомъ больной, и въ то же время стучитъ метлой въ потолокъ избы. Природа совершаетъ чудеса. Собственно ея силами очерствѣвшая, одеревенѣвшая родильница, тотчасъ послѣ ужасныхъ болей при родахъ, пьетъ *троянку*, т.-е. грѣтое вино со смѣсью красной глины, меда, перца и коровьяго масла. Не прошло двухъ-трехъ дней, она уже опять работаетъ въ потѣ чела, сама кормитъ новорожденного, просиживаетъ надъ нимъ безсонныя ночи.

Вскорѣ послѣ рожденія, у Бѣлоруссовъ везутъ ребенка въ церковь, или костелъ, тамъ крестятъ, потомъ привозятъ въ домъ родителей, передаютъ отцу, и начинается пиршество, на счетъ кумовей, которые привозятъ съ собою водку и закуски. У Литовцевъ тотчасъ послѣ рожденія повитуха, или знахарка обмываетъ дитя самою холодною водою, въ память богини Лаумы. (*) Когда воротятся изъ костела, ребенка передаютъ отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется *освятить дитя черезъ порогъ*. Кумъ долженъ непременно принести съ собою водку, а кума личицу и пироги, жареные въ маслѣ, съ творогомъ. Незамужнія даютъ по нѣсколько копѣекъ бабкѣ *на мыло для ребенка*. Когда водка вся выпита, кума поетъ:

Kumuczik tu, tu, tu!
Kad aretkas butu,
Šr saldžios, iz gardžios,
Šzit piragas uszkundos.

Куманекъ, ты, ты, ты!
Чтобы водочка была,
И сладкая и вкусная.
Вотъ пирогъ на закуску.

Въ-теченіе перваго года жизни малютку пеленаютъ кусками холстины, не вкладывая рубашки, приговаривая: дозволено еще будетъ времени свой вѣкъ износить.

такъ-что черезъ нѣсколько лѣтъ несчастныя крестьянки за доступную по ихъ состоянію цѣну будутъ въ возможности облегчать свои страданія пособіями опытныхъ повитухъ.

(*) *Praksimas Launius prakajė!* — Выпить въ потѣ Лаумы! Лаума, или Лайма, богиня изобилія и оплодотворенія земли. Она являлась народу въ различныхъ видахъ: когда предсказывала урожай — зеленою, когда войну — красною, а когда голодъ или моровую язву — черною.

Мы не станемъ подробно описывать обрядовъ и обычаевъ Литовцевъ при свадьбахъ, похоронахъ и при другихъ случаяхъ, но отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ П. В. Кукольника, помѣщенной въ «Чертахъ изъ исторіи и жизни литовскаго народа»; займемся здѣсь преимущественно Бѣлорусами, или племенемъ Кривичей.

б) *Свадьба*. Браки по любви между крестьянами здѣсь рѣдки. Большею частію родители между собою составляютъ проекты женить своихъ дѣтей, въ чемъ почти всегда расчетъ играетъ важную роль. Разумѣется, что есть исключенія: бываютъ случаи, когда молодой парень, влюбившись въ дѣвушку, хотя бы и бѣдную, но красивую и невинную, неохотно подчиняется расчетливой волѣ родителей. Отецъ, который хочетъ женить своего сына, выбираетъ свата и сваху и посылаетъ ихъ въ домъ родителей дѣвушки, на которую палъ выборъ. Сватъ и сваха, взявъ съ собою гарнецъ или и болѣе вина и большую булку хлѣба, пріѣзжаютъ къ домъ невѣсты и подчуютъ водкою всѣхъ домашнихъ, отъ чего никто не отказывается. Если отецъ невѣсты, заранѣе знавшій о пріѣздѣ сватовъ, не раздумалъ и согласенъ выдать свою дочь, то въ боченокъ, въ которомъ было вино, сыплетъ рожь, а въ противномъ случаѣ наливаетъ виномъ, и тогда сваты печально возвращаются домой, безъ всякихъ разсужденій или увѣщеваній. Когда же боченокъ насыпанъ рожью, невѣста собираетъ своихъ подругъ, приглашаетъ крестныхъ отца и мать и почетныхъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними является въ избѣ. Сватъ встрѣчаетъ ее обычнымъ христіанскимъ (древне-славянскимъ) въ злѣйшей сторонѣ привѣтствіемъ: *някъ бендаъ похвалены Іезусъ Христуъ!* — *На вяки въкоу!* Отвѣчаетъ невѣста. Сватъ встаетъ, пожимаетъ ей правую руку, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ, иногда кусокъ говядины, нѣсколько монетъ въ чашу и заливаетъ ихъ виномъ. Дѣвушки, между-тѣмъ, поютъ:

Отожъ табѣ Васи́льна
Увядзіонка Агатка,
Кали аѣ любишъ, дай пирогъ,
Кали ня любишъ, вонъ за порогъ.
Не хвалися, што у насъ быў,
Что нашай Агатки не злюбіў!

Разумѣется, что собственныя имена замѣняются смотря по надобности, не заботясь о приемахъ. Начинается ужинъ; дѣвушки, между-тѣмъ, удаляются въ особую свѣтлицу, ежели есть, или за перегородку и поютъ соотвѣтственныя пѣсни. (*) Пиршество оканчивается поздно ночью. Обрядъ этотъ называется *запоины*.

На другой день родители испрашиваютъ согласіе помѣщика или сельскаго управленія, получаютъ дозволительныя свидѣтельства и отправляются къ священнику, съ которымъ условливаются о днѣ брака, даютъ ему *золотый* (15 к. сер.) или и болѣе на *заповѣди*, т.-е. троекратное оглашеніе въ храмѣ о предстоящемъ бракосочетаніи; между-тѣмъ, обрученные приготавливаются къ торжественному дню. Для этого невеста приглашаетъ двухъ подругъ и двухъ кавалеровъ, которыхъ называютъ *закосники*. Въ то же время женихъ избираетъ дружку и свата, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Ошмянскомъ уѣздѣ) человека два или три ассистентовъ, для увеселенія публики и распоряженія праздникомъ, которыхъ величаютъ *маршалами*. Наканунѣ бракосочетанія, въ одно и то же время, въ домахъ невесты и жениха совершается особое празднество *печенія каравая*. Женихъ и невеста въ этотъ день исповѣдываются и причащаются; въ вечеру собираются въ оба дома родственники, сосѣди, знакомые. Дѣвушки поютъ разныя пѣсни (см. подъ б. Б.) Всѣ принадлежащія къ свадебному торжеству собираются и условливаются о порядкѣ, какъ будетъ происходить предстоящее празднество. Сватъ, между-тѣмъ, ставитъ на столъ вино и житный пирогъ, предназначаемый обыкновенно повитухѣ, бывшей при рожденіи молодой, ежели она на лице. Потомъ слѣдуетъ закуска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Дисненскомъ и отчасти въ Вилейскомъ уѣздахъ, при печеніи каравая соблюдаются еще особые обряды. Предъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ всыпать муку въ дежу (квашню), крестная мать или старшая годами изъ живущихъ въ избѣ говоритъ слѣдующее: *«Иосьць тутъ Богъ, бацька, матка, радзёныя и сусѣды близкіе и дальныя мужи статечныя, бабки запечныя, дзяткі заплечныя, благословиць красней паннѣ каравай учи-ницъ.»* При печеніи присутствуютъ семь каравайницъ и трое

(*) Смотри въ собраніи пѣсенъ подъ буквою А.

мужчинъ, пособляющихъ стрипанью. Одна изъ коровайницъ поетъ разныя пѣсни (см. подъ б. В.). Когда каравай изготовленъ въ домѣ жениха, онъ отправляется къ невѣстѣ; но прежде его садятъ на коробѣ съ рожью, крестная мать подстригаетъ ему волосы, а дѣвушки опять поютъ (см. подъ б. Г.) Въ Свенцянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ въ бѣлорусскихъ приходахъ *дѣвичій вечеръ*, или обрядъ печенія каравае, называютъ *великая гарьлка*.

Въ день брака, предъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, невѣста отправляется, съ нѣсколькими подругами, къ сосѣдямъ и друзьямъ просить благословенія. Оставшіяся, между-тѣмъ, дѣвушки, ежели молодая сирота, поютъ :

Нѣмажъ Марьянки въ дому:
Пашла Марьянка до Пана Бога,
 Станць гадзінку,
 Станць другую,
Пакуль адчипючъ райскіе дзвері,
Пакуль выпускаць яѣ мамуню,
 Ей на вяселе,
 Ей на благословенство.
Яѣ мамуля вельми далеко,
У зямлі глыбоко,
За трема замкамі:
 Першій замочекъ
 Зелены мрочекъ;
 Други замочекъ
 Жолты пясочекъ,
 Нѣмыя доски.
Валыміцѣ вѣтры і буры,
Разорвіцѣ зелены мрочекъ,
Разадзіміцѣ жолты пясочекъ,
Разобійцѣ нѣмыя доски,
Выпусціцѣ яѣ мамуню,
 Ей на вяселе,
 Ей на благословенство!

Когда молодая возвратится, ее сажаютъ на концѣ стола, припѣвая :

Молодая Марьянка
Рано сѣла на посады.
Кто лзісь цѣбѣ парадзі?

Мамуня Богу служиць,
На злотѣмъ крѣслѣ сядзиць,
З паномъ Богомъ говориць,
Пана Бога проситца:
Божегъ-на Бацюхна,
Пусци мянѣ знеба,
Погляdziци дѣцяци,
Чи хорошо прибрана,
Чи на пасадъ пасажена? —
— Мая дѣцятчка
Прибрана якъ панятчка,
Пасадаена якъ сѣротечка...

Потомъ вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ,
а между-тѣмъ поють :

Черезъ сѣни сцѣжечка,
А въ коморѣ другая:
Тамъ Марьянка сѣдѣла,
Русую косу чесала,
Сильнѣ жалосиѣ плакала.
Привлазицѣ мамуню,
Войшицѣ (уймите) Марьянку.
Якъ мамуню привали,
Больше жалю задали.

Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой, — башмаки, чулки и подвязки для молодой. При этомъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ начинаются между закосниками и маршалами продолжительные споры, уморительныя аллегоріи и двусмысленности, которыхъ цѣль — допросить маршаловъ, зачѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

Когда назначенный часъ свадьбы наступилъ, молодой, на двухъ или трехъ повозкахъ, со своими друзьями, сватами и родственниками, предшествуемый скрипачемъ-скоморохомъ, является передъ воротами невѣсты. Между-тѣмъ, она падаетъ къ ногамъ родителей и поетъ:

Да, мой гаточка! благослова меня до шлюбу —
Ступица, каки благословишь, самъ Богъ благословиць!

Въ это время дѣвушки поютъ:

Карися (смирися), Агатка, старому,
Кланяйся и малому:
З паклоу галоука не балиць.
Стары и малы благословиць.

Есть что-то трогательное, даже торжественное въ этомъ обрядѣ. Всѣ присутствующіе толпятся вокругъ невѣсты. Она подходитъ къ каждому, сначала къ родственникамъ своимъ, а потомъ къ роднымъ жениха и ко всѣмъ присутствующимъ, всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ и проситъ благословенія. Въ это время молодежь садится на коней, старики и женщины въ повозки. Невѣста съ дѣвушками, предшествуемая закосниками, на параконной бричкѣ, съ музыкою и пѣніемъ, отправляется въ храмъ. Невѣста въ дорогѣ кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Ежели надобно проѣзжать мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду, и невѣста должна ему отдать свой поясъ, чтобы тотъ опять пустилъ воду. Въ церкви или костелѣ молодая кланяется каждому здѣсь находящемуся и останавливается у стѣны, окруженная подругами. Женихъ, съ своими ассистентами, подходитъ къ ней, кланяется подругамъ своей невѣсты и проситъ, чтобы ее ему отдали. Тѣ сначала не соглашаются, а потомъ какъ-будто нехотя уступаютъ его просьбамъ. Нѣкоторые же не кланяются дѣвушкамъ, не просятъ ихъ, но силою уводятъ свою суженую. Передъ налосемъ подъ ноги невѣсты стелютъ утиральникъ. Во время бракосочетанія вниманіе всѣхъ обращено на свѣчи: ежели горять ярко — славная будущность предстоитъ новобрачнымъ; ежели же, упаси Боже, свѣча потухнетъ — быть бѣдѣ! Изъ храма отправляются въ домъ священника, который потчуетъ молодыхъ водкой. Потомъ опять тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Въ нѣкоторыхъ приходахъ есть обычай заѣзжать по дорогѣ въ ближайшую корчму — позавтракать. Пріѣхавъ домой, общество раздѣляется; одни отправляются въ домъ молодой, другіе — молодого. Вечеру большою частію собираются вмѣстѣ въ домъ родителей молодой, которая, съ своими ассистентками, садится у печки, а молодой въ углу. Между-тѣмъ,

общество пьетъ и танцуетъ. Молодымъ подаютъ особенно для нихъ приготовленное кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьетъ здоровье своей жены, говоря: *«пью да цябъ погнымъ кубкомъ, щерымъ сердцемъ, добрымъ здоровьемъ; што мысля сабъ, то и табъ!»* Мать новобрачной беретъ ее на колѣни, обнимаетъ, цѣлуетъ; а новобрачная поетъ:

Мая мамечка!
Приступъ къ столачку,
Къ майму славѣчку.
Ня сына жанишь,
Ня невѣсту бярешъ:
Мяне молодзенькую аддаешъ
Мая мамачка! што жъ табъ ляхчей:
Чи малую было хаваць,
Чи цяпѣрь зъ сулоня аддаваць?

Потомъ отецъ или братъ беретъ ее за руку и подводитъ къ мужу. Она садится по срединѣ между нимъ и сестрой и близкой родственницей. Мать кладетъ ей на голову три тесемки льна и накрестъ поджигаетъ волосы; а въ тоже время сестра поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ; является сваха, снимаетъ лень, укладываетъ косы на головѣ и повязываетъ платокъ. Отецъ даритъ ей *дежу* (квашню), на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ, приговаривая: *«дарю цябъ, дзѣцятка, хлѣбомъ солей!»* Потомъ молодой закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее чѣмъ кто можетъ. Она благодаритъ каждого, приговаривая:

Да мой брахненка!
Дзякую табъ за дары вяликіѣ тваѣ.
Кали жива буду да спамагуса,
Табъ алгаджуса,
А кали нѣ табъ,
То дзѣткамъ твоимъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая ночуетъ въ домѣ родителей и на другой уже день отправляется къ мужу, а въ другихъ въ ту же ночь, послѣ пиршества. При этомъ молодой даритъ сваху и дружку. Прощаніе съ родителями и домашними самое трогательное; молодая поетъ при этомъ:

Таткоу куточекъ ,
Божи ламочекъ ,
Заставайся здороу ,
Живи багата !

Къ матери :

Мая матечка!
Заставайся здорова ,
Живи багата ,
Не забывайся на менѣ маладую ;
Кали буду жебраваци ,
Воротца атчинийцѣ ,
Хоцѣ по кусочку хлѣба лавайцѣ .

Когда молодые ѣдутъ черезъ деревню въ домъ родителей молодого, мальчики на дорогѣ зажигаютъ куль соломы ; молодая должна имъ подарить что-нибудь, чтобы пропустили. Молодыхъ встрѣчаютъ семья, сосѣди; новобрачная даритъ всѣхъ холстомъ, ей показываютъ хозяйскія строенія, домашнюю утварь. Потомъ она обязана мѣсить хлѣбъ, въ заблаговременно приготовленной дежи. Между-тѣмъ, собираются сосѣди и родные. Въ Лидскомъ уѣздѣ при этомъ устраивается родъ маскарада, т. е. молодежь наряжается какъ можно странно, бѣгаетъ по деревнѣ, захватываетъ въ опустѣвшихъ избахъ что-либо съѣстное и приноситъ въ домъ, гдѣ празднуется свадьба. Пиршество продолжается до глубокой ночи. На слѣдующій день молодые съ караваемъ, нарочно для сего испеченнымъ, отправляются въ господскій домъ ; гдѣ ихъ дарятъ, потчуютъ виномъ, пивомъ, медомъ ; а у многихъ и здѣсь затѣваются пляски и веселье и продолжаются весь день и ночь, уже на счетъ владѣльца.

Надобно еще прибавить, что дѣвственность у зѣвшихъ крестьянъ считается чѣмъ-то священнымъ. Невинная дѣвушка, вошедшая въ домъ мужа, приноситъ съ собою благословеніе Господне. Ее уважаютъ, и во все время свадьбы она дѣлается предметомъ общаго особеннаго подобострастія: въ ея непорочности видятъ залогъ благоденствія и счастія. Напротивъ, согрѣшившая до замужства не можетъ скрыть своего стыда, тѣмъ болѣе, что у крестьянъ такія вещи не удерживаются въ секретѣ; на нее смотрятъ совсѣмъ иначе, и самые обряды во многомъ измѣняются: не поютъ многихъ обычныхъ торже-

ству пѣсенъ, не глядятъ на нее съ такою любовью. Часто она со слезами сама сознается въ своей винѣ и проситъ прощенія. Такая жена не сулитъ покоя и счастья въ новомъ семействѣ; перешагнувъ порогъ мужнина дома, она вноситъ туда вѣчный раздоръ, ибо домашніе не имѣютъ къ ней должнаго уваженія. Привязанность мужа, болѣе зажиточное состояніе новобрачной, покровительство господскаго дома, ежели тамъ источникъ, что чаще всего случается, ея посрамленія, не всегда могутъ защищать несчастную отъ насмѣшекъ и поруганій домашнихъ, особенно свекрови, сестеръ мужа и другихъ.

Мы старались передать болѣе общіе обряды, свойственные всему населенію кривичанскаго племени въ Виленской губерніи; но почти каждый приходъ имѣетъ свои особенности, свои пѣсни, прибаутки. Всѣ вообще обряды эти носятъ здѣсь вѣрный отпечатокъ домашнего быта здѣшнихъ крестьянъ, психическаго ихъ настроенія, смѣси самыхъ странныхъ предрассудковъ съ истиннымъ чувствомъ. Начала этихъ обрядовъ доискаться невозможно; крестьяне свято ихъ чтутъ и ни за что въ свѣтъ не согласятся на измѣненіе чего-либо изъ того, что, какъ они говорятъ, наши дяди дѣлали. Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ пѣсенъ ясно убѣждаютъ, что начала многихъ обрядовъ надобно доискаться еще во временахъ язычества. Измѣнилось вѣрованіе; но обряды переходили изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія, не всегда для нихъ самыхъ понятныя, но непременно исполняемыя.

в) *Похороны*. Трогательна и торжественна кончина бѣднаго труженика, весь вѣкъ проведшаго въ потѣ чела, а при закатѣ дней, когда одряхлѣвшія силы лишили его возможности работать, нерѣдко лишеннаго первыхъ житейскихъ потребностей. Несчастный! онъ умираетъ со скорбнымъ сознаніемъ, что послѣдніе дни его были тягостію для семейства, его привѣнтовавшаго. Конечно, горестъ семейства по утратѣ престарѣлаго, дряхлаго старика и продолжительна и нелицемѣрна; но, ежели членъ семейства умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ, здоровый и сильный, остающіеся приходятъ въ страшное отчаяніе, ибо съ нимъ теряютъ подпору, труженика, жертвовавшаго для нихъ своими силами и здоровьемъ.

Одръ умирающаго окружаютъ родные, сосѣди, иногда священникъ, или ксендзъ. Онъ оканчиваетъ дни свои какъ истин-

ный христіанинъ, послѣ исповѣди и св. причастія, умираетъ сопровождаемый воплями и рыданіями всѣхъ окружающихъ.

Похороны называются здѣсь *хаутуры*. До сихъ поръ сохранился языческій обычай *голошенія*, т. е. оплакиванія. Ежели умершій не оставилъ близкихъ родныхъ или друзей, которые бы по внушенію истинной горести *голосили* по немъ, то отыскиваются въ деревнѣ постороннія женщины, принимающія на себя роль древнихъ плакальщицъ. Онѣ провожаютъ покойника и присутствуютъ при погребеніи съ отчаянными воплями, естественными восклицаніями и рыданіями. Дико смѣтрѣтъ на такую сцену, порождаемую не чувствомъ, но только обычаемъ, хотя и въ этомъ случаѣ нельзя не дивиться непреклонному уваженію къ памяти и обрядамъ предковъ. Покойника тотчасъ послѣ кончины моютъ, одѣваютъ въ лучшее, какое у него было, платье и кладутъ на столъ ногами къ дверямъ; въ руки даютъ ему бумажную икону, въ головахъ зажигаютъ восковую свѣчу. Когда гробъ сколоченъ, оставшимися стружками набиваютъ подушку, гробъ окропляютъ святою водою и кладутъ въ него покойника. Между-тѣмъ, до самыхъ похоронъ и день и ночь поютъ святыя пѣсни. Отправляясь на кладбище, берутъ съ собою вновь сдѣланный простой деревянный крестъ, перевязанный красною ленточкой, и несутъ его впереди, а также горшки со святою водою и святымъ зельемъ. Ежели церковь близка, изъ нея принесутъ хоругви, распятіе, и несутъ передъ гробомъ. Пока проѣдутъ деревню, покойника сопровождаютъ всѣ ея жители; далѣе ближайшіе родственники садятся на гробъ или идутъ вокругъ его. Ежели священникъ, или ксендзъ, по отдаленности, не присутствуетъ при похоронахъ, покойника везутъ прямо на кладбище; тамъ открываютъ крышу (вѣко), дѣти и родственники бросаются къ гробу съ воплями и рыданіями, цѣлуютъ его въ лицо, потомъ окропляютъ могилу святою водою, опускаютъ гробъ, насыпаютъ небольшой курганчикъ, въ головахъ котораго ставятъ принесенный крестъ и горшокъ съ святымъ зельемъ; въ заключеніе всѣ вмѣстѣ поютъ священныя за упокой пѣсни, а католики молитву *Anioł Pański* (Ангель Господень). Послѣ этого тутъ же пьютъ по чаркѣ вина и возвращаются домой, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Первую рюмку вина и первую ложку каждаго кушанья выливаютъ на уголъ стола, для души покойника. Послѣ

обѣда до самаго вечера опять поютъ священныя пѣсни. Въ годовщину болѣе зажиточные совершаютъ поминки въ церкви, или костелѣ, и потомъ приглашаютъ сосѣдей обѣдать; а бѣдные отправляются прямо на могилу, тамъ плачутъ, поютъ и потомъ пьютъ и ѣдятъ.

Похоронный пѣсенникъ невеликъ. Онъ приспособленъ къ болѣе частымъ случайностямъ и не всегда соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ. Но есть пѣсни, въ которыхъ видно глубокое неподдѣльное чувство, простая, но благородная душа, оцѣнивающая свою потерю и воздающая хвалу почившему собрату.

Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ пѣсенъ :

Ахъ, мая жъ ты вязюлочка!
Ахъ, мая жъ ты матулечка!
Ахъ, чаму жъ ты мяне пакідаешъ?
Ахъ, кому жъ ты мяне остаўляешъ?
Хто жъ цяперъ мяне будзiць научацi,
Хто жъ цяперъ мнѣ будзiць спагадацi?
Ахъ, гора жъ, мое гора,
Ахъ, я бездомница нещаслива!

Ахъ, мая жъ ты квяточка,
Ахъ, мая жъ ты пташечка!
Куды жъ гэта я цябѣ наражаю?
Куды жъ гэта я цябѣ выпраўляю?
Ой ня у церкоўку подъ вянецъ зiляненькi,
Ай, на могилу у пясокъ сыренькi!
Ахъ, хто жъ мнѣ цяперъ зашчабечыць?
Ахъ, хто жъ мяне цяперъ дай пацѣшыць?
Хто будзiць старосцi моей пильновацi?
Хто будзiць мяне матулькой цяперъ звацi?
Ахъ, цяжъ гэта мнѣ нада цябѣ хавацi.

Ахъ, татулёка нашъ
Ахъ, сiзый голубе нашъ!
Ты жъ насъ гадаваў,
Ты жъ намъ спагадаў!
А цяперъ пакідаешъ!
Чи ты жъ жалосцi нямаешъ?
Ахъ, загадникъ (*) нашъ!

(*) Распорядитель.

Хто жъ насъ цѣперъ парадокъ павладѣць?
Хто жъ насъ цѣперъ пирасцаряжець? (*)
Ахъ, бѣдныя жъ наши голоуки, бѣдныя
Ахъ, гора жъ намъ, гора!

Эти же и подобныя имъ пѣсни, съ нѣкоторыми только измѣненіями, во многихъ мѣстахъ поются при провожаніи, иногда цѣлою деревнею, взятыхъ въ рекруты. Тамъ, гдѣ эта повинность исполняется по жеребью, домашніе еще отчаяннѣе оплакиваютъ судьбу того, на котораго палъ жребій.

Когда кладутъ камень на могилѣ или ставятъ большой деревянный крестъ (**), обрядъ этотъ называется *прикладины* и сопровождается молитвами и пирушкой (***). Совершаемые черезъ годъ послѣ смерти поминки по умершемъ называются *радовщица*. Кромѣ того ежегодно совершаютъ общіе поминки въ теченіе мѣсяца со второй половины октября по вторую половину ноября, извѣстные подъ громкимъ именемъ *дзядоу*, воспѣтые знаменитымъ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Названіе, кажется, происходитъ оттого, что въ это время поминаютъ *Дзядоу*, т.-е. почившихъ предковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Дзяды празднуются исключительно славянскимъ племенемъ. Древнѣйшій этотъ обычай сохранился до сихъ поръ во всей своей языческой чистотѣ. Духовенство успѣло только придать этому обряду христіанскую форму въ томъ, что крестьяне въ это время посѣщаютъ церкви, приглашаютъ священнослужителей на кладбище для поминовеній; но все прочее осталось неприкосновеннымъ. Главный праздникъ Дзядовъ бываетъ 7 ноября, когда римско-католическая церковь совершаетъ богослуженіе за всѣхъ умершихъ. Наканунъ этого дня, ночью

(*) Предостережетъ.

(**) При самыхъ похоронахъ ставятъ въ головахъ маленькій деревянный крестикъ или обозначаютъ мѣсто могилы небольшою насыпью.

(***) Въ славянскихъ приходахъ кресты и камни ставятъ только надъ могилами мужчинъ; могилы же женщинъ означаются курганчиками, но за-то ставятъ имъ памятники особеннаго рода: гдѣ-нибудь при дорогѣ на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, чрезъ который идетъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзываютъ крестъ, башмаки или серпъ, а нѣкоторые и годъ кончины. Я спрашивалъ стариковъ, почему они это дѣлаютъ; но ни одинъ не умѣлъ мнѣ объяснить причины, говоря, наши дяди такъ дѣлали. У Литовцевъ обычай этотъ не существуетъ.

крестьяне избираютъ пустынное мѣсто на кладбищѣ или же вблизи онаго, буде возможно, въ развалинахъ церкви или оставленнаго жильцами дома, ставятъ разнаго рода кушанье и пивья и начинаютъ вызывать покойниковъ, родныхъ и друзей. Они вполне увѣрены, что тѣни ихъ являются, что заставленная трапеза имъ пріятна, что они ею подкрѣпляютъ свои силы. Кромѣ-того, ставятъ кушанье на могилахъ своихъ близкихъ, а когда ѣдятъ у себя дома, то бросаютъ нѣсколько кусковъ говядины или чего-либо съѣстнаго подъ столъ и ставятъ горшки съ кушаньемъ на дворѣ подъ окнами. Въ каждой хатѣ готовятъ къ этому празднику маленькіе блины, и, когда начинаются вызыванья духовъ, глава семейства, по очереди исчисляя имена всѣхъ своихъ близкихъ умершихъ, послѣ произнесенія каждаго имени, прибавляетъ: *хаутуры!* (*) и бросаетъ одинъ блинъ подъ столъ. Пока продолжается вызыванье, вся семья хранитъ глубокое благоговѣйное молчаніе. Потомъ ѣдятъ, а все, что останется не съѣденнымъ, отдаютъ нищимъ, которые въ это время всю ночь толпами расхаживаютъ по деревнѣ.

Радауница въ нѣкоторыхъ славянскихъ приходахъ празднуется во вторникъ на недѣлѣ Оомы. Въ это время собираются на кладбищѣ и тамъ, на могилахъ своихъ близкихъ, пьютъ и ѣдятъ.

г) *Полевая работа*. При начинаніи полевыхъ работъ, священники освящаютъ поля, предназначенныя для посѣвовъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на перекрестныхъ дорогахъ, ставятъ высокіе деревянные кресты съ распятіемъ или изображеніемъ святаго.

Важнѣйшій деревенскій праздникъ — *дожинки* т. е. окончаніе жатвы. Обычай этотъ одинаковъ у Литовцевъ и Бѣлоруссовъ; даже пѣсни у обоихъ племенъ почти одинаковаго содержанія. Осенью, когда всѣ полевая работы окончены, собирается цѣлая *волость*, т. е. жители всѣхъ ближайшихъ дере-

(*) *Хаутуры* собственно означаетъ жить въ домѣ покойника. Отъ этого даже произошла поговорка: *у одной хаць вяселье* (свадьба), а *у другой хаутуры* (покойникъ).

У древнихъ славянъ праздникъ Дзядовъ назывался праздникомъ *козла*, или *козляра-гусляра*, жреца-поэта, руководившаго праздникомъ, пѣснями, игрою на гусляхъ.

вѣнь, принадлежавшихъ одному владѣльцу, отправляется въ господскій дворъ, имѣя впереди нѣсколько дѣвушекъ, изъ которыхъ красивѣйшая несетъ на головѣ или на подносѣ вѣнокъ изъ ржи или другаго хлѣба, который послѣдній снять съ поля. Заунывная ихъ пѣсня слышится издали. Владѣлецъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ крестьянъ, принимаетъ вѣнокъ, кладетъ на подносъ нѣсколько монетъ, благодаритъ за ихъ трудъ и приглашаетъ повеселиться. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, при отдачѣ вѣнка, старѣйшій изъ крестьянъ говоритъ притѣствениую рѣчь, въ которой аллегорически изображаетъ несчастную судьбу своихъ собратьевъ, говоря, что долго они скитались по міру, проходили степи, дебри, темныя пущи, терзаемые голодомъ, изнуренные, не зная, куда преклонить голову, какъ вдругъ встрѣтили медвѣдя, который далъ имъ благой совѣтъ идти и служить *такому-то* доброму нану (при этомъ называютъ имя владѣльца); они послушались, пришли, нашли пріютъ, доводство, живутъ припѣвачи и вотъ поработали для него, собрали ему хлѣбъ съ полей, привесли вѣнокъ, не золотой, не серебряный, но изъ алмазныхъ волосовъ, а за то проситъ водочки, и пр.

По данному знаку, раздаются пѣсни, выкатываютъ нѣсколько бочекъ пива, вина, устраиваютъ столы съ ужиномъ, является скоморохъ со скрипкою, бѣгать, пьютъ, пляшутъ, поютъ до утра.

а) *Купала*. Древній языческій праздникъ Купалы сохранился до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ и литовскихъ племенахъ. Онъ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Купалы, въ Польшѣ — *Соботекъ*, въ Литвѣ — *Kehiris*. Въ Виленской губерніи и въ самомъ городѣ Вильно Купала празднуется повсемѣстно наканунѣ св. Іоанна, 23 іюня. Въ Вильно есть особое загородное мѣсто, называемое Роса, отъ котораго и кладбище получило названіе Ресы. Во времена язычества Литовцы собирались сюда, зажимали ностры, прыгали черезъ него, приносили въ жертву богинѣ Ладѣ бѣлыхъ пѣтуховъ, пѣли въ честь ея пѣсни (*Lada, lada! di do musu deve!* т.-е. лада, лада, лада, великая наша богиня!), бѣли, пили и плясали всю ночь. Исчезло язычество; но обычай празднованія сохранился до сихъ поръ. Въ Вильно, за кладбищемъ, на роскошной полянѣ, тоже называемой Росса, собирается почти все населеніе го-

рода, играетъ музыка, пестрыя толпы гуляющихъ живописно рисуются на зеленой муравѣ, окруженной пригорками, покрытыми дубовымъ и березовымъ лѣсомъ.

Въ деревняхъ и селахъ, въ этотъ день, послѣ заката солнца молодежь собирается на лугъ и разводитъ огонь. Въ ненастное время заблаговременно устраиваютъ шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду означаютъ мѣсто сборища зелеными березками. Являются закуска, пиво и водка. Приходятъ и пожилые, а нерѣдко и все населеніе деревни. Послѣ ужина и попойки, совершаемыхъ возлѣ огня, начинаютъ пѣть и плясать, иногда подъ скрипку, ежели найдется скоморохъ. Въ глубокую ночь отправляются въ лѣсъ искать папоротникова цвѣта, какъ знаменія всезнанія и указателя кладовъ. Во многихъ мѣстахъ простолюдины подъ именемъ Купалы разумѣютъ св. Іоанна Крестителя, производя названіе оттого, что онъ купалъ Спасителя.

Странные понятія и предрасудки сохранились въ народной памяти до сихъ поръ. Простолюдины увѣрены, что въ ночь Купалы деревья и животныя разговариваютъ между собою; а кто знахарь и можетъ ихъ подслушать, многому можетъ научиться. У чертей въ это время большая возня: они разбѣгаютъ на крестьянскихъ лошадяхъ и спѣшатъ на Лысую гору, въ Кіевъ, гдѣ происходитъ у нихъ торжественное собраніе. Поэтому крестьяне не выводятъ въ эту ночь лошадей на пашню, но крѣпко запираютъ въ конюшняхъ. Деньги (клады), зарытыя въ землѣ, являются на ея поверхности въ различныхъ видахъ: въ видѣ огня, волка, но чаще всего папоротника. Добыть кладъ нелегко, ибо при каждомъ насторожѣ чортъ, и нужно особенное мужество и отвага, чтобы устоять противъ дьявольскихъ козней и ухищреній. Черти тогда прикидываются чѣмъ угодно, заводятъ смѣльчаковъ въ болото, въ трупцы, снимаютъ съ нихъ обувь, перемѣняютъ наизнанку одежду, страшатъ дикимъ звѣремъ и т. п. Только знахарямъ удается перехитрить чорта и добыть кладъ. Въ эту-то ночь цвѣтетъ папоротникъ, и счастливъ, кому удастся найти цвѣтъ его: онъ дѣлается могучимъ и всевѣдущимъ. Въ Дисненскомъ уѣздѣ сохранилось преданіе о работникѣ, который нечаянно наступилъ на папоротникъ, и цвѣтъ его упалъ ему въ лапоть. Въ то же мгновеніе онъ сталъ всевѣдущимъ: открылъ пропавшихъ

лошадей, узналъ, гдѣ сокрыты клады, какія мѣры должно принять противъ проказъ чаровницъ. Прійдя домой, этотъ всевѣдущій разулся, цвѣтъ папороти остался въ лаптѣ, и — увы! — кончилось всевѣдѣніе! Окружающіе его, удивленные этимъ быстрымъ переходомъ отъ всезнанія къ ничтожеству, догадались, въ чемъ дѣло, и бросились осматривать лапотъ. Нѣкто *Сципанъ* поймалъ цвѣтокъ и убѣжалъ. Донесли паву. Тотъ не побоялся знахарства Сципана, силою отнялъ отъ него волшебный цвѣтъ, и съ того времени горькое жите стало у него не только крестьянамъ, но и чертямъ. Смѣльчаки въ эту ночь, плотно поужинавъ и выпивъ добрую порцію для *резона*, отправляются поодиначкѣ въ глубокіе лѣса или тущобы, взявъ съ собою распятіе, святое зелье и восковую освященную свѣчу (громницу, которую зажигаютъ и кладутъ въ руки умирающему; ее освящаютъ 2 февраля). Тамъ, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, смѣльчакъ дѣлаетъ свѣчей большой кругъ и садится въ самой срединѣ его, держа въ рукахъ распятіе. Вдругъ разгораченному воображенію представляются черти въ самыхъ страшныхъ видахъ; они прыгаютъ вокругъ его, сверкаютъ огненными глазами, бьютъ его по лицу длинными хвостами, цѣпляются за волосы когтями; поднимается вой, ревъ, свистъ; потомъ вдругъ является чортъ-великанъ, котораго видъ приводитъ въ трепетъ бѣднаго смѣльчака. Вотъ усвоенное фактическое описаніе этого великана-чорта: чудовище необыкновенно высокаго роста; на челѣ у него одинъ большой глазъ; носъ съ одною ноздрею, обнаженная голова, страшной величины; вмѣсто ушей большія дыры; на головѣ одинъ крючковатый длинный рогъ; правое плечо гораздо выше лѣваго; шея вовсе нѣтъ, вмѣсто рукъ и ногъ конскія копыта, вмѣсто тѣла у него рыба чешуя, а грудь покрыта длинною шерстью. Несчастный защищается распятіемъ и прочими святыми предметами, препятствующими сатанѣ переступить заколдованный кругъ. Еще не нашелся такой смѣльчакъ, который бы устоялъ противъ всѣхъ этихъ страстей и не убѣжалъ, но ежели бы выдержалъ и не струсилъ, предъ нимъ бы отверзлись необъятныя сокровища. Впрочемъ, въ настоящее время сохранилось только преданіе и о чудовищахъ и о самыхъ смѣльчакахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ увѣряютъ, отправясь искать кладовъ, не возвращались болѣе, и ихъ находили мертвыми въ лѣсу.

Черти, отправляясь на Лысую гору, даютъ порученіи куралесить своимъ ученикамъ, т.-е. чаровникамъ. Они отнимаютъ у коровъ молоко, для чего поятъ ихъ росою, собранною въ огородахъ. Для защиты отъ этого крестьяне давно открыли лекарство: замѣтивъ, что корова менѣе обыкновеннаго даетъ молока, козыйка беретъ *цѣдилку* и варитъ ее въ горшкѣ *съ св. лискиимъ зельемъ*. Отъ этого чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ хозяйкѣ просить чего-нибудь взаимы, напр., рѣшета, ушата, и т. п.: хозяйка, такимъ-образомъ, узнаетъ чаровницу, ничего не даетъ ей взаимы, стережетъ, чтобы она чего-нибудь не унесла, хотя бы щепки, или песчинки, и ежели успѣетъ въ этомъ, чаровница начинаетъ сохнуть, хворать и скорѣе умираетъ, къ великой радости отмищенной хозяйки.

Солнце при восхожденіи своемъ въ день св. Іоанна *играетъ*, т.-е. изъ одного обыкновеннаго солнца раздробляется на нѣсколько частей, которыя, играя одно подлѣ другаго, разбѣгаются и опять сливаются въ единое солнце.

Утромъ въ день св. Іоанна крестьяне собираютъ цвѣты и травы, несутъ ихъ въ церковь и послѣ обѣда просятъ объ освященіи. Такіе травы и цвѣты называются *св. лискиимъ зельемъ*. Ихъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней, а иногда какъ противодѣйствіе зачарованію, или предугадываніе будущаго. Такъ, напр., цвѣтъ *богатки* предсказываетъ удачу или наоборотъ. Ежели разовьется, вѣщаетъ счастье, въ противномъ же случаѣ бѣду.

Въ день св. Іоанна мальчуганы поютъ слѣдующую шутиливую пѣсню:

А на Яна
Баба пьяна,
На Бариса
Баба лыса,
А на Юрья
Баба дурна! и т. д.

е.) *Куцья*. На канунъ Рождества Христова, Нового года и Богоявленія народъ здѣсь празднуетъ куцью, т.-е. кутью; это названіе происходитъ отъ извѣстнаго рода пищи, подаваемой въ эти дни. *Куцья* наканунѣ Рождества называется

постною, ибо готовится изъ разнаго рода зерноваго хлѣба, гороха, пшеницы, ячневыхъ и гречишныхъ крупъ и т. п.; наканунѣ же Нового года мясною, ибо въ числѣ купаний подаютъ мясное.

Наканунѣ Рождества, послѣ заката солнца, не только среди простаго народа, но и въ высшемъ и среднемъ каассѣ устилаютъ столъ сѣномъ, покрываютъ скатертью, на которой разставлены блюда, въ католическихъ домахъ прикрытыя *оплатками* съ изображеніями Спасителя, символовъ вѣры, Божіей Матери и св. Іосифа. Хозяйка беретъ такую оплату, подходить къ каждому изъ присутствующихъ и приглашаетъ отломить кусочекъ и съѣсть, при чемъ принимаетъ поздравленія съ наступающими праздниками. Потомъ садятся за столъ. Въ промежуткахъ вытаскиваютъ изъ-подъ скатерти сѣнную былинку, и по длинѣ ея заключаютъ о будущемъ ростѣ льна. Послѣ ужина наблюдаютъ, протоптаны ли тропинки по двору дочерна и много ли зѣзды на небѣ. Первое предсказываетъ обильный сборъ гречихи, а послѣднее — хорошій приплодъ скота. Осматриваютъ также древесныя вѣтви: ежели оны всѣ покрыты инеемъ, это сулитъ хорошій урожай садовыхъ плодовъ. Если въ этотъ день оттепель, то санная дорога продлится до половины марта и притомъ предсказываетъ раннюю весну и изобильное лѣто; точно также, ежели въ Срѣтенье большой морозъ, то снѣгъ недолго пролежитъ, весна же и лѣто немного обѣщаютъ хорошаго.

Когда пожилые гадаютъ о погодѣ и урожаѣ, дѣвушки въ то же время прислушиваются къ лаю собакъ: откуда онъ слышенъ, оттуда явится женихъ. Потомъ бѣгаютъ подъ сосѣднія хижины и подслушиваютъ подъ окнами. Необыкновенный восторгъ объемлетъ ихъ, когда подслушаютъ слова, изгоняющія кого-либо изъ дома: напр., *что засидѣлся? Довольно, брать! ступай!* и т. п. Отчаянная грусть, когда въ хатѣ приглашаютъ кого посидѣть, остаться, ежели говорятъ: *еще рано! уопьещь!* и т. п. Первый случай предсказываетъ непремѣнное замужство въ-теченіе года, послѣдній — сидѣнье въ дѣвкахъ. Но всего ужаснѣе, ежели послышатся слова: священникъ, свѣчи, доски и т. п., ибо это вѣщаетъ близкую смерть самой подслушивающей или ея суженому. Тѣ, которымъ не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берутъ охапку дровъ или обхва-

тываютъ простертыми руками плетень, и потомъ считаютъ число полѣнъ или кольевъ: четное число предсказываетъ замужство, нечетное — бѣду; весь годъ никто не посва- тается.

Въ этотъ же вечеръ связываютъ ноги у стола, чтобы скотъ не перескакивалъ плетней и не стаптывалъ посявковъ, а также, чтобы рои пчелъ не уходили. Женщины въ это время сви- вають клубки, какъ можно тщательнѣе и побольше, ибо это увеличиваетъ *качны*, т.-е. головки капусты; небрежная же свивка клубковъ лишитъ воловъ силы въ ногахъ. Нельзя также въ это время сгибать обручей, ободьевъ и полозьевъ, ибо это имѣетъ дурное вліяніе на скотъ: весь приплодъ въ-теченіе года будетъ рождаться съ кривыми ногами. Нельзя связывать *намла* для выметанія печей, ибо отъ этого произойдетъ по- жаръ или громъ ударитъ въ домъ. Какъ съ Рождества до Богоявленія праздники, и крестьяне въ это время рѣшительно ничего не дѣлають, то въ вечеръ куцѣ приготавливаютъ къ пражѣ ленъ, начинаютъ прастъ, сучить нитки, веревки, сче- пать лучину и свивать клубки.

Сѣно, бывшее подъ скатертью, и остатки кушанья на дру- гой день отдають скоту; оставшіяся же на столѣ зернышки собирають и хранятъ до посявковъ, а тогда смѣшиваютъ съ зерномъ, которое сѣють. Это предохраняетъ отъ порчи колосья.

Кути наканунѣ Новаго года и Богоявленія не имѣють та- кой восторженной вѣры въ гаданья.

Наканунѣ Богоявленія до вечерняго освященія воды соблю- дають строгій постъ, и даже во время куцѣ вѣтъ того обилія яствъ и питья, которыя необходимы наканунѣ Рождества. При освященіи воды римско-католическаго исповѣданія, освя- щаютъ и мѣлъ, которымъ надписываютъ надъ всѣми дверьми, не только въ домѣ, но и прочихъ строеніяхъ, три буквы: С + М + В +, т.-е. три первыя буквы именъ волхвовъ, при- бывшихъ на поклоненіе Христу (Caspar, Melchior, Baltasar). Водюю же окропляютъ жилье, анбары, сараи и другія строенія. Надписи эти и окропленіе сохраняють здоровье и защищаютъ отъ чаръ. Мѣлъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство, съ виномъ, отъ желудочной боли.

ж.) *Каляды*. Подъ этимъ словомъ крестьяне разумѣють

рождественскіе праздники. Это же слово означаетъ все съѣстное, даримое священнику, посящающему крестьянъ въ это время. Наконецъ калядой называютъ даръ, которымъ надѣляетъ хозяинъ своего наемнаго работника (паробка), оставляющаго въ это время службу; даръ этотъ состоитъ обыкновенно изъ одного большаго хлѣба, окорока и пары колбасъ.

Откуда происходитъ слово *коляда*? Нѣтъ ли связи съ языческимъ славянскимъ идоломъ *ляда*? У Литовцевъ праздникъ *Ляды* происходилъ между 25 мая и 25 іюня; слѣдовательно, числа эти не совпадаютъ съ праздникомъ коляды. Знаемъ, что и у Славянъ было *Ладо*, или *Лядо*, но не знаемъ, когда оно праздновалось. Славянская *Ладо* была не Венера, какъ думалъ Ломоносовъ, не Марсъ, какъ говоритъ Карамзинъ, но скорѣе *Золотая Баба*, покровительница малютокъ. Знаемъ, что въ Тюрингенѣ *Ладо*, дѣйствительно, была богинею любви, потомъ преобразена въ дряхлую старушку, съ пряжею, а вслѣдъ затѣмъ въ злую вѣдьму, покровительствовавшую волшебству и колдунству. У нашихъ Славянъ праздникъ *Чаровницъ*, какъ мы уже сказали, происходилъ наканунѣ праздника Купалы; слѣдовательно, и это число не соответствуетъ колядѣ. Еще замѣчательно, что до сихъ поръ каждый порядочный хозяинъ считаетъ для себя обязательнымъ кормить съ осени кабана и убить его къ Рождеству. Это убіеніе зовутъ здѣсь: *забиць каляду*, или *забили къ калядзъ*. Нѣтъ ли въ этомъ древнемъ обычаѣ и много вѣковъ повторяемомъ изрѣченіи напominанія жертвоприношенія языческому *Ладо*? *Забиць-ко-Лядзъ*, т.-е. принести въ жертву ко дню *Ляды*. Нѣкоторые хотятъ видѣть происхожденіе слова *коляда* и самый обычай въ польскомъ словѣ *Kolenda*, взятомъ съ латинскаго языка *Calendae*. (*) Дѣйствительно, ксендзы въ это время посящаютъ своихъ прихожанъ, которые дарятъ ихъ по-возможности, и это называется *Xqdz jedzie po kolendzie*, т.-е. ксендзъ ѣдетъ за колядой.

И въ бѣлорусскихъ и въ литовскихъ приходахъ второй день праздника Рождества Христова считается годовымъ сро

(*) У Римлянъ *Calendae* означало первый день мѣсяца. Былъ еще праздникъ *Calendae Martiae*, во время котораго Римлянки разсылали другъ другу подарки.

комъ найма работниковъ (паробковъ — батраковъ). Хозяева и работники рассчитываются въ этотъ день, высказываютъ другъ другу свои обиды и неудовольствія и или мирятся за чаркой водки и заключаютъ новыя условія, или же расстаются. Отъ этого произошла пословица: «На святой Сципанъ каждый сабѣ панъ!»

з.) *Святые вечера или вечеринки.* Со дня Рождества Христова до Богоявленія (*Крещенья*) включительно крестьяне празднуютъ и особенно съ закатомъ солнца ни за что не возьмутся за какую бы то ни было работу; несоблюденіе этого влечетъ за собою неминуемыя несчастія. Ежели же крайняя необходимость заставитъ крестьянина взяться за какую-нибудь работу, онъ, для избѣжанія бѣды, обязанъ на другой день разсѣчь жердь въ своей загорѣди. Во всѣ эти дни по вечерамъ крестьяне собираются по двамъ и проводятъ истинно святые вечера; не пьютъ вовсе или очень мало, поютъ пѣсни, слушаютъ рассказы людей *бывалыхъ*, предлагаютъ одинъ другому *гадки*, пляшутъ подъ скрипку или дуду, называемую *муцанка*. Больше любимая игра въ эти вечера въ орѣхи. Берутъ горсть орѣховъ и предлагаютъ другъ другу угадать, *четное* или *нечетное* число заключается въ пригоршнѣ, говоря: *ци цотъ, ци лишка?* Угадавшій получаетъ эти орѣхи, не угадавшій обязанъ столько же дать выигравшему. Въ это же время работники и работницы, получившіе годовую плату отъ хозяевъ, пируютъ въ корчмахъ, и не такъ воздержно, какъ по домамъ, въ деревняхъ. Бѣдные труженики съ непостижимымъ хладнокровіемъ и безпечною въ нѣсколько дней пропиваютъ иногда годовую заработокъ. Вечера эти называются *игрищами* и лишены названія святыхъ вечеровъ.

и.) *Праздникъ св. Троицы* празднуютъ четыре дня. Дома внутри и снаружи украшаютъ березками. Скотинѣ, особенно коровамъ, рога украшаютъ цвѣтами.

Ночью передъ днемъ Сошествія Святаго Духа молодежь изъ цѣлой деревни собирается на лужокъ, раскладываютъ огонь, жарятъ яичницу, пьютъ и танцуютъ. Это называется пиршествомъ для пастушковъ и пастушекъ, которые приглашаются на эту забаву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ночью передъ днемъ Св. Троицы такимъ же образомъ проводятъ

всю ночь, поцелушки, т.-е. присматривающіе за лошадьми ночью.

і.) Въ *Вербное Воскресеніе* стараются какъ можно ранѣе встать, и заранѣе приготовленною вербою будятъ спящихъ, приговаривая: «не я быю — верба бьецъ, за тыдзень вяликъ дѣнь!» Въ-особенности достается дѣвушкамъ, и многія изъ нихъ всю ночь не спятъ, боясь сердечнаго изліянія вербою ухаживающихъ за ними.

к.) *Свѣтло Христово Воскресеніе* празднуютъ крестьяне съ особенною торжественностію. Источенное постомъ, строго соблюдаемымъ, каждое семейство изъ послѣдняго старается состряпать *свѣтцонное*, состоящее изъ кулича, сыра, яицъ, окрашенныхъ красною краскою, колбасъ, ветчины; все это укладываютъ въ особыя *коробки* и ночью отправляются въ ближайшую церковь, или костелъ, ярко освѣщенный, а иногда обставленный зажженными смоляными бочками. Съ разсвѣтомъ начинается всенощная, по окончаніи которой священникъ освѣщаетъ *свѣтцонное*; крестьяне съ радостію возвращаются домой, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и собираются по домамъ разговляться. Хозяйка рѣжетъ яйцо на мелкіе кусочки и подаетъ каждому изъ присутствующихъ; потомъ уже приступаютъ къ мясному. Празднуютъ четыре дня, и четвертый день называютъ *людовымъ*. Любимое занятіе въ это время—бить и катать яйца съ лубковъ. Игра эта у многихъ дѣлается азартною и иногда доводитъ до ссоры. Во многихъ мѣстахъ устраиваютъ качели; эта забава считается весьма полезною, ибо участниковъ ея будто бы освобождаетъ отъ нападений комаровъ во все лѣто. Качели и катанья яицъ продолжаются по воскресеньямъ до св. Георгія (т.-е. 23 апрѣля). Въ первые два дня праздника молодежь расхаживаетъ по улицамъ, и передъ домомъ поютъ священные пѣсни, иногда съ музыкою, т.-е. скрипкою, балалайкой, или дудой. Хозяинъ приглашаетъ ихъ въ домъ и подчуетъ свѣтцоннымъ.

л.) Въ день *Всѣхъ Святыхъ* (въ первое воскресенье послѣ Сочествія Св. Духа, по римско-католическому обряду—праздникъ св. Троицы) крестьяне послѣ обѣдни цѣлыми семействами отправляются съ виномъ и закусками осматривать свои посквы, обѣдаютъ и подчуютъ другъ друга, гдѣ-нибудь на лугу возлѣ жита, потомъ отдыхаютъ, опять обходятъ свои

поля, разсуждая о будущей жатвѣ, и такъ проводить время до вечера.

м.) *Лекарства и леченія.* Крестьяне какъ литовскаго, такъ и кривичанскаго племени не жалуютъ докторовъ и охотнѣе получаютъ совѣты отъ своихъ *знахарей и знахарокъ*. Еще большимъ почетомъ пользуются доктора *крестьяне* (*) и *ясновидящіе*, къ которымъ за совѣтами обращаются многіе и изъ высшаго сословія. Дѣйствительно, было нѣсколько докторовъ изъ крестьянъ, почти неграмотныхъ, которые лечили съ большимъ успѣхомъ отъ всякихъ болѣзней исключительно виномъ или водою, смѣшанными съ травами. Ясновидящіе рѣдки; но есть и теперь одна въ Ошмянскомъ уѣздѣ, женщина среднихъ лѣтъ, здоровая и румяная. Въ припадкахъ ясновидѣнія она подвергается умышленнымъ или дѣйствительнымъ — Богъ ее знаетъ — страшнымъ судорогамъ и съ закрытыми глазами узнаетъ каждаго посѣтителя, угадываетъ его болѣзнь, прописываетъ лекарство, состоящее обыкновенно изъ травъ и растений, а притомъ велитъ *закупить* нѣсколько обѣденъ и молебновъ, наказываетъ постъ и т. п., нѣкоторымъ читаетъ правоученія и совѣтуетъ исправить нравственность. Слава о ней разошлась всюду, особенно между крестьянами. Было нѣсколько извѣстныхъ случаевъ, въ которыхъ она, дѣйствительно, оказывала пособія, и, притомъ, больнымъ, признаннымъ совершенно неизлечимыми. Знахари и знахарки пользуются преимущественно *троянкою*, т.-е. грѣтымъ виномъ, съ примѣсью глины, мѣлу, перца и коровьяго масла, или же настоянкою изъ травъ. Нѣкоторые употребляютъ при этомъ заклинанія и какія-то непонятныя слова. Для примѣра, передаю слѣдующій случай: въ Лидскомъ уѣздѣ, у одного молодаго человека разболѣлась рука. Позвали знахарку изъ деревни Стучики. Она объявила, что въ рукѣ совокупились три болѣзни: *волосникъ*, *огникъ* и *мангана*, и взялась вылечить. Послѣ заката солнца она взяла нѣсколько колосьевъ ржи, связала ихъ и приложила къ больной рукѣ, потомъ стала обливать теплою водою, объявивъ, что это значитъ *вылить волос-*

(*) Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Саргунасъ*, жившій въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, вблизи мѣстечка Лабонаръ. Онъ умеръ, въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

мкѣ. Далѣе она сожгла три лучины, уголья разломилла на три ровныя части, взяла изъ одного нѣсколько угольевъ, раскалала ихъ и стала вертѣть надъ рукою, не дотрогиваясь ея и что-то нашептывая, а потомъ бросила въ воду; затѣмъ взяла уголья изъ второй кучки, уже не раскаленные, а потомъ изъ третьей и тоже вертѣла вокругъ руки, а потомъ бросила въ воду. Это, по ея словамъ, значило *изгонять огникъ*. Далѣе знахарка зажгла на камелькѣ соломѣ, выдернувши нѣсколько прутьевъ изъ вѣтника, согнула ихъ въ-видѣ крючковъ и, посадивъ большаго передъ огнемъ, велѣла спрашивать: *што дѣяешь?* она отвѣчала: *мангану*, и при этомъ рвала крючекъ надъ рукою и бросала въ огонь, при чемъ больной долженъ былъ повторять: *дѣяри добра, кабы не балъла*. Такимъ-образомъ, она разорвала нѣсколько крючковъ. Всю эту сцену повторила знахарка во второй разъ предъ восхожденіемъ солнца и потомъ въ третій, послѣ заката. Почти тотчасъ послѣ совершенія этого третьяго обряда появилось въ больной рукѣ отверстіе, чрезъ которое вышла матерія, и рука стала совершенно здорова.

Вотъ нѣкоторые домашніе способы деревенскаго леченія, преимущественно у Литовцевъ: *беременнымъ женщинамъ* даютъ пить мелко истолченный яantarъ, велѣтъ проглотить живую пчелу, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, выпить мочу жеребца. Желудокъ обкладываютъ зелеными березовыми листьями.

Отъ задержанія мочи даютъ пить вишневую кору.

Отъ вередовъ дѣлаютъ слѣдующее всѣми испытанное лекарство. Берутъ шесть луковокъ, мелко искрошенныхъ и раздробленныхъ, чтобы составляли одну массу; къ этому прибавляютъ мыла простаго величиною съ луковинку и чайную ложечку чистаго меда или патоки, и прибавляютъ еще весьма немного ржаной муки; изъ всего этого образуется пластырь, который и прикладываютъ къ больной рукѣ.

Отъ колотья даютъ рюмку вина съ солью.

Рану обкуриваютъ дымомъ отъ зажженнаго холста. Рана тотчасъ заживаетъ.

Отъ колтуна даютъ пить въ-продолженіе двухъ недѣль декоктъ изъ растений, называемыхъ *Susirajt plankis* — волонита-бабимуръ (?); потомъ даютъ пить въ-теченіе трехъ дней

цвѣтъ *Rajna-Taros*. Колѣнѣ отстаютъ, и его подстригаютъ. Полагаютъ также весьма полезнымъ ѣсть жареное мясо ежа.

Отъ временной глухоты вливаютъ въ ухо мочу зайца или кападутъ жареный лукъ.

Кровотеченіе останавливаютъ прикладываніемъ паутины.

Обжогомъ лечатъ мелко истертый картофель.

Отъ головной боли прикладываютъ мокрый песокъ, вынутый изъ колодезя или изъ озера.

Отуречный разсолъ способствуетъ пищеваренію.

Отъ укушенія змѣи даютъ пить зелье, называемое здѣсь венжовникъ *Poligonum Bisterta*, мелко искрошенное съ сладкимъ молокомъ. Также, а равно и отъ укушенія бѣшеной собаки или скотины берутъ кость отъ ноги вола, пережигаютъ ее и капаютъ въ глиняный сосудъ, потомъ одну сторону или кусокъ кости выглаживаютъ и прикладываютъ къ израненному мѣсту; она тотчасъ прильнетъ, какъ магнитъ, къ ранѣ и держится нѣкоторое время, а потомъ сама отпадаетъ. Тогда ее бросаютъ въ молоко, а къ ранѣ прикладываютъ другую кость, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока кость не станетъ прилипать къ больному мѣсту. Прокладываютъ еще въ такихъ случаяхъ лягушку, пополамъ разорванную, засыпаютъ рану нюхательнымъ табакомъ, поливаютъ виномъ и молокомъ.

Отъ лихорадки даютъ вино, смѣшанное съ муравьинымъ сокомъ.

Отъ насморка нюхаютъ потъ спрочмежъ пальцевъ на ногахъ.

Отъ разслабленія желудка и отъ кровавыхъ поносовъ даютъ пить настой отъ ягоды черницы (*midanes*) или же берутъ грибы, называемые мухоморами (*masmiges*), сушатъ ихъ, потомъ трутъ въ порошокъ, на который наливаютъ вино, и, продержавъ въ которое время на солнцѣ, даютъ пить больному.

Всѣ эти лекарства менѣе или болѣе приносятъ пользу; но въѣра въ нихъ простолюдиновъ глубокая, и въ глазахъ ихъ они лучше всякихъ медицинскихъ средствъ. Въ тѣхъ однако мѣстностяхъ, гдѣ помѣщики содержатъ восточныхъ докторовъ, истинное знаніе скоро получаетъ перевѣсъ надъ предрасудками, и крестьяне охотно поддаются совѣтамъ медика.

Не только знахарамъ извѣстны симпатическія лекарства, но почти въ каждомъ приходѣ есть свои тайны, какъ заговора-

ривать и лечить отъ разныхъ болѣзней людей и скотъ. Вотъ нѣкоторые способы: отъ укушенія змѣи надобно нѣсколько разъ произнести слѣдующія слова безъ всякаго значенія, но имѣющія магическое дѣйствіе на болѣзнь: *Kota, rota, data, baszalyk, adyk, psyk, cik*. Повторяя второй разъ эти слова, начинаютъ отъ послѣдняго, т.-е. цикъ, псыкъ и т. д. Литовцы заговариваютъ еще слѣдующими стихами:

Karalan lipsnatās,	Огненный король,
Givaczin Wieszpatas,	Галинь господинь!
Zwilgtelek akieli,	Взгляни очкомъ
Pasava karaneli:	Изъ-подъ твоей короны.
Zalcziun karalu,	Король ужей!
Alimk žundeli	Сними жало
Nu to (tos) vargdineli.	Съ этого (съ атой) бѣднѣи.

Чтобы усмирить боль зубовъ, надобно дотронуться къ болящему зубу зубомъ, вынутымъ у покойника. Для предупрежденія же этой боли носить на шеѣ или на рукѣ красный бумажный шнурокъ, повязанный 27 узелками. Приготовленіе этого шнурка возлагается на старшаго или младшаго изъ дѣтей. Дитя беретъ шнурокъ въ аршинъ длиною, дѣлаетъ на немъ 27 узелковъ и начинаетъ считать отъ 9—1, т.-е. 9—8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и такъ три раза, пока не составитъ число 27. Каждый разъ ребенокъ долженъ сосчитать 9 узелковъ не переводя духъ.

Для предупрежденія отъ заразной болѣзни скота, отрѣзываютъ ножницами у каждой скотины кусокъ лѣваго уха, потомъ всѣ эти кусочки складываютъ въ чистый горшокъ и прячутъ гдѣ-нибудь въ избѣ, такъ чтобы никто не зналъ, кромѣ того, который спряталъ.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы усыпить ребенка, даютъ пить маковое молоко. Это имѣетъ самыя вредныя послѣдствія на умственные способности, ибо ребенокъ дѣлается тупымъ и вялымъ.

Народныхъ увеселеній, плясокъ, пѣсенъ литовскаго племени мы не станемъ повторять, ибо все это подробно описано въ вышепомянутой статьѣ П. В. Кукольника. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ увеселеніяхъ славянскаго племени. Кромѣ *дожжинокъ, святыхъ вечереи, каланды, купалы*, народъ празд-

нуетъ на свадьбахъ и крестинахъ, по воскресеньямъ и въ другіе храмовые и праздничные дни.

5) Увеселенія заключаются въ болѣе въ обыкновеннаго употребленіи пищи и питій, т.-е. вина, иногда пива, въ пляскахъ и пѣсняхъ. Болѣе извѣстная здѣсь пляска называется *женидѣба цярешка*. Она заключается въ слѣдующемъ: молодежь становится по одну сторону, а дѣвушки и замужнія и даже пожилыя по другую. Изъ среды женщинъ избираютъ одну, болѣе ловкую, и называютъ ее *сватѣй-матерью*. Она выбираетъ одного изъ мужчинъ, беретъ его за руку и проходитъ съ нимъ по цѣлой линіи возлѣ дѣвушекъ, ломаясь и приплясывая подѣ тактъ слѣдующей пѣсни, которую сама поетъ:

Цярешка волочица;
Яму жаница хочеща;
Волочица, выглядаиць,
Кого то іонъ паймаиць?

На это дѣвушки отвѣчаютъ хоромъ:

Цярешка, цярешечка.
Цѣрезъ боръ дорожичка,
Битая, тапаная.
Я у мамки коханаая.

Такимъ-образомъ, проходятъ возлѣ женщинъ нѣсколько разъ; а потомъ мацъ-свацья избираетъ одну дѣвушку и отдаетъ ее своему кавалеру. Пара эта идетъ плясать подѣ напѣвъ матери-свадьи:

Цярешка волочиўся,
Даўжешъ іонъ ажаніўся,
А узяу дѣвушку пригожую,
Хоць кулы, такъ гожую.

На это отвѣчаетъ хоръ дѣвушекъ:

Цярешка, бида стала.
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подѣ гаемъ зиланѣнкимъ,
Чи ня съ казакомъ молодѣнкимъ?
- Ой, гожая, пригожая,
Зрабила нягожая!

Маць-свацьа защищаеь избранную дѣвушку, напѣвая.

Ци спала, ци ня спала,
Тольки тая слава стала,
Яна съ казакомъ гукала,
Про дорожиньку пытала,
Про дорожиньку, про оцѣжку,
Какъ знайсци свойго цярешку.

Въ это время танцующая пора останавливается въ началѣ ряда мужчинъ и женщинъ, образовавъ такимъ-образомъ первую пару; а между-тѣмъ *маць-свацьа*, приплясывая, выбираетъ другаго мужчину и такимъ же образомъ поступаетъ, какъ съ первымъ. Обрядъ этотъ совершается до тѣхъ поръ, пока она всѣхъ не переженить и изъ двухъ рядовъ насупротивъ стоявшихъ мужчинъ и женщинъ образуетъ пары. Тогда пары эти немного раздвигаются, давъ небольшой проходъ, по которому проплясываетъ первая пара. Дойдя до конца шеренги, мужчина вдругъ бросаетъ дѣвушку и прячется отъ нея, а она его отыскиваетъ. Въ ловкихъ приемахъ во время этихъ преслѣдованій молодежь старается выказать свое искусство. Такимъ образомъ поступаетъ каждая пара. Все это совершается подъ слѣдующій напѣвъ :

Ой, найду я на гародзѣ (*огородѣ*),
На дзѣвочкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи,
Милаго шукаючи.

Неуцѣкай, мой дзѣдзичка,
Неуцѣкай лябедзичка!

Я вымаю кашуличку (*рубашку*),
Я свайму татуличку,
Тонкую, тоненькую
Бялинку, бялинскую!

Неуцѣкай... и пр.

Ой, съ рубковымъ рукавомъ
Назавуць цябѣ панкомъ,
Ой, съ чарвонымъ каўнерчыкомъ (*воротникомъ*)
Назавуць цябя жаўнерчыкомъ.

Неуцѣкай... и пр.

Пойду жъ я у жоночекъ пытаци,
Якъ гѣту кашульку дай прапи,

Якъ гѣту кашульку дай прапи,
Якъ яѣ дай у валичкахъ качапи.
Неуцѣкай... и пр.

Потомъ тоже дѣлается съ дѣвушками, которыя, каждая по-очереди убѣгается; а парни ихъ догоняютъ. При этомъ поютъ:

Дѣвочки пралѣсачки,
Найдзиця на арѣшачки,
Ой, найдзиця вы сами,
Спаткацися (*встрѣтитесь*) съ воўками.

Няуцѣкайцѣ же, дѣвочки,
Няуцѣкайцѣ же, пташечки!

Або вы заблудзицѣ
И арешки пагубицѣ,
Або васъ што спугаицѣ,
Ня нужда дай сердца маицѣ!

Ня уцѣкайцѣ и пр.
Дѣвочки, шаху, шаху,
Што у вашимъ мяху, мяху?
Шпилички (*булавки*), иглоочки,
Залатыя парсціоначки (*кольца*).

Ня уцѣкайцѣ и пр.
Иголоочки на хусточки (*платочка*),
Шпилички на устужечки (*ленточки*),
А парсціоначки къ вяселійку (*свадьба*).
Утуію, што будзицѣ надѣўлиньку.

Ня уцѣкайцѣ и пр.
А паждзицѣ, ня уцѣкайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Добрымъ слоўкомъ повитайцѣ!
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Пляска эта и пѣніе сопровождаются, если есть возможность, скрипкой или *дудой-мацянкой*.

Падушечка. Въ этой пляскѣ всѣ мужчины и женщины взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, пропляшетъ съ нею нѣсколько разъ, поцалуетъ и броситъ въ кругъ, а самъ соединится съ хороводомъ. Дѣвушка, въ свою очередь, избираетъ любого и т. д. Въ это время поютъ:

Падушечка, падушечка,
Дай ты пуховая!
Молодушка, молодущка,
Дай ты молодая!

Каго люблю, каго люблю,
Таго папалую,
Пуховую падушечку.
Таму падарую!

Еще любимая пляска здѣшняго простаго народа *мятелица*. Собираются въ пары, берутъ въ руки *мѣхрочки*, т.-е. полотенца, или поясы и становятся въ рядъ. Раздаются музыка и напѣвъ, и въ одно мгновеніе поднимается точная мятелица. Всѣ пары бросаются вдругъ, первая, проскочивъ подъ полотенцемъ, пропускаетъ вторую пару, бросается подъ полотенце третьей, пропускаетъ четвертую и т. д. Все это дѣлается съ неизмовѣрною быстротою и всѣми парами разомъ. Надобно удивляться, какъ стройно, скоро и даже граціозно совершается эта кутерьма.

При этомъ поютъ:

Курыць, вѣиць мятелица,
Чаму старый няженица.
Якъ же яму жаницися?
Усѣ будутъ дзивицися.

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ,
Тогда будзѣць людзямъ снѣхъ!

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта жъ я быў на таку.
— А якъ гэта да-й ня пыль
То адь дзѣўки будзѣць тыль.

Охъ, охъ, аха-хо!
Гэта жъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго у танецъ павядзіомъ?

Охъ, охъ, аха-ха,
Гэтажъ на мнѣ да-й мука,
— А якъ яна ня сляциць,
Кто на стараго дай паглядзиць?

Курыць, вѣиць, закурылась.
Мая дзѣўка разавзлалась.
— А якъ же ей не разовлицца
Кали старый да яѣ масцицца?

А хоць старый не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до таво?
Можа я пайду за яво!

Курыць, вѣиць мяцѣлица,
Пеўнѣ (вѣрно) старый оженцицца.
— Ашто каму да таво?
Може я люблю яво.

Главные музыкальные инструменты: скрипка и дуда. Последняя составлена изъ кожаного мѣшка (телячьего брюха) и двухъ деревянныхъ дудокъ, въ него вдѣланныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ извѣстную балалайку. Народные литовскіе инструменты: *вамздисъ* — дудка изъ вербовой коры, *дзиндзинисъ* — толстая лучина, на которую натянута желѣзная струна, *малинка* — дудка изъ глины.

IV. Особенности общественнаго быта.

Однообразенъ бытъ крестьянъ здѣшней губерніи. И Литовцевъ и Кривичанъ роды занятій одинаковы. Годъ году подобенъ. Замѣтками жизни считаются перемѣны владѣльца или управляющаго, неурожай, къ несчастію, часто случающійся и долго, иногда нѣсколько лѣтъ, продолжающійся, — холера, падежъ скота. Всѣ главныя занятія крестьянина можно очертить нѣсколькими строками: зимою молотить хлѣбъ и свозить дерево изъ лѣса; съ началомъ апрѣля начинается обработка полей; подъ конецъ іюня начинается сборъ ржи и сѣна; подъ конецъ іюля, обыкновенно съ св. Ильи (20 числа), считается лучшее время въ году — овцы и амбары полны; въ день св. Варооломея начинается посѣвъ яроваго хлѣба; около св. Николы уплачиваютъ подати. Рождественскіе праздники, съ святыми вечерами и *игрищами*, поглощаютъ остатки запасовъ, и многіе, особенно въ славянскихъ приходахъ, до новыхъ урожаевъ живутъ пособіемъ владѣльцевъ,

а еще чаще Жидовъ , вдовое , или втрое получающихъ за свое даваніе.

Крестьяне Виленской губерніи состоятъ изъ помѣщичьихъ и состоящихъ въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ , т.-е казенныхъ имѣній , поезуитскихъ , ленныхъ и подуховныхъ. Есть еще вольные люди , живущіе на владѣльческихъ земляхъ или при казенныхъ имѣніяхъ. Казенные крестьяне управляются на общемъ основаніи , какъ и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ. На мірскихъ сходкахъ никакихъ особыхъ обычаевъ или обрядовъ нѣтъ. Здѣсь явственно проявляется отличительная черта здѣшнихъ крестьянъ — глубокое повинновеніе своимъ начальствамъ: они избираютъ на этихъ сходкахъ преимущественно въ старшины и прочія сельскія и волостныя должности тѣхъ , которыхъ имъ укажутъ власти.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ никакихъ мірскихъ сходокъ не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ , въ рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы созываютъ старѣйшихъ изъ своихъ крестьянъ и совѣтуются съ ними , какъ пособить обѣднѣвшей *хатѣ* , насчетъ раздѣла семейства , или оказанія общаго пособія. Но и это случается весьма рѣдко.

Глава семейства , хозяинъ дома , пользуется общимъ глубокимъ уваженіемъ въ своей семьѣ. Онъ управляетъ хозяйствомъ безотчетно , и всѣ ему повинуются. Чѣмъ старѣе , опытнѣе и умнѣе отецъ семейства , тѣмъ сильнѣе его власть и вліяніе не только въ домашнемъ быту , но и на всю деревню. Дѣти , при встрѣчѣ съ старикомъ , цѣлуютъ ему руку. Разумѣется , что этимъ общимъ уваженіемъ пользуются только такіе старики , которые извѣстны безъукоризненнымъ поведеніемъ и отличаются не только нравственными качествами , но и умомъ. Прежде , рассказываютъ , водился особый обычай наказыванія воровъ , по суду стариковъ изъ цѣлой деревни , безъ участія владѣльца , или двороваго управленія. Изобличеннаго въ воровствѣ ведутъ , при стеченіи цѣлаго населенія деревни , къ первымъ воротамъ крайней въ деревнѣ хаты , кладутъ передъ воротами и даютъ одну розгу , читая , между-тѣмъ , нравоученія дѣтямъ и молодежи , чтобы примѣръ этотъ возбудилъ въ нихъ презрѣніе къ преступнику ; потомъ цѣлой процессіей слѣдуютъ къ другимъ воротамъ , передъ которыми даютъ опять одинъ ударъ и такъ далѣе , пока не обойдутъ

всѣхъ дворовъ въ деревнѣ. Увѣряютъ, что это отеческое наказаніе имѣло сильное вліяніе на исправленіе нравственности крестьянъ; а благоразумные помѣщики нисколько этому не препятствовали, даже поощряли. Замѣчательно, что гдѣ судъ надъ провинившимся предоставляется самимъ крестьянамъ, какъ это еще и теперь водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наказаніе всегда строже, нежели какое бы придумалъ самъ помѣщикъ. Матери семействъ состоятъ въ полномъ повиновеніи главѣ дома, хотя бы ими были сыновья ихъ; впрочемъ, онѣ имѣютъ вліяніе на свое семейство, но не вмѣшиваются въ распоряженія имуществомъ и заработками семьи. Дома мать или жена полная хозяйка; она сама, пока позволяютъ силы, готовитъ пищу, моетъ бѣлье, а когда наступитъ старость, въ этомъ отношеніи надзоръ ея не прекращается до гроба. Общественнымъ же уваженіемъ старухи не слишкомъ пользуются.

Кромѣ обыкновенныхъ дней, такъ-называемой барщины, исполняемой крестьянами по инвентарному положенію, или по принятому обычаю (отъ 3 до 5 дней въ недѣлю), всѣ безъ исключенія крестьяне обязаны еще нѣсколько разъ въ году собираться на работы къ помѣщику. Такіе сборы, сверхъ обыкновенной барщины, называются *гвалтами*. Въ условіяхъ объ отдачѣ имѣнія въ арендное содержаніе, между-прочимъ, включаютъ: крестьяне обязаны исполнять столько-то дней барщины въ недѣлю и, кромѣ-того, столько-то дней *гвалту* въ году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто *гвалтовъ*, установлены дни *ласки*, т.-е. будто бы крестьяне добровольно идутъ работать сверхъ барщины. Крестьяне говорятъ, что *ласки* хуже *гвалта*, потому-что число *гвалтовъ* опредѣленное, а отъ дней *ласки* нельзя отказаться.

V. Умственные и нравственные способности и образование.

Отличительныя, характеристическія черты нравственныхъ свойствъ какъ Славянъ, такъ и Литовцевъ въ здѣшнемъ краѣ составляютъ: смиреніе, набожность и необыкновенная любовь къ родинѣ. Въ послѣднемъ отношеніи Литовцы даже превосходятъ своихъ сосѣдей. У нихъ любовь къ мѣсту рожденія составляетъ нѣчто религіозное; были примѣры, что отлучен-

ные изъ родины подвергались тяжкимъ болѣзнямъ, а иногда и самой смерти. Единственный порокъ здѣшнихъ жителей — излишнее употребленіе горячихъ напитковъ. Грустный, молчаливый, нерѣдко голодный, крестьянинъ здѣшній въ винѣ топить всѣ свои горести, хлопоты; гарѣлка единственное его утѣшеніе, и, когда вспомнимъ совершенную необразованность, всякаго рода лишенія, не будемъ слишкомъ строги къ этому пороку, особенно, ежели еще вспомнимъ, что, по прежнимъ обычаямъ, въ-теченіе многихъ лѣтъ, Евреи служили непреодолимыми и страшными проводниками къ развращенію народа. Евреи, изъ рода въ родъ, наслѣдственно арендовавшіе корчмы у помѣщиковъ, съ удивительною ловкостію опутывали бѣдныхъ крестьянъ своею дьявольскою паутиною. Еврей былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ, руководителемъ и благодѣтелемъ крестьянина. Онъ его поилъ круглый годъ въ долгъ, записывая двойнымъ меломъ, онъ ему давалъ и наличныя деньги въ крайнихъ случаяхъ; а результатомъ этихъ благодѣній было то, что у крестьянина не оставалось ровно никакого имущества: все принадлежало опекуну-Еврею, или состояло въ его распоряженіи. Крестьянинъ не смѣлъ продать домашняго приплодка, ни даже собранной ржи и яроваго, потому-что Еврей впередъ заторговывалъ, или получалъ по расчету даже будущіе урожан. Разумѣется, что это ужасное зло существовало у такихъ только владѣльцевъ, которые, ведя безпорядочную и расточительную жизнь, и сами были менѣе или болѣе въ подобной зависимости отъ Жидовъ. Благодаря рѣшительнымъ и благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, зло это примѣтно уменьшается. Евреи не содержатъ уже корчемъ по деревнямъ, а ежели и содержатъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно, то не могутъ дѣйствовать съ прежнею свободою, опасаясь быть изобличенными. Но главною мѣрою къ искорененію или, по крайней-мѣрѣ, значительному уменьшенію пьянства было введеніе акцизной системы съ 1850 года. Изъ числа 639 винокуренныхъ заводовъ и 4,522 питейныхъ заведеній для раздробительной продажи питей, существовавшихъ въ 1849 году, до введенія акцизной системы, нынѣ (въ 1855) считается 298 винокуренныхъ заводовъ и 2,150 питейныхъ заведеній.

Воровство, буйство, разбой, смертоубійства между крестья-

нами весьма рѣдки. Преступленій противъ вѣры почти не бываетъ. Нравственность здѣшнихъ жителей зависитъ преимущественно отъ направленія и личныхъ нравственныхъ достоинствъ владѣльца и приходскаго священника. Нерѣдко встречаемъ селеніе или и цѣлый приходъ, гдѣ крестьяне живутъ достаточно, пользуются отличнымъ общественнымъ мнѣніемъ, гдѣ нѣтъ ни воровъ, ни пьяницъ. Въ такихъ случаяхъ можно впередъ ручаться, что помѣщики и священникъ этого прихода глубоко понимаютъ свое высокое призваніе. Народъ здѣшній еще дитя въ-отношеніи умственнаго развитія, но воспримчивъ, склоненъ къ подражанію, и трудно вообразить, какъ заразительны здѣсь примѣры дурнаго и какъ легко прививаются сѣмена добраго. Умный, благородный священникъ, съ самоотверженіемъ посвящающій всѣ свои часы своей паствѣ; вникающій въ ея нужды, подающій добрые совѣты, а притомъ отличающійся и личнымъ безукоризненнымъ поведеніемъ, можетъ руководить крестьянами, какъ дѣтьми, потому-что глубина ихъ прекрасна и Господь надѣлилъ ихъ высокими достоинствами: кротостію, набожностію, любовію роднаго края!

Надобно еще замѣтить, что вообще положеніе крестьянъ среднихъ помѣщиковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, гораздо лучше крестьянъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ тысячами душъ, разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ. И неудивительно: первые управляютъ сами, а послѣдніе болѣею частію отдають свои имѣнія въ арендное содержаніе, а арендаторы рѣдко заботятся объ улучшеніи быта крестьянъ! И здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія; но, къ несчастію, они еще немногочисленны. Въ наше время молодой гр. Т., милліонеръ, посвятилъ все свое время и огромные доходы улучшенію положенія крестьянъ. Болѣшая часть ихъ переведены на оброкъ, удобрены поля, осушены луга, проведены отличныя дороги между деревнями, построены новыя, чистыя, красивыя, съ трубами избы; дано вспомошествованіе болѣе нуждающимся. Въ имѣніяхъ недавно умершаго гр. Гинтера крестьяне давно приведены въ самое удовлетворительное положеніе, а что еще удивительнѣе въ здѣшнемъ краѣ — болѣшая часть ихъ грамотны, многіе отличные ремес-

ленники и агрономы. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать и еще нѣсколько.

Грамотность далась болѣе Литовцамъ, нежели Славянамъ. Между первыми почти половина умѣетъ читать (по-литовски) и съ молитвенниками отправляется въ костѣлы. Но этимъ болѣею частію и ограничивается ихъ грамотность. Писать рѣдкіе умѣютъ. Между Славянами, грамотныхъ почти нѣтъ, — развѣ изъ дворовыхъ людей. Училища по деревнямъ не существуютъ. Литовцы грамотѣ учатся дома, или у ксѣндзовъ.

Изъ мѣстностей, къ которымъ привиты насмѣшливыя пословицы, извѣстенъ одинъ Ошмянскій уѣздъ; но это относится болѣе къ шляхтѣ, нежели къ крестьянамъ. Про неуклюжаго, грубаго въ обращеніи говорятъ: *ошмянскій шляхтичъ!* Ежели же кто сдѣлаетъ что-либо неприличное, говорятъ: *вотъ сморгонская полиціка!* или *сморгонскій академикъ!* Пословицы эти весьма древнія. Жители Ошмянскаго уѣзда, вѣроятно, искони были извѣстны своею неуклюжестью и снискали въ этомъ отношеніи извѣстность въ цѣлой Литвѣ; а въ Сморгоняхъ, мѣстечкѣ, расположенномъ въ томъ же уѣздѣ, въ прежнее время было училище, основанное князьями Радзивиллами, въ которомъ получали *образованіе* — медвѣди. Училище это называли въ шутку Сморгонской Академіей.

Раскольниковъ здѣсь около 7,000. Они живутъ въ Литвѣ со времени Петра Великаго, многіе имѣютъ собственныя земли и дома въ городахъ; они весьма привержены къ своему исповѣданію. Отъ Литовцевъ заимствовали они любовь къ мѣсту рожденія. Къ сожалѣнію, между ними попадаетса много воровъ, а нерѣдко и разбойниковъ.

VI. Народныя преданія и памятники.

Народныя преданія и памятники, пѣсни, поговорки, пословицы, во множествѣ сохранившіяся въ здѣшнемъ краѣ, служатъ явнымъ проявленіемъ народной понятливости и умственного развитія. Иногда невзначай высказанное крестьяниномъ мнѣніе доказываетъ глубокую опытность и знаніе жизни; въ другой разъ кстати примѣненная пословица или поговорка невольно приводятъ въ удивленіе. Откуда, кажись, въ этомъ грубомъ, бѣдномъ самоотверженникѣ столько простаго

ума и сноровки? Бѣлоруссовъ и Литовцевъ намъ вообще стараются представить тупоумными, почти бессмысленными. А послушайте, какъ они кстати ввернуть вамъ острое слово, какъ, при всей покорности и, какъ-будто нарочно, при бранномъ глуповатомъ обращеніи, приведутъ васъ въ краску или заставить замолчать, ненарокомъ сказанною въ разговорѣ, пословицею, съ дѣтства заученною и ко всякому случаю весьма удачно примѣняемою. Надобно еще прибавить, что, прислушиваясь къ этимъ пословицамъ съ дѣтства, крестьяне привыкаютъ извлекать изъ нихъ мораль въ буквальномъ смыслѣ, съ глубокою вѣрою, и это, разумѣется, часто имѣетъ дурныя послѣдствія. Они убѣждены: *что долъгъ заставляеть обманываеть, а голодъ воровать, что плохой воронъ, когда изъ рукъ выпускаеть добычу, что гдѣ нельзя перелѣзть, перескочить можно*, и тому подобное. Мы выбрали пословицы, имѣющія двусмысленное и часто вредное значеніе; но представляемое собраніе пословицъ и поговорокъ легко убѣдитъ, что бѣольшая часть ихъ имѣютъ и чисто нравственную цѣль, во многихъ проявляются легкая шутка, глубокое чувство или непреложная истина. Въ такомъ же смыслѣ надобно понимать и пѣсни крестьянъ. Въ нихъ мы найдемъ отпечатокъ ума, чувства, любви къ родинѣ, вѣрный отблескъ горькой судьбы ихъ. Преданія, пѣсни, пословицы и поговорки Литовцевъ въ подробности разсказаны П. В. Кукольниковъ въ упомянутомъ уже нами сочиненіи; а потому здѣсь мы займемся исключительно славянскимъ племенемъ. Славяне Виленской губерніи богаты преданіями, но гораздо бѣднѣе Литовцевъ преданіями историческими и даже мѣологическими; зато почти нѣтъ мѣстности, которой бы не приписывали чего-нибудь чудеснаго и не разсказали про нее какой-нибудь легенды, почти всегда имѣющей нравственное направленіе. Замѣчательно, что всѣ эти легенды разсказываются въ извѣстномъ какомъ-нибудь околodкѣ совершенно одинаково, безъ измѣненія даже собственныхъ именъ. Въ нихъ видно что-то поэтическое, страсть къ чудесному, необыкновенному, во многихъ фантастическіе очерки, а завязка почти всегда поучительная. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ преданій; изъ нихъ можно бы составить цѣлые томы. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Преданіе о камняхъ. Вблизи мѣстечка Курженецъ, въ 9-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Вилейки, на полѣ лежитъ огромный камень, называемый *Гомсинъ*. Крестьяне разсказываютъ, что давнымъ-давно на этомъ мѣстѣ жилъ сапожникъ Гомсинъ. Онъ былъ *философъ*, ни во что не вѣрилъ, не ходилъ въ церковь и не уважалъ праздничныхъ дней. Въ одно Свѣтло-Христово Воскресенье, называемое въ простонародіи *Вяликъ-дзень*, Гомсинъ, понимая значеніе этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, такъ разсудилъ: когда онъ въ будній день можетъ сшить одну пару сапогъ, то въ Вяликъ-дзень онъ долженъ сшить двѣ пары. Объявивъ о своемъ умозаключеніи домочадцамъ и сосѣдямъ, онъ прилежно сталъ работать, подтрунивая надъ ухилившимися въ церковь, что въ то время, когда они понапрасну убиваютъ время, онъ въ тотъ день зарабатываетъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Вотъ народъ валитъ уже изъ церкви, а Гомсинъ все еще сидитъ за работой; но когда поровнялся съ его избой, на ясномъ, лазурномъ небѣ неожиданно явилась чреватая туча, пошелъ дождь, и въ ту же минуту грянулъ громъ въ самую избу Гомсина. Пораженные необыкновеннымъ явленіемъ и ослѣпленные такъ непостижимо блеснувшею молніею, всѣ присутствующіе пали на колѣни и закрыли глаза руками, а когда, успокоенные опять воцарившеюся тишиною, открыли глаза, каковъ былъ ихъ ужасъ, когда удивленные и пораженные ихъ взоры не могли отыскать ни избы Гомсина, ни его самого, какъ-будто никогда не существовавшихъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ была изба, лежалъ большой камень, до сихъ поръ существующій, какъ нѣмой свидѣтель грознаго событія и какъ рѣзкій примѣръ наказанія Господня, за неисполненіе его заповѣдей.... Многіе изъ окрестныхъ крестьянъ глубоко убѣждены, что въ день Свѣтло-Христово Воскресенья, наклонясь къ камню, слышатъ пѣніе пѣтуха и стукъ сапожничьяго молота; но что всего удивительнѣе, какъ увѣрили меня люди, достойные вѣры, что почти каждое лѣто въ камень этотъ ударяетъ громъ, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ во многихъ мѣстахъ потрескался.

Въ этомъ родѣ почти къ каждому большому камню присвоена чудесная легенда. Въ Вилейскомъ уѣздѣ есть еще другой камень, на которомъ будто бы видятъ оттискъ человѣческой ноги. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при большой дорогѣ, веду-

щей изъ Троку въ Ольшаны, есть такой камень съ подобіемъ оттиска человѣческой ноги. Въ Лидскомъ уѣздѣ, Веверскаго прихода, въ имѣніи Іозефово, помѣщика Шишки, при деревнѣ Мейры, на большомъ камнѣ видѣнъ такой же оттискъ; но народъ говоритъ, что это *ступень* Пресвятой Богородицы. Въ Троцкомъ уѣздѣ, въ Козукишскомъ приходѣ, въ имѣніи Миткишки, помѣщика Подгурскаго, на правомъ берегу Вилии, такой же камень съ оттискомъ, также величаемымъ ступенью Божіей Матери. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, за мѣстечкомъ Сморгони, при Минской почтовой дорогѣ, на лугу лежитъ камень длиною пять аршинъ, шириною четыре. Далѣе, за Сморгонями, есть камень еще больше этого, длиною восемь, шириною 6 аршинъ, отъ котораго вблизи находящееся мѣстечко получило названіе *Камня*. Первый изъ этихъ камней, чрезвычайно высокій, служитъ работникамъ оградой отъ вѣтра и зноя во время отдыха; а о послѣднемъ сохранилось преданіе, что будто бы, въ прежнее время, ежели кто положилъ на немъ два золотыхъ (30 коп. серебр.), то, возвратясь домой, найдетъ повѣшенные сапоги, неизвѣстно откуда явившіеся. Въ городѣ Вильнѣ, за предмѣстьемъ Снипишки, по правой рукѣ Вилькомирской дороги, за домами, на полѣ лежитъ нѣсколько камней. Простой народъ увѣряетъ, что, во время оно, какіе-то новобрачные на этомъ мѣстѣ пировали свадьбу неприличнымъ образомъ, пьянствуя, богохульствуя и проч. За это Господь Богъ наказалъ ихъ, превративъ въ эти камни. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ лѣсу имѣнія Клесинъ, помѣщика Коверскаго, находятся три окаменѣлости, изъ которыхъ двѣ похожи на воловъ, а одна на человѣка. Народъ увѣряетъ, что это пахарь съ двумя волами, превращенные въ камни, за то, что пахарь обрабатывалъ землю въ праздникъ Глѣба и Бориса (24 іюля). (*)

(*) Понятіе о наказаніи, за разныя преступленія, превращеніемъ въ камни широко распространено въ Литвѣ и въ западной Руси. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, въ 14-ти верстахъ отъ Несвижа (князя Радзивилла), при фольваркѣ Лозовичи, лежатъ два камня необыкновенной величины и одинъ высокій камень, стоящій въ видѣ статуи, дѣйствительно, немного похожій на человѣческую фигуру. Лежащіе камни тоже были два вола, а стоящая фигура — пахарь, рѣшившійся пахать землю въ первый день Свѣтло-Христова Воскресенія, превращенный за это, вмѣстѣ съ волами,

Слѣдуя изъ Вилейки къ первой почтовой станціи Коостеневичи, по Дисненскому тракту, не доѣзжая до мѣстечка Рѣчки, по правую сторону, указываютъ небольшую долину, про которую существуетъ слѣдующее преданіе. Здѣсь, давнымъ-давно, стояла церковь. Во время обѣдни пріѣхали, уже хмѣльные, женихъ съ невѣстою, и, вмѣсто-того, чтобы ожидать минуты бракосочетанія въ церкви, слушая обѣдню, они стали пьянствовать передъ церковью, на паперти, и предались неистовой оргіи. Когда кончилось богослуженіе и народъ вышелъ изъ церкви, женихъ и невѣста приблизились къ наю; но вдругъ ударилъ громъ, церковь рухнула, земля вздрогнула, отверзла пасть свою и поглотила новобрачныхъ, со всѣми участниками ихъ сумасбродной оргіи.

Подобныя же преданія встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ здѣшняго края, съ небольшими измѣненіями. Слѣдуя изъ мѣстечка Рѣчекъ въ фольварокъ Орпы, при самой дорогѣ видно небольшое озеро. На этомъ мѣстѣ стояла корчма, въ которую, однажды, сошелся народъ на пирушку, въ то время, когда слѣдовало идти ко всенощной, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ. И здѣсь земля разверзлась и поглотила корчму со всѣми преступными. Такое же озеро находится при дорогѣ изъ м. Долгинова въ фольварокъ Микулинъ. Глубина этого озера необыкновенная. Народъ увѣряетъ, что никогда еще не достали дна его, опуская камни, привязанные къ длиннымъ веревкамъ. Иногда только камень этотъ ударяется о что-то твердое, а потомъ опять тонетъ въ глубинѣ. Преданіе говорить, что здѣсь стоялъ костѣль, провалившійся сквозь землю, а на томъ мѣстѣ образовалось озеро, камни же ударяются о башни костѣла. Многіе пригорки на берегу Вилии величаются *чортовыми*. Происхожденіе одного изъ нихъ слѣдующее. Чортъ, разсердясь за что-то на рѣку Вилию, хотѣлъ ее засыпать и для этого несъ большой мѣшокъ съ землею, какъ вдругъ зашѣлъ пѣтухъ: чортъ бросилъ мѣшокъ съ землею и бѣжалъ, а на томъ мѣстѣ образовался пригорокъ.

Каждая почти деревня имѣетъ преданіе о своемъ основаніи. Для примѣра расскажемъ преданіе объ основаніи деревни

въ камни. Въ Гродненскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Котры, вблизи Бершть, находится большой камень съ *чортовой ступеню*.

Цѣрешки, находящейся при дорогѣ отъ почтовой станціи Косцѣневичъ до Кривичъ и принадлежащей помѣщику Коверскому. На этомъ мѣстѣ, давнымъ-давно, былъ непроходимый лѣсъ, прорѣзанный рѣкою Сервечемъ (плыветъ изъ озера того же названія, въ 7 верстахъ отъ м. Ситца, впадаетъ въ Вилію, въ Костыкахъ). Въ лѣсу жильцовъ не было; дикій звѣрь безнаказанно здѣсь господствовалъ и наводилъ ужасъ на окрестныхъ жителей. Вдругъ узнаютъ они, что въ лѣсу явился смѣльчакъ и сталъ терзать лѣсъ, очистилъ себѣ полянку, построилъ избушку, развелъ садикъ, билъ звѣрей, стрѣлялъ дичь и одинъ-одинешенекъ зажилъ на славу. Собразивъ дѣло, крестьяне сочли его *знахаремъ*, т.-е. человѣкомъ, обладающимъ нечистою силою. Никто не зналъ ни рода, ни племени его; со встрѣчными онъ говорилъ привѣтливо, какимъ-то ломанымъ языкомъ и объявилъ, что его зовутъ *Цѣрешкой*. Сначала всѣ чуждались и боялись *знахаря-нелюдима*, но когда замѣтили, что онъ одинъ изъ первыхъ является въ храмъ Божій, а выйдя изъ храма, спрашиваетъ, нѣтъ ли больныхъ въ деревнѣ, да, молясь Богу, вылечилъ нѣсколько человѣкъ, привыкли къ нему, стали уважать его, просить совѣта; а совѣтъ-то всегда былъ умный и полезный. Немного прошло времени со дня переселенія *Цѣрешки*, а онъ уже успѣлъ пріобрѣсть большое вліяніе на всѣхъ окрестныхъ жителей. *Цѣрешка* сталъ ихъ лекаремъ, миротворцемъ, совѣтникомъ, предсказателемъ погоды, урожая, руководителемъ во всѣхъ работахъ. Между-тѣмъ, нѣкоторые крестьяне обѣднѣли, у тѣхъ хижины сгорѣли, у тѣхъ послѣдняя скотина издохла и изба разрушилась. *Цѣрешка* пригласилъ ихъ въ свою усадьбу, пріютилъ, пособилъ, вмѣстѣ съ ними расчистилъ лѣсъ, построилъ хаты, и вотъ образовалась деревушка, жители которой слушались и любили *Цѣрешку*, какъ отца роднаго. Да и какъ было не любить его, когда онъ всякому пособлялъ, мирилъ ссорящихся, присматривалъ за работами, ничего для себя не требуя? Господь Богъ благославлялъ его труды: гдѣ градъ выбилъ поля, гдѣ болѣзнь на скотѣ, гдѣ горячки поглощали людей, а у *Цѣрешки* все благополучно. Народъ сталъ толпами собираться къ *Цѣрешкѣ* и просить пріюта. Такимъ-образомъ, въ непродолжительномъ времени образовалось большое селеніе; а слава о достаточной жизни его жителей, о ми-

рѣ и любви, у нихъ господствующихъ, о трудолюбіи, воздержности разнеслась далеко. Селеніе называли, отъ имени основателя, *Цѣрешки*. Такое общее благоденствіе продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ. Многіе изъ переселившихся уже состарѣлись и поумерли; а *Цѣрешко*, по-прежнему, былъ бодръ и веселъ. Народъ сталъ уже было думать, что онъ безсмертенъ; но пришелъ конецъ и для *Цѣрешки*. Предчувствуя близкую кончину, *Цѣрешка*, нисколько не измѣнившійся въ наружности и, повидимому, совершенно здоровый, созвалъ всѣхъ крестьянъ изъ своего селенія, объявилъ имъ, что умереть черезъ три дня, роздалъ все, что только имѣлъ, бѣднѣйшимъ, оставя себѣ только три небольшіе ломтя хлѣба да кувшинъ съ водою, потомъ всѣхъ расцѣловалъ, со всѣми простился, заперся въ своей избѣ и передъ Распятіемъ Спасителя палъ на колѣни. Облагодѣтельствованные имъ крестьяне были поражены этимъ несчастіемъ. Три дня они не отходили отъ избы *Цѣрешки*, наконецъ на четвертый, утромъ, выломали дверь, вошли въ избу и видятъ, что *Цѣрешка* все еще стоитъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, руки сложены накрестъ, уста сомкнуты улыбкой невиннаго, неподвижный взоръ устремленъ на Спасителя. Въ *Цѣрешкѣ* ужъ не было никакихъ признаковъ жизни. Это несчастіе повергло всѣхъ въ ужасное отчаяніе. Когда пришли въ себя, стали придумывать, какъ бы почтить память почившаго, и рѣшили похоронить его на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался. На похороны собрались жители изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ — разобрали его хату, вырыли яму, похоронили, а надъ гробомъ соорудили часовню и поставили въ ней Распятіе, передъ которымъ умеръ *Цѣрешко*. Вокругъ часовни устроилось потомъ кладбище, гдѣ почили переселенцы *Цѣрешки*. Деревня существуетъ и нынѣ подъ этимъ названіемъ. Часовни давно уже нѣтъ; но старики помнятъ еще кресты на кладбищѣ, перенесенномъ въ другое мѣсто; а память *Цѣрешки* передается изъ рода въ родъ.

Курганы. Цѣлая Виленская губернія усыяна множествомъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Войны Литовцевъ съ Крестоносцами, Меченосцами, Татарами, Шведами оставили здѣсь много памятниковъ. Курганы Виленской губерніи можно раздѣлить на три рода: 1) могилы предъ-христіанскіе, 2) военные курганы и 3) жертвенные. Первые Ли-

товцы насыпали надъ прахомъ умершихъ, вторые составляли укрѣпленіе, или же означали могилы павшихъ на полѣ брани, или наконецъ служили для указанія дороги. Ихъ сыпалъ большею частію непріатель, для того, чтобы означить мѣсто для возврата. Жертвенные принадлежатъ къ временамъ языческимъ: на нихъ приносили жертвы разнымъ богамъ. Жертвенные отличаются отъ прочихъ вышиною и плоскостью на вершинѣ; они всегда стоятъ поодинокѣ на мѣстахъ возвышенныхъ. Точно также, при боевыхъ курганахъ, всегда одинъ въ сторонѣ, возвышеннѣе прочихъ, на видномъ мѣстѣ, полагать можно, сторожевой, чтобы легче замѣтить приближеніе непріателя.

Виленской и Трокскій уѣзды испреплетены курганами, большею частію могильными. Судя по находимымъ въ нихъ предметамъ, большую часть слѣдуетъ отнести къ временамъ набѣговъ Крестоносцевъ, безпрестанно тревожившихъ Литву съ XII до XIV столѣтія, т.-е. до 1410 года, когда мужественный Витовтъ окончательно низвергъ могущество рыцарей. Такіе курганы преимущественно по берегу Нѣмана, въ Трокскомъ уѣздѣ, и отчасти въ литовскихъ приходахъ Лидскаго уѣзда.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи проселочныхъ дорогъ изъ Ошмяны въ Ольшаны и Боруны, разсыяно множество кургановъ по 2, 5, до 10; а вблизи деревни Монтуцишки, гр. Чапскаго, по тракту изъ Ошмянъ въ Кревъ, находится ихъ болѣе пятидесяти. Эти курганы безспорно боевые, ибо имѣютъ форму укрѣпленій и, притомъ, двѣ большія горы, имѣющія въ окружности 500 шаговъ, съ признакомъ глубокаго вокругъ рва, наполненнаго водою. Горы эти весьма явственно созданы рукою человека и, вѣроятно, служили главными укрѣпленіями. Въ этомъ уѣздѣ весьма замѣчательны еще курганы въ Оберновскомъ приходѣ, при трактѣ, называемомъ Русскимъ, вблизи деревни *Копаче* (*). Здѣсь въ 1433 году произошло кровавое

(*) Русскій трактъ шелъ изъ Вильны чрезъ Мѣдники, Ошмяну до Крева, отсюда чрезъ Лоскъ, Городзисловъ, Копаче, Бѣликовичовскій Гродецъ, Заставъ въ Минскъ; отсюда шли два тракта: одинъ чрезъ Несвижъ и Пинскъ въ Луцкъ, а другой чрезъ Игумень, Рогачевъ и Рѣичу въ Кіевъ; съ лѣвой же стороны отъ д. Копаче, чрезъ Груздовъ, Молодечно-Долгинувъ, въ Полоцкъ.

сраженіе между войсками, низвергнутаго Ягайлой съ литовскаго престола Свидригайлы, состоящими изъ держащихся его стороны Литовцевъ и Русиновъ, *Меченосцевъ* и отряда, присланнаго князьями Тверскими, подъ начальствомъ Петра Монтыгердовича, съ войсками в. кн. Сигизмунда Кейстутовича, подъ начальствомъ сына его, князя Михаила Сигизмундовича. Здѣсь рать Свидригайлы была совершенно разбита. Поле, на которомъ разбросаны эти курганы, народъ до сихъ поръ называетъ *Красная уволока*, сохранивъ преданіе, что, послѣ кровопролитнаго сраженія, какой-то заблудшій рыцарь спасенъ былъ крестьяниномъ отъ неминуемой смерти. Рыцарь при этомъ далъ обѣтъ, что, ежели будетъ спасенъ отъ смерти, построить церковь и поставить въ ней икону Божіей Матери, висѣвшую у него на груди. Преданіе вполнѣ оправдывается, ибо одинъ изъ военачальниковъ Сигизмунда, Андрей Саковичъ, намѣстникъ смоленскій, дѣйствительно, въ этомъ же 1433 году основалъ церковь въ Груздовѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ неминуемой смерти (*).

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ м. Курженецъ, въ лѣсу, при дорогѣ въ имѣніи Губы, существуетъ до сихъ поръ цѣлая древняя, земляная крѣпость. Она состоитъ изъ величественнаго городища, которое простой народъ называетъ *Замковой горой*, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ; окружность его 200 шаговъ, высота вала 10 аршинъ; вершину составляетъ плоскость, имѣющая въ ширину и длину 50 шаговъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по правую сторону, на видномъ мѣстѣ стоитъ высокій курганъ, полагать слѣдуетъ, сторожевой, а черезъ дорогу, насупротивъ этого кургана и городища, расположены, на протяженіи полуверсты, въ линію, 83 кургана, по два, по три и по четыре въ рядъ, почти всѣ одинаковой величины. Выборъ мѣста и самое устройство вала и расположеніе кургановъ доказываютъ нѣкоторыя понятія остратегій и планъ защиты обдуманной. Позади кургановъ плыла рѣка Пѣля, нѣкогда судоходная; нынѣ замѣтно только русло ея, и въ немъ иногда еще попадаются полуистлѣвшія части ладей. За сторожевымъ курганомъ начиналась непроходи-

(*) Родовое имѣніе этого Саковича, Лешно, и нынѣ принадлежитъ роду Саковичей, владѣющему имъ слишкомъ четыре столѣтія.

мая пуща, извѣстная подѣ именемъ Губской. Полагать можно, что городище служило главнымъ фортификаціоннымъ пунктомъ; а на курганахъ, вѣроятно, расположенъ былъ отрядъ, защищаемый сзади рѣкою, а съ правой стороны пущею. Къ какой эпохѣ принадлежатъ эти укрѣпленія, съ точностію опредѣлить трудно, но, кажется, что къ временамъ Витовта, ибо въ 10 верстахъ отсюда, на рѣкѣ Узлѣ (впадающей въ Нарочь), есть мостъ, до сихъ поръ сохранившій названіе *Витовтоваго*. Отъ этого моста начинается рядъ могильныхъ кургановъ, числомъ болѣе 100. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были мною разрыты: въ нихъ найдены человѣческія кости, необыкновенной величины, желѣзныя кольца отъ упряжи лошади, а вблизи кургановъ вырыта старинная алебарда, длиною 7 вершковъ 2 дюйма, шириною 5 вершковъ; рукоятка ея 6 вершковъ 2 дюйма. Недалеко отъ этого мѣста, на полѣ имѣнія Каесута, вилейскаго предводителя дворянства М. И. Турадо, вблизи деревни Малмыги, тоже множество песчаныхъ кургановъ, до половины развѣянныхъ вѣтромъ, а въ нихъ множество человѣческихъ костей, такъ-что стоитъ только немножко порыть курганъ, чтобы оттуда посыпались во множествѣ черепы и другія кости, въ безпорядкѣ набросанныя. На одномъ изъ такихъ кургановъ, или, лучше, возвышенностей—ибо форма его совершенно исчезла, но можно судить, что онъ занималъ значительное пространство—найдено мною болѣе 100 плоскихъ, тесаныхъ, разной величины камней, какіе обыкновенно магометане ставятъ на могилахъ. Объ этихъ курганахъ сохранилось слѣдующее преданіе. Татары напали на эту страну и производили страшныя опустошенія: жгли села, грабили храмы, неистовствовали надъ женами, дѣтьми и старцами. Кто могъ изъ жителей, бѣжалъ и скрывался въ лѣсу. Татары стали ихъ вызывать разными христіанскими именами, крича, что Татары уже бѣжали. Поддавшіеся обману гибли въ ужасныхъ мукахъ. Опустошая все огнемъ и мечемъ, Татары приблизились къ берегамъ Вилии, къ деревнѣ Малмыги. На противоположномъ берегу рѣки стоялъ другой значительный отрядъ Татаръ. Господь Богъ ниспослалъ на нихъ слѣпоту, въ наказаніе за неистовство и поруганіе храмовъ Божіихъ. Они не узнали своихъ, вообразили, что это Русины, и стали истрѣблять другъ друга, до послѣдняго. Изъ тѣхъ ихъ обра-

зовались и нынѣ существующіе курганы. Самое названіе деревни, *Малмыга*, несомнѣнно татарское. Надгробные магометанскіе камни, а также преданіе о существовавшей вблизи мечети убѣждаютъ, что здѣсь было татарское поселеніе, — но какъ и когда, опредѣлить трудно.

Въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстахъ, множество кургановъ. Особенно примѣчательны въ двухъ верстахъ за станцію Заборы, при озерѣ вблизи корчмы Короваки.

Въ Лидскомъ уѣздѣ, вблизи имѣнія Шавръ знаменитаго историка Литвы О. Е. Нарбутта, въ разныхъ мѣстахъ разсѣяны курганы, по два и по три. Здѣсь я тоже дѣлалъ поиски и находилъ въ курганахъ человѣческіе черепы, кости, разныя кольца отъ упряжи лошади и серпы, думаю, жертвенные, потому что къ употребленію они никогда не могли быть годными. Величина ихъ въ лукѣ не болѣе 10 дюймовъ. Длина рукоятки 13 дюймовъ. Подобнымъ образомъ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, на полѣ имѣнія Швинты, гдѣ разбросано множество кургановъ, находилъ я цѣлыя лошадиныя остовы, разныя части конской сбруи, такіе же, какъ въ Лидскомъ уѣздѣ, серпы и множество пепла, между которымъ попадались не дожженные человѣческія косточки.

Вообще въ курганахъ Виленской губерніи были находимы слѣдующіе предметы: урны изъ глины, иногда простыя горшки съ пепломъ, смѣшаннымъ съ пескомъ, слезницы изъ стекла, янтара и глины — въ нѣкоторыхъ, особенно янтарныхъ, до сихъ поръ сохранились слезы — каменные молоты, бронзовые сѣкиры и топоры, стрѣлы, дротики, пращи, бронзовые широкіе поясы; разныя женскіе уборы: булавки, съ длинными цѣпочками изъ бронзы, ожерелья, запястья, кольца, браслеты шейные, бронзовые, иногда серебряные и весьма рѣдко золотые уборы. Доказано, впрочемъ, что золото было въ употребленіи въ здѣшней странѣ съ XI столѣтія. Большая часть находимаго оружія слѣлана изъ композиціи, въ составъ которой входили преимущественно желтая и красная мѣдь. Желѣзо попадаетса весьма рѣдко, и имъ болѣею частію украшали рукоятки оружія, слѣланныя изъ бронзы или композиціи.

Городыща. Примѣчательнѣйшія городища въ Виленской губерніи слѣдующія: 1) Въ м. *Эйшишкахъ*, въ Лидскомъ уѣз-

дѣ, занимающее въ объемѣ $2\frac{1}{2}$ морга (*), въ срединѣ котораго воздвигнуть въ послѣднее время телеграфъ. 2) Въ м. *Радунь*, тоже въ Лидскомъ уѣздѣ. Эти два городища принадлежатъ къ древнѣйшимъ въ здѣшней странѣ. 3) Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбакъ-полѣ, близъ имѣнія Костеневъ. Здѣсь въ 1243 г. одержана славная побѣда княземъ Эрдзивиломъ надъ татарскими полчищами подъ начальствомъ Шейбака. На городищѣ деревенское кладбище. 4) На полѣ имѣнія Парадовщижа, въ 7 верстахъ отъ почтовой станціи Красное (въ сторону отъ большой дороги изъ Вильны въ Минскъ), въ Вилейскомъ уѣздѣ. 5) За мѣстечкомъ рѣчки, въ томъ же уѣздѣ, въ лѣсу, окруженное двумя валами, изъ которыхъ второй составленъ изъ большихъ тесаныхъ камней. 6) Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи деревни Коробъ, влѣду изъ Ошмянъ въ Ольшаны, на 16 верстѣ. 7) Въ двухъ верстахъ отъ м. Ольшанъ — обширное городище, которое простой народъ величаетъ *Господнею славою*. 8) Вблизи деревни Монтудишки, въ лѣсу при дорогѣ изъ Ошмянъ въ Крево. 9) Въ одной верстѣ отъ деревни Щепановичъ — городище, называемое Жагіянскимъ. Вышина его 6 сажень. Вершина занимаетъ $1\frac{1}{2}$ морга. 10) Въ м. Крево. 11) Въ м. Лоскъ. 12) Вблизи имѣнія Городилова, князя Оаддея Пузиня, въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Всѣ эти городища окружены рвами. Кромѣ этихъ весьма много пригорковъ, впрочемъ, искусственныхъ, болѣею частію покрытыхъ деревьями. Народъ называетъ ихъ городками, или городыщами.

Развалины замковъ. Подъ именемъ замка мы понимаемъ болѣе и менѣе обширный, укрѣпленный дворецъ, обыкновенно на высокой горѣ построенный. Горы такія сохранили до сихъ поръ названіе замковыхъ; а бывшія на нихъ жилища и укрѣпленія вел. князей и другихъ знатныхъ лицъ всѣ въ развалинахъ.

Вотъ главнѣйшія развалины замковъ въ Виленской губерніи:

1. Въ г. *Вильнѣ*. Здѣсь были два замка: одинъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Вилейки, и назывался *Верхнимъ замкомъ*, а другой внизу, у подошвы этой горы, и назывался *Нижнимъ*

(*) Въ одномъ моргѣ 1,565 кв. сажень.

замкомъ; оба замка соединялись между собою посредствомъ галлерей. Изъ верхняго замка былъ потаенный подземный ходъ, или туннель, выходившій въ Турьи горы, на нынѣшнемъ предметѣхъ Аптоколь. Виленскіе замки основаны вел. княземъ Литвы и Руси Гедиминомъ въ 1322 году. Въ окрестности Верхняго замка былъ при Гедиминѣ языческій храмъ, обращенный при Ольгердѣ въ православную церковь, а при Ягайлѣ въ р.-кат. костѣль св. Мартина, развалины котораго донынѣ существуютъ. Нижній замокъ, съ принадлежавшими къ нему разными строеніями, а также, во времена язычества, храмомъ Перкунаса, основаннымъ здѣсь Гермундомъ въ 1265 году, и жилищемъ верховнаго жреца, или Креве-Кревейты, окруженъ былъ каменною стѣною и назывался *Кривымъ Градомъ* (отъ Креве, т.-е. жилище верховнаго жреца, или отъ русскаго слова кривой). Виленскіе замки были разрушены во время Іоанна-Казимира, въ несчастную для Литвы войну съ Россією (1655—1661 гг.), и болѣе не возстали. Нижній замокъ разобранъ въ 1797 г. Въ Верхнемъ осталась только одна башня, изъ которой въ 1838 г. устроенъ телеграфъ съ деревянною пристройкою. Подъ развалинами костѣла св. Мартина найдено нѣсколько весьма важныхъ для мифологіи предметовъ.

2. *Въ Старыхъ Трокахъ*. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ здѣшней сторонѣ, извѣстное подъ названіемъ *Гургани*, гдѣ имѣли мѣстопребываніе удѣльные князья, изъ рода Довшпрунга. Въ XI столѣтіи войска кіевскаго князя взяли Гургани, построили укрѣпленный городъ и назвали Троки. Здѣсь жили намѣстники кіевскаго князя, для сбора дани отъ подвластныхъ народовъ. По вытѣсненіи Литовцами этихъ намѣстниковъ, старые Троки оставались литовскимъ укрѣпленіемъ, и здѣсь имѣли иногда свое пребываніе князья литовскіе. Въ началѣ XIV столѣтія, Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу изъ Кернова, но не надолго, ибо замокъ совершенно разрушенъ крестоносцами. Этимъ оканчивается исторія Старотрокскаго замка. Нынѣ видно только мѣсто, гдѣ онъ существовалъ; но еще недавно находили здѣсь каменные ядра вѣсомъ до 30 фунтовъ.

3. *Въ Новыхъ Трокахъ*. Послѣ разрушенія замка въ Трокахъ, в. кн. Гедиминъ основалъ два новые замка, въ 3½ вер-

стахъ отъ прежняго: одинъ на берегу озера Гальва, а другой на островѣ того же озера, около 1320 года. Съ того времени, мѣсто это получило названіе Новыхъ Трокъ, а гдѣ прежде былъ замокъ, наименовано Старыми Троками. Здѣсь жилъ в. кн. Гедиминъ, до постройки Виленскихъ замковъ; здѣсь имѣлъ резиденцію храбрый князь Кейстутъ; здѣсь было любимое мѣстопробываніе знаменитаго сына его Витовта, здѣсь же скончавшагося. Троцкіе замки были разрушены и истреблены пожаромъ въ 1655 году; но и самыя развалины, сохранившіяся на островѣ, свидѣлствуютъ о его величій и чистѣйшемъ готическомъ стилѣ XIV столѣтія. До сихъ поръ уцѣлѣли еще два яруса его и главная высокая башня, съ множествомъ круглыхъ отверстій, оконъ и крутою выходящею лѣстницею. Сохранилась даже живопись на стѣнахъ. Кроме того, сохранились двѣ круглыя, величественныя башни, въ окнахъ которыхъ аршина два въ поперечникѣ. Третья башня полуразрушена и сравнялась съ каменнымъ валомъ, окружавшимъ замокъ (*). Отъ другаго замка уцѣлѣли еще двѣ башни, а между ними крутая гора, окруженная рвомъ, съ замѣтными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

4. *Въ Мѣдникахъ*, въ двадцати-восьми верстахъ отъ Вильны, по Ошмянскому тракту. Это была древняя лѣтняя резиденція князей литовскихъ. Здѣсь часто проживалъ в. князь Ольгердъ, съ своею супругою Іудіанією. Нынѣшнія развалины составляютъ четырехугольную каменную стѣну изъ кирпича и камней, длиною около 249 аршинъ, шириною 195, вышиною 16. Внутри пространная площадка. На сѣверо-восточномъ углу была четырехугольная трехэтажная башня, изъ которыхъ въ каждомъ могло быть по двѣ бодшія комнаты.

5. *Въ м. Крево*. Крево, въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, было удѣломъ Ольгерда, который, а можетъ-быть еще Гедиминъ, основалъ здѣсь замокъ, развалины котораго видны доселѣ; онѣ вышиною 20 аршинъ и занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Уцѣ-

(*) Извѣстный художникъ С. М. Воробьевъ, нынѣшнимъ лѣтомъ (1855), сдѣлалъ замѣчательный, превосходный видъ развалинъ Троцкаго замка на островѣ. Видъ этотъ нынѣ въ С.-Петербургѣ.

лѣли еще готическія окна въ трехъ этажахъ. Подъ башнею было подземелье, въ которомъ мученически умерщвленъ князь Кейстутъ.

6. *Въ г. Лидѣ.* Лидскій замокъ построенъ в. кн. Гедиминомъ въ 1326 г. Строителями были кievскіе каменщики и русскіе плѣнники изъ Волыни. Нынѣ существующія развалины состоятъ изъ четырехъ стѣнъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ длины 32 сажени, толщины 2 сажени и высоты 5 саж. и 2 аршина; существуютъ еще двѣ высокія башни. Шведскія войска въ XVIII столѣтіи разрушила и разграбила Лидскій замокъ; но лидскіе старосты поддерживали его до 1794 года.

7. *Въ Керновѣ.* Нынѣ казенное имѣніе, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Керновъ былъ первою столицей князей литовскихъ и основанъ, по сказанію лѣтописцевъ, въ 1040 году, княземъ Кернусомъ, внукомъ Палемона. Отсюда въ 1230 г. Рингольдъ перенесъ свою столицу въ Новогрудокъ; но и послѣ того Миндовгъ, Войшелгъ и др. здѣсь восходили на престолъ; кромѣ того, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сюда собирались удѣльные князья, для совѣщаній. Гедиминъ жилъ болѣею частію тоже въ Керновѣ, пока не воздвигъ замковъ въ Трокахъ и Вильнѣ. Сюда бѣжалъ, съ своимъ неугасаемымъ Зничемъ и уцѣлѣвшими идолами, послѣдній литовскій Кривъ-Кривейто, послѣ обращенія Литовцевъ въ р.-кат. вѣру и низверженія капищъ въ Вильнѣ. Нынѣ въ Керновѣ нѣтъ даже слѣдовъ бывшаго здѣсь замка. Замѣтны только три высокіе кургана на крутомъ берегу Вилии, съ явственными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

8. *Въ казенномъ имѣніи Дубичахъ,* въ Лидскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на островѣ, омываемомъ озеромъ Целюсой и рѣкою Котрой, находился замокъ, въ которомъ иногда пребывалъ знаменитый Витовтъ. Это доказывается двумя грамотами, подписанными имъ въ Дубичахъ 6 марта 1415 и 25 іюля 1421 годовъ. Витовтомъ ли, или еще и прежде, построенъ былъ этотъ замокъ, исторія молчитъ. Нынѣ вѣковые дубы покрываютъ островъ, и сквозь ихъ чащу едва можно разглядѣть слѣды укрѣпленій. Существуетъ еще входъ въ глубокое каменное подземелье.

9. *Въ м. Меречь,* въ Троцкомъ уѣздѣ, надъ Нѣманомъ. Полагаютъ, что замокъ и самое поселеніе основаны здѣсь еще

Норманнами. Достоверно, что онъ существовалъ во времена Витенеса. Замокъ былъ сильнымъ и важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ нападений рыцарей. Великіе князья литовскіе часто посѣщали Меречь для охоты. Здѣсь умеръ Владиславъ IV (1633 г.); здѣсь же прожилъ нѣкоторое время Петръ Великій въ 1707 году. Слѣды замка и укрѣпленій существуютъ только въ высокомъ и пространномъ курганѣ, окруженномъ валомъ, и въ остаткахъ чрезвычайно древняго кирпича. Нѣсколько лѣтъ тому, въ обрывѣ горъ найдено было нѣсколько каменныхъ ядеръ и особый снарядъ изъ желѣза и дубоваго дерева. Полагаютъ, что это была машина для метанія ядеръ.

10. *Въ с. Дубинкахъ*, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Здѣсь укрѣпленный замокъ князей Радзивилловъ. Слѣды его замѣтны на высокой горѣ. Здѣсь жила нѣкоторое время Варвара, супруга Сигизмунда-Августа, урожденная Радзивиллъ, вдова воеводы Гастольда.

11. *Въ Геранонахъ*, въ 45 верстахъ отъ Ошмянъ. Здѣсь былъ сильный укрѣпленный замокъ славнаго въ Литвѣ рода Гастольдовъ. Развалины замка, имѣвшаго 4 высокія башни, существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка до перваго этажа, но были разобраны, хотя еще и нынѣ довольно замѣтны, представляя возможность судить о расположеніи замка. Здѣсь провела лучшіе годы своей жизни прославленная литовская Марія Стюартъ, Варвара, когда была еще супругою трокскаго воеводы Гастольда.

12. *Въ Гольшанахъ*, въ 21 верстѣ отъ Ошмянъ. Здѣсь князь Гольша, сынъ Ромунда, князя литовскаго, а по мнѣнію другихъ — сынъ князя Трабуса, основалъ сильный укрѣпленный замокъ, развалины котораго существуютъ доселѣ.

Кромѣ-того, находится еще много мѣстъ, гдѣ существовали замки владѣтельныхъ князей и другихъ знатнѣйшихъ родовъ; но самыя развалины ихъ давно исчезли, — остались только слѣды въ насыпныхъ валахъ и рвахъ.

СЛОВАРЬ БѢЛОРУССКО-КРИВИЧАНСКАГО НАРѢЧІЯ ЖИТЕЛЕЙ
ВИДЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А.

- Абагнаць — обогнать.
Абутраць — (буквально) обутрѣть, появленіе утренней зари.
Адчиниць — отпереть.
Адгадунь — отгадать.
Алтуль — оттуда.
Аглянуцца — оглянуться.
Абжени — обгоны.
Ачкире уполѣ — восклицаніе при выгонѣ овецъ.
Ачуняць — выздоровѣть.
Аднѣрчиць — распоясаться.
Асѣлица — пастбище близъ дома.
Алгавѣцце — отговѣть.
Аколаць — окружать.
Аколаюць — окружають.
Аправуньца — одѣться.
Арабинечка — рабичка.
Асѣтка — овинъ.
Атрута — отравѣ.
Ажно — ну-ка.
Асьмаки — деньги.
Астрыжень — середина дерева.
Астрыжонокъ — бревно.
Атуткацца — окутаться.
Атарица — часть поля, принадлежащая работнику.
Азѣродъ — родъ лѣстницы для сушенія сноповъ.

Б.

- Бачиць — видѣть.
Бяздоля — бѣда.
Блинецъ — блинъ.
Блудзиць — блуждать — блудить.
Блакацьце — тоже.
Бондароўна — дочь бондарчика..
Бордо — шибко.
Бахтуриць — набить кому-нибудь голову бреднями.
Балабаниць — назвать балабаномъ, родъ насмѣшки.
Балайбушка — родъ булочки.

Балазѣ — лишь бы только.
Блейка — игра, въ которой проигравшій долженъ бѣгать.
Бравнуць — бракнуть.
Броень — плѣсень.
Бусѣль — хитеръ.
Брыда — пакостникъ.

В.

Ваконца, аконце — окошко.
Валюшка — василекъ.
Вулька, улька — улочка.
Вятокъ — новолуніе.
Вутка, утка — утка
Вѣсники — ворота.
Выпалаць — очистить зерно.
Вырай — мѣсто, откуда птицы прилетаютъ.
Высаапиць — выказать, выставить, вытаращить.

Г (*).

Гадзіна — часъ.
Гадзіна — гадъ, змѣя.
Гай — роща.
Галинка — вѣтка.
Галусяць — гласить.
Гареци, гарецъ — горѣть.
Галець — бѣднѣть.
Галямоужа — растрепанъ.
Гараткица — горемыка.
Гараваць — заболѣть.
Гетта — это-то.
Гладышъ — горшокъ на молоко.
Глудзя — смыслъ.
Гарѣлка — водка.
Гародъ, агародъ — огородъ, садъ.
Голячка — иголка.
Господаръ — хозяинъ.
Гудзиць — оговаривать.
Гукаць — разговаривать, кликать громко.

(*) Произносится какъ латинское Н.

Гусакъ — гусь.

Гусци — гудить.

Гудзиць — гудить, 3-е лице единствен. числа.

Годзѣ, годзы — довольно.

Грымнуць — упасть съ шумомъ.

Груба — отверстіе въ печкѣ, куда кладутъ дрова.

Губица — основа на полотно.

Гутарка — разговоръ.

Гузырь — нижній конецъ снопа.

Д.

Дамовѣрка — домоправительница.

Дамоу — дамой.

Далоу — долой.

Дзядзина — тетка, жена дяди.

Дацѣць — недоѣсть. Дадзѣваю — недоѣдаю.

Доржикъ — мѣсто, огороженное для скота.

Даўбня — палка, неповоротливая дѣвка.

Драбѣсьціо — тяжелыя жерди на крышу подъ соломѣ.

Дрывотня — мѣсто для склада дровъ.

Дубасъ — большой и тупой ножъ.

Дуля — родъ грушъ.

Дурець — дурманъ (зелье).

Дырла, дыла — высокій и неповоротливый.

Дырдацц-ца — издыхать, околѣвать.

Дзякло — извѣстная подать хлѣбомъ.

Дзѣлѣ — для; дзѣлѣ того, для того.

Дзѣркачъ — изношенная метла или вѣвникъ. Также птица (gallus).

Дзѣруга — дзѣрушка.

Джына — извѣстный танецъ у простолюдиновъ.

Джынжыки — корчемная музыка.

Ж.

Жебраваць — просить милостыни.

Жеужикъ — бойкій мальчикъ.

Журиць — бранить.

Жлукто — бочка, въ которой золить бѣлье.

Жылаць, желаць — желать, требовать.

Жуйка, жвачка — у скота, пережевывающаго кормъ.

З.

Замуницъ — смутить.
Захавайло — олухъ.
Згадзиц-ца — пригодится.
Згадзіўся — согласился.
Заглядуха — пригожая женщина.
Згибаць каравай — дѣлать каравай, свадебный куличъ.
Згибаць — сгибать.
Загнѣтъ — кучи горячихъ угольевъ.
Заблицъ — клевать.
Звѣличаць — величать.
Запойка — обрученіе.
Звонъ, дзвонъ — колоколъ.
Завихаць-це-увихаць-це — вертѣться около чего-нибудь.
Завила — вузюля, кукушка.
Згылки — невыгодныя сани.
Здѣкъ — посмѣшище. Здѣкваць-ца — насмѣхаться.
Зяблиць — орать на зиму. Зябль — поле, которое пашутъ на зиму.

И.

Ици, исци — итти.
Искрыпачка, скрыпечка — скрышка.

К.

Качалка — валикъ для катанія бѣлья.
Кузулька — наскѣкомое, Божія коровка.
Коли — когда.
Казакъ — летучая мышь.
Каламажичка — телѣжка.
Клокъ — жизненная сила въ зернѣ.
Канопѣвъ — конопля.
Каливо — зерно.
Клець — влѣтъ, амбаръ.
Кобяльцы — ковры.
Киндзюкъ — брюшная полость.
Кольки — кольцо, сколько.
Коляды — праздники Рождества Христова.
Комель — толстый конецъ ствола.
Кашута — шелуха, на тѣлѣ послѣ осыпки.

Кышъ, а кышъ! восклицаніе, которымъ прогоняють курицъ.
Коузац-це — скользить. Покаузуц-це — поскользнуться.
Кудаса — мятель.
Кулзирка — рошниця.
Кукса — кулакъ.

Л.

Лабіолечка — лебеда.
Лэхчинецка — лощина.
Лакац-це — пугаться.
Легчи — лечь.
Логъ — долина.
Лостечки — лестъ.
Луста — ломоть хлѣба.

М.

Мацц — мать.
Махляръ — лжець.
Мандаваць — странствовать.
Магаричъ — головая плата слугамъ.
Маланка — молнія,
Мѣжи, мижи — между.
Маракаваць — роптать или понимать, постигать.
Маркачь — баранъ.
Мазена (бранное слово).
Мизиперсница — осыпка между пальцами.
Могузь — крѣпко затянутый узелъ.
Мурогъ — лучший сортъ сѣна.
Мурза — запачканный, ая, ое.

Н.

Набрыкаць — разбухнуть.
Наговицы — штаны.
Наметка — головной уборъ замужнихъ, преимущественно въ
Могилевской губерніи.
Нароги — желѣзные концы у сохи.
Нарокомъ — нарочно.
На залиць — вывести изъ терѣнія.
Нѣма гляда — ненаглядная.
Нѣвистны — слѣпой.
Нутка — ну же.

П

- Пачопка — коромысло.
Почибекъ — толстый мотокъ.
Пахинуц-ца — обратиться куда-нибудь.
Подлыжникъ — льстець.
Паходы — походы.
Падсуѣдъ — бобыль.
Подвѣредзиц-це — подорваться.
Пакраса — украшеніе (въ-особенности въ одеждѣ).
Палохап-ца — пугаться.
Пакациц-це — покатиться.
Палуйка — горсть истертаго льна.
Палогъ — роды.
Папаръ — поле, съ котораго собранъ хлѣбъ.
Пакила воли — освободить свою волю отъ чужой.
Патароча — чучело.
Пасаль — мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту на свадьбѣ.
Поцѣсь — праслица.
Переймо — награда за найденную вещь.
Покуць — мѣсто въ избѣ противъ дверей.
Перексиць, перехрисциць — перекрестить.
Переполють — тоже, что азѣродъ.
Пласконный — конопляный.
Пшесць — Божеское наказаніе.
Паѣсь — поясъ.
Прочка — тайное бѣгство.
Пакуль — доколѣ.
Прынада — приманка.
Полудзень — обѣдъ и отдохновеніе въ полдень.
Пуга — короткій крестьянскій бичъ.
Пустоградъ — ни къ чему неспособный.
Пыпаць — типунъ у птицъ.
Постацянка — первая жница.
Пыпвиць — дѣлать что нибудь лѣниво, небрежно.
Прецю — предъ, противъ.
Пѣрсціонекъ — колечко, перстень.
Приданка — та, которая отвозитъ приданое невѣсты въ домъ жениха.
Пригроза — угроза.
Пушокъ, пуховъ — хлѣбъ съ мякиной.

Р.

Рабушка — пестрая.

Рахманы — спокойный.

Раскиданъ — разбросанный.

Радзіога, радзіюшка — что-нибудь истертое, такъ-что нитки видны.

Разлучница — та, которая ссорить любовниковъ.

Рагатаць — слишкомъ громко смѣяться.

Роўня — равный.

Ражка — деревянный ковшъ.

Разбазырецъ — избаловаться, развратиться.

Разлабары — длинные разговоры.

Резъ — часть поля.

Рѣздини — сѣтка, въ которой пояснять въ коровныхъ сѣно или солому.

Розора — борозда.

Рубѣль — шесть, которымъ придавливаютъ на возу сѣно или снопы.

Ручайка — пряжа на веретенѣ.

Рупиць, рупиць-ца — кручиниться, заботиться. Рупливъ — заботливый.

Рынуць — ринуться.

С.

Сцюдзіоный — холодный.

Сакаталь — кричатъ, кудахтать.

Сядзіолечко — сѣло.

Саладуха — кушанье изъ ржаного солода.

Скамлица — скамейка.

Слизко — скользко.

Слусиць — солгать.

Стоуць — столбъ.

Сцибло — стебель.

Судзінючка — деревянная посуда.

Сціобаць — сѣчь.

Сядрево — холодново.

Сіорбаць — хлѣбать.

Скалянуць — сболгать, смутить.

Сваньха — сваха.

Скуль — откуда.

Слимазарникъ — розиня.
Смага — сухость въ устахъ отъ жара.
Спогащъ, спогодищъ — состраданіе свисхожденіе.
Спрахцистъ — пропасть, издохнуть.
Стопка — малая изба.
Суница — земляника.

Т.

Тахляващъ — мотать, расточать.
Таки — а все-таки.
Трасца — лихорадка.
Тригубица — трехсторонная сѣтка для ловліи птицъ.
Тупица — тупой топоръ.
Тузащъ — тузить.

Ц.

Цѣрамачекъ — теремъ.
Цихѣнь, цихинь — небольшой громъ.
Циховащъ — примѣчать.
Цѣкащъ — рубить или толочь.
Ціунъ — тіунъ, волостной начальникъ.
Цкаващъ — травить собаками.
Цмянъ, цмяны — темноватый.
Цымбуръ — стебель у зелья.

Ч.

Чарпень — черепокъ разбитого горшка.
Чубайка — хохолъ.
Чутно — слышно.
Чешуйка — полоса нитокъ на клубкѣ.
Чурац-це — стыдиться.
Чужепанецъ — крестьянинъ другого владѣльца.

Ш.

Шацеръ — шатеръ.
Шабуньки — шулки.
Шеры — сѣрый
Шауковы — шелковый.
Шерхнуцъ — вѣроятно отъ *шороха*. *Али шерхитъ* — не тро-

нется со страха. *Скура мерать* отъ страха кожа — *дражнить*.

Шерхн сохою — тронь сохою.

Шейлуга — старая замученная лошадь.

Шуло — выдолбленный столбъ, въ которомъ закладываютъ бревны.

Швеля — бревно, брусъ.

Шийшина — шиповникъ.

Щ.

Щекотать — щебетать.

У.

Ухациць — схватить, украсть.

Усц-ця — вьется.

Угѣтку — гѣтомъ.

Узлиць — дѣлать.

Учкуръ — шнурокъ около поясицы.

Удубѣць — отвердѣть.

Упыниць — воздержать. *Упынь* — унать.

Условъ — скамейка.

Усмятку — невысохшій, недосушенный.

Ѣ.

Ѣвабы — шелковый.

Я.

Ятрузка — неvěста, жена брата.

Пѣсни жителей Виленской губерніи, кривичанскаго племени.

1.

Ой надъ гасемъ зѣлюненцямъ
Ой здау-сь мнѣ сонъ дзюменьки, —
Кажу кони закладани,
Ѣду брата злѣвадани —
Падъ вароты падѣзжаю
Чую брата гозорици:

Зиний жонка хлѣбъ, соль съ стала
Бдѣ сестра мая родна
Знаю ѣа, да голодна.
Жонка мужа не слухала
Хлѣба, соли не зинмала;
Сестра тоѣ якъ учула,
Назалъ кони завернула.
Мужъ на женку насварылся,
Вышеу, сѣстрѣ да-й склануса —
Сѣстражъ мая родвенькая —
Прошу цѣбѣ абѣлаци —
Да-й и мѣвѣ адѣлаци —
Я абѣду не хачѣла,
Цѣбѣ братка поглелѣла
Есть у меня хлѣбъ, соль у возѣ
Будѣ абѣдъ у дорожѣ
Кажу копіомъ аброкъ дащи,
Сама саду абѣлаци,
Табѣжъ братку повѣло-съ,
А маѣ горо приплелосѣ.
Якъ я дѣтки надгадую
Свайго гора пазабуду.

2.

Да поѣдзашъ панянку женициѣ,
Нѣ стау коника подѣ каминоу
Бо камина дѣрево вѣщастливое
Весною камину дѣвѣука ломѣць —
У осѣнь камину пташки зоблещъ
Пастау конника надѣ яворомъ.
Яворъ дѣрево шастливое
У яворнымъ коме чорныя бабри
У яворы у сѣредзінѣ райскѣ пшолки,
У яворы у вѣрху сивыя сакалы,
Чорныя бобрики, добрыя набойники;
Райскіе пшолки, солодокъ мѣдокъ;
Сивыя соколы да на гуляніѣ.

3.

Лецѣу воронъ по надѣ моремъ
И стау галасици:
Ой якъ цяжко убогому,
Багату любини!
Багатая нѣ думаѣ,
Што бѣднѣньки нульмиѣ,

Багатая да думаѣ:
Якъ дзѣцюкоу гуляць
Палавина лѣтъ минаѣ
Я шасця незнаю;
Якъ же о мнѣ Боу пшэзначіу
Што чиници маю;
Хожу, блуджу, хожу, блуджу,
Якъ то слоньцо укрузаѣ
Куна пайду, чи што роблю
Усё сэрце у тузаѣ.
Ходжу блуджу, ходжу, блуджу,
Вѣкъ свой проклинаю
Што полюбіу багатую
Да ее не маю.
Лѣцѣу воронѣ по надѣ моремъ
Да сѣу іонѣ на соснѣ;
О мой же ты Пракопечку
Нѣбулаѣ такъ нудоснѣ.
Есць же у насѣ Пракседунька
Молода хоць бѣдна;
Пакинѣ любіць багатую,
Палюбі Пракседку.
Багатая, да пышная
Цѣбѣ глуміць будзѣ:
А бѣдная Пракседунька
Цѣбѣ любіць будзѣ.

4.

Ой наштожѣ мнѣ сваго малаго гуляцѣ,
Кали іонѣ мѣнѣ малоду, да веранѣнко будзіць!
Да самѣ идзѣ на токѣ малаціць,
А мнѣ маладзѣнкой вѣлицѣ легчи, запачиць,
Ой самѣ идзѣ, да у полѣ гараці
А мнѣ маладзѣнкой вѣлицѣ исці гуляці!
Ой іду я, іду гуляці,
Кроіць-це маё сэрцонко на часці
Ой маѣ сусѣдечкі і піюць я гуляюць,
А мнѣ адву бездонную, адну аколаюць,
Ой выду я на улечку, рассыпаны карты,
Ой глзѣжѣ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлісь-сѣ жарты?
Ой выду я на улечку, рассыпаны суніцы,
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлісь вѣчэрніцы!
Ой выду я на улечку, рассыпаны дулі;
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлісь чулі?
Ой выду я на улечку, рассыпаны вишні
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлісь мыслі?

Ой выду я на улечку, раскиданы дрова;
Ой бѣдна жъ я маладзѣнька сѣджу якъ ўдова!
Ой крутая бѣрозенька, што наць гаець зросла:
Нѣщасная вѣдзѣленька, штоля за мужъ пошла!
Ой крутая бѣрозенька воду замуцिला;
Нѣщасная галзѣнонька за мужъ пакруціла.

5.

Служу́ Ясь Ваѣволэ́ —
Выслужу́ Касѣньку, малоду жонечку.
Кася листы писала и до Яся посылала
Ѣдзе Ясю до дому, збуду́й нову камору.
Штобъ я мѣла глэ́з лѣжаць, своѣ дзѣтки гадаваць.
Прыѣхаў Ясь да дому, правадзяць Касю да гробу! —
Ой покажѣць касю маѣ, погляжу, чы нежыць!
Прышоў Ясь да сѣней: лежѣць Кася на досцѣ
Малы сынъ у колысцѣ, — люли, люли сыну мой!
Нашто цѣбѣ Боў стварыў што ты Касю замарыў!
Сестра тоѣ учула, да на Яся скрыкнула,
Ой не вѣднѣ ты іого: тобѣ жонка заразь будзѣць —
Ему маткі нѣбудзѣць!
Табѣ жонка у вавочку, нму матка у пасочку!

6.

Раззѣвай-сѣ сѣры дубѣ —
Заразь марозъ будзѣць,
Прыбірай-сѣ сыну у панцырь,
Заразь паходъ будзѣць!
Я марозу не баюсь,
Заразь разбѣрусь,
И паходу не баюсь
Заразь прыбѣрусь.
Ой сѣў себѣ на коніка.
Низенко скланяўсѣ!
Выбачайцѣ вы сусѣдні,
Може на сзарыўсѣ!
Матка у іого запытала
Калі будзѣшъ госцѣць?
Якъ у сѣняхъ на памосцѣ
Травіца вырасцѣ!
Расла трава, расла трава
Стага пасыхаці
Ждала, ждала матка сына
Дай стала плакаці!
Покрапляйцѣ дароженьку

Штобы не-пылала;
Да скажиць мойй матцѣ
Штобы не тужила.
Ой лежала зазубчка
Да-й сказала «куку» —
Чекай мѣць, мая матка,
Чекай хоць до вѣку!

7.

Съ подѣ дѣсу, съ подѣ цѣваго,
Съ подѣ кусточка зеленого,
Вылетаѣ птушечка-райская
Выносиць письмо панскоѣ,
На крылелку написанноѣ
Якъ бы намѣ тую птушечку поймаць
Якъ бы намѣ тоіо письмо перчитати?
Поймала тую пташеньку матуля,
Три сынки родненькіе маючы
Якъ пречитала, то заплакала
Каторому да шастіо лани:
Да чы старшому, да чы малодшому
Да чы Грыгорьку, сѣрадольшому
Той же бѣлешки и хорошеньки
Ѣна его спадабаѣ,
Будѣ шасливы и галасливы
Да на цѣлумѣ сѣбѣ;
Што спадабала, да и узѣла
Панѣвика зѣ Украйны!
Ой прибѣрай-сѣ Грыгорько сынко, —
Щаслиу ты будѣшѣ!
Ѣдѣ на Украйну, у шасливу гадѣнну
Тамѣ вѣкъ каратаѣ будѣшѣ.
Есть же тамѣ панни, што цѣбѣ возѣмѣ,
За мужа и за пана!
Памѣнтау сынку на сваю дружинку
Кали сѣбѣ шасціо спадкае
Штобѣ не забыуѣ и науѣиуѣ
Якъ Бога знаѣи, и гараѣи на земли.

8.

Зѣлаіоная бѣрозенька, чему бѣла не зѣлена?
Якъ же мнѣ быѣи зѣлаіоной, при дорозѣ стоючы?
Да што дѣлѣ купцы ѣдуць,
На кареніахѣ огѣмѣ кладуць,
Цѣраѣ галим дымѣи идуць

Каренѣйко падпальваючы,
Красна дзвѣнька чэму смутна нѣ вѣсѣла?
Якжэ нѣ вѣсёлой быцц, што дзень госьцѣйкн.
Што суботы, то свецѣйкн
Што нѣдзѣлю маршалечкн
Зѣлёное вно возѣць
Мнѣ маладзѣнкое прасѣць:
Красная дзвѣнька, чы пѣдзѣшчэ ты зѣ намі
Зѣ маладымі сватамі?
Рада бѣ я пѣхацц, жалѣ пакінуцц,
Ойцоваго падворенка, матчынаго прыбранѣйка
Дзѣвочнаго гулянѣйка.

9.

Ой за лѣсомъ, лѣсомъ, за бѣлымъ бѣрозомъ
Ані мѣсяцъ свѣціць, а нн слонцо граѣ.
Тамъ маладзѣнѣцъ коніка сѣлазѣ
Коніка сѣлазѣ, цяжэнько уздыгаѣ
Узяў Каралоўну, на нѣ сваю раўну.
На дварэ ходзіць ключыкамі звоніць.
Ухатку увайдзѣ, уся дружина уставѣ
И шапкі знімаѣ: сяцъ сяцъ каралоўна
Зѣ намі хлопамі; пій, пій каралоўна
Піць, водку зѣ намі. Чаравічкомъ туніѣ
Адступісь глупіѣ!
Чаравічкомъ бразіѣ, адступісь блазніѣ!

10.

Сіні салавѣйко, чымъ ты не співаешъ
Чы ты салавѣйко голосу немаешъ?
Патраціў я голосъ на зѣлёнымъ гаѣ,
На зѣлёнымъ гаю, на цыхомъ Дунаю
Чэму ты малады, чэму нѣ гуляешъ?
Чы ты малады шасця доли немаешъ.
Патраціў я долю нѣразъ свое волю,
У новай карчомце на горкай горелце.
Цѣперъ же нѣ нѣкуды павѣрнуцц-це
Усё маѣ сѣло у Боруха, наводце;
Тутъ маѣ конікі, тутъ маѣ волякі!
Тутъ мая адзѣжка, тутъ маі грошыкі.

11.

Сіны голубочку сѣдзі на дубочку,
Выклікала матка сына сѣ корчмы даломочку

Ой хадзи мой сынку съ карчмы да ладому
Забираюць арендары усю твою худобу
Я самъ тоіо бачу, што худобу трачу
За дробными слізючкамі я свѣту не бачу.

12.

Ой у полі подъ вишенкаю
Тамъ казачокъ забитый лежыць
Налъ нимъ коникъ варавы стаиць
Капыцьвікомъ землю сѣчѣ .
Свайму пану вады дастаѣ
Таѣ коню вады не дастаѣ
А миѣ маладому аѣ земли неустаѣ.
Бѣжи коню да новаго двора
Выйдзѣ да цѣбѣ старая жана
Старая жана, то матка мая
Булаѣ у цѣбѣ сынка пытаці;
Не кажи коню што забить лѣжу
Да скажи коню што ажениуѣ.
Штожъ у него за сваты были?
Были у ѣго сваты зѣліоны дубы.
Штожъ у его коню за музыка была?
Быу у ѣго музыка зѣліоный яворъ.
Штожъ у него коню за сванька была?
Была у него сванька чырвоная калинка.
Штожъ у него коню за дружки были?
Были у ѣго дружки бѣлы бѣрозки.
Штожъ у его коню за млада была?
Была у его млада, арабвиѣчка
У чистомъ полі да магилѣчка.

13.

Ой чемужъ то панъ Хамицки той часъ неженіуѣ
Якъ у дѣсѣ на аресѣ голубъ уразіуѣ!
Ой чемужъ ты Бондароуна у той часъ замужъ нешла
Якъ у млынѣ на камени пшеничунка увышла?
У мѣстечку Цѣрастечку каманда стала
Тамъ же Бондароуна усю ночку неспала
Гаварили Бондароуна да добрыѣ людаѣ
Уцѣнай-ты Бондароуна лихо таѣ булаѣ
О якъ скочыць Бондароуна мѣжамі лугамі
А за нею панъ Хамицки съ своимі слугамі.
А якъ дагнау Бондароуна у полі нагчывечки
Такъ и хопіу Бондароуна за бѣлы рученьки
А прывіоу же Бондароуна да своей свѣтличевьки

Посади́у же Бондаро́у на бѣломѣ креселку.
 А каза́у же Бондаро́у пѣсенку сви́зати
 А самъ пашо́у панѣ Хамицкі́й стрѣльбу на́бавати
 А чи лепѣ́й Бондаро́уно у сыро́мъ пѣску гни́ти
 Якъ за мно́ю за Хамицкі́мъ у атласѣ хо́дзати?
 Ой лѣпѣ́й панѣ Хамицкі́ у сыро́мъ пѣску гни́ти
 Якъ за паномъ за Хамицкі́мъ у атласѣ хо́дзати
 Ой якъ цѣпи́у Бондаро́у подѣ лѣвое ухо,
 Застала́сь Бондаро́уна и слѣпа и глу́ха
 Ой каза́у же панѣ Хамицкі́ адѣ ранку да ранку
 Быкара́ци Бондаро́у пѣсню даю́у яму
 Ой каза́у же Бондаро́у у три дни хва́ти
 Да пѣхайжѣ поплаче́ц-це ее ба́цько, ма́ти
 Ой прошо́у же ее ба́цько и сплясну́у ру́ками,
 Отожѣ та́бѣ пришло́ лихо съ твои́ми думка́ми.

14.

Па́йхау Ясѣ́нько на вайну.
 Памину́у Касѣ́ньку адну
 За́йхау Ясѣ́нько къ цѣсци нача́вати
 Стала цѣсци пасѣ́ль бѣлу сла́ву
 Уста́у Ясѣ́нько равне́нько
 Умы́у-сь бя́гѣнько;
 Што я та́бѣ цѣсци, за дзень сказа́у:
 Преде́ ма́ими вара́тами лѣвы́я цѣ́ла
 И цѣ́тъ атруси́ла.
 Я та́бѣ зя́ццю адга́ну:
 Твоя́ Касѣ́нька сына́ пави́ла
 Бѣлому́ свѣ́ту, — сама́ по́мѣрла
 Служки́ ма́ѣ вѣ́рні́ккіѣ
 За́кладайце́ кони́ вара́нѣнькіѣ
 Па́дзѣ́мъ да свайго́ двара.
 Нашей́ Каси́ на свѣ́тъ вѣ́ла. —
 Па́дзѣ́ждаю́ подѣ́ гай, гай-пѣ́шумиць
 Па́дзѣ́ждаю́ подѣ́ садъ, садъ пѣ́вѣсіонъ
 Па́дзѣ́ждаю́ подѣ́ дворъ, дворъ пѣ́вѣсіонъ
 Скачи́у Я́нко да пѣ́кари
 У пѣ́кари ма́мки да ня́ньки
 Да ужо́ майго́ сыночка́ вня́чаць и калы́шущъ
 Скачи́у Ясѣ́нько да свѣ́тлицы
 У свѣ́тлицы паны́ у черни
 Мая́ Касѣ́нька лѣ́жиць у бѣ́ли
 Служка́ ма́ѣ вѣ́рні́ккіѣ
 По́дзѣ́мъ да Га́йбова
 А купи́мъ три кита́йки:
 А́дна кита́йка чаро́ная

А другая зѣлюная
А третья черная
Червона китайка, то жана мая
Зѣлюна паходы ее;
А черная жалоба мая.
Цяжко камѣню на вадѣх плываці
Такъ майму сыначку безъ маці расці.

15.

Бѣдна мая галовенка
Што чужая старовенька.
Бѣдна, бѣдна нещастная,
Мнѣ доля неспазнала
Якъ рекруцка лавили
Назадъ ручки повязали
Резвы ножки акавали
У нѣдзѣлю нараненько
Выбираюць фурманеньки
Да да двора пасылаюць
Да рекруцка сажаюць
Сами сядуць на залочку
Мнѣ сядзюць у передочку
И коніка паганяюць
Рекруцка разважаюць
Цыць рекруць нѣ журнѣ
Еще млоды нѣ сгодзяшѣ
Вѣзучъ менѣ у городочекъ
Угарадодекъ у Навагрудекъ
Садзѣць мѣня на столечекъ
Голецъ маю головеньку:
Пивемъ, мідомъ напамі
Пирагамі накармілі.
У камѣнцы спяць лажылі.
Лазь (ложись) рекруць нѣресыпайсѣ
Да да муштру прыбѣрайсѣ
Ліогъ (лежъ) рекруць не переспаў-сѣ
Да да муштру не прыбраў-си
Прыхільсѣ я къ аблынецъ
Мнѣ аблына нѣ матуля
Зѣлюная нѣ родная
Прыхілью-сѣ да явору
Да мнѣ яворъ нѣ ойченко
Зѣлюненькі нѣ родненькі
Я безъ маткі, я безъ ойца
Блукаюся якъ аўіца

Безъ сѣстры, безъ брата —
Я бѣдны сирота.

16.

Зажурю-сь ясны сокалочекъ
Што нѣ рано съ выраю вылѣтѣтъ
Нѣгда-сѣ сѣси гнѣдѣ зисси
Слау паду, у вишнёвомъ саду
Саю (совью) гнѣдечко зѣ зѣлёнаго древа
За гарю свѣги рѣчки стали;
Усѣ салдагы у паходѣ выступали
У агародѣ зацвѣтада рожа;
Пазнала матка сына у паходѣ.
Вѣрнисѣ сынку да дому
Змыю табѣ бѣло галоуку.
Змывай маци себѣ нѣ миѣ.
У полю даждаже дробныя
Змыюць же миѣ даждаже дробныя
А высушаць вѣтры буйныя.
Вернисѣ сынку да дому
Пасцѣлю табѣ бѣлу пасцѣлку
Сцѣли маци сабѣ не миѣ
Ой у поли трава шалковая
Для солдата пасцѣль готовая
Бѣловая шипечка.
Силацка падушечка
Кленовымъ листочкомъ аправу-сѣ,
Съ своимъ товарищемъ высылюся.

17.

У тамтой віосцѣ (дереви), вѣцѣрь вѣе
А у той віосцѣ цихо;
У нашей віосцѣ добра нима
А у сусѣдской лихо
У нашихъ войтоу, аканомоу,
Бѣвабныѣ хустки (шелковые платки)
У гдѣ была гаспадары
То усіо хаты пустки
У нѣдзѣлю ранюсѣнько
У два званы звонаць
А насѣ войты, аканомы
На панцизну гоняць.
Якѣ за старымъ было паномъ
Лёгко на работу;
У вѣдѣ тыдзѣнь (нѣдзѣля) сѣдзи дома

Шарварка у суботу.
Цѣпѣръ за маладымъ паномъ.
Цяжко на работы
Уѣсь тыдзень на павшчынѣ
Шарварка у суботу.

18.

Щиглякъ вѣ вѣлики грамаду собираѣ,
Самъ пѣхочѣ адзинѣ жицѣ, жаници-сѣ маѣ
Узлѣ сабѣ пшцу, бараву синицу
Красную, ясную веребѣя сѣстрыцу
Паслау арла, паслау арла усю птаство збираци
А аролѣ напау гуси, давай мардавацѣ (мучить, обдирать)
Два синигиры, два синигиры шпакѣ (скворца) спаймали
А вароны за той часѣ каравай сѣгбали
Два каплуны, два каплуны солодѣ малацци
Карапатва и сѣ цѣцѣро да млына насили
Бацянтѣ (анстѣ) мѣлѣ, бацянтѣ мѣлѣ, акрукѣ (воронѣ) засыпѣ.
А вѣробчикѣ добры хлопчыкѣ муку абираѣ
Пѣрепѣлка, перепѣлка хату замѣтаѣ
Сава сѣдзницѣ на покуци, сѣ коса паглядаѣ,
Сѣдзницѣ дѣркакѣ на парозѣ, сѣдзницѣ на парозѣ
Пугачѣ, пугачѣ упѣшисѣ лѣжыцѣ на марозѣ
А сарочки якѣ приданки скачуцѣ каля лѣуки;
Бѣдазѣ наша головѣнякѣ, вѣмаецѣ приганки
А чаѣчка сѣ куличкомѣ на вѣсѣли играѣ,
А куликѣ чайку узлѣ за чубайку
Чайка кичѣтѣ, сѣгнѣ ты куличѣ!
А зазюля (кукушка) вазимца харошая птѣца
Залатыя крыла маѣ, такѣ гучно лѣтаѣ,
А чмѣль мѣду даѣ и госци примѣтѣ.

19.

Да пайду я каля гаю, выганю сакала сѣ гаю,
Нѣ сакала выгнали, алѣ свайго ойченька. —
Ойченько мой родниньки, ружовы клѣцѣ
Пабывай у мѣнѣ хоцѣ разѣ у лѣцѣ.
Дѣцятко маю дарогою
Якѣ мѣнѣ у цѣбѣ пабываецѣ
У лѣтку за паскани, зимою за снѣгамѣ
А лѣсною за валою
У лѣтку у карецѣ, а зимою вѣ зазочку
А лѣсною у чауночку

20.

Пахилиць-сь лозы адъ дуба да берозы
Кабъ мнѣ было видно да ойченка майго;
Лосеньки схилили-сь (наклонились) да хмарки (тучи) авились.
Паки мнѣ нѣвидно да ойченка майго;
Такижъ мнѣ нѣ видѣнько да ойченька
Майго радѣньнаго.

21.

Пара жонки ласой ици, пацѣхала зара клячи
Кала пастащи идучи а съ мѣсяцомъ гуляючи
А съ соунивками гуляючи
А узойдзницѣ ласе зорки, азнайдзницѣ клячи дзвонки
Пара зяблю адмыкаци, зара расу выпускаци
А первую лѣлавую, а другую мѣлавую;
Лѣлавая самикратковая, мѣлавая таткавая
Лѣлавая кала плоту, мѣлавая кала стала
Лѣлавую каломъ прабію, мѣлавую съ людзми вапію.

22.

А при крайчаку, при дунайчаку
Самъ два брацятка акупали-ся
А купалися, размаўлялися
А мижы нѣ чужазѣмчынѣ быў
Чужеземчика загубиць хочучъ
Азницѣ кажець загубимъ яго
А други кажець папытаем-ся
Чы іосць у яго а родъ плямѣнь
А родъ плямѣня, ацѣць, мамечка
Ацѣць мамечка, братъ и съ сестрою
Братъ а сястрою, жани съ дзѣтками

Цихи Дунаю, томоу татенька

Сырая земля, то матка мая
Угузи салавей, то мой брацятка
У бару вязюли, то сястра мая
Бѣла бярозка, то жана мая
У бярозкі розгі, то дзѣтки маѣ,

Цихи Дунаю умывай мянѣ!

Сырая земля, прикапаѣ мянѣ
Угузи салавей, пацабѣць на мянѣ!
У бару вязюла пакукай на мянѣ!
Бѣла бяроза па шуми на мянѣ
У бярозгі розкі пакавайца-сь!

23.

У лузі салавѣй калинку клявѣць
Лихая свякроўка нявѣсту журыць.
Шлець яѣ маладую на Дунай на валу
На маіо бяздолаѣ патухъ на пѣяў
Патухъ нѣ пѣяў, гусакъ не крычаў
Только адзінъ заучища за гарою выѣць
Плакала малада къ Дунаю идучи
А зачуў милѣнны кони пасучи
Нѣ бось милая, я кони пасу.
Я кони пасу и вады прынясу
Чернаў милѣнны вюдры поўненьки
Нѣси милѣнны памалюстѣнку
Пастаў милѣнны у сѣняхъ на лаўцѣ
Нѣ кажи милѣнны а сваей матцѣ
Вотъ табѣ свякроўка зъ Дунаю вада
Умыйся, напійся сь поўнаго вѣдра
Яжъ цябѣ нявѣстка ни вады слаза,
Яжъ цябѣ нявѣстка свѣту абаўляла.

24.

На дорога пива піяная
Ды дорога пасядзѣніка
Муская пагулявіка
Муская гаспадарская
А у бѣсядзѣ людзи добрые
Гукаюць яны мускоѣ:
А будзѣмъ мы пива варыць
А будзѣмъ мы сыноў жаниць
А будзѣмъ мы гарѣлку гваць
А будзѣмъ мы дачокъ даваць.

25.

Чырваная калиначка
У візіювой дугѣ схилялася
Я малада сжурилася
Што адъ роду адбилася
Ай адъ рода адъ радочку
Цяжка жылі цяжка быці
У чужой землѣ маладзѣнцы
Ей пайду я гуляючи
Сваей доли шукаючи,
Адклиннися мая доля

Дочка Хайначка люблю я цябя
 Паці Зялянкевич пайду за цябѣ
 Ня вѣзьме ка мнѣ у надзѣлю рана
 Приѣдзѣ жа ка мнѣ у суботу позна
 Калі мая маминька да школы пайдзѣ
 Приѣдзѣ жа ка мнѣ у трохъ вазочкахъ
 У адномъ вазочку скрынкі парынкі,
 А ў другомъ вазочку сребро і золато.
 А ў трэцімъ вазочку, тамъ мы съ табою.
 Узлѹ я Хайначку палѣ бѣлы плечкі.
 Кінуў Хайначку у глыбокую рѣчку,
 Вотъ табѣ Хайначка вада і блото
 А мнѣ маладому сребро і золато.
 Вотъ табѣ Хайначка жыцц і валою
 А мнѣ ажаніцця і зъ маладой.

28.

Матъ зялёны матъ чарвоны съ паўначі цвіціць
 Тамъ за гарой тамъ за другой мянѣ татка клічыць.

Мянѣ родныі клічыць.

Я нѣ пайду, да душі (родъ божбы) нѣ пайду
 Даян-Богъ нѣ пайду.

Ночка цімна рѣчка быстра, кладка не моцна
 (повторяется тоже при всякой строфѣ, съ перемѣною только
 выражений: мянѣ матка клічыць, мянѣ брацъ клічыць, мянѣ
 сёстра клічыць. Напослѣдокъ мянѣ мый клічыць)
 Ночка видна, рѣчка ціха, кладка моцна.

29.

Засвіцѣла у гародзѣ макоўка
 Забалѣла Марыси галоўка
 Захацѣла заморскаго зѣла.
 Кому ўхаць за морѣ по зѣла?
 Таму ўхаць кому рукадзѣла
 Татку ўхаць за морѣ па зѣла
 Татка кажиць я коніка нѣ маю
 Татка кажиць я і зѣла нѣ знаю.

Зацвіцѣла у гародзѣ макоўка (і проч., какъ выше).

Брату ўхаць за мора по зѣла (і проч.).

Зацвіцѣла у гародзѣ макоўка (і проч.).

Ясю ўхаць за морѣ па зѣла
 А Ясь кажиць я і каніка маю
 А Ясь кажиць я і зѣла знаю.
 Адзінъ конікъ поля пѣраўхаць
 Другі конікъ нара пѣраўхаць

Трещіи коникъ да зѣла дѣхаць.

А стау Ясь зѣла напаци
Стаи налѣ нимѣ птушки шебитаці:
Нѣ капай Ясюннѣку зѣла
Ужо у Марыси другоу вясѣла
А вѣзь Ясю лугомѣ, бѣрегомѣ
А станѣ Ясю у поля налѣ шатромѣ :
Будзѣшь вилѣбѣць, якѣ Марыси сваты набѣдуць.

Пазволь, пазволь Марысинька на дворѣ
Нѣ пазволю Ясюленьку шѣрши
Ѣсць у меня другоу милѣйшій
Пазволь, пазволь Марысинка у тату
Нѣ пазволю (и проч., какѣ выше)
Пазволь, пазволь Марысинка за столѣ
Нѣ пазволю (и проч.)
Пазволь, пазволь Марысинка таѣчиць !
Нѣ пазволю (и проч.)

Узяу Ясь Марысю за лѣвую ручку
У правой ручкѣ шабелѣку тримасѣць ;
Силѣ (отрубилѣ) Ясь Марыси галоуѣку роуно съ плѣчѣ
Вотѣ Марыси за морскоу зѣла
Вотѣ Марыси другое вясѣла
Вотѣ Марыси Ясюленьки пѣрушы
Ѣсць же у меня другіе милѣйшы.

30.

Да што у поли за дымы дымаць ?
Да што у поли за огни горяць ?
Турецки царѣ съ войны вѣдиць.
И зачула Марысенька
Да зачула яго душечка.
Татулячка а мой родинки !
Замкнѣи мянѣ на триста замкоу
Сѣ стиста замкоу да хоць у тры—
Камѣнниками пазаваливай
Калоуѣдниками позакачивай.

Челомѣ, челомѣ да Иваневичѣ
Вывидзѣ свою да дачушечку
Вывидзѣ свою да Марысѣчку !
Иванѣ того нѣ ублѣушиса
Вывуѣ сваго да челоуѣвицу.

Турецкій царѣ да съ каня далѣу
Трыста замкоу да паздымаѣу
Колодзійки да поадкыдаѣу
Камѣнники да поадкачываѣу

Челомѣ, челомѣ да Марысинька

Челомъ, челомъ мая душечка
Сядей са мной да на коника
А мой коникъ варяненкый
Камажечка маливаненькая
Аглоблячки вызлащаны
Бѣзѣмъ полѣ, бѣзѣмъ другоѣ
На трепіе уѣждаемъ мы
Пастой да пастой турецкій царь!
Алдай маю да Марысиньку
Алдай маю да дачушинку
Марысенка мая душечка
Ай вярнися да адкланисѣ
Сѣ атцомъ, маткой папрашай-сѣ!

31.

А да дымно у поли дымно
За чымъ яно дымно?
Тамъ бѣжали Татарыны.
Валли себѣ Вальнечку
Да красную панѣнечку
Маладзѣнскую Юлечку
Да за тѣй погонѣ гонисѣ
Яѣ родной тятенька
Яно дзвиза разумное
Назадъ аглянулося
Пастой татко нѣ ганисѣ
А назадъ вярнися
Я сама къ табѣ буду
Зѣ маладзѣнскимъ зяцѣмъ
Зѣ бялюсенькимъ сыремъ
Зѣ малюсенькимъ сыномъ.

32.

А на моры, на моры, націонненькомъ азіоры,
Дуброўка, ты дуброўка ты зяліоная мая
Пасаръ гусей ганяицѣ и ускрыпочку играицѣ
Дуброўка (и пр., какъ выше, послѣ каждаго стиха).
Да скажицѣ паненцѣ што у чырвоной сукенцѣ
Няхей за мужъ влидзѣ, няхей мянѣ падаждѣ
Я ёсѣ пасаръ малалый, къ тому еще багаты
Дзѣшны кони у аборы, ёше столькой у поли.
А дзѣсаты вичаты што поѣхацѣ у святы
Матка капай карѣня зѣ полѣ бѣлаго калѣня
А вымый же-на рацѣ, а упарѣ его у малацѣ
А вымыйцѣ на ладу а усмажицѣ у мяду.

Ще корень не ки́ну, уже писарь при́вну :
Що, што павъ привісло? чы ча́вочникъ чы висло?
Привіость меня сивый конь, да дзвучиши маладой!

33.

Туманъ, туманъ, туманъ, туманъ на далінъ.
Широкий ластъ на калинъ на калинъ.
Шырей того, шырей того на дубочку
Кличыць голубъ голубочку, голубочку
Хоць нѣсваго хоць нѣсваго да чужую
Пастой мила пацалую пацалую.
На чтожъ тоя, на чтожъ тоя наладанья
Сердцу туги задаванья задаванья?
Нѣ задавай нѣ задавай сердцу туги.
Ня возмежъ ты, вози́ць други, вози́ць други.
Пастой дзвѣка пастой дзвѣка не журыся
Я ѣще молодъ ня жени́ўся, ня жени́ўся
А якъ буду а якъ буду жаницца
Прашу и пива напацися, напацися
Прашу дзівя дзивицца, дзивицца.
Тваіо и пива, тваіо и пива ниѣ на мила
Тваіо и дзівя, ниѣ не дзівя, ниѣ не дзівя.
Только дзівя якъ мы съ табой гаварили
Твая моца чагайница, твая цістка разлучница разлучница
Разлучила разлучила насъ съ табой
Якъ рыбачку и зъ вадой и зъ вадой
Гарыць агонь, гарыць агонь за вадой
Я и не вижу за бядой, за бядой.
Гарыць агонь, гарыць агонь за лѣсам
Я не вижу за слѣзам, за слѣзам.

34.

Паѣхаў сыночъ ажъ на Украину
Туды паѣхаў не ажениўшиѣ;
Адтуль пріѣхаў ажаниўшиѣ
Ой вышла маці нхъ пераймаці
Сынъ витала чырвонымъ виномъ
А навісту бѣлой атрутой (отравы)
Сынъ вина напіў на каня узліў
Балую атруту навіста выпила
Ня уміла маці насъ пираймаці
Уміѣ же маці насъ пахаваці.
Сына убрала у тонкую китайку,
А навісту у тоўстую рагожу
Сына взяла шесцьми кацям

А нявісту сляпой набылой
Сынъ хавала пирадъ кашчоломъ
А нявісту ажъ за кашчоломъ.
На сына магілѣ выростъ лворъ зяловы
А на нявістѣ бѣлая борода
А расли, расли, да и нахинулись
У мѣста вѣршочки зраслись

35.

Каюсъ млада, а нѣ па малу
И што млада за мужъ пашла
Живу я годокъ живу я другой
У мамки не бываю
Абярауся я шерой зязюлой
И палечу у мамкинѣ садъ
Сяду у мамкинымъ саду
На бѣлой ліліі,
Якъ закукую якъ зашабячу
Жалоснымъ галасочкомъ
Чы не пачуѣ мая мамѣнька
Полѣ аконцемъ сідзя
Якъ вышеу старши брацець
Зѣ новаго цѣрема
Кали зязюля кали шерая,
Ляці у шырые бары,
Кали сястрыца, кали родная
Хадзі ка мнѣ у госці.
Ахъ добра табѣ мой брацѣтка
Гдзѣ радзіўся тамъ и жыць;
А я маладзѣнька ў чужой страѣ
Цяженька мнѣ жыць.
Чужая страна тугою (тоскою) арана
Слѣзямі засѣяна:
Сва страна сошкою арана
Пшонкою засѣяна.

36.

Никому такъ нѣ тошненько, якъ мнѣ маладзѣ
Асталась адъ радзінны, якъ лістъ на вадзѣ,
Якъ выйдужъ я за вароты, зяліона трава,
Якъ выйдужъ я за другія, чужа старана
Якъ выйдужъ я за трэція, вишніовенькі садъ
А у садъ пашло дѣў дарожкі, мімо садъ адна
А у садъ пашло дѣў сястрыцы, мімо садъ адна
Вы сястрыцы вы радныѣ галубкі маѣ

Будѣтъ-цѣжъ вы щипаць вышнѣ , щипицѣжъ и мнѣ
Пойдѣтъ жъ вы къ айцу къ матцѣ насипѣ и мнѣ
Палажипѣ на талерцѣ , кладѣнцѣ и мнѣ
Будѣтъ цѣ и вы гуляць , спаяныцѣ и мнѣ
Ахъ якъ наша бяздольница ў чужой старанѣ
Да чы живѣць чы гаруѣць , бяду бядуѣць?
Сяззипѣ сабѣ надъ аковцомъ якъ на рожи цѣтъ
Выплакала сваѣ очки нывольнѣ ей свѣтъ.

37.

У чистомъ поли надъ бѣлой бярозкой
Бѣлы маладѣцѣ сачывочку косиць.
Пакасиўши караваточку сцѣляць
А наславши спатычки кладѣтъ-цѣ
Якъ настали буйныѣ вѣтры
И забіли малойца у каравати
Нѣ-каму па нимъ кукаваці
Ай вѣкаму па нимъ шебѣтаци !
Прыляцѣли тры вязюльки зъ бору
Прыляцѣла тры шарынкѣхъ зъ бору
Яны стали па нимъ кукаваці
Яны стали па нимъ шебѣтаци
Адна сѣла у малайца у галоўце
Другая у малайца на серцу
А третая у бѣлыхъ ножкахъ яго
А якъ стали па нимъ кукаваці
А якъ стали па нимъ шабѣтаци
Якъ родныѣ матки по лѣцѣнці
Што у галоўцѣ то яго матулька
Што на серцу , то яго жануха
Што у ножкахъ , то яго сястрыца
Матка плачѣць адъ вѣку да вѣку
Сѣстра плачѣць адъ году да году
Жана плачѣць адъ абѣду да абѣду
Па абѣдайши пашла у салочкѣ
Звила сабѣ на галоўку вяночекъ.

38.

Зашумѣла алинечка позва а поўночы
Затужыўся бѣль мадойчыкъ на зайву нлuchy
Затужыўся занудзіўся и стаў паміраці
Ахъ вы браца чужѣ панцы ўчѣнѣцѣ волю
Привѣдзѣце мѣ конніка да зъ усѣю зброю.
Якъ я сяду , я пабѣду . ажъ на войнѣ стану
Заржы , заржы сивы коню , хопъ разъ пада мною

Какъ зачула мая matka у маѣй старонѣ.
Якъ зачула, уздыхнула, сильна заплакала
Кабъ я была язюлечка югъ бы палцаѣла
Помѣръ помѣръ быу малойчикъ у нядзѣлю рано
Палажили малойчика у святницы на лауцѣ
Пахавали малойчика у трауцѣ мурауцѣ
Прилацѣла язюлечка ды сказала: «куку»!
Падай падай мой сыночекъ хоць правую руку
Ай радъ бы я мая маці, абѣдзѣ падаці.
Сыра зямля, жоўты пѣсокъ нѣвозможа мѣ устаци
Ляцѣу патухъ цѣразъ рѣчку, крыкнуу кукуреку;
На видзѣла matka сына на видзѣць да вѣку.

39.

Жана на новыхъ сѣняхъ ходзѣць
Свайго милаго просѣць:
Начуй, начуй мила, хоць адну ночъ у минѣ
Начаваў бы я н тры
Ужѣ маѣ кони запрашаны
Ужѣ маѣ служечки засѣдзѣлісь
Якъ выйду я на вуличку
Усѣ мужи зѣ вайны вдуць
Майго нн чуваць нн видаць
Майго милаго толькы коникъ бѣжѣць
На томъ коніку сядзѣіолочка ляжѣць
На сядзѣіолачку хустачка вѣвабная.
Бѣхалі каля ваконка, у ківулі у аконка
Якъ думала хустку ядабную
Аж кашулячку крэзавую:
А зѣ валикімі прыгрозамі:
Кабъ безѣ вады вымыта была
Безѣ вѣтру высушына
Безѣ качалокъ слязко выкачана.
Я мралола догадліва была:
Слязкамн была вымыта
Уздыхаючы цяжка высушыла
Ручкі лонючы сляска выкачала.

40.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бару станѣ сосна;
Глядѣ я пайду пахнѣюся
Усё на мамѣ серцу тошна.
Дуги маѣ зѣліонны
Да усё нѣ каменны;

Полъ мѣъ широкоъ
Да усю нѣ аранѣъ :
Валы мѣъ паланѣъ
Ѣще нѣ пѣвы,
Кони мѣъ вараныъ
Ѣще нѣ пасаныъ

Пайду я къ свайму татку на парадку (на совѣтъ)

Парадъ, парадъ татуленку якъ мѣъ гараваць

Якъ мѣъ дѣтекъ надхавецъ ?

Гаруй сынку гаруй родны !

Будуць поля на аранѣъ

Будуць луги накошеныъ

Будуць валы паланныѣ ўсѣ покормленѣъ

Будуць кони вароныѣ ўсѣ напоеныѣ,

Будуць тваѣ дѣтки подхованыѣ.

43.

(Да милыхъ мушкетёру).

Да и якъ вамъ памагу

Пѣсёнку спѣваць

Дай якъ мижи вами ўзросъ

При бацьку и маці

И мѣъ Боу на свѣцѣ лау

Горо гороваци ;

Штобъ дѣцямъ я васъ любіу,

И ўмѣу спагадаць

Ой штожъ вы напѣли тутъ

Да якого дѣла ?

Шкала, што на голаць вашъ.

Сторонка дремлава

Алѣ якъ пшечінецъ-да съ сна

Гѣта дэбрадѣйка

Пеуво будзѣць слухаць васъ

Лѣпшъ якъ саловѣйка

Будзѣць колись такъ и мы

Якъ тыѣ гарали

Што панъ лау мѣъ вѣсць и ниць

Ѣцѣ и грашы брали

Треба тылько слухаць намъ

Рады того татка

Што-то казау гараваць

Какъ аджила хатка

Тольки мусиць той сывокъ

Нѣпѣу якъ мы водимъ;

А тобъ вѣу велѣу іонъ

Кня и мѣодъ салодки

Ой гаруѣны брѣтцы мы
 Книжны горку жлопѣль (нмѣе, въ пре-
 зрительномъ видѣ)
 Што нѣ зъ жыта гоняць ужо,
 Азъ аўса картофелъ
 Кницьцѣ пѣршы жонки вы
 Милые дзѣўчаты;
 Дола шасця зачнѣ жыць
 Гдаѣ цѣфроза хата
 Благаславиць будзѣ Боу
 У наворы зборы,
 И нѣ будзѣ такі людъ
 Бѣзсильны якъ хворы
 Ой кабъ вались намъ дажницѣ
 Да такой наравы;
 Тобѣ запѣу бы съ нами я
 Што намъ Боу ласкавы.

По способу изложенія и нѣкоторымъ выраженіямъ этой пѣсни, видно, что она принадлежитъ уже къ новѣйшимъ произведеніямъ мѣстной, но уже не народной поэзіи. Стопосложение въ ней вездѣ правильно и одинаково; въ ней является слово водка, которая въ прежнихъ пѣсняхъ вездѣ именуется *гарелкою*; наконецъ намекъ на картофель, изъ котораго гонятъ водку, также доказываетъ, что она составлена въ позднѣйшія времена. Да и самое слово *жлопѣль* (съ польскаго *Złapać*) не славянскаго происхожденія, въ прежнія времена не было употребляемо на Руси и взято изъ польскихъ простонародныхъ или, лучше сказать, площадныхъ выраженій. Повидимому, авторъ этой пѣсни, называя такимъ словомъ водку, хотѣлъ возбудить къ ней отвращеніе въ милыхъ мужичкахъ, которымъ посвящаетъ произведеніе своей музыки.

42.

Сама иды дарѣгою
 Пушу голось дубровою
 Нѣхай голось галасуѣць
 Нѣхай май матка чуѣць.
 Де ў святяницы сѣзючы
 Презъ аконка глязючы
 «Кали маю дзѣця
 Нѣхай пагуляць
 А кали нѣвѣстка

Мѣхай пажинаѣць !
Имъ цѣрковѣй вѣстани
Цѣркъ вѣнчаной вѣлостницѣ.»

43.

Ишоу богъ дорогомъ
Ишоу богъ ширѣкою
А за нѣтъ самъ панъ, самъ панъ.
Де на нѣтъ Боже, на нѣтъ,
У манъ гумно вѣликоѣ
Зъ частыми капанѣ
Зъ густыми снопанѣ.
Въ вѣнчанѣмъ озѣрочку сужонка каня поницъ.
Конь да вѣды той цѣпъ
Юнъ яго по галоуѣтъ бѣтъ
«Нѣ-бѣй манъ по галоуѣтъ
Шануй манъ у ладоуѣнѣтъ
А я цѣтъ у ладоуѣнѣтъ
Будѣтъшъ малодъ жаници-сѣ
Будѣтъ цѣтъ цѣща вѣтаць
А я буау цѣцо стааць.
Какъ кубка нѣсхылицѣ
Какъ вина нѣрааилѣ.
Какъ цѣщѣ нѣругѣнѣнѣ.

44.

Панъ сваѣтъ, панъ сваѣтъ, панъ дамавы
У цѣтъ пили у цѣтъ ѣли, у цѣтъ жѣ нѣ ѣвали;
Выкацѣли, выкацѣли мѣловую бочку
Выкруцѣли, выкруцѣли де-ѣ-сваѣта нѣ дочку

45.

Де ѣставау мая матечка ранѣнька
Де палѣвай маю рутечку часѣнька
Нѣ палѣвай-же маѣй рутечки вѣдою
Де палѣвай маю рутечку
Де ал-вады мая рутечка жауѣтъ
А алъ сыты мая рутечка вѣлянѣтъ.

46.

Да вѣдѣтъшъ мая матечка
Де ранѣнька устауши
Де вѣлики пагнауши

Де волни прїйдуць, а мнѣ ня будѣ
Тыки табѣ мая матка вялая жаль будѣ
Будѣ маю мѣсць за столомъ гуляци
Будѣ мая лужечка сухая лежаци
«Ой нѣту, нѣту майго дѣвцяци?»
Сладокъ на парозѣ
Маю дѣвца у дарозѣ.»

47.

Зѣ вишнёва саду саколы вылетаюць
Зязюлю вызываюць.
«Сивая зязюлька, чы паляцишь ты зѣ нами
Зѣ ясными сакалами.» —
—«Рада бѣ я палецѣц и жаль саду пакинуць
Де у манѣ садочку, калѣна малина;
Юсць гдѣ мнѣ полетаць
Юсць чаго поѣлаць
И крыница
Валыца.» —
Де зѣ новаго двара сватовѣ выгѣждаюць
Дѣвечки вызываюць
«Маладая дѣвечка, чы пѣвадѣшь ты зѣ нами
Зѣ маладыми сватами.» —
—«Рада бѣ я пѣхаць и жаль бацки пакинуць
Де ў майго бацѣчки де у веротѣ сыважац
Ѣсть гдѣ мнѣ пажажац
Ѣць-дѣ мнѣ пагуляци.»

48.

Хадзѣла стральцы лаўцы на бѣры
Хочуць нѣй стараго лосѣ аабици.
Ой зачула стара ласица у лузѣ
Ой кинула крутыѣ роги на луги:
«Нѣхай мая крутыѣ роги препадуць
Якѣ майго стараго лосѣ тутѣ забюць.» —
Ой заржали кони вараныѣ за дваромъ
А заѣли дѣѣ свашки за столомъ,
Засвистали два саколы на моры
Де зачула малала дѣвечка у каморы;
Ой кинула залатыѣ ключы абѣ зямлю:
«Нѣхай маѣ залатыѣ ключы препадуць,
Якѣ мнѣ адѣ бацюшка павязуць.»

49.

Де ў надзѣлку на рану,
 Пашла дзѣўка на валу.
 І вадзіцы нѣ набрала
 У глыбокі Дунай пала.
 Лѣпей нѣ зъ Дунаюмъ плысці
 Якъ за пана за мужъ ісці
 Яѣ матка каля Дунаю ходзіць
 Де-й зъ Дунаемъ гаворыць.
 «Ой Дунаю, Дунаю, якъ нѣ цябѣ зваці.
 Чы Дунаемъ глыбокімъ
 Чы зяцѣмъ далокімъ.»

50.

Де кляновы лисочекъ куды ты пакоцішы-сѣ,
 Чы ў гару чы ў даліну, чы ў садъ на кляшчу?
 «Я н самъ нявѣдаю куды мянѣ вѣтржыць павѣѣ.
 Чы ў гару чы ў даліну чы ў садъ на кляшчу.» —
 Маладая дѣвочка кудыжъ ты адвѣдазѣжъ
 Чы ў Туркі чы ў Татары чы ў сваю зямлю
 «Я н самъ нявѣдаю куды мянѣ бацка аддаѣ,
 Чы ў Туркі чы ў Татары чы ў сваю зямлю
 Чы ў вясёлую сямлю.
 Парловѣнскі вѣнчыкъ івѣдзѣ на прастоѣ
 Паплынь на Дунаю, чы я тутъ запредалѣна
 Чы я тутъ заваіована
 Чы даремъ адзалаѣна
 Каля я тутъ запредалѣна
 Нѣхай ѣдуць выкупляюць,
 Каля даремъ аддана
 Нѣхай ѣдуць адвѣлаюць
 А южежъ тутъ нѣ на нашаму
 Де сѣданѣйка нѣту,
 А абѣдъ каля палуна,
 Вачера каля поўночы
 Выспляюся я стаючы.»

51.

Разгарела-сѣ каліна
 Де у ціоннымъ лузѣ стоючы,
 Дробныѣ іскірки ронючы
 Де чышчѣ вѣтрычэкъ, вѣтушчѣ
 Де болѣй іскірэкъ разнасічѣ.

«Яжъ цабѣ калина нѣтушу
Только болѣй искѣрокъ разнашу
Утушаць цабѣ дробнѣ дожць
Съ подѣ цюмней хмуры млучи
Мокрый дождыкъ ровнючы.» —

Расплакала-сь дѣвочка
Пѣредъ татулькомъ стоячы
Унимау татулька де нѣ уняу
Толька болѣе жалосци задау
«Яжъ цабѣ дѣцятка нѣуниму
Только болѣй жалостця задаю,
Де унѣмъ цабѣ чужына
Уся сужовкова дружина,
Каля столика ходзючы
За бѣлую ручку водзючы.

52.

Казали люди што мой свѣторъ добры
Ажно май свѣторъ вѣсьми онъ лхы;
Паслау мянѣ малому
Съ поўночи па валу.
Што ни куры нѣ пляць
Ани гуси не крычаць,
Нѣ вадзцы жадаючы
Мянѣ малоду забываючы
Зачуѣ мнѣныкы
Коники пасучы
Ня журыся жонычка
Мая малодѣнька
Я коники напасу
Я вадзцы прывасу
Я сваѣму бацку, я ўсёю вгаджу.»

53.

Эъ суботы на вядзѣлю дзѣўны сонъ я вядзѣла
Никому нѣ сказала — сваѣй родной матцѣ:
«Матечка мая радная, дзѣўны сонъ я вядзѣла,
Вылѣцѣла снѣмы галубы
Чорны шоукъ развѣрцали
Бочку вина вынацали
— Дѣцятка маё радыоѣ:
Снѣмы галубы, то сваты тваѣ,
Чорны шоукъ, коски тваѣ
Бочка вина, то слабэки тваѣ.»

54.

Пятрова почка навеличка
Я маладзёўка нѣ выспала-сь
Усю ночку не спала
Шнуурки сукала.
Сукала шнуурки шалкавыѣ
Шыла кашульки рубкавыѣ
Саму, таму запредавала,
Сваѣму милому дарма давала
Давала я ему нѣжалуючы,
А юнѣ браў нѣдзякуючы.

55.

Зазіцька рабала, нѣ кукуй рана
Ня кукуй рана, бо я ўжо мала
Я ўжо мала дароў нѣ наткала
Дароў нѣ наткала, кубла нѣ наклала
Закукуй парой подѣ леной зарой.

56.

Де калина малина
Два луги пабѣлила
Де сьвинѣ бѣлымъ цвѣтомъ
Чырвонымъ ягодкамі
Малала дзёўочка
Два двары покрасила.
Адзинѣ дворъ гдзѣ расла
А други дворъ куды пашла
Де русою касою
Де сваѣю красою.

57.

Де гула пчола гула
Па бару лятаючы
Де мядокъ збѣраючы
Де мядокъ мой саладокъ
Яжѣ на цабѣ спазніда-сь
Начавала у цюмнымъ лѣсь
Де ў зялёнымъ вѣресь
Де ў ливовымъ кусточку
У зялоненькимъ вѣрасочку.
Де плакала удзёўочка

Де абѣдъ гатуючы
Абѣдъ мой горки
Да безъ цабѣ мой милѣньки
Я саду абѣдаць,
Я дзѣткамі абсаджусь
Де слозкамі абальюсь.

58.

Де свѣтъ свитаѣ
Да зара зараѣ
Малая дзѣвачка
Зъ лавара зѣжжанаѣ
Де ў яѣ баѣчка
Ключоу пытаѣ
«Да гдѣ дзѣцатка
Ключы падзѣла?»
— «Міодъ вино тачыла
Ключоу забыла
Ужожъ цапѣрѣ баѣчка
Я и на ключница
Я и на вѣрница
Де цапѣрѣ ключница
Сваѣму сѣкратку
Цапѣрѣ вѣрница
Сваѣму мілому.»

59.

Де на синѣнькімъ морѣ
Два бабры купалі-сѣ
Де на новымъ ганечку
Два стральцы змаўлялі-сѣ
Хочуць баброу пастреляці
Де сабѣ на шапечкі
Дзѣвачкамі на шубечкі
Дзѣвачка за столъ идзѣ
Шубечка въ ручкахъ нясѣ
Ой дзѣвачкі дружечкі
Нѣ сатрыцѣ шубечкі
Де ня тутъ то спраўлена
Де зъ лалокъ прывязіона
Спраўлена въ Чаргарадѣ
Прывязіона мнѣ молодѣ
Шылі яѣ краўцы Нѣмцы
Прыслалі малоды малойцы.

60.

«Ой чаго лосю, ой чаго сны
Къ луку прилагають
Ой чы ты лосю ой чы ты сны
Лихую зиму чуешь?»
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзё якъ лепёшка
Я-ў лётку пайду, травіцу скашу,
Расіцу рацёршу. —
«Чаго дзівочка, чаго маладзёнька
Такъ смяхёнько плачешъ
Чы ты дзівочка чы ты маладзёнька
Лихую сяжроў чуешь?» —
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзё якъ маточка
Я-ў маткі пайду, я вяночкё саўю
Зъ дзівочкамі у садзёць пайду.»

61.

Де у сьвічкахъ галубокъ гуляць
У святолецце азувац-ца
Сынъ у бацкі да пытац-ца:
«Бацёчка мой родненькі
Чы многа мнѣ святоў садзіць?»
— «Дзёцятка, челядзінечка
Садзі сваю ўсю радзінечку
Багатою і худобою
Ходобая де гуляць будзё
Багатая пыхаваць будзё.

62.

Вхаў козакъ зъ Украины
Пусціў коня у поў даліны;
Хадзіў кося напасайсѣ.
Хадзіў конікъ зъ Украины
Выбѣ травы поў даліны
Выпіў вады поў Дунаю
Прышла мила пастаяла
Пастаяўшы падумала
Якъ милаго абудзіла
Ташла жъ яна у лозечку
Вылажала бярозечку
Де-й кранула ў ножечку:

Чы ты мила спяшь начуўшъ ?
Найхали Татаровъ,
Вазмуць коня вараного
Забьюць цябъ маладога
Чы ты мила вѣрае любяшъ
Што ты мянѣ ража будаешъ
Кабъ я цябъ налюбыла
Ябъ да цябъ вѣхалавила
Ранюсѣнька бѣ ня будзела.

63.

Чаму у цябъ зязюлька лэўтэкъ нѣтъ,
Чаму у цябъ сивая лэўтэкъ нѣтъ ?
— «Были у мянѣ лэўтэчки, цяперъ нѣтъ.
Прылацѣли сакалы сы-бору
Побрали лэўтэчки зъ сабою
Пакинули зязюльку сиратомъ.» —
«Чаму у цябъ лэўточка бацькоу нѣтъ
Чаму у цябъ маладая бацькоу нѣтъ ?
— «Были у мянѣ бацьки, цяперъ нѣтъ.
Сыслаў Богъ Апіёлоу да дому
Узяли манхъ бацькоу зъ сабою,
Пакинули мянѣ маладзѣньку сиратомъ.»

64.

Де чыѣжъ то жывечки
Па мѣсяцу жыта жалі
Сярпы пагублялі
Каторая пашла
Тая дамоу пашла
А каторая нѣтъ
Тая вшець да-свѣтъ

65.

КОМАРЪ И МУХА.

Камаръ зъ мухой палюбіўся
Палюбіўшы-ся, пажаніўся,
Пажаніўшыся, пасваріў-ся.
«Ой ты муха, ты буркуха,
На ужѣешъ ни ткаць, ни прасці
Ани шолкомъ вышивачи.» —
Палацѣў камаръ па ласочку,
Сѣў камаръ па дубочку.
Прылацѣла муха буркуха

Скинула камара зъ висоносци
Пабіу камаръ носци
Тамъ цѣсли цѣславали
Камару хатку збудовали
Прыляцѣу шарсцѣнь запытаў-сѣ
Хто въ четымъ дому пахаваў-сѣ
Пахаваў-ся тутъ камарыща.
Великаго ваўка казачыща.

66.

Была жонка мужыка
Руки закатаўши;
А онъ яѣ пѣрэпрашау
У шапечку зилѣши.
«Ахъ маяжъ ты мила
За штожъ ты мнѣ была
Куплю табѣ пярэжокъ
У конеўку пива.» —
— «Адъ пива живогъ балиць
А адъ мѣду галава,
Купи жъ мнѣ гареліцы
Штобъ здарова была.»

67.

Туманъ, туманъ на даленѣ
Широць лисокъ на каленѣ
Шарши, большы на лубочку
Ключѣ голубъ галубочку.
«Халадъ, серце, нацалую
Хоць не сваю, такъ чужую.» —
— «На што чужу цалавані
Будзѣ свае жалавані.» —
«А якъ буду жаніцца
Спрашу пива напіцца-сѣ.» —
— «Твая пива, мнѣ нѣ дэцца
Дэўнѣй же мнѣ тваѣ слова;
Матка твая чараўніца,
Сястра твая разлучніца,
Разлучила насъ зъ табоемъ
Якъ рыбечку н зъ надою.
Цяжка рыбцѣ въ Дунай плысци
Такъ мнѣ маладой за мужъ исци,
Цяжка рыбцѣ зъ акульцямі
Якъ мнѣ маладой зъ маладцамі,

Цяжка рыбцѣ на пясочку
Якѣ мнѣ милой на дружочку.

68. (*)

У насъ сягонь-ня вайна была :
Усіо поли зважалі ,
Да пану жыта пажали.
Панѣ жѣ нѣулякайсѣ
Да ў пакой вѣхавайсѣ
Бо мы іосцѣ нѣ жаўнеркі
Да паньскіе жыўны.
Да выходзѣ панѣ выходзѣ
А вина бочку выкоцѣ,
И бѣлы сырѣ на тарелкі.
Частуй-же сваѣ жыўны.
Да умѣу же насѣ прыганацѣ
Умѣй цапѣрѣ частавацѣ..

69.

Де засѣю я полѣ
Де ясѣньнымъ золотамъ ;
Де засѣлю я луги
Червонымъ кармазынамъ ;
А замашу я масты
Залатымъ мастоўнкамъ.
Де засяй полѣ, засяй
Ясѣньнымъ золотамъ ,
Де зашумяцѣ луги
Червонымъ кармазынамъ
Де зазвеняцѣ масты
Залатымъ мастоўнкамъ
Будзѣ ўхацѣ Вальнечка
Нашаго пана дочка ,
Палѣ ўю конікі
Якѣ галкі лятаюцѣ
Каля ўй служечкі
Якѣ мацѣ разцацѣтаюцѣ
Де удѣшю-сѣ Іагѣмосцѣ
У пакоі сѣдзючы
Презѣ аконка глядзючы
«Де хвала жѣ мая хвала
Што ўдзѣцѣмая паня.»

(*) Эти послѣдніе пѣсни преимущественно поютъ при окончаніи полевыхъ работъ.

70.

На улоуыномъ полѣ

Сабралисъ работники :

Де млавѣць, карчомъ зрѣць,

А ваучокъ барануць —

А зайчыкъ дрова сячець

А лиска хатку топиць.

Соушійна за лясъ, за лясъ,

Анѣ пайдунъ ланой зараць :

Де млавѣць у лѣсь палѣсь

А ваучокъ, у имѣльничокъ

Зайчыкъ у бѣрезничокъ

А лиска у норечку

А улоуна у каморечку.

Пословицы, употребляемыя жителями нѣкоторыхъ
уѣздовъ Виленской губерніи.

1. Абоѣ рабоѣ (оба рабыя, обѣ хороши).
2. Авѣчку стрыгуць, а баранъ дрыжыць.
3. Авоуку памоуку, а воукъ (вож) тутъ.
4. Баба съ каліось, каліосамъ лѣгчей.
5. Багаты дзивиц-ца, якъ худы жывиц-ца.
6. Багаты чы будзѣмъ, а голоды не будзѣмъ.
7. Баючисъ воука у лѣсь нѣ иц-ци.
8. Блиско видаць, да даліоко дыбаць (итти, ѣхать).
9. Ближшая сарочка, якъ кабатъ.
10. Боу высоко, панъ даліоко.
11. Будзѣ кій, да нѣтакій.
12. Быу конъ да зѣздзиуць.
13. Быу на каню и надъ каніомъ.
14. Вала зѣдуць, зайца забьюць.
15. Вѣдау Богъ, што нѣдау свини рогъ.
16. Волась доуги, умъ каротки.
17. Воукъ дарогу перебѣгъ (когда кому посчастливится).
18. Воука ноги кормяць.
19. Вывеу воука зъ лѣсу (накликалъ на себя бѣду).
20. Гадко зѣсци, жаль пакинуць.
21. Гаманиць не бѣлицъ.
22. Гаваріу бы катокъ да азыкъ каратокъ.
23. Гадѣ чортъ нѣарау, тамъ сѣяць нѣбуздѣ.
24. Голы якъ бичъ, остры якъ нѣчь.

25. Голы разбою нѣбаиц-цѣ.
26. Госць у домъ, Богъ у домѣ.
27. Гуца дзѣцѣй нѣ разганяець.
28. Доганяючы нѣ нацалавац-цѣ.
29. Да пары збанъ (кувшинъ) валу носиць.
30. Дзiця нѣ плачѣ мацi нѣдогадаѣц-цѣ.
31. Дзѣнь нашъ, вѣкъ нашъ.
32. Дзѣтки надраслi хатку растраслi.
33. Дзiвѣ што у караля жонка хараша.
34. За маіо жыто (рожь) меня пабіто.
35. Заплата у ката, былѣ душа не была голодна.
36. Здарылось черваку на вѣку.
37. Знаюць яго якъ лихаго шеленга (истертая монета).
38. И зъ Праковымъ и безъ Пракопа, то ўсiо роўно.
39. И воўкъ сыты и козы цѣлы.
40. Кабыла здыхаѣ а за траву хватаѣ.
41. Калi узяўсѣ за гужъ, то нѣ кажи што недужъ.
42. Калi нѣ попъ нѣ убірай-сѣ у ризы.
43. Калi шанцуѣ, то и Фiлiмонъ танцуѣ.
44. Калi вѣдзѣц-цѣ, то и на треску прадзѣц-цѣ.
45. Калi рабiшь у купѣ, то нѣ балиць у пупѣ.
46. Калi ѣсць хлѣбъ и вада, тѣ нѣ бѣда.
47. Калi ѣсць хлѣбъ и вода то нѣма галада.
48. Кѣпско панѣ Грыгоры: што далѣй то горыѣ.
49. Кѣпско у Мiнску панѣ Коренѣўскi (должна імѣць основанiемъ какое-нибудь событiе).
50. Круцi нѣ круцi треба умерцi.
51. Куку у руку (о вѣзкахъ).
52. Купиць нѣ купиць, а потаргаваць можна.
53. Люби якъ душу, треси якъ грушу.
54. Ласкавое цѣлятко дзѣѣ маткi ссѣ, а гордое ни одной.
55. Майстеръ зъ Мiра, што цаў то дзiра. (Мѣстечко Миръ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, извѣстно было въ особенности-торговлею мѣхами. Но, видно, тамошнiе скорняки не отличались ловкостiю, когда вошло въ пословицу «Мастеръ изъ Мiра, что ткнулъ, то дыра».)
56. Май милы пакою добрѣ мнѣ сѣ табою.
57. Мужикъ дурны якъ ворона, а хитры якъ лисъ (или якъ чортъ).
58. На чыюмъ возку ѣдзѣшь, таму пѣсеньку спивай.
59. Надъ сиратою Богъ сѣ калiтою.
60. На дурня и Богъ ласкаў.

61. На табѣ нѣбожѣ чито мнѣ нѣ згожѣ!
62. Нашто намъ гѣты пистагѣты, кали стрѣляць не умѣмъ.
63. На злодѣю шапка гарыць.
64. На комъ скрупиц-цѣ на комъ змѣлиц-цѣ.
65. Нѣ адвинъ гаурыла у Полоцку.
66. Нѣ біуши кума нѣ пици пива.
67. Нѣ дай бацко шапки, нѣхай уши мерзницъ.
68. Нѣ фигуруй Гришко (вошедшее въ пословицу восклицаніе новогрудскаго шляхтича, которымъ онъ предостерегалъ своего кучера).
69. Нѣ гѣто паны што гроши маюць, аѣ што Бога знаюць.
70. Нѣ кай-сѣ рано устауши, ни мало до аженіушисѣ.
71. Нѣма той хатко штобъ не было звадки.
72. Нѣ плюй уводу, часемъ треба буздѣ напич-цѣ.
73. Нѣ плациць багаты, плациць виноваты.
74. Нѣ радзіу макъ перабудзимъ такъ.
75. Нѣ стрыжено а голѣно (обрыто).
76. Нѣкажи гоць! кали не перескачіу.
77. Нѣ вѣлики панъ перелѣзѣшь самъ.
78. Нѣ зарыуши неадзы (нужды) нѣмѣць пинѣдзы (денегъ).
79. Ни чытаць ни писаць, наурадъ вѣдуць.
80. Ни куѣц-цѣ, ни плѣцѣц-цѣ (въ-случаѣ неудачи).
81. Ни рыба ни масо.
82. Ни сѣло, ни пало, дай бабѣ сало.
83. Ни у пяць ни у дзѣвяць (сѣ польскаго).
84. На пахилое дзѣрево и козы скачупъ.
85. Повеи ѣздѣшь, даліоко станѣшь.
86. Пѣредъ нѣволою рыбы нѣлави.
87. Пѣрвѣй Боу стварыу пальцы, якъ видельцы (вилки).
88. Покуль сонце узыдѣѣ, раса выѣсць очы.
89. Придѣѣ каза да ваза, будѣѣ сѣна просиць (нѣкоторые при-
бавляютъ) а я казу кѣмъ.
90. Принѣси Божѣ гасця, то и гаспадаръ паживиц-ца.
91. Припомѣѣла баба дзѣвиць вѣчеръ.
92. Сабака брешиць, а дваранинъ ѣздѣѣ.
93. Сѣмъ сіоць адвинъ воѣ и той голъ.
94. Скачи ураже якъ панъ каже.
95. Сѣѣпому вѣѣчная память.
96. Славенъ бубенъ за гарами.
97. Сѣ пѣѣни слова нѣ выкинуць.
98. Сѣ прыбытку галава нѣ балиць.
99. Свая сѣрмяжка, нѣмаму нѣпьяжка.

100. Свой свайго познау, и на пиво пазвау.
101. Сыты голодному нѣ спагадаѣ.
102. Съ чужой кабылы, треба и убалоцѣ сѣсцю.
103. Треба жыць якъ набѣжиць.
104. То нѣ банкѣтъ кали принуки нѣтъ.
105. Хоць бѣда, то гоць.
106. Хоць ты мѣнѣ капуть, то я нѣгалиомъ.
107. Хоць завала, былѣ у дому не была.
108. Хитро мудро зъ нѣвѣликимъ коштомъ.
109. Хто богаты той мнѣ братъ.
110. Хто пытаѣ, той нѣ блудзиць.
111. Хто цихо ходзиць, той густо мѣсиць.
112. Улезъ якъ упѣредъ, ни ўзадъ ни у пѣредъ
113. Усюда добра, а дома лѣпѣй.
114. У страха очи вѣлики
115. Ци дау я табѣ бабко шелѣтъ? дау нанѣ (когда часто при-
поминають свое благодѣаніе).
116. Цѣрціонъ — спасіонъ.
117. Чаго чорпѣ у балоцѣ сѣдзишь? бо привыкъ.
118. Чымъ хата багаты, тымъ рада.
119. Чымъ чортъ нѣсѣау, тымъ араць нѣ буздѣ.
120. Што галава, то розумъ.
121. Шмаруй мужика саломъ а іонъ дзіохціомъ смердзиць.
122. Штобы галава, а шолудзи будуць.
123. Што убіу, то уѣхау.
124. Што зъ возу спало то уже пропало.
125. Ышь дурню зъ макомъ.
126. Якъ кукнѣшь, такъ и адзвѣц-це.
127. Якъ паспѣлѣш-сѣ, такъ и выплѣш-сѣ.
128. Якъ пераначуѣшь, то большъ пачуѣшь.
129. Якибъ гэта крукъ (воронъ), штобъ выпусциу зъ рукъ.
130. Языкъ Кіева дапытаѣц-цѣ.

Пословицы, принаровленные къ особеннымъ днямъ
года.

На Срѣтеніе: Грамница зимы пазавица.
 Въ день св. Матеея: На Маѣтя зима пацѣя.
 Въ Юрьевъ день: Юрьева раса нѣ треба каніомъ аўса.
 Въ маѣ: Май, валомъ дай, и самъ на пѣчь уцѣкай.
 Въ Ивановъ день: Пѣредъ святымъ Яномъ, прасицѣ дзѣ-
 тѣчки Бога а дожджъ, а по святымъ Янѣ я и самъ упрашу.

Въ Петровъ день: Пришоу Пётрокъ, апау листокъ, пришоу Илія, апаао два.

Въ Ильинъ день: На Илью поуну пѣчь хлѣба валию.

Въ Борисовъ день: Барысѣ, Барысѣ, самѣ баранисѣ.

Въ Преображенія день: Пришоу спасѣ ѹсѣму часѣ.

Въ Вареоломея день: Пришой Баўтромѣй, жыто на зиму сѣй.

О лѣтѣ: Қали грыбно, то и хлѣбно.

Въ Варваринъ день: Святая Барбара ночи урвала.

Въ Николинъ день: Да Миколы, нѣтъ дѣбра никоди.

Въ Стефановъ день: На святы Сципанѣ ѹсяки сабѣ панѣ.

Особенныя выраженія и сравненія, употребляемыя
вмѣсто пословицъ.

1. Ани галера нѣма (галеръ — польская мѣдная монета).
2. Ани ухомъ нѣ вѣдѣѣ.
3. Брешѣ якъ сабака.
4. Бычокъ трепячокъ (говоря объ избалованномъ ребенкѣ).
5. Вадзицъ дѣдѣды (когда кто дремлетъ за работою).
6. Варачаѣц-цѣ якъ млдзвѣцъ.
7. Высалапилася якъ патароча.
8. Галы ѹ рады (очень рѣдко.)
9. Дзѣцѣй якъ бобу.
10. Затакаваѹся якъ цѣцѣрукъ.
11. Квокчѣ якъ курыца.
12. Лостечкама душу вынимаѣ (ласками душу вынимать).
13. Мѣля языкомъ якъ цѣля хвостомъ.
14. На катѣ пацягушки, а на дзѣця рѣстушки.
15. Накрыѹся якъ лисица хвостомъ.
16. На усь матаѣ.
17. Ни къ Богу ни къ людзямъ.
18. Ни къ селу ни къ городу.
19. Ни вала ни каля.
20. Пацѣха якъ ражонъ (вертень).
21. Палажицъ зубы на палицы (когда нечего ѣсть.)
22. Паповыя очы.
23. Пашли ѹсѣ у камышѣ.
24. Плѣсци кашели въ лапцями.
25. Плачѣ якъ у дзѣвицъ вѣчерѣ.
26. Працуѣ (работаетъ) якъ чорны вогъ.
27. Пришоу на него гизѣ (наѣѣкомое, которое скотъ кусаетъ).
28. Распусциѹся якъ дзядоѹсная пуга (бичъ).

29. Самъ сабѣ радъ.
30. Сѣдвѣць якъ заѣць у жыцѣ.
31. Скрывіўся якъ сѣреда на пятница.
32. Хаваѣцца якъ сабака адъ мухъ.
33. Хоць ёму козь на галавѣ чешы.
34. Хоць запааі, то не трэсьнѣ.
35. Худы якъ хрусцѣль (птица).
36. Цаца, лая — баутрусь (на избалованнаго ребенка).
37. Цвѣцѣ якъ макоўка.
38. Щебѣчѣ якъ сарока.
39. Якъ курыца сакочѣ.
40. Янъ у Бога за павухой.
41. Якъ воўкъ мѣльнуу хвастомъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ой гаросѣ! гаросѣ!
 Сѣмля цябѣ харашо?
 При лузѣ при дарозѣ
 При битымъ гасцѣнцу.
 Ай ты красца Агатка
 Заручали цябѣ харашо,
 При радні и племянні,
 При родномъ татечку.

II.

Пріѣхали заручнікі
 Чаму яны безъ дудечкі?
 Агатка ня удовачка
 Захочецъ пагуляць
 Таткаў дворъ раўнаваць
 Ножкамі астрожкамі
 Чорнымі чаботамі
 Зъ маладымі сватамі.

III.

Кабъ я вѣдала блізкіе заручнікі
 Паслалабъ я свайго татечку и догъ на каліну.
 Татачка нязѣць
 Калінку нѣ нязѣць,
 Вѣтры ня вѣюць,
 Слонца ня греѣць,

Калинка на спѣецъ ;
Што мая за доля !

IV.

Мавила бочечка
У ривницы стаючи :
Кали няѣ на выпѣцъ
Сама выкачусъ
Па дваръ разліюсь
Крыницею сѣдзонею вадзницы.
Мавила Агатка и татки слязючи
Кали няѣ не выдаси ,
Такъ я сама пайду,
Па дваръ па малъвнку иду,
За вярота у грунь паягу.

V.

Зыбнула мора зыбнула ,
Тамъ наша Агатка утанула !
Прышоу къ ней татка :
Падай ручку Агатка ,
Нѣ падамъ я ручки
Хоць я у моры утану
Нѣхай нікому не застануса
Застануса алвану
Янечку мілому.

Vi.

Сягодня заручинки
Богъ намъ дау;
Працю панядзѣлку
Богъ намъ дау.
Шли дары на тры сталы ;
Таму сяму на падарку
Нашаму Янечку
Тры падаречки
Богъ яму дау;
Адзянѣ падарокъ залаты пѣрсцѣнь ,
Други падарокъ , шаўковая хустка
Трѣци падарокъ , красная Агатка ,
Залаты пярсцѣнь на мѣнянѣ
Шаўковая хустка , на уцѣранѣ
А красная Агатка , на паханѣ.

VII.

У гародаѣ на частакоѣ
Зязюлька кукавала
У лазни на креслѣ
Касу Агатка чесала
А чешучи касу русу
Зѣ касой размаўляла :
Мая касица мая русая
Нѣгдаѣ я татку ня мила !
Я табѣ мой татечка ,
Зѣ вясны гаварыла :
Ня дзяры бору
Ня сѣй ліону
Нѣкаму будзѣ палонь
Гдзѣ я пайду, гдзѣ я жыць буду,
Тамъ я и рабиць буду.
Я табѣ свѣкрадка аѣ вясны гаварыла :
Надзяры бору, насѣй ліону:
Я прійду и палонь буду.

VIII.

Дзѣшева была майму татечку
Да гарелечку пець ;
Якѣ пойдзѣць на токѣ
Возмѣць цапокѣ
Нѣ сѣ кимѣ малаціцѣ
Цапочкомѣ маціцѣ
Цяжка уздымаць
Сильнѣшка заплачець
Што дачушкі вѣ бачець ;
Дарага была да майму свякрадку
Гарелечку пець ;
Якѣ пойдзѣць на токѣ
Возмѣць цапокѣ
Іосць сѣ кимѣ малаціцѣ.

IX.

Камора звинѣла
Гдзѣ Агатка сядзѣла :
Сядзѣла у каморы
Тонкія абрусы ткала
Мыслямі ўзоры
Дзіўныя павяла

Притѣу суженьки самъ дѣсятъ
Папушао коники у вишновъ садъ;
Ня ржицѣ коники, ня ржицѣ
Янечка запасѣць на жицѣ
Ядраннымъ зусомъ абсыпѣць
Черѣвнымъ сукномъ абшыѣць.

ПѢСНИ, КОТОРЫЯ ПОЮТЪ НАКАНУНѢ СВАДЬБЫ ВЪ ДОМѢ
НЕВѢСТЫ:

X.

Дагадайтѣся добрыя люди
Што въ этомъ караваѣ есць
Тридцать бочокъ пшеничной муки
А тры бочки крыничной зады
Сорокъ копѣ молодыхъ курей люкъ
И тры фаски дровичихъ (молодыхъ) коровъ масла.

Выйду я на уличку
Рученьки загорювши
Ошибуць мянѣ дробныя сѣловки
Матки бытъ вспомянууши
Матчено ложе спицѣ до абѣда
Гуляѣ до полудня,
Только встала коску счесала
Бѣло лицо обмыла
Чя нѣ жалѣ табѣ красная дѣвочка
Дѣвочкиго стану
Дѣвочки гуляюць
Косонки маюць
Тамѣ цабѣ не принимаюць
А молодочки чепчики вяжутъ
Тамѣ цабѣ закликаюць.

XI.

ВЪ ДОМѢ ЖЕНИХА.

Чыла жана каравай мѣсила
Шолкомъ, золотомъ рукава нашивала
Кала колнера бѣлымъ папѣромъ
Коло забору чарвонымъ горѣмъ (gorino)
Сестра брату каровай бѣѣ
Зѣ бѣлѣвными ручками
Персѣвочки съ очками.

Да сжались свѣча
 Да зъ малойчика зъ лица
 Да впаде на могилку
 Да приблде дальнику
 Да пашла слѣза
 Зѣлюный морозъ пробиваючи
 И жоутый пѣсокъ промываючи
 Ойца матку побужаючи
 Стань ойцѣнь раду радяиць
 Да веселье споридяиць.

Благословиць люді
Блискіє оубави
Гетаму дивизици
Каравай замасиць
Ручками бялѣнькими
Пірсцьями залѣцѣнькими
Пісьяными вѣселѣнькими
Ты ступъ Боже зъ нѣба,
Якъ намъ цѣлѣръ треба!
Памагай разчиниць
Памагай замасиць,
Ручками бялѣнькими
Пірсцѣвymi залѣцѣнькими
Пісьяными вѣселѣнькими
На стой Боже за дѣврями
Да иди Боже у хату,
Да сядзъ Боже на куць
Да дай долю маладзѣ
Я у хату нѣ нѣ пайду.
Я за дѣврями настаю
Маладзѣ долю перашлю
Збѣрайсь родзѣ!

Да кѣ бѣленькому караваю
Старыѣ бабы для парадку
Малодыѣ маладзицы пѣсані пѣць
Удалыѣ малойцы каравай пѣць

XIII.

Хвалажѣ табѣ Боже
Што мы дѣла зрабили
Каравай замясили
Ручками бѣленкими
Пѣрсцямі залацѣнькімі
Пѣснямі вѣсѣленькімі
Чатыры ножы у дзяжы
Пятая мая сила
Каравай замясила ;
Да упала я у дѣла ,
Цѣла маю ушацѣла
Гарелечки захацѣла
Гарелечки зкавитечки
Для мянѣ працавитечки
Гарелечки тащанечки
Для мянѣ мящанечки.

У нашаго госпадара
Кудравая галава
Кудзіоркамі патрасьць
Намѣ гарелкі прынясьць
А кудзіоркамі накалаціць
Намѣ гарелкі присаладзіць.

XIV.

Каравай у дзяжы играець
Да вѣка паднімаець
Каравайніць жыдаець
Гдзѣ жѣ маѣ каравайніцы ?
Чы на мяду запылі-сѣ ,
Што на мянѣ забылісѣ
Гаспадынечка водка
Варачай-сѣ хутка
Ужэ на дварэ вечерь
Каравай ня пѣчехь

XV.

Саступѣ Боже зѣ пѣба

Якъ намъ цѣлѣрь треба
Памагай замѣсиць
Памажи и усалзиць
Ручками бяленькими и т. д.

XVI.

Нихто-не угадаѣ
Што у нашимъ караваю
Дѣлаци пудоу мука
Асьми кароу масла,
А яецъ поўтораста
Зъ суботы на вялѣблю
Сабрала-ся Агаты радэина
Знаслижъ яны сѣмъ ситъ муки на каравай.
Хвалажъ Богу! вяликъ будзѣ каравай.
Знаслижъ яны сѣмъ фасекъ масла на каравай.
Хвалажъ Богу! пушонъ будзѣ каравай.
Знаслижъ яны сѣмъ ситъ яѣцъ на каравай.
Хвалажъ Богу! румянъ будзѣ каравай.

XVII.

Да багатъ Агатка татка твой
Добра пшаница што у навинѣ
Да вяликіе стырты у гумнѣ
Поўныя аруды у клецы;
Падашоу каравай у дзяжы
Зашумѣу каравай у дзяжы
Да чаму яму нѣ шумѣць
Харошая у чыняла
Румяная масла
Господа Бога прасила
Кабъ нашъ каравай улаўсѣ.
Стаяла каліна колькі лѣтъ
Сячыць рубайць назагнѣць
Кабъ нашъ загнецьць ясны быу
Кабъ нашъ каравай красенъ быу,
Кабъ нашая Агатка вясола была
Кабъ нашая рутечка зѣліона была.

XVIII.

На дворѣ яворѣ сякуць
А и хатечку тресечки лятуць
Калі авору тресечки
Калі караваю маладзички

Пършаа кѣтка
Нашаа Агатка,
На лварѣ яворѣ сякуць
А у хатечку тресечки латуць.

XIX.

Каравайницы пѣныѣ ўсіо цѣста пакрали
Па кѣшеняхъ паклали ;
Ахъ цѣмѣ пришло
У кѣшени цѣста падышло
Чыла жена гожа
Языкомъ даяжу гложе
Чыла жена хижа
Языкомъ даяжу лже
Дайцѣ мѣ чарку , я тую выню ,
Дайцѣ другую , я выню я тую
А за трещюу надзенькую.

XX.

Стану я ля пѣчы
Караваю глядѣць
Кабѣ іонѣ нѣ адіюкса
Кабѣ іонѣ нѣ абжогса
Кабѣ намѣ соромѣ на быў
Да у чужыѣ людѣ.

XXI.

Паламыли каравай на сталѣ
Сталовыѣ ложки гублюцься
Усѣ людзи дзвюцься
Што удаўся нашѣ каравай
Да Пану Богу на хвалу
Добрымѣ людзіемѣ на славу
А пріацѣямѣ на даша
Вы пріацѣли глядѣць
И по талару кладѣць.

XXII.

Пытаў-сѣ каравай у штрапѣчы
Да куды сцѣжка да кѣццѣ ?
А ты караваю штрапаю
Часто у кѣццѣ бываешъ
Сцѣжки дарожки пытаешъ !

Вазны чашаюхъ папйрай-он
Да у клетку дабывайся.
Мыжъ были на караваю
Тамъ насъ частавали
Піўцомъ маладзёўнымъ
Мядкомъ саладзёўнымъ.

XXIII.

Цымбалы заиграли
Кала аконъ забраджали
А гатчина челядзь
Захацѣли вѣчераць.
Ляцѣли гусечки зъ выраю
Да пытали-сь караваю:
Чы ужо вы каравай спляскалі?
Чаму насъ гусачекъ не ждалі?
Мыбъ каравай спляскалі,
Крыльнямі, ножкамі спляскалі.

XXIV.

Янечка брашна на гумнѣ холэщы
Да тры салы салыцы, усѣ тры хвѣлючы
Вій-сь хвѣлю, вій-сь лакола тыччи
Да и садѣ шпешечкамі; надстрыгай-сь Янечка,
Зѣ ребяцкаго стану, да у мужескую славу.

Да у вѣсяца два рожки крутыѣ,
Да Янечки два браты радныѣ;
Адзінъ брашна нана саллаўць,
А другі брашна яго научэць:
Да будзь брашна разумненькі
Да паѣдзѣшь брашна ў чужіе людзѣ
Выйдзѣць къ табѣ танокъ дзѣвонъ;
На бары таѣі, што ў золотѣ,
Да бары тую што ў розумѣ;
Мы золота ў крамѣ даставешъ
Мы разуму свайго не уставишъ.

Синѣе озеро на лугахъ стаяць
Нашѣ Янечка на думкахъ сядзѣць,
Думаецъ думу вялікую
Паняў радзину багатую
Звядзіў копіка гарцуючи
Спіоръ шапачку кланяючысѣ;
Значіў хустечку уцѣраючысѣ.

Кляновы листочекъ кудыжъ ты кодишься?
Чы ў лугъ чы ў далину
Чы зноў на клянину?
Да не самъ я качуся
Кодиць мянѣ буенъ вѣцеръ
Ни ў лугъ, ни ў далину
Да и зноу на клянину.
Янечка малалѣвныи
Кудыжъ ты радзіш-ся
Чы у госпи чы у дарожку?
Да нѣ самъ я раду-ся
Радзіць мянѣ той татечка
Ни ў госпи, ни ў дарожку;
Къ цѣсьпятку на падворья
Къ Агатцѣ на застоля.

XXV.

Чыѣ то коніки
Для стаѣнкі стояць,
Сивыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Чыѣжъ то свачечки
За столикомъ сѣдзяць
Бѣлыѣ румяныѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Янечка вы коніки
Для стаѣнкі стаць
Сивыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ;
Янечки свачечки за столикомъ сѣдзяць,
Бѣлыѣ румяныѣ, ў дарожку прыбраныѣ.

Сабраў-сѣ раіочекъ
Да у ціомы куточекъ,
Хочецъ паліцѣ на шырыѣ бары
На жаўтыѣ святы
На салодкіѣ мяды
Сабраўся Янечка зъ сваѣй радзімай,
Хочецъ іонъ паѣхаць
Тесьпятку зваяваць
Агатку къ сабѣ ўзвіаць

Янечка у абозѣ
Нѣ указавы конікѣ што у возѣ
Юсьць у мянѣ навалі ў дарозѣ
Падкуюсь коніка што ў возѣ

Іосць у маеі Агаткі парсціюнки
Будуць коняку подкоўні :
Іосць у маеі Агаткі каралі
Будуць коняку ухналі :
Іосць у маеі Агаткі паяскі
Будуць коняку падаскі.

Да бораць , бораць , борами
Вхалі сваты радамі
А могодзь Янечко напяродъ
А яго брахвечка пасяродъ.
Стойць , пастойць сватовъ
Чы нъ вязюцька кукуць ?
Чы нъ салавйіка счабъчецъ ?
Янечка алказываецъ :
Што ня вязюцька кукуць
Ня салавйіка счабъчецъ
Гето маеі Агатць пёсьні паюць
Мнѣ малодому вёдома даюць.

Да зъ борку зъ борку на колку
Всяць калыска нашолю
А у тей калысць Янечка :
Да мілье маі сватовъ !
Зъ калыхніць мянѣ високо !
Кабъ я забачыў далёко !
Гдзѣ мая Агата гуляецъ
Салавымъ яблочкомъ пшбаецъ
Да яна у арешкі цагуць
Зъ малымі рабятані жартуць.

Для святнаго двара
Да высокая гара
Ні узійці ні узъхаць
Сакаломъ не узлѣць
Што лаці то лаці ,
Тую гару раскапаці
Ні узійці ні узъхаць
Сакаломъ узлѣць
А Янечку узъхаць.

Да зажурыўся Янечка ў паллорожі ядучы
На бѣлыя бярозкі глѣдзючы
Да мая бярозка бѣлая
Да мая галоўка бѣдая
Я у істымъ дзвѣхъ не бываў,
Па ціомныхъ ночкахъ не вѣджаў.

Да нѣ журыся — Янечка,
Мы цабѣ аднаго нѣ паплююць
Мы цабѣ папломъ зѣ дружиной
А ўся дружина зѣ сваей радэшняй.

Бѣлые барозки
Да не разывайцѣ-сь
Крутыѣ дарожки
Да не разывайцѣ-сь
Янечка кѣ цѣсцю вядзѣць
Юнѣ дзядца разумнаѣ
Юнѣ море сѣлязніомъ плывець
Юнѣ полѣ сакаломъ ляцѣць
У вароцѣхъ расой падаѣць
На дваре князямъ становѣ
За сталомъ госціомъ сядзѣць
Частуйцѣжъ частуйцѣ
Небывалаго госця
Свайго любаго зяця.

Ай Божеж мой Боже, мы беромъ вѣсели,
Вѣтры на вѣяли, бары нѣ шумѣли
Прыѣхали кѣ свату, такѣ дзѣўки заѣхали
Якѣ сучки забрѣхали;
Чы на істо сватѣ запрасіў
Кабѣ сельскімі сучкамі напусіў;
Вэзмі сватокѣ памяло
Да гани сучекѣ за сіло;
Альбо вэзмі добры лутѣ (лыко)
Да гани сучокѣ у ніомны кутѣ,
Да дзѣвачки маѣ
Нѣ зайцѣ мянѣ
Да прійдзѣцѣжъ и вы кѣ намѣ
Будзѣцѣ іста и вамѣ.

А мой брахненька, пашто увышоў
Са ржанымъ пірагамъ зѣ дубовай ражкой?
Ржаны пірогѣ дзѣўкамъ падаѣю.
Зѣ дубовай ражкой у ягоны пайлу
Пшонная пива падѣ уголѣ палію
Зѣ бярозовай розгай на паству паганю.

Братѣ сястру на пасадѣ вядзѣць,
Шаўкомъ зямельку мяцѣць
Сытоў падаваѣць,
Зѣ сястроў размаўляець:
Сястрыца радная

Да ня будзь гордая
Да вѣ жалей галоўкі, да кланай-сѣ
Мамцѣ у ножкі, нѣхай мамка знаѣць
Да абъ долю угадаць
Знаю дзѣцятка, знаю
Да абъ долю не угадаю;
Дасць Богъ долю дасць добрую.
Хвалажъ табѣ Боже!
А калі якую преклятую
Ахъ моцы мой Боже!...

Ходзяць ходзяць вязюлька,
Па шырымъ борочку
Садзяць пасадзяць дзятчечкѣ сваніхъ
На бѣлымъ паўчынѣ
Пакуль прыляццѣ салавей зъ лугу;
Юнѣ насъ разгоніць, і мянѣ зъ сабой возмѣць
Ходзяць ходзяць малалая дзѣвечка
На новымъ ганку садзяць пасадзяць сваніхъ
Дзѣвечекъ на бѣлыхъ лаўкахъ
Пакуль пріляцѣць Янечка зъ дружыцкой
Юнѣ насъ ранопіць, юнѣ насъ разгоніць,
А мянѣ зъ сабой возмѣць.

Што-то за зора
У таткі на дварэ,
Дзѣвечка зъ цяпломъ ходзяць,
Дзѣвечекъ пабуджаць;
Устацѣ дзѣвечкі
Барыцѣ шотечкі
Чашыцѣ галовечкі;
Ужэ мая учесана
Каснікомъ уплясёна
Ужожъ маѣ прыѣхалі
Ужожъ маю развіюць коску
Мамчыную раўняюць словку.

Улезъ дружка ў хату, на пѣць заабраецъ;
Чы валіць гаршчокъ кашы, чы палдаюць,
Нашы: алявѣтъ каже-ць мала
Другі каже-ць годзя
Трэці каже маўчы;
Бо загадаюць таўчы.

Бары сабѣ гета
Купі сабѣ мыла
Кабъ цабѣ жонка любіла

Кабъ дзѣцц пданали
И бацкомъ назвали.

Вѣрабѣй дружка, вѣрабѣй,
Па сумѣтнику паскакаў
Нагой шелягъ выкапаў
Сваю дзѣўку выкупляў.

Дружко! дружко! нѣ зарочэй мяѣ,
Я нѣ калода табѣ.
Кабъ я калода
У бару бѣ лежала,
Кабъ я бароза
На мяжы бѣ стояла.

XXVI.

Звязали дружка, звязали,
Гдзѣжъ яго паймали?
Запіўся дружка запіўся!
И на дружину забыўся.
А гдзѣжъ твая дружина?
Чы у полі подѣ шатромъ
Падѣ бялепкымъ палатномъ?

Дружки жена дасужа была
Сѣмъ годъ кросна ткала
Сѣмъ надзѣль фартухъ шила
Да збѣду званіла
На парозѣ згубіла.

Дзѣўку дружки били
Чупрыну залупили
Хто в дзѣцц смяў-ся
Што чупрына трасяў-ца.

Даў нашого дружка
Голымъ гола галоўка.
Добра дзѣўкамъ бобѣ малаца
На закуточкахъ нѣ ляццѣ.

Прыѣхали пацярэбнічкі
Да царэбляц царэбляц зубечкі
Целаѣ жераба зѣўлі, па сталу качаючы
У попялѣ малаючы.

Пѣрадѣ дружкомъ сарока

Ляжиць яна безъ ока
Яна лежучи сакоцець
А іомъ нѣ вѣсцѣ хочець.

XXVII.

Сваты баромъ вѣдучъ и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты поломъ вѣдучъ и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты сяломъ вѣдучъ и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты сяломъ вѣдучъ и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты на дворъ вѣдучъ и играюць,
А наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты за столъ идуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры — не плачѣць.
Ужо сваты за столъ идуць, за ручку бяруць,
Таглы дала вѣры наша Агатка, и плачѣць.

Прыляцѣла сарока, чы чы, чы чы чы,
Сѣла у дзѣвочки на плечы,
Скажу табѣ добрую вѣсцю чы чы чы
Што у цабѣ на дварѣ сваты чы чы чы.

Прыѣхали три казаченьки на дворъ къ намъ,
Пазнай, пазнай дзѣвочка, каторый нашъ?
Чы то што у сивымъ, на каню сивымъ
Чы то твой?
Самъ маладзѣньки, конь вараненьки
Чы то твой?
Чы то што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ
Чы то твой?
Што у сивымъ, на каню сивымъ
То дзѣвѣць твой,
А што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ,
То сѣкеръ твой,
Самъ маладзѣньки
Коникъ вараненьки
Гета мой.

Прыѣхали сваты на дворъ, пусціли страду у акно,
Страда мая страда
Пашто ты прышла
Чы на мюль, чы на гарелку
Чы на красную дзѣўку?

Ни на мѣдѣ, ни на гарелку
Але на красную дѣвуку.

XXVIII.

У грознаго цѣсца, станѣ зяцѣ за вѣротами,
Свяжкомъ перапауши,
Даждомъ перамокуси;
Крыйсѣ зяцю кунами,
Бабрами, черными сабалами.

Ужожѣ мы пазябли у доугой дзрозѣ
На тугимъ марозѣ
Нашыѣ зубки сакочуць
У хатечку хочуць
Нашыѣ конники гагочуць
У стаѣнку хочуць.

Цѣсца зяця ждала,
Кунами дворѣ слала,
Кунами, бабрами
Черными сабалами,
Кабже мая змога,
Выслалабѣ я и многа,
Пышна цѣсцѣ пышна
Да къ зяцю не вышла
Чы у яѣ кажуха нѣтъ?
Чы у яѣ кубка нѣтъ?
Чымъ зяця витаць?

Эѣ циха баяры идзюцѣ
Харомѣ нѣ вярницѣ,
Харомы ўсё новыѣ
Столики цисовыѣ
Абрусы двайчастыѣ
Мы гости вѣчастыѣ.

Налацѣли гуси
Да зѣ Бѣлянкой-Руси
Сѣли, пали на крышницу
Стали яны ваду пиць
Наѣхали госци
Да зѣ чужой валосци
Сѣли яны за сталомъ
Стали яны мѣдѣ, вино пиць
Да кубкамі абѣ столѣ биць.

У нашей тещянки
Пираги зъ кашени коцюп-са ;
А вамъ же ить хочец-са.
Ъй даваць маркотна
А вамъ браць ахотна ;
Яна даѣць плачучы
А бяремъ скачучы.

Дзякую табѣ тасцянка
Нѣ гдѣзъ тваѣ пираги
У мѣдзяной печи были
Да харашо яны расли.
Залатымъ вясломъ выймяны
Бальшанечкамъ даваны.

Дмѣтса , сваця дмѣтса ,
Къ намъ нѣ хивѣтса ,
Каля при печку третса ;
Чы мы ѣй нѣ дубы ?
Чы мы ѣй ня млы ?
Мы госци зазваныѣ ,
Любыѣ , коханыѣ.

Казали людзѣмъ
Што наша Агатка
Ни ткаха ,
Ни пряха :
Ажъ , наша Агатка
И тонка , прала
И дзвонка ткала ,
И бѣла бѣлыла ,
И ў сыхъ сватоу дзѣлыла.

Нашъ сватъ салавѣйка
Частуй насъ харашенька
Мы госцѣ зазваныѣ
Любыѣ коханыѣ
Кали мы нѣ зналися
Сватами нѣ зваліся
А цяперъ познаіомся
Сватами назвіомся.

Казали намъ людзѣ
Хоць ѣдзѣцъ ня ѣдзѣцъ
Вашъ сватъ не багатъ
Ажъ у нашаго свата
Да зъ явару хата

Залатоу падстрешѣ
Стѣнчки зѣ папѣрачки
Лавачки съ китаички
Пѣчь яго кафельная
Чесць яго коханая.

Ялиничка зиму и лѣта зѣлюна
Наша Агатка нѣ што лѣтъ нѣсела
У саботу касу чесала
Слѣзски разливала
И владѣлю рана да шлюбу вѣхала.

У владѣлечку паранѣвечку
Агатка сѣньцы мяѣць
Вѣнничкамъ махнець
Жалосна плачець
У яѣ мамечка пытаѣць:
Чого мая дачушка любая,
Такъ жалосна плачець?
Чы ты жалуѣшь старосци масей?
Чы падворыйка майго?
Мая мамечка, мая родная!
У сего я жалею: жалею старосци тваей,
И падворка тваего, жалею касы русой,
Усяѣй дзявочей пакрысы.

XXIX.

Хто ў полі пацяхусѣвѣ гуляѣць
Тамъ Агатка своей матки шукаѣць
Хочѣ шукаѣць, не шукаѣць — нѣ знайдзѣйць
Ой далока вѣй маленька, далока,
У сырой зямли, у жоўтымъ пяску глыбока,
Да зрабили добрыя людзи вѣчны домъ,
Безъ дзяверей безъ аконечка безъ слонца
Нѣ прамоўлю дзѣцатка ни слоўца.

Чыѣ то слѣзски зѣ горѣ каццисѣ?
Агатчыныѣ слѣзски зѣ горѣ каццисѣ
Пяски разрывали,
Матечки доставали
Далока мамечка за трема замочкама:
Пѣрши замочекъ
Сасновы цѣрамочекъ;
Други замочекъ,
Жоўты пясочекъ;
Трѣци замочекъ

Дозки сасновыѣ

Сасновыѣ дозки

Да списнулі ножки ,

Да списнулі ножки, нѣльга мнѣ крануць ;

Сырая земля груацы валегла, нѣльга крануць ;

Жоўты пасочекъ засыпаў вочки, нѣльга преглянуць

Сырое каѣнѣ позабѣчу ляжуць, нѣльга пазырауць.

Агаціна мамка нѣрадъ Богомъ стаяць

Ручки на крыжъ дзяржыць ,

Да у Бога проситъ-ца :

Пусці мянѣ Боже

Да зъ неба да долу!

Дзѣцый пагледаць

Якъ яно прыбрано

На пасадзѣ пасадзона

Прыбярона якъ лябідка

Пасадзона якъ сѣротка ;

Прыбярона бѣлаго

Пасадзона якъ бѣлая.

Ішла пашла, дарожечка па нѣбу,

Тудышъ ішла маладзевька Агатка

Прышла яна да шклявага ваньца

Угледаѣла мамечку сѣдзючы

Стала яна у Господа Бога прасіць :

Пусціжъ , пусціжъ , мой Божечка мамечку

Бѣднаму дзѣцці да паблагословиць.

Богъ алказаў :

Штожъ бы то за свѣтъ настаў

Кабъ Богъ зъ нѣба людзей пуцаў.

Гдѣ слоньца усходзіць ,

Тамъ Агатка ходзіць ,

Сваю мамку просіць.

Мая мамка рудая!

Пѣрайдзі дарожку ,

Пѣрайдзі дарожку ,

Тройца за Миколай,

Щасцямъ и доляй.

Знаць Агатка павясѣла

Што нѣ татечка даць

Што нѣ татечка родны благаславіць.

Дворъ вялікі, зборы нѣ вялікі :

Бо нѣ-ўса родня

Пашлі Агатка зодъ салаўя.

На милого радного татечку
Салавѣйка пашлю на татечку
Сама пайду на украину
На свою любую раданну
Салавѣйка ладцы да на далатах
Татечна мой родны лагадаўсѣ
Ладцы не ладцы, мой салавѣйка!
Ужо мнѣ не устаець
Радъ бы я устаець, да сваёму ладанцу
Падарачекъ даць
Да сырыя земля
Грудцы налегла
Нѣльза мнѣ ўстаець.

Нѣту, нѣту Агати дома
Пашла до Пана Бога,
Станць галэину, станць другую
Пакуль алчынны марвоны дзѣры
Тамъ углѣдзены сваю мамечку
Якъ же абачыць,
Сильна заплачэць:
Боже, Боже прошу на вѣсѣць!
Чы самъ прыдзе
Чы мамку пусці
И самъ не прыду и мамки нѣ пущу;
Да шасцѣ и долю перашлю.

Устала Агата у нядзѣлю рана
Мадзласѣ Богу, Богу молитца
Татку кланіцца у ножкі нязмочка
Благославі мянѣ татечка
Да шлюбу зъ Богамъ, студиць!
Зъ Богомъ, зъ Богомъ дашытка
Зъ ўсімі святымі
Зъ дзѣўкамі маладымі
Табѣ дарожка благаслаўлёна
Церкаў адчинева
Табѣ дарожку Богъ благаславіў
А церкаў ксіондзѣ адчыніў.

У Васильки на дваре станць бяроза для плота.
Каля таѣй бярозы бярозничекъ,
А на таѣй бѣрозѣ листочекъ.
А на листочку расица,
Ажъ то нѣ бяроза — да Агата,
Изъ бярозничекъ — да дзѣвочки

Ажъ нѣ листочекъ — а дружечки
Ажъ нѣ расица — а сніюачки:
Агатка за столъ нязѣць
Шубачку ў рукахъ нязѣць
Дзѣвачки дружачки
На трыцца шубечки:
Бо на тутъ яна спраўляна
Шыли яѣ краўцы вѣнцы
Брали сукно у Кралеўны
У Кралеўны у горадзѣ
Прыслана маѣ маладзѣ.

Ишла Агатка зъ поля
Нясла краскі ў прыполѣ
Змыла вянокъ при столѣ:
Пакаціла па столѣ
Задала жаласці ўсѣй семьѣ
Нѣ тэгъ сямѣ якъ танцѣ и мамцѣ
Агатчына мамка у каньцы стала стаяць
На дзѣвачекъ глядзюць
Усѣ дзѣвачки, якъ дзѣвачки
Адно маіо дзѣцятка сніючкамі залывантца
Сніючкамі залывантца валаскамі уцярэнтца
Па чымъ же пазналі каліныму у луцѣ
Нязѣнька слязюць бѣзінка сьвѣць
Па чомъ же пазнаѣ Агатку и мамка?
Мижъ дзѣвекъ сядзюць,
Жаласна плачець
Да дубу вязюлька, да дубу.
Часъ табѣ, Агатка да шлюбѣ.
Што табѣ вязюлька, да таго
Юсць у мянѣ татка для таго,
Благаславиць найсцѣ — а пайду,
Пасцѣлюць ручничокъ — а стану
Паставимъ цераў
На крутымъ бѣрожку
На дробной жарствицы,
Кабъ добра хадзюць
Пана Бога хвалюць
Дайже Боже долю
Щастливую гадзюць
Нашаму челядзину.

Благаславиць людзѣ
Близкіе сусѣдзѣ
Гетаму дзѣцяцкі
Да шлюбѣ стаяцѣ.

XXX.

Закладийць сѣнца
Паѣдзѣмъ да вѣнца
Да нѣтъ ксаназа лона
Паѣхаў да Львова
Ключики купляць
Церкаўку адмыкаць
Двоѣ дзѣтекъ веньчаць.
Дзѣтки нѣ адналетки
Ня аднаго аўца
Пѣршаѣ радзонаѣ
Другое судзонае
Янечка радзона
Агатка судзона
Янечку аддадзёна

Бѣхала Агатка да вѣнца
Сыпала золота зъ рукаўца.
Хто эта золота пабярэць
Той мянѣ на янечъ павяззѣць
Набѣрэць золота мѣвнши братъ
Павяззѣць на янѣць большы сватъ.

Бѣхала Агатка да вѣнца
Заламала бярозку зъ вѣрха
Будзѣ мая бярозка безъ вѣрха
Чы будзѣшъ такая якъ была?
Ня будзѣць вѣтцѣйка шумѣць
Ня будзѣць лисцѣйка шумѣць
Будзѣ мая намечка, безъ мянѣ
Али ня будзѣшъ такава, якъ пры мянѣ
Ня будзѣць ножка разута
Ня будзѣць пасцѣлька паслана
Ня будзѣшъ мамкай названа.

За вратами трава журава, золотомъ насыпана,
Агатка ишла, золата нѣсла, золата разсыпала;
За сліззками за дробнымі, золата несабрала,
За жаласнай, за вялікай, мамачки непазнала.

Да вѣнца Агатка да вѣнца
Да не забывай гребенца
Да падай Янечка, гребенець
Якъ табѣ Агатка, нѣ маладзѣць
Што буду падаваць гребенець.

Богъ табѣ дай Янечка
Што твоя Агатка багата
Нѣ паѣдѣшь къ Вильну па-уборы
Прибарет-цѣ яна у кажоры
Да наѣѣнецъ шубу
Да шлюбѣ.
Бѣлы каўнеръ якъ эъ напѣры.
Чорныѣ сабоги ў крылѣ
Жоўтыѣ лисечки ў рукавы.

Дымъ, дымъ на долині,
Шумъ, шумъ на дубровѣ.
Агатка къ винцу ѣдѣць,
Свѣчкнай накурона,
Хустечкнай нахылона.
Агатачка на Бога нарекала
Сырую землю пракалнала:
Сырая земля сырыца
Узяла маю маленьку старую
Пакинула мянѣ малалую
Эъ кудравой галавою.

XXXI.

Мы были ў насцѣлѣ
Ставалі при сцялѣ
Малілісѣ Богу и Духу Святому
Нашѣ всіюндзѣ маладзелькы
Да вусокъ (усть) заляцѣнькы
Бародка шаўкова
Галоўка кудрава;
На іомъ чырвоныѣ кѣпцѣ,
Звязаі нашыѣ дѣтцы.
Дѣткы, не аднаѣткы
Нѣ аднаго айца маткы,
Перваѣ радзонаѣ
Другое судзонаѣ
Янечка радзона
Агатка судзона, Максимку отдалзона.

Эъ гары эъ гары адалі бѣгли конікы чатыры
Вязалі каретаю сінюю, звѣзгалі Агатку сільна.
Да не дарма яѣ звязалі звязалі за грошы
И харожѣ и пригожѣ и вялѣкѣ,
Чаму яѣ прывіозѣ чаравікѣ?
Якже я маю вазиць
Кали яна нѣ умѣѣ насыць

Хоць червоныѣ привязи
Буду насыць по грази.

Зашытай, мамка сатчку
Да выходзь на сустречку
Да выходзь мамечка прэпіў насъ
Да витай кубечкамъ ўснхъ насъ
Да пытайся у дачкы: чы тваа?
Нѣ тваа мамечка, нѣ твоя
Да таго пана караля,
Зъ кимъ я на шлюбъ стала.
За бѣлую ручку дэбржала
Залаты цѣрсьцѣнь мѣняла.

Пабару, па вѣресу раіовыѣ пшолки
А у Василька на куцѣ шлюбавыѣ госци,
Да пьюць яны зялоная вяно, міодомъ запиваюць.

Хвала жъ табѣ Божѣ
Што па вашымъ стала
Што мы равѣнька ўстали,
Ксендза ашукалі
Да на дарога адданы
За сваю панѣнку
Цѣлаю капѣйку.
А за таго маладага
Поў залатога.

XXXII

Шаўковая нитечка ксянѣ лѣгнѣць
Агатка зъ мамкай чоламъ бѣць.
Дабраночъ мамцѣ аддаць
Дабраночъ мамка, дабраночъ
Натой дабраночъ што на ночъ;
Але той дабраночъ што на вѣсь вѣць
Нѣ на адну мянѣ алѣ на ў вѣсь свѣць
Нѣ на адну ночку алѣ на ў вѣсь вѣць.

Жаль намъ Агатка, на цябѣ,
Што ты насъ гонішь адъ сябѣ
Чы мы табѣ косечки не плялі?
Чы мы табѣ вядэчка нѣ вылі?
Плялі табѣ косечку ў чатыры рады
Ня будзешъ пласці ні разу
Ня будзешъ у таткѣ ні года.

А мой татечка заручку бярэжъ
Чы за постаць вядзешъ?

Кали запостаць ? займай широка
Паганю даюка.

Цяперъ я сѣла мижъ тыпчаинику
Мижъ крапіўки, — жижка крапіўка
Пажыгаць будзець, сухы тыпчаиникъ сушиць будзець.
А мой татечка, аддавай и пытай
Кабъ нѣ прапою
Кабъ нѣ разбою
Кали прапою у корчмѣ прапиць
Кали разбою на дарогахъ забѣць

XXXIII.

На синимъ азоры сядзѣла лебѣдка
Крылкамі апускася пѣрѣйкамъ асыпяся
Прыляцѣў нѣ ней лебядзь : бѣлая мая лебѣдка
Узнійми своіо крыле, збярэ сваіо пѣрѣ
Палецямъ зѣ табоя, гдѣ галубы злеталіся
Насъ сѣ табой спадзѣваліся
Ціоплаіо глядзѣчка вьюць
Бѣлінкай лебѣдзкі ждучъ
Да за новай скам'ёй сядзѣла Агатка
Коскамі апусціўшыся
Слѣзкамі абліўшыся ;
Прыѣхаў Янечка :
Мілая мая Агатка
Збары сваѣ коски
Да утрый же дробныя слезки
Паѣдзямъ зѣ табоя да свайго дому
У насъ госпи зѣздзваліся
Насъ зѣ табой спадзѣваліся
Бѣлая ложе слали
Зіолки у галоўки клалі,
Насъ маладзѣнкіхъ ждалі.

Матка дачку прапила.
Машну гроши набила
Волосомъ зашила
Голосомъ завила.
Прапила матка дачку
На салодкимъ мядку;
Да упиўшыся скачець
А выпсаўшы-сѣ плачець.

XXXIV.

Бяры блазнякъ бяры
Да умѣй панаваца
Якъ родную маці
Якъ вишеньку у садаѣ
Якъ пшчолочку у мядзѣ
У насъ была работница
У насъ будзѣць свавольница;
У насъ была, ткала, прала
У насъ будзѣць паніхтайла.
Наша Агатка сыръ надаты
Вашъ Янечка надуты
У вашаго Янечки аўсяныя зубы, ячны нось
Бруха зъ вачоўкі лѣць пржывіозъ.
Наша Агатка зъвѣрѣя
Вашъ Янечка зъвѣрѣбя.

Фдзѣць сваты да дому
Мы замъ Агатки нѣ далзіомъ:
Во наша Агатка сястрыца
Зъ нами у ягядки хадзіла
Да ў адну лубачку збѣрала
Зъ адвой лустачки адала
Ужо позьвенька
Ужо не равенька
Сонечка на заходзѣ
Да ўжо Агатка маладзѣнька
У мамкі на выѣздѣ
Яѣ мамечка яѣ родненька
Сильнненька унймаѣць
Ня тэдъ дачушка мая любая
Ужо рожа зацвѣтаѣць
Зямлю укрываеѣць.
Мая мамечка, мая родная
Мнѣ уже рожы не даждаѣць
Зъ барвинечки зялоной
Вяночка нѣ зываѣць.
Гдзѣ буду виці
Да ўжо мнѣ не насыці.

Зъ нядзели на панядзѣленъ
Васильку бѣда стала
Прапала скрыня малявана
Дачушка кахана
Я тваю скрыпню маляванаю

За дзёнь прызбуду
Сваёй дашучки коханай
Па вёск нё забуду.

Да гулай, гулай шука, рыбечка ў синнім моры
Якже ты пойдзеш на луги, ракі, ня будзеш гуляць
Уловюць цябё маладыя рыбалоўны
Да знімучь зь цябё залатую лускавіцу
Пакроюць рыбачку на стальніцы

У святанцы.

Златуюць рыбачку маладыя кухары
Да зьядуць цябё пановы сенатаровы
Да гулай, гулай Агатка у раднаго таткі
Пойдзеш кь чужому
Да не родному
Ня будзеш жь гуляць
У свайго татечкі крутыя горы
Да гуляла на волю
А у чужого ўсю поля роўна
Да гуляць ня вольна
У свайго таткі што дзёнь
Галоўка ў вяночку
А што нядзёлю у таночку;
А у чужога татечкі
Буды дзёнь ў рабоцё
А святы ў балацё.

Чаму Агатка нё вачерала у свайго татечкі ?
Пойдзеш кь чужому
Да не радному
Ня будзеш вачераць
Цябё маладу
Пашлюць на ваду
Самі сядуць вачераць
Прынясі вады
На сябё бяды
Кождому ніць даць,
Якь старому
Такь малому
Янечку маладому
Нё сварысё маменька са мною
Сядзёмъ же мы паўлечераемъ зь табой.

Хоць ты мянё татка . .
Малую за мужь ададавай,
Толькі мянё ў сваю хатку
Чужаго не прымай

Приняўши зяця, толькі будзямъ сварыц-ца
Ня буду вѣдаць за каго ўступіц-ца
Уступіўши-ся за татечку буду бита
Уступіўшыся за милога, вонка быць.

Базиць мая галоўка адъ венка
Нѣ аддавай, мой татечка за удаўца
Алдай мянѣ, мой татечка и сямью
У сямьи іосць парабечекъ усаму
У чистопку таўчы, малоць — залюки
Дзяжу мясиць, хату тапиць — ятроўки
А у крынацу, на вадэцу — я маладая.

Да мой татечка, пакінаўся мною
Якъ нѣ люблю, якъ садовымъ яблочкомъ недаспѣлымъ,
Нѣ бяду́йже ты, сястрица мая
Якъ буду нѣ далека адъ цѣбя
Будзямъ ў чистымъ полю жыта жаць
И раннай и вачорнай зарю
Зойдуг-цѣ нашыѣ голаски зъ табою.

XXXV.

Хоць я ночки не спала
Я сваю сваітку ашукала :
Сабѣ нявѣки удаждала
Да къ сцюдзонай зимѣ, — плацѣ прапѣ
А къ красной вяснѣ, — кросны ткаць
А къ цихому лѣту, — жито жаць
А къ ціомнай ночы, — на таку малаціць.

Прыбѣрайцѣ-ся брахны
Пара намъ дамой вѣхаць
Даўгая дарожечка :
Чатыре мили борама вѣхаць
Патую морамъ плысци.
Хоць бы мы морамъ плыли
А бы мы дома были
Паўдзямъ дамоўки
Цѣразъ валатоўки
Наша дарожка доўга
Цѣразъ дарожку рѣчка
Цѣразъ рѣчку кладка
Будзѣ сварыц-ся матка
Што у насъ доўга вѣтъ
Паўдзямъ къ Вайцѣху
На даучую уцѣху.

Гдзѣ мы пили, вѣли
Добрыя мысли мѣли.

Ночь па ночи цюмненькая ночка,
Зажуриласѣ саколика цырэчка (цыранка)
Да за чымъ майго сакала даўго нѣтъ?
Нѣгдзѣ іонъ чэразъ сады палаяцѣў,
Нѣгдзѣ яго ўсѣ птушечки злюбили
Нѣгдзѣ яго на быливаяцѣ садзіли
Нѣгдзѣ яго ягодкамі кармілі
Нѣгдзѣ яго зъ лисципачкі палілі,
Нѣгдзѣ яго шарой язгольвой дарылі
Ночь па нocy цюмненькая ночка!
Зажурыла сѣ Янечкі мамечка:
Зачымъ же то майго сыначка доўга нѣтъ?
Да нѣгдзѣ іонъ цѣразъ мѣста вѣтаў,
Нѣгдзѣ яго мѣшанечка злюбіла
Нѣгдзѣ яго за столікамі садзілі,
Нѣгдзѣ яго пірошкамі кармілі
Нѣгдзѣ яго зѣлюнымъ віномъ палілі
Нѣгдзѣ яго красной, дзѣўкай дарылі.

Отъ табѣ мамка шипшкі у няты,
Што нѣма каму мясці хаткі.
Ой цяжка табѣ будзѣ безъ дачкі,
Парастуць, па за лаўкай казлячкі.
Людзямъ треба ў боръ хадзіць,
А табѣ будуць па залаўкай радзіць.

Да я гаварыла, сакалы лятуць!
Ажъ маѣ брахны на коні сядуюць;
Я тварыла што мѣсяцъ усходзіць
Ажъ мой татечка по двору ходзіць
Мянѣ маладую праводзіць.

XXXVI.

Таткава нюка да нѣ улекай-сѣ
Радзіла пры мнѣ, радзі і безъ мянѣ.
Добрая доля да ідзі за мной,
Зѣ пѣчы пламѣніомъ
Зѣ хаты комыномъ.

Звонка дзѣрэва каліна
Да борамъ ішла шумѣла
А полець ішла звінела
А кѣ дзверу ішла гаварыла

Атчини мамечка, новы дворъ
Вязіомъ нявѣху якъ яворъ;
Атчина мамечкаю аконца
Вязіомъ нявѣху якъ слонца;
Атчини мамечка вяршочекъ
Вязіомъ нявѣху зъ каршочекъ;
Атчини, мамечки, хижѣ
Вязіомъ нявѣху грызѣ.

Милые маѣ сватозѣ
Чы добра было ў дарозѣ?
Чы бѣлыѣ были тарелки?
Чы давали вамъ гарелки?
Да добра было ў дарозѣ,
Да бѣлыѣ были гарелки,
Да давали намъ тарелки.

Добрыѣ нашыѣ марозы,
Нѣ змаразили нашѣ рожы.
Пакраса наша Агатка!
Да пакарсילה два двары:
Адзинѣ дварокъ глѣзъ расла
А други глѣзъ пришла.

Гуляйцѣ прыданки у Агатки каханей.
Да вялела намъ маці
Харашенька гуляці
Слаўку учиницѣ
Да лаўку на ла мицѣ
Да у гародзѣ ячмень
Юнѣ золотомъ запнѣў
Лепша таго злота
Агатчина цвота;
Кали наша Агатка швачка была
Вышла кашулю зъ падала.

XXXVII.

Учора
Зъ вѣчора
Пѣрапіюлка зляцѣла,
Мы сядома свѣтомъ
Пѣрапіючыннымъ слѣдомъ;
Глѣзъ мы яѣ услѣдуемъ
Тамъ мы заначуемъ:
Тамъ же намъ добра бузѣць,
Копикамъ аброкъ бузѣць

Конниканъ булзѣць аброкъ, сянце,
А нашъ самымъ мядокъ винцо.

Да умная, разумная дзѣвчка
Паставила сторожечку на браду,
Сама сѣла падъ вишанькой ў саду.

Буду сязѣць
Буду глядѣць.

Падъ зару :

Адъ куль же ясѣнь мѣсачекъ узойдзѣць
Адкуль же маѣ сястрыцы узѣйдучъ.
Да узойдзѣ ясѣнь мѣсачъ зъ падъ зары,
Узѣдучъ маѣ сiстры зъ за гары,
Яны жъ миѣ на намотечку приваауць,
Яны жъ маю галовечку прыбяручъ
Яны жъ мянѣ зъ цямны вывадучъ.

Да у чыстымъ полю прыланыѣ блудзѣнны
Нѣгдзѣ яны дарожку згубили
Да спаткалі маленькую хлопчинку:
Таки сякі маленькі хлопчына
Укажи намъ дарожку ў сяло;
Куды наша сiстра аясiона
Тая уса дарожка жураўкой утрасiона;
Булзѣць наша галовечка аясiола.

Прылавыѣ на дворъ ѣдучъ,
Курки надъ клецъ бягучъ:
Нябойцѣ-сѣ курки! Нямнога жъ вамъ нада,
Семъ на вѣчеру
А осьмую на пачень
Дзѣсятая на сѣдланѣ
Дзѣсятая на адѣджанѣ.

Вышла дзѣвчка на парогъ
Да паслухала прыданакъ:
Чы нѣ аязюльки кукуюць?
Чы нѣ салавѣйкі шабѣчучъ?
Ажъ нѣ аязюлька кукуюць
Але маѣ рэдныѣ паюць
Миѣ маладой вѣсци аяюць.

Дали намъ ѣсць и пичъ,
Дайцѣ пагуляць,
Дайцѣ намъ волю,
Пусцицѣ у каюру
Хацабъ мы паглядзѣлі

Глазъ нашу сестру дѣли
Паглядѣць на калинку
Падняць парынку
Чы харашо развилася
Па кашули развилася.

XXXIX.

Пасяродъ хаты станць пѣць
Ня умѣла Агатка пѣць пѣрапѣць
Нѣчага на яѣ дзівоваць
Во не лаўна стала жэнаваць (быць жэною).
Учора была дзѣвою
А сёгодня жэною.
Якъ мы захацѣли
Такъ мы нарадзіли
Зъ жыта палавицу
Зъ дзѣўки маладзёцу.

Пашоў Янечка ў калиновы лугъ
Наламаў калины колкі знухъ
Отъ табѣ Агатка калина мая
Нѣхай гулець радзіна твая
Гуляйцѣ, прыданкі, гуляйцѣ
Жадкай трывоги нѣ майцѣ.

Прыѣхалі прыданкі зъ Глани
Папрасілі у Агаткі сьнядана
Пажджыцѣ маѣ сястрыцы пажджыцѣ
Пакуль я сваю свякроўку пазнаю.
Тагды я вамъ сьнядана згадаю
Атчыніцѣ дзѣўры!
Да нѣхай вѣцерь вѣдць:
Палѣ новыѣ лаўкі;
Гдзѣ сѣлі прыданкі
Зарыгнулісѣ лаўкі
А чы такъ зарыгнутса
Якъ прыданкі напютса!
Гдзѣ сѣлі запѣлі,
Гдзѣ сталі заігралі;
Хто зъ кимъ приткнетса
То я пива напѣўтса.
Дзёва наглядзіц-са.

XI.

Милыѣ закосьники!
Чаму жъ вы ня вясіолы?
Чы вашыѣ коньки нѣ узлоцѣ?
Чы ваша сѣстра не у цвоцѣ?
Гета жъ вашіе коньки у злоцѣ
Гета жъ ваша сѣстра у цвоцѣ.

На дваре снежокъ прыпаў,
Ой рана! рана!
У Агатки Янечка прасіу:
Агатечка падай боцьки;
Агатка не паслухала
Боцькаў нѣ падала
Вазьму жъ я пужку (бичъ)
Свястушку,
Да выганю бацьковыѣ гнѣвы
Да перавѣрну на свой
Абычай.

Закосьники паничы
Чаго ўздзіцѣ па начы?
Да мы ўздзімъ травой,
Да за русой касой
Да за родной сятрой.
Закосьничекъ верабѣй
Чаго рано прыляпѣу?
Чы ўсцѣ захацѣу?
Дайцѣ яму гречки снапокъ;
Няхай клюѣцѣ якъ птушогъ
Нѣхай скачѣцѣ якъ бѣлка.
Нѣхай пѣцѣ якъ дзѣўка.

XII.

Агатка сястрыца мая
Стань же ты у каньцы стала,
Хаця мы нагледзім-ся,
Пакуль мы разведзім-ся.
Агатка сястрыца мая
Ужо жъ мы дамоў вѣдзімъ
Мы цябѣ научымъ:
Уставай ранюсенька
Мый лаўки бялюсенька,
Мяці хату чысцюсенька,

Какъ табѣ не упикали,
Што мы у цябѣ гуляли.

Паѣдзѣцѣ састрыцы лажоўки
Пакаланицѣся мамцѣ у ножки,
Што яна мямѣ малѣнькую тавала
Трыдцать ночекъ цямнюсенькихъ не спала
Пакуль мямѣ маленькую выгадавала;
Сорокъ сѣтчекъ ляснюсенькихъ спалала,
Пакуль мямѣ маленькую урасцала
Урасцѣўшы у чужыхъ людзі пусцала.

У чужыхъ людзі, да чужому лэіццѣ
Сваѣчка, галубечка, спавагай
Кабъ не было нашэй састрыцы зѣўвагай.
Што намъ за зѣўвага?
Наша сѣстра гожа
Якъ чырвоная ружа.

XLII.

Нашъ Казимѣръ паничъ быў
Въ Магілеў вѣнокъ зѣў,
Вазіў да Вильна пазлэіцѣ
А у Сморгоняхъ прадаваў
Сваёй Маріанцѣ дараваў.

Наша Марынка здарова
Нѣ скаже табѣ ні слова;
Ні яго вѣтрыкѣ на зѣў
Ні яго дожджыкѣ не омочы
Вѣтрыкѣ навѣ-ѣ
Злелеў;
Дожджыкѣ пакропи,
Скраснѣў.

XLIII.

Черезъ сѣни спѣжечка
А въ каморѣ другая.
Тамъ Маріанка сѣдзѣла
Русую косу часала
Сильнѣ жалоснѣ плакала
Прывядзѣцѣ Казимірку
Выймѣ Маріанку
Якъ Казимѣрка прывѣлі
Такъ Маріанку уняли.

XLIV.

За сѣньми, сѣньми тры сады пѣцѣны
Въ аднымъ садочку зязюлька кукуць
Въ другимъ садочку салавѣй шабѣць
Въ трецимъ садочку Маріанка плаць.
Зязюля кукуць въ шеры боръ лѣтучы
Соловѣй шабѣць въ лугъ лѣтучы
А Маріанка плаць да шлюбу идучы.

Кляновы листочку, куды пѣбѣ вѣтрыкъ коці,
Чы въ лугъ чы въ даліну
Чы назадъ подъ клявину?
Я и самъ нѣ вѣдаю, куды мнѣ вѣтрыкъ коці,
Чы въ лугъ, чы въ даліну
Чы назадъ подъ клявину.
Маладая Маріанка, куды цябѣ выпраўляюць
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божаго дому?
Я и сама навѣдаю, куды мнѣ выпраўляюць,
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божаго дому.

Вѣчеръ, вѣчеръ, нѣ вѣчерысь
Бѣзъ, бѣзъ Казымиръ нѣ станавіся
Кабъ твая патрава парохомъ нѣ упала
Кабъ твая Марьянка другому нѣ стала.

XLVI.

Для маѣй патраўки, стаяць кухарки
Для маѣй Марьянки стаяць бальшанки.
Мая патраўка цыномъ накрыта
Мая Марьянка за мнѣ запыта,
И запыта и заручона
Хось заручона, но не вѣнчона.

Да дубу зязюлька, да дубу
Чаць табѣ Марьянка да шлюбу
Бѣсь табѣ зязюлька датаго,
Бѣсь у мнѣ татуля для таго
Юнъ мнѣ радечку парадзіў,
Юнъ мнѣ на пасадъ пасадзіў,
Перейдзѣ сцѣжечка я пайду
Выправіць да шлюбу и пабду.

XLVII.

Ой вѣту вѣту Гануса у дому
Пашла Гануса да, Пана Бога
Богу малитца, баляжомъ кланится
Станць гаданьку, станць другую
Пакуль аччивуюць райскіе дзвѣры
Увидѣла Гануса бацканы ногі
Якъ пазнала на ножкахъ упала
Прашу татуля на благоолавеньѣ.
Да дзѣцятка родная, я самъ нѣ магу
У недзѣлю рана Анежоу пашлю
Нѣхай насѣдзяць, нѣхай нагледзяць
Якъ прыбарона якъ пасадзона
Прыбарона якъ павятачка
Пасадзона якъ сѣротечка
Па выжэй сядзяць хустечку дзяржыць
Хустечка баленка адъ слѣзъ мапренька.

Спакорся Антоля спакорся
Кажлому у ножкі пакловся
Стараго, маладаго вѣмінай
У Бога доли дабывай.
У снѣхъ сватоу перешла
Свайей матухны нѣ нашла
Уся яѣ галоу ка укаѣць,
Нѣна яѣ матухны на сѣцѣ.

Дворная соботка настала
Маладая дзяўчінка дружинку збѣрала
Пасадзѣ баяры усѣ урадѣ,
То пойдзѣ дзяўчына на пасадѣ,
Ручкамі ножынкы абаймаць,
Дробнымі слозкамі сѣўжку аблезаць,
Яна увѣсь радочекъ перайшла
Сваега бацюшкі не нашла
Вярніся дзяўчына вярніся
Чужому бацюнку пакланісь
Іонъ табѣ радеўку парадзѣць
Іонъ цябѣ на пасадѣ пасадзѣць
Іонъ цябѣ одъ шлюбѣ ширеймѣ.

XLVIII.

Ой зѣ гары я даліны
Да бѣгли конікі чатыры.

Да вяслі карету синюю,
Нѣ даремъ за гроши
Што яѣ малады харошы.

Вдзѣзъ вдзѣзъ не баўся
Тамъ цябѣ у касцѣлѣ надзедаюць
И кабѣты засцілаюць
Богу будзѣшъ прысягаць
И сыгнеты мѣняць.

Вы слаўныя багатыя сусѣдзкі
Благослаўцѣ гетоѣ дзѣця што вѣдзѣ
Нѣхай яго Богъ богославіць
Нѣхай Богъ долю тму даць
И мы даѣмъ.

XLIX.

Да хвала жѣ табѣ Боже,
Што мы добра зрабілі
Съ пива галавіцу
Да зѣ дзѣўкі маладзцу.
Вдзѣцѣ, сваты вѣдзѣцѣ,
Нѣ бойцѣ сѣ ночы
Вамъ дарошка якъ доска
Мѣсцѣцѣ сѣвѣцѣцѣ якъ сѣвѣчка.

Да хвала табѣ Боже
Што мы ксенадза ашукалі
За тры грошы шлюбъ узалі
Кѣды млада не плаць
Узышло соленько абутрыло,
Да плакаці маладая ня думала
Ой дайцѣ рады и памоцы
Прывясіцѣ пыбулькі палѣ очы:

Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў што дзѣвѣцѣ дзѣвцѣроў якъ дубоў,
Якъ я прішла, аднаго шашла безъ зубоў
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў чатырехъ валоў якъ зуброў
Якъ я прішла, аднаго знашла безъ рагоў.
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў дзѣвѣцѣ свирноў и зѣ дабромъ,
Якъ я прішла аднаго знашла бязъ уалоў.

Всѣхъ сваты рену
У насъ морхы пѣту,
Быу парсюкъ ваукову;
Да паѣу усю мархову.

А. КИРКОРЪ,

Д. Чл. Общ.

